

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2017

№ 3

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.B25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»*

Учредитель – Томский государственный университет

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США

Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия

де Грааф Тьсерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания

Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь

Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@gmail.com

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

**EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Loránd University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Oxford, Great Britain*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

(ред. Е.С. Данилко)

Данилко Е.С. Визуальная антропология как особый способ коммуникации: введение к специальной теме номера	6
Александров Е.В. Центростремительный вектор в безграничьи визуальной антропологии	11
Артсен Б., Холтедаль Л. Визуализируя ситуативность. Роль зрителя / читателя в производстве знаний (<i>пер. с англ. Е.М. Карагеоргий</i>)	29
Грубер М. «Включенное» этнографическое кино: межкультурное сотрудничество в исследованиях и кинопроизводстве (<i>пер. с англ. Е.В. ван Гервен</i>)	49
Крофорд П. Пересматривая «скандинавский глаз». NAFA с 1975 по 2015 (<i>пер. с англ. Е.С. Данилко</i>)	81
Данилко Е.С. «Казымский переворот»: к истории первого визуально-антропологического проекта в России	93

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Водясов Е.В., Гусев А.В., Асочакова Е.М. Усть-Полуй: древнейшие свидетельства черной металлургии в Арктике	113
Ширин Ю.В. Комплектность Елыкаевской коллекции	133
Сюткина Т.А., Васильев С.В. К антропологии коренных обитателей Огненной Земли	153

MISCELLANEA

Долидович О.М., Старовойтова Е.Н. Эволюция общественных настроений в Енисейской губернии (1914–17 гг.)	175
Грамотчикова Н.Б., Эльстон-Бирон И.О. Метаморфозы семейной истории: от Сигитовых к Эльстон-Биронам	192
Бутовская М.Л., Бутовский Р.О. Масаи Танзании: проблемы устойчивого развития на охраняемой природной территории Нгоронгоро	221

РЕЦЕНЗИИ

Филиппов В.Р. В поисках английской идентичности	251
Скрыдлов А.Ю. Исследователь Сибири в контексте научной жизни XIX века (новая книга об А.Ф. Миддендорфе)	257
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	262
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	266

CONTENTS

VISUAL ANTHROPOLOGY: INVITATION TO DIALOGUE

(Edited by Elena S. Danilko)

Danilko E.S. Visual anthropology as a special mode of communication: introduction to the issue's special theme section	6
Aleksandrov E.V. A centripetal vector in the boundlessness of visual anthropology	11
Arntsen B., Høltedahl L. Visualising situatedness. The role of the audience / reader in knowledge production (<i>translated from English by E.M. Karageorgii</i>)	29
Gruber M. Participatory Ethnographic Filmmaking: transcultural collaboration in research and filmmaking (<i>translated from English by E.V. van Gerven</i>)	49
Crawford P.I. The 'Nordic eye' revisited. NAFA from 1975 to 2015 (<i>translated from English by E.S. Danilko</i>)	81
Danilko E.S. 'The Kazym revolt': on the history of the first visual anthropology project in Russia	93

LATEST RESEARCH IN ARCHAEOLOGY AND PHYSICAL ANTHROPOLOGY

Vodyasov E.V., Gusev A.V., Asochakova E.M. Ust-Polui: the earliest evidence of iron metallurgy in the Arctic region	113
Shirin Yu.V. The composition of the Elykayevo collection	133
Syutkina T.A., Vasilyev S.V. Toward the anthropology of aboriginal population of Tierra del Fuego	153

MISCELLANEA

Dolidovich O.M., Starovoytova E.N. The evolution of public sentiment in the Yenisei province (1914–1917)	175
Gramatchikova N.B., Elston-Biron I.O. Metamorphoses of family history: from the Sigitovs to the Elston-Biron	192
Butovskaya M.L., Butovskiy R.O. The Maasai of Tanzania: problems of sustainable development in the Ngorongoro conservation area	221

REVIEWS

Filippov V.R. In search for English identity	251
Skrydlov A.Yu. Researcher of Siberia in the context of the scientific life of the XIX century (a new book about Alexander Middendorf)	257

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	262
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	266
--------------------------------------	-----

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ (ред. Е.С. Данилко)

УДК 316.7

DOI: 10.17223/2312461X/17/1

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ: ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА

Елена Сергеевна Данилко

Аннотация. На примере публикуемых статей анализируются ключевые проблемы современной визуальной антропологии, сложности ее включения в российскую гуманитарную науку, дается срез наиболее популярных направлений деятельности в этой сфере.

Ключевые слова: визуальная антропология, межкультурная коммуникация, этнографическое кино

В англоязычной версии популярного электронного ресурса «Википедия» *Visual Anthropology* определяется как часть социальной антропологии, которая связана в некоторой степени с производством этнографических фильмов, а с середины 1990-х – еще и с изучением новых медиа. Далее говорится, что нередко визуальную антропологию ошибочно сопоставляют напрямую с этнографическим кино, тогда как поле ее **антропологических** (выделено неслучайно) исследований гораздо шире, оно включает все виды визуальных репрезентаций, такие как танец и другие типы перформанса, работу музеев и архивирование, все виды визуальных искусств, производство и восприятие медиапродукции. Информация на российском сайте в целом аналогична, однако в тексте обнаруживается целый раздел с «альтернативной точкой зрения», отказывающей визуальной антропологии во владении отдельной предметной областью, поскольку та выступает «совокупностью стратегий исследования визуальных систем». И если в первом случае необъятность предмета несколько сужается **антропологической** методологией, то во втором – предмет размывается практически до небытия, а исследовательская стратегия превращается в некую совокупность таковых. Это нехитрое сопоставление на самом деле обнаруживает важную характеристику современного состояния визуальной антропологии в России. Начав формироваться относительно недавно, гораздо позднее,

чем в зарубежной науке, она все еще находится в динамичном состоянии поиска – поиска ориентиров, поиска собственной ниши в научном гуманитарном просторе и, наконец, поиска предметной области и методологии.

Ситуация усложняется изначальной маргинальностью визуальной антропологии, точнее пограничностью, а еще лучше – междисциплинарностью. Это направление на стыке науки и искусства, синтез кино и текста, это теория и практика одновременно. Оказавшись к нему причастной, т.е. начав снимать фильмы и занявшись организацией фестивалей, я постоянно сталкиваюсь с тем, что оно воспринимается моими коллегами-антропологами неоднозначно. Нередко визуальную антропологию рассматривают как особый метод получения, фиксации, хранения и обработки полевой информации, т.е. некий прикладной инструмент антрополога, аналог говорящего и показывающего блокнота или более совершенного диктофона. Еще чаще ее рассматривают как способ популяризации научного знания, донесения его до широкой зрительской аудитории, т.е. упрощения и превращения в медийный товар. Между тем, как мы можем видеть даже на примере статей в «Википедии», не говоря уже о серьезных научных монографиях, визуальная антропология – явление гораздо более сложное. Так, известный антрополог Сара Пинк (Sara Pink) выделяет в ней несколько тесно связанных друг с другом составляющих – исследовательскую методологию, способ анализа визуальной культуры «путем репрезентации (аудио) визуального материала как элемента системы академической аргументации» и прикладную практику, способную воздействовать на социальную реальность (Пинк 2007: 68). При этом в качестве основной функции этой комплексной дисциплины современные исследователи определяют межкультурную коммуникацию, или нацеленность на «диалог культур».

В специальную тему номера, которую мы, посоветовавшись с коллегами, назвали «Визуальная антропология: приглашение к диалогу», вошли пять статей: две – российских авторов и три – зарубежных. Последние, написанные в разное время и опубликованные в разных авторитетных изданиях, были впервые переведены на русский язык¹. В процессе редактирования текстов обнаружилось, что их содержание связано не только тематически, все они посвящены визуальной антропологии, но и наличием некой единой линии анализа, одного ракурса и исторического контекста. Авторы как бы подхватывали нить рассуждений друг у друга, продолжая общий разговор и обращаясь к наиболее волнующим их вопросам: как соотносятся экранная правда и реальность, каким образом генерируется знание посредством видеокамеры, что определяет успешность межкультурного диалога и насколько важна этическая позиция антрополога.

Собирая эти статьи вместе, мне хотелось решить несколько задач, тесно взаимосвязанных и одна из другой вытекающих. Прежде всего, в очередной раз (потому что такие попытки уже предпринимались неоднократно) наметить хотя бы какие-то ориентиры в визуально-антропологическом предметно-методологическом безграничье. Этому посвящена статья Евгения Васильевича Александрова. Не отрицая очевидности и неизбежности «расширительного» подхода для развития теории визуальной антропологии, он определяет ее «центростремительный вектор», или ряд приоритетных исследовательских проблем, входящих в ее ближайший круг. В контексте истории становления дисциплины автор делает акцент на коммуникативной, или посреднической, функции визуальной антропологии.

Суть этой функции, как пишут норвежские авторы Лисбет Холтедаль (Lisbet Holtedahl) и Бьорн Арнстен (Bjorn Arntsen), заключается в стремлении «дать аудитории возможность вступить в контакт с реальными людьми из плоти и крови, с их приятными и не очень приятными чертами, их радостями, дилеммами и сомнениями, с их сложной индивидуальностью, свойственной всем людям». В своей статье, основанной на полевых исследованиях в Северном Камеруне, где в качестве инструмента использовалась камера, они обращаются к проблеме производства антропологического знания. И если вопросы взаимодействия между героями и авторами фильмов (видеоматериалов) в ходе этого процесса уже имеют солидную библиографию, то включение в диалог третьей стороны – воображаемого или действительного читателя / зрителя – довольно редко оказывается в поле зрения исследователей. Влияние представлений самих исследователей и их информантов о будущей аудитории на репрезентацию знаний анализируется Холтедаль и Арнстеном на материалах полевых видеосъемок.

О генерации новых форм знаний в процессе создания этнографических фильмов пишет и следующий автор специальной темы, антрополог из Германии Мартин Грубер (Martin Gruber). «Включённое» кинопроизводство (participatory filmmaking)², предполагающее, что информанты активно участвуют в моделировании как формы, так и содержания создаваемого совместно с антропологом фильма, рассматривается автором сквозь призму собственного опыта. В статье подробно описаны ситуации взаимодействия сельских жителей Намибии, Ботсваны и Анголы во время съемки трех фильмов, посвященных традиционному природопользованию.

Все эти статьи как нельзя лучше соответствуют решению центральной задачи настоящей подборки текстов: представить некий аутентичный срез современных исследований и направлений деятельности в рамках визуальной антропологии (от поля до организации фестивалей), включая их теоретическую основу. В связи с этим логичным было и

включение в эту подборку статьи Петера Крауфорда (Peter Ian Crawford), одного из известнейших современных визуальных антропологов, в которой он описывает и анализирует историю и современное состояние международного фестиваля NAFA (Скандинавская Ассоциация антропологического фильма). Как было сказано выше, российское научное сообщество склонно видеть в визуальной антропологии лишь способ популяризации науки, однако проведенный впервые в Стокгольме в 1979 г. фестиваль NAFA отнюдь не ставил перед собой исключительной цели привлечения (или даже просвещения) широкой публики. Напротив, в основе лежало стремление сформировать доступный для антропологов скандинавских стран видеоархив, а также установить – снова это ключевое слово – их **диалог** друг с другом. Опыт крупнейшего европейского фестиваля, я уверена, будет интересен российским организаторам подобных мероприятий.

И, наконец, еще один момент, представлявшийся мне важным при формировании специальной темы номера: намерение рассмотреть (пусть на одном примере) исторический путь российской визуальной антропологии в более широком зарубежном контексте. Для чего уже в своей собственной статье я обратилась к самому первому проекту по визуальной антропологии в России – семинару, организованному в августе 1991 г. в поселке Казым Ханты-Мансийского округа известным канадским антропологом Асеном Баликси (Asen Balikci) и его американским коллегой Марком Бэджером (Mark Badger) для представителей коренных северных народов. Этот «казымский переворот», включивший в российское научное пространство новое междисциплинарное направление, стал своеобразным воплощением большого «визуального поворота», который произошел в гуманитарных и социальных науках в конце XX столетия.

Примечания

¹ Попутно решалась еще и задача знакомства российской аудитории с зарубежными исследованиями, так как проблема языкового барьера, мешающего воспринимать англоязычную научную литературу, все еще остается актуальной для большинства нашего научного сообщества. Пользуясь случаем, мне бы хотелось выразить благодарность переводчикам Е.М. Карагеоргиев и Е.В. ван Гервен.

² «Participatory filmmaking» переводится здесь и далее как «включенное» кино по аналогии с общепринятым и уже устоявшимся в российской науке термином «включенное наблюдение» («Participant observation»). Роль антрополога или человека с камерой, точнее степень его включенности в жизнь изучаемого сообщества, определяла в визуальной антропологии (впрочем, как и в антропологии в целом) ее методологическое развитие от позитивизма к постмодернизму. Камере, подобной «мухе на стене» (термин Девида МакДугалла), фиксирующей, но не вмешивающейся в события, постепенно противопоставляется камера, четко обозначающая место человека, в руках которого она находится, человека, осознающего, какой эффект он производит своим присутствием и активно вовлекающего в процесс создания фильмов своих героев. То есть «observational

cinema» (наблюденческое кино) противопоставляется «participation cinema» (включенное кино). В настоящее время это разделение уже не является таким однозначным, антропологи все более склоняются к тому, что любое кино по сути включенное, так как сложно отрицать влияние камеры во всех возможных ситуациях съемки. Более подробно об этом можно посмотреть здесь: MacDougall D. 2003.

Литература

Визуальная антропология // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Визуальная_антропология (дата обращения: 20.08.2017).

Пинк С. Визуальная антропология в XXI веке // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 68–78.

Visual Anthropology // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Visual_anthropology (дата обращения: 20.08.2017).

MacDougall D. *Beyond Observational Cinema, Principles of Visual Anthropology* / Ed. by Paul Hocking. Third edition. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2017 г.

Danilko Elena S.

VISUAL ANTHROPOLOGY AS A SPECIAL MODE OF COMMUNICATION: INTRODUCTION TO THE ISSUE'S SPECIAL THEME SECTION

Abstract. The articles presented in this section analyse key problems of modern visual anthropology and hurdles on the road to its inclusion in the Russian humanities, and discuss the most relevant current areas of activity in the field.

Keywords: visual anthropology, intercultural communication, ethnographic film

DOI: 10.17223/2312461X/17/1

References

Vizual'naia antropologiya [Visual anthropology], *Wikipedia* (in Russian). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Визуальная_антропология (Accessed 20 August 2017).

Pink, Sara. Vizual'naia antropologiya v XXI veke [Visual anthropology in the XXI century], *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 68–78.

Visual Anthropology, *Wikipedia* (in English). Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Visual_anthropology (Accessed 20 August 2017).

MacDougall D. *Beyond Observational Cinema, Principles of Visual Anthropology*. Ed. by Paul Hocking, third edition, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2003.

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЕКТОР В БЕЗГРАНИЧЬИ ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Евгений Васильевич Александров

Аннотация. В результате быстрого развития и активного взаимодействия с соседними дисциплинами в визуальной антропологии продолжается дискуссия о предмете исследования, характеризующем ее специфику. Статья посвящена выявлению структуры и «иерархии» теоретических исследований этой научной дисциплины. В роли приоритетной цели рассматривается межкультурная коммуникация на принципах моральной ответственности, осуществляемая при изучении культурных сообществ с помощью аудиовизуальных средств.

Ключевые слова: визуальная антропология, структура, межкультурная коммуникация, аудиовизуальная информация, этика, эстетика

Введение

С момента первого использования термина «визуальная антропология» в названии книги (Collier 1967) прошло полвека. Если взять эту дату в качестве точки отсчета, то за такое относительно короткое время новое направление деятельности, родившееся как симбиоз антропологии и кинематографа, стало модным и безграничным настолько, что «начало терять собственный предмет научного исследования». По крайней мере, так заявлено во введении первого из серии российских сборников под названием «Визуальная антропология», подготовленных группой авторитетных редакторов (Е. Ярская-Смирнова, П. Романов, В. Круткин) (Визуальная антропология 2007: 8). Действительно, даже при беглом знакомстве с оглавлениями становится ясно, что подавляющее число статей, написанных с позиций многих дисциплин, отражает самые разные подходы к анализу наблюдаемых явлений, рассматривая преимущественно фотографии, плакаты, рекламу, облик улиц и прочие визуальные артефакты. Если же речь заходит о кинематографе, то в основном об игровом, если об исследованиях, то чаще всего о социологических (Визуальная антропология 2007, 2009а, б, в)¹.

Об очевидности и неизбежности такого «расширительного» подхода, предполагающего взаимодействие визуальной антропологии с соседними дисциплинами, имеющими более длительный период существования, говорили и участники дискуссии о сущности визуальной антропологии, организованной журналом «Антропологический форум» (Антропологический форум 2007: 6–108). Одним из основных доводов

в пользу такой позиции стало мнение о необходимости поиска новых областей применения методов и материалов визуальной антропологии (Пинк 2007: 70). К этому можно только добавить, что синтетическая природа и относительно недавнее оформление дисциплины изначально обусловили неизбежность заимствований в других областях и в то же время заинтересованность более старых направлений в использовании новых подходов. Очевидно также, что взаимодействие визуальной антропологии с устоявшимися науками способствует развитию и совершенствованию ее собственного научного аппарата.

При всей обоснованности и перспективности «расширительной (центробежной)» тенденции для развития теории визуальной антропологии угроза потери ее «собственного лица» в разреженном хаотичном пространстве взаимодействия множества научных подходов заставляет исследователей продолжать эту дискуссию (см.: Hockings et al. 2017). Попытка выявить некоторые ориентиры в этом безграничьи на фоне истории становления дисциплины, наметить приоритеты и относительную «иерархию» теоретических исследований, т.е. охарактеризовать «центростремительное» направление, определяющее принадлежность к визуальной антропологии, будет предпринята и в настоящей статье.

Эстетика, примиряющая с субъективностью отображения

Разнообразие тематик, методов и подходов теоретических работ, формирующих безграничное пространство современной визуальной антропологии, подкрепляется активностью формальных поисков, идущих в практической области, связанной с созданием экранных сообщений (фильмов).

Большинство фильмов, присылаемых сегодня на фестивали и демонстрируемых на конференциях, свидетельствуют о широком диапазоне представлений авторов о специфике и предназначении произведений визуальной антропологии. Хотя по-прежнему в фильмах этнографической тематики превалирует традиционная, преимущественно научно-популярная эстетика, появляется все больше работ артхаусного характера, идущих в широком диапазоне мейнстрима молодого кинематографа (от авангарда до мокьюментари), когда рассказ о культурах народов иногда начинает отходить на второй план, уступая желанию удивить и привлечь зрителя новыми приемами интерпретации реальности.

Впрочем, широкий диапазон современных стилистических поисков можно было предвидеть, учитывая опыт предвестников визуальной антропологии. Так, ставший позднее символом визуальной антропологии знаменитый фильм Роберта Флаэрти (Robert Flaherty) «Нанук с Севера» ученое сообщество вначале приняло сдержанно, отказывая автору в документальности из-за использования приемов постановочного кино.

Что не помешало ведущему режиссеру того времени Джону Грирсону (John Grierson) предложить термин «документальное кино» применительно именно к творчеству Флаэрти (Грирсон 1980: 41).

Судя по зрительскому успеху «Нанука», постановочная съемка не послужила препятствием убедительности происходящего на экране. Не избежал постановки уже в самых первых, ставших хрестоматийными, киноопусах 1895 г. и изобретатель кинематографа, приверженец хроникального подхода Луи Люмьер (Фелонов 1973: 15)². Во многом постановкой является и фильм-манифест «Человек с киноаппаратом» последовательного и ортодоксального сторонника документальности в кино Дзиги Вертова. Отсюда можно сделать вывод об отсутствии у первых кинематографистов (впрочем, как у большинства художников классического направления и первых посетителей кинотеатров) антагонизма в восприятии искусственного («художественного») и реалистического изображений. На такой же позиции стояли и теоретики авангарда, провозглашая искусство факта (Гвоздев 2011: 245).

В значительной степени упрек Флаэрти в неадекватности содержания фильма реальной жизни снимается фактом длительного проживания среди людей, которые доверили ему рассказ о себе, и поглощенностью задачей убедительно рассказать об этой жизни (Флаэрти 2007: 72–75). Отступление от канонов строгой документальности во многом определялось также ограниченными возможностями техники, но компенсировалось эстетической выразительностью съемок природы и точной выверенной структурой монтажного построения фильма, обеспечивающими ранее не испытанное кинозрителем ощущение включенности в чужой мир.

На начальном этапе освоения возможностей киноязыка одним из ведущих стимулов его развития было именно стремление получить новое средство отображения действительности, более достоверное по сравнению с другими информационными системами. Быстрый прогресс кинотехники с каждым годом облегчал задачу более прямого и точного отображения событий, поддерживая надежду на аутентичность съемки происходящему событию. А исследовательский фильм выдвигался в качестве последнего бастиона на пути преодоления дуальной природы кинематографа³.

Однако эстетика неизбежна не только в художественных произведениях, стремящихся «остранить» реальность, придать ей черты искусственности, но и при противоположной нацеленности на сохранение ее неискаженного вида. А представление о способности киносъемки запечатлеть реальное протекание события иллюзорно, оно разрушается уже на первом шаге, который делает оператор, выбирая момент и место включения аппарата, направляя объектив в ту или иную сторону, ограничивая пространство видения и длительность съемки (MacDougal

1975: 119). При этом каким бы образом ни проводилась съемка, даже механическая работа камер наблюдения становится осмысленной только после целенаправленной обработки исходных материалов. На всех дальнейших этапах их превращения в сообщение для публики степень интерпретированности и субъективности отображаемого явления неизбежно возрастает.

Тем не менее именно потребность в получении как можно более достоверной информации способствовала не только заинтересованному вниманию антропологов к возможностям кинематографа, но и послужила толчком для активного использования кино в полевых исследованиях. Спустя почти 40 лет после первых этнографических съемок и 15 лет после фильма Флаэрти, появление легких портативных кинокамер позволило Маргарет Мид (Margaret Mead) и Грегори Бейтсону (Gregory Bateson) снять во время экспедиции на остров Бали большой объем киноматериалов, из которых уже после войны были смонтированы семь фильмов. При этом сразу были осознаны неизбежность серьезного редактирования, интерпретации и комментирования киноизображения. Фильмы приходилось не только озвучивать дикторским текстом, но и сопровождать специальными брошюрами (Jacknis 1988: 168). Следует отметить, что проблема взаимной дополнительности кинематографической и вербальной информации остается острой и в настоящее время.

В годы становления визуальной антропологии в Старом и Новом свете идет активный поиск нового киноязыка, адекватного острым социально-культурным проблемам 1960-х гг. Пионеры так называемой «новой волны» вдохновляются работами и манифестами Дзиги Вертова, используя достижения кинотехнологии, открывшей возможности, о которых фанатик документальности мог только мечтать. В США работает Ричард Ликок (Richard Leacock) – бывший оператор Роберта Флаэрти и его почитатель, в то же время получивший прививку от постановочности во время съемки последнего фильма великого мастера «Луизианская история» (Ликок 2007). Наследуя Вертову, он ведет хроникальную съемку, создавая фильмы преимущественно социальной направленности под знаком «cinema-direct» («прямое кино»). В Европе Жан Руш (Jean Rouch) берет более субъективистский вариант вертовской символики – «cinema-verite» («кино-правда»), создавая серию фильмов, в формировании содержания которых предоставляет участвовать самим героям.

Американский антрополог Джон Маршалл (John Kennedy Marshall), посвятив себя сохранению культуры одного из оказавшихся в критическом положении африканских народов, уже с 1950-х гг. начинает многолетнюю съемку в пустыне Калахари. Из материалов первых съемок, целью которых было как можно точнее зафиксировать меняющийся на глазах образ жизни бушменов, был сделан фильм «Охотники» (1957 г.).

В его монтаже принял участие другой выдающийся визуальный антрополог Роберт Гарднер (Robert Gardner), позднее творчество которого имело выраженный символический характер, что получило яркое воплощение в фильме 1986 г. «Лес блаженства» (Данилко 2016: 198). Этот фильм, в свою очередь, стал поводом для принципиальной полемики с другим представителем американской школы Джэм Руби (Jay Ruby) – сторонником более реалистического подхода (Ruby 1991).

Таким образом, хотя Маргарет Мид, считающаяся основоположницей визуальной антропологии, сформулировала достаточно жесткие требования к киносъемке, на практике и она сама, и ее последователи должны были нарушать их, признавая необходимость использования субъективных эстетических и художественных приемов (Balicki 1989: 98–100).

Очищению от субъективности мешает априори присущая изобразительному знаку эстетичность, а устремлению в художественность препятствует опасение вымысла, свойственное исследованию. Можно говорить не только о неизбежности, но и о разной степени эстетичности и субъективности киноязыка, проявляющейся в диапазоне «искусность–искусственность». В визуальной антропологии амплитуда этих «качелей» различна на стадиях получения информации. На начальном этапе исследования – стремление к предельной аутентичности событию. На заключительной стадии создания фильма для неспециализированной аудитории – поиск компромисса со сложившимся стереотипом восприятия, который к тому же неодинаков у различных категорий зрителей и меняется со временем. Такое проявление разнонаправленных тенденций – одна из причин, определяющих активность творческого поиска новых форм в визуальной антропологии.

Межкультурная коммуникация – определяющая цель визуальной антропологии

Поиск подходов к разумному балансу между достоверностью и эффективностью экранной коммуникации представляется одной из специфических проблем визуальной антропологии. Начав с исследовательских задач и осознав выразительные возможности киноязыка, Маргарет Мид и ее соратники довольно быстро стали рассматривать в качестве основополагающей коммуникативную функцию визуальной антропологии. Одним из наиболее последовательных сторонников такого понимания главной цели нового направления является Джей Руби (Jay Ruby), который совместно с Солом Уортом (Sol Worth) развивал направление «Антропология визуальной коммуникации» (Anthropology of Visual Communication). В начале 1970-х гг. под этим названием были основаны научное общество и журнал, а также проведен первый фестиваль (Ruby 2004). Тогда же было сформулировано ставшее хрестома-

тийным определение визуальной антропологии, которое не ограничивало ее производством этнографических фильмов. Оно хотя иногда и противопоставляется «расширительному подходу», дает достаточно полное перечисление основных функций визуальной антропологии, одновременно делая акцент на коммуникации: «...изучение неречевых форм коммуникации, включая визуальные технологии для сбора и анализа данных... коммуникативная деятельность посредством фильмов и использование визуальных средств массовой информации для представления результатов исследований» (Ruby, Chalfen 1974: 5).

В более поздней статье итальянского теоретика и практика визуальной антропологии Паоло Кьоцци (Paolo Chiozzi) центральная задача сложившегося направления формулируется, также со ссылкой на Джея Руби, как «диалог культур», или межкультурная коммуникация (Кьоцци 2012: 5).

Присоединяясь к такому пониманию предназначения визуальной антропологии и стремясь определить ее место в окружении соседних дисциплин, в качестве отправной точки для дальнейшего рассмотрения мне бы хотелось предложить свою формулировку⁴. Итак, визуальная антропология – это комплексная (практическая и теоретическая) деятельность с целью исследования и репрезентации аудиовизуальными средствами характерных черт социокультурных сообществ на определенных этапах их существования⁵.

Рис. 1. Практическая деятельность визуальной антропологии

Две составные части комплексной деятельности (теоретическая и практическая) подразумевают, с одной стороны, возможность рассматривать визуальную антропологию как научную дисциплину с широким диапазоном интересов, а с другой – акцентировать внимание на тех сторонах деятельности, которые прямо связаны с проблематикой межкультурной коммуникации и сами представляют предмет теоретического исследования (см. рис. 1). Они включают в себя:

- производство визуально-антропологической информации;
- проекты изучения культурных сообществ средствами визуальной антропологии;

- обучение визуальных антропологов и организацию научных и популяризирующих новое направление мероприятий;
- сбор, архивирование и публикацию визуально-антропологической информации;
- информационную технологию для задач визуальной антропологии.

«Внешний» уровень исследований визуальной антропологии

В теоретических исследованиях визуальной антропологии, в свою очередь, можно выделить три части (рис. 2). Одна будет относиться к исследованию перечисленных практических областей. Другая – к исследованиям культуры, включая совместные с другими дисциплинами образовательные, музейные и прочие проекты с использованием средств и методов визуальной антропологии. Третья – к анализу широкого круга гуманитарных и естественно-научных исследований проблем мировосприятия и коммуникации.

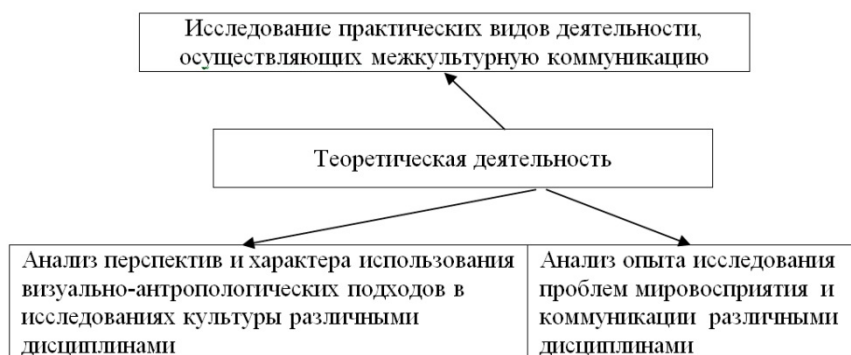

Рис. 2. Теоретические исследования в визуальной антропологии

Задача выявления центростремительного вектора в теории визуальной антропологии обязывает начать рассмотрение с удаленных от центра областей. «Расширительная» тенденция, которую можно рассматривать как проявление центробежного вектора, часто представлена теоретическими работами, выполняемыми в кооперации с соседними дисциплинами.

К этому «внешнему уровню» можно отнести большинство исследований культуры с позиций наук «ближнего круга», таких как социология, культурология, искусствоведение, психология, даже собственно социально-культурная антропология, если проблематика межкультурной коммуникации для них не будет приоритетной. В этих случаях интересы визуально-антропологической теории могут ограничиваться анализом этических и межкультурных коммуникативных аспектов и прогнозом их потенциальных возможностей в данных исследованиях. Именно такой двусторонний подход часто наблюдается в работах (в

том числе упомянутых во введении), рассматривающих визуальные объекты и аудиовизуальную информацию, включая кинематографическую, и поэтому относимых к визуальной антропологии, хотя и выполненных с позиций и в интересах других дисциплин.

В то же время очень важно подчеркнуть, что отнесение такого рода исследований к периферии интересов не подразумевает оценки их значимости, а связано только с попыткой обозначить центростремительный вектор исследований визуальной антропологии. Серьезное внимание к тематике «внешнего круга» обосновано как их популярностью и количеством, так и необходимостью развития и социализации визуальной антропологии как нового направления деятельности. Именно соседние дисциплины имеют давние устоявшиеся области применения в образовании, культуре, музейном деле. Для визуальной антропологии важны их опыт, а также более широкое внедрение собственных принципов, методов и материалов в сложившиеся сферы деятельности. Другое дело, что такое взаимодействие предполагает существенную перестройку устоявшейся практики и требует проведения дополнительных совместных методологических исследований.

К «внешнему кругу интересов» теории визуальной антропологии также относят исследования мировосприятия преимущественно философского характера, рассматривающие явления «за пределами самой визуальности» (Подорога 2000), «в зрительно-световой перспективе, как словесный образ, который можно не только “слышать” и понимать» (Батаева 2008), «в русле теологии, философии, поэтики, иконографии и иконологии» (Шукуров 2006). Исследования на удаленном уровне ведут представители не только гуманитарных, но и естественных наук. Достаточно сослаться на проблематику и мнения наиболее авторитетных исследователей последнего времени. Например, Леви-Стросс отмечает значимость исследований в области физической антропологии для изучения культуры (Леви-Стросс 2001: 367), Мерло-Понти рассматривает медицинские и психофизиологические аспекты при восприятии визуальных объектов и порождении зрительных образов (Мерло-Понти 1999), Умберто Эко посвящает свое исследование визуальному мышлению (Эко 2006) и т.д. Но при всей, казалось бы, удаленности от проблематики визуальной антропологии этот уровень требует самого серьезного внимания. Сформированные в ходе истории человечества закономерности познания во многом определяют также и особенности функционирования аудиовизуальной информации.

«Внутренняя» область исследований визуальной антропологии

Смена направления вектора анализа с центробежного на центростремительный предполагает переход к первому уровню «практической

деятельности», в котором проявляются закономерности, служащие предметом исследований собственно визуальной антропологии (рис. 3).

Рис. 3. Центростремительная направленность исследований визуальной антропологии

К наиболее близким к центральной части, обозначенной на схеме как **«производство визуально-антропологической информации»**, можно отнести виды деятельности, посвященные **проектам изучения культурных сообществ средствами визуальной антропологии**. Сюда относят как широко известные работы классиков визуальной антропологии (от Маргарет Мид и ее последователей и соратников Джона Маршалла, Роберта Гарднера, Джея Руби, Асена Баликси и многих других), так и основной массив современных исследований. Как правило, эти проекты осуществляются в течение нескольких лет, изначально предполагают органичное сочетание исследовательской и репрезентативной задач и ориентированы на межкультурную коммуникацию.

В этом номере журнала подобные работы представлены статьями Мартина Грубера (Martin Gruber), Лисбет Хольтедаль (Lisbet Holtedahl) и Бьорна Арнстена (Bjorn Arntsen).

Предметом исследования аудиовизуальной межкультурной коммуникации становятся закономерности, проявляющиеся в ходе подготовки к съемке, при отборе сюжетов и формировании авторской позиции, характеризующие поведение снимающих и снимаемых, стилистику съемки, подготовку снятых материалов к публикации, архивирование, предъявление разным категориям пользователей, использование в комплексных междисциплинарных проектах, учет реакции потенциальных категорий зрителей и меры по воздействию на нее.

Межкультурная коммуникация предполагает ответственность акторов (всех участников процесса коммуникации, включая представителей культуры, исследователей, авторов съемки и экранных сообщений, хранителей и публикаторов, комментаторов, преподавателей и популяризаторов) перед обеими культурами: репрезентируемыми и адресатами. Пока речь идет об исследованиях, соблюдение условий негласного морального договора в значительной степени гарантируется профессиональным кодексом антропологов. Если же в целях межкультурной коммуникации на исследовательских материалах создаются произведения для репрезентации культурного сообщества перед неспециализированной аудиторией, характер и степень ответственности авторов сообщений существенно меняются. Если в целях анализа целесообразно раздельно рассматривать исследовательские и репрезентационные виды деятельности, то следует иметь в виду, что на практике было бы ошибкой решать эти две задачи раздельно, освобождая исследователя от моральной ответственности, а публичную репрезентацию — от исследовательской достоверности. Именно антропологический подход, с одной стороны, ставит в центр всестороннее исследование человека как воплощение и производное конкретной культуры, а с другой — дает возможность создать на материалах исследования полноценный образ культуры.

В нравственный договор в качестве равноправных членов включаются не только весь исследовательский коллектив, личности культурных сообществ, запечатленные объективом камеры, но и зрители, и специалисты, работавшие над сообщениями, хранящие их и публикующие, комментирующие и использующие в различных социокультурных практиках. Изучению подлежат не только ситуации вхождения «человека с камерой» в «чужой» мир и реакции зрительской аудитории на воздействие экрана, а более сложный механизм взаимодействия участников процесса межкультурной коммуникации на всех этапах. В заключении обстоятельной статьи, в которой руководитель Центра визуальной культуры и магистерской программы по исследованиям кино и визуальной культуры в университете Антверпена Люк Пауэлс (Luc Pauwels)

рассматривает современные теоретические воззрения о природе этнографического кинематографа, он высказывает надежду, что дальнейшее развитие должно «привести к более нравственным и, вероятно, более ценным с научной точки зрения продуктам и методам» (Пауэлс 2009: 50). Именно акцент исследований на приоритет этики и является тем разграничительным признаком, который характеризует специфику визуальной антропологии и позволяет создавать сообщения, отличные от других документальных произведений.

Не столь многочисленные, но также остающиеся в центре внимания, исследования посвящены *подготовке визуальных антропологов*. Опыт давно существующих и периодически возникающих школ нуждается в теоретическом осмыслении как с позиций современной педагогики, так и с учетом специфики визуальной антропологии. Формирование профессионалов, деятельность которых предполагает органичное сочетание визуального и вербального мышления, представляется новой неординарной задачей (Chiozzi 1989).

Одним из важнейших направлений в решении этой задачи являются работы, посвященные истории становления дисциплины, как общего характера (Grimshaw 2000; Pink 2013), так и рассматривающие творчество отдельных режиссеров и антропологов (Henly 2010). В отечественной практике подобных проектов относительно мало. Одна из наиболее интересных попыток была сделана Иваном Головневым в ретроспективном исследовании по следам документалиста Александра Литвинова, снимавшего по мотивам книги В.К. Арсеньева удэгейцев в 1927 г. на Дальнем Востоке (Головнёв, Головнёва 2016: 57–82).

Организационные мероприятия, фестивали и конференции, а также выездные и летние школы, мастер-классы, семинары, на первый взгляд, не являются предметом теоретического рассмотрения. Но практика показывает, что этой тематике посвящено немало работ, в рамках которых поднимаются важные проблемы, зачастую рассматривающие аспекты теоретического характера. Кроме того, проблемы *популяризации нового направления* не только актуальны, но и постепенно культурологическая PR-деятельность превращается в весьма востребованную научную дисциплину (см. помещенную в этом номере журнала статью П. Крау-форда).

Информационная технология, играя очень важную роль в обеспечении жизнедеятельности визуальной антропологии, относительно редко становится объектом теоретического рассмотрения, хотя достижения этой бурно развивающейся отрасли имеют чрезвычайно большое значение для прогресса современной гуманитарной деятельности, связанной с использованием аудиовизуальной информации. Одной из причин недостаточного внимания общества к отечественным произведениям визуально-антропологической тематики, проигрывающим СМИ в эффективности презентирования, является хроническое отставание в ка-

честве используемой съемочной и демонстрационной техники. И экскурс в историю, и зависимость восприятия от технико-эстетического уровня демонстрации показывают, насколько существенное влияние оказывают информационные технологии.

Недостаток внимания к технологической тематике сказывается и на остро стоящей проблеме **архивирования**, от решения которой напрямую зависит важнейшая сторона деятельности визуальных антропологов – сохранение и актуализация результатов их деятельности. Традиционные трудности связаны со спецификой аудиовизуального архивирования: с обеспечением длительности хранения, разнообразием носителей, необходимостью распространения, авторским правом и т.д. В визуальной антропологии дополнительные сложности вызывают этические моменты, по-разному проявляющиеся в исследовательских материалах и в произведениях, репрезентирующих культуру неспециализированной аудитории. В частности, изучение возможностей интерактивной технологии обещает помочь в решении остро стоящей проблемы обеспечения ранжированного доступа к визуально-антропологическим материалам, содержащим разную степень этического дискомфорта для представителей отображаемых культур. Кроме того, существуют серьезные проблемы, связанные с составлением адекватных баз данных, единообразием и координацией персональных и корпоративных разноуровневых архивов, близких тематически и относящихся к разным областям знания.

Заключение

Обращение к истории формирования визуальной антропологии и рассмотрение дуалистической природы языка кинематографа, послужившего ее становлению, стали основанием для расстановки акцентов и выявления приоритетов в структуре теоретических исследований дисциплины.

Понимание возможностей аудиовизуальной информации позволило основоположникам визуальной антропологии охарактеризовать специфику предназначения деятельности в рамках новой дисциплины как межкультурную коммуникацию. Взяв за основу это положение, мне представляется возможным попытаться выстроить «иерархию» теоретических исследований в рамках визуальной антропологии как взаимодействие центробежных и центростремительных тенденций, решающих разнообразные, но взимоподдерживающие задачи. Внешний круг представлен исследованиями культурных сообществ и проблем коммуникации, осуществляемыми научными дисциплинами, имеющими давнюю историю развития и заинтересованными в новых методах и подходах. Внутренняя (центральная) область исследований относится к собствен-

ным интересам визуальной антропологии, где главная функция визуальной антропологии – межкультурная коммуникация – обеспечивается сочетаниями свойств, включающих:

- аудиовизуальные средства, позволяющие получать и сохранять ценную для науки более достоверную (по сравнению с другими средствами), в том числе временную (получаемую кинематографическими средствами) информацию о происходящих событиях;

- методологии на основе современных антропологических идей культурного релятивизма, обосновавших принципы и методы корректного вхождения в изучаемую культуру и соблюдение интересов исследуемого сообщества на всех этапах деятельности;

- возможность создания из материалов исследования достоверных и выразительных произведений, соблюдающих интересы конкретного культурного сообщества и эффективно репрезентирующих его остальному миру.

Важнейшим принципом, вытекающим в ходе получения аудиовизуальной информации на основе доверительных отношений с представителями сообществ и определяющим специфику поведения всех акторов (участников) деятельности на всех этапах, является этическая ответственность. Учитывая близость и различия художественных и визуально-антропологических методов, можно говорить о перспективах создания на принципах визуальной антропологии нового вида произведений, органично сочетающих этические и эстетические подходы при формировании полноценного образа, репрезентирующего культурное сообщество.

Примечания

¹ Исключением является только последний из четырех сборников, в котором помещены переводы статей компетентного исследователя научного кинематографа Люка Пауэлса (Luc Pauwels). Речь идет о следующих сборниках: Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007; Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: Вариант, 2009; Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, 2009; Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2009.

² Тьерри Фремо (Thierry Frémaux), режиссер созданного в 2016 г. и показанного на 39-м МКФ фильма «Люмьеры!», комментируя считающиеся образцом хроникальности люмьеровские зарисовки, достаточно убедительно проводит мысль о причине успеха у зрителей первых киносъемок именно благодаря мастерскому использованию арсенала эстетических приемов, позднее ставших достоянием игрового кинематографа.

³ Одна из наиболее представительных классификаций исследовательского этнографического кинематографа сделана Питером Крауфордом (Crawford 1992: 74).

⁴ Предлагаемая формулировка несколько видоизменена по сравнению с более ранней, 2003 г. (Александров 2003: 16).

⁵ Хотя при характеристике основополагающей задачи визуальной антропологии чаще употребляется понятие «диалог культур», в данном случае предлагается использовать

словосочетание «репрезентация культур», что не противоречит смыслу привычного термина, но акцентирует внимание на функции межкультурной коммуникации и роли акторов (не только автора, но и других участников растянутого во времени процесса общения), обращая внимание на то, каким образом «диалог культур» осуществляется.

Литература

- Аванесов С.С. Визуальная антропология: образ, субъект и коммуникация // Вестник ТГПУ. 2013. № 9 (137). С. 229–235.
- Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М.: Пенаты, 2003.
- Батаева Е.В. Об «умной иконографии» новозаветного мифа. СПб., 2008. URL: <http://esxatos.com/bataeva-ob-umnoy-ikonografii-mifa> (дата обращения: 15.08.2017).
- Бергер Дж. Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2012.
- Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 509–518.
- Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: Вариант, 2009.
- Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, 2009.
- Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2009.
- Гвоздев А. Искусство факта. Понятие «креатив-нон-фикшн» // Балтийский филологический курьер. 2011. Вып. 8. С. 241–248.
- Головнёв И., Головнёва Е. «Сибирь советская»: образ региона в культурфильме Александра Литвинова // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 57–82.
- Гриссон Д. Документальный метод // Роберт Флаэрти. Статьи. Свидетельства. Интервью. М.: Искусство, 1980. С. 37–42.
- Данилко Е.С. Визуальная антропология в России. Анализ истории и терминов // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 197–208.
- Кьоцци П. Больше, чем антропологический фильм? Визуальная антропология и развитие межкультурного диалога // Культурологический журнал. 2012. № 4 (10). С. 3–13.
- Круткин В., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Интеллектуальное поле визуальной антропологии // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 7–17.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Ликок Р. В поисках ощущения присутствия // Сеанс (блог). 16 февраля 2007. URL: <http://seance.ru/blog/v-poiskah-oschuscheniya-prisutstviya> (дата обращения: 11.08.2017).
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Пауэлс Л. Репрезентируя движущуюся культуру: проблемы и возможности антропологической и социологической киносъемки // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, 2009. С. 37–64.
- Пинк С. Визуальная антропология в XXI веке // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 68–78.
- Подорога В. Мастерская визуальной антропологии. 1993–1994. М., 2000. URL: <http://belyprize.ru/?pid=88> (дата обращения: 10.08.2017).
- Фелонв Л.Б. Монтаж в немом кино. Ч. I (Фильмы Люмьера и Мельеса). М.: ВГИК, 1973. С. 14–16.

- Флаэрти Р. Как я снимал фильм «Нанук с севера» // Сеанс. 2007. № 32. С. 72–75.
- Форум: Визуальная антропология // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 6–108.
- Фремо Т. Фильм «Люмеры!» URL: <http://filmix-online.net/publ/122-1-0-3814> (дата обращения: 01.08.2017).
- Шукуров Ш. Визуальная антропология: Пространственное видение и методы изображения человека // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2006. М.: Наука, 2007. URL: <http://www.intelros.ru/> (дата обращения: 19.08.2017).
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2006.
- Balikci A. Anthropology, Film and the Arctic Peoples // Anthropology Today. April 1989. Vol 5, № 2. P. 95–101.
- Bateson G. Naven, a Survey of Problems Suggested by a Composite Picture of Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View. Cambridge. 1936. (2nd ed., Stanford, Calif., 1958).
- Chiozzi P. (ed.) Teaching of Visual Anthropology. Firenze: Editrice Il Sedicensimo, 1989.
- Collier J. Jr. Visual Anthropology: Photography as a Research Method. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1967.
- Crawford P.I. Film as discourse: the invention of anthropological realities // Film as Ethnography / Peter Ian Crawford & David Turton (eds.). Manchester and New York: Manchester University Press, 1992.
- Grimshaw A. The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Anthropology. Cambridge University Press, 2000.
- Henley P. The Adventure of the Real: Jean Rouch and the Craft of Ethnographic Cinema. University of Chicago Press, 2010.
- Hockings P., MacDougall D., Jhala J., Storaas F., Marazzi A., El Guindi F. Discussion // Visual Anthropology. 2017. № 30 (1). P. 75–103.
- Jacknis I. Margaret Mead and Gregory Bateson in Bali: Their Use of Photography and Film // Cultural Anthropology. 1988. Vol. 3, № 2 (May, 1988). P. 160–177. URL: <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp>. (дата обращения: 19.08.2017).
- MacDougall D. Beyond Observational Cinema // Principles of Visual Anthropology / Ed. by Paul Hockings. Den Haag, Paris: Mouton, 1975. P. 109–124.
- Looking with Robert Gardner / Eds. by R. Meyers, W. Rothman, C. Warren. State University of New York Press, 2016.
- Ruby J. The Anthropology of Visual Communication at Temple University. 1967 to 2004. A Personal View. URL: <http://astro.temple.edu/~ruby/vatu/index.htm> (дата обращения: 10.08.2017).
- Ruby J., Chalfen R. The Teaching of Visual Anthropology at Temple // The Society for the Anthropology of Visual Communication Newsletter. 1974. Vol. 5, № 3. P. 5–7. URL: <http://astro.temple.edu/~ruby/ruby/rubychalfen.html> (дата обращения: 05.08.2017).
- Pink S. Doing Visual Ethnography: Images, Media, and Representation in Research. London: SAGE Publications Ltd., 2013.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2017 г.

Aleksandrov Evgeniy V.

A CENTRIPETAL VECTOR IN THE BOUNDLESSNESS OF VISUAL ANTHROPOLOGY

Abstract. As a result of rapid development and active interaction with kindred disciplines, visual anthropology is still in search of its own research themes. The article identifies the structure and ‘hierarchy’ of theoretical research within the discipline, the priority objective being intercultural communication performed on the principles of moral responsibility during the study of cultural communities through audiovisual means.

Keywords: visual anthropology, structure, intercultural communication, audiovisual information, ethics, esthetics

DOI: 10.17223/2312461X/17/2

References

- Avanesov S.S. Vizual'naia antropologiya: obraz, sub'ekt i kommunikatsiya [Visual anthropology: the image, the subject and communication], *Vestnik TGPU*, 2013, no. 9 (137), pp. 229–235.
- Aleksandrov E.V. *Opyt rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noi antropologii* [Considering theoretical and methodological issues in visual anthropology]. Moscow: Penaty, 2003.
- Bataeva E.V. *Ob "umnoi ikonografii" novozavetnogo mifa* [On 'smart iconography' of a New Testament myth]. St. Petersburg, 2008. Available at: <http://esxatos.com/bataeva-ob-umnoy-ikonografii-mifa> (Accessed 15 August 2017).
- Berger Dzh. *Iskusstvo videt'* [The art of seeing]. St. Petersburg: Klaudberri, 2012.
- Boas F. Granitsy sravnitel'nogo metoda v antropologii [The limitations of the comparative method of anthropology], *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1: Interpretatsii kul'tury* [Anthology of research in culture. Vol. 1: Interpretations of culture]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997, pp. 509–518.
- Vizual'naia antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost'* [Visual anthropology: new takes on social reality]. Ed. by E. Iarskaya-Smirnova, P. Romanov, V. Krutkin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007.
- Vizual'naia antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme* [Visual anthropology: regimes of visibility under socialism]. Ed. by E.R. Iarskaya-Smirnova, P.V. Romanov. Moscow: Variant, 2009.
- Vizual'naia antropologiya: nastroyka optiki* [Visual anthropology: adjusting the optics]. Ed. by E. Iarskaya-Smirnova, P. Romanov. Moscow: Variant, 2009.
- Vizual'naia antropologiya: gorodskie karty pamiati* [Visual anthropology: urban maps of memory]. Ed. by P.V. Romanov, E.R. Iarskaya-Smirnova. Moscow: Variant, 2009.
- Gvozdev A. *Iskusstvo fakta. Poniatie «kreativ-non-fikshn»* [The art of fact. The notion of 'creative non-fiction'], *Baltiiskii filologicheskii kur'er*, 2011, Vol. 8, pp. 241–248.
- Golovnev I., Golovneva E. «Sibir' sovetskaya»: obraz regiona v kul'turfil'me Aleksandra Litvinova [Siberia the Soviet: The region's image as portrayed in Alexander Litvinov's Kulturfilm], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 4, pp. 57–82.
- Grinson D. Dokumental'nyi metod [The documentary method], *Robert Flaherty. Stat'i. Svidetel'stva. Interv'y* [Robert Flaherty. Articles. Accounts. Interviews]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 37–42.
- Danilko E.S. *Vizual'naia antropologiya v Rossii. Analiz istorii i terminov* [Visual anthropology in Russia. Analysis of history and terminology], *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii. Otv. red. i sost. G.A. Komarova* [The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology. Edited and compiled by G.A. Komarova]. Moscow: IEA RAN, 2016. pp. 197–208.
- Chiozzi P. Bol'she, chem antropologicheskii fil'm? *Vizual'naia antropologiya i razvitiye mezhkul'turnogo dialoga* [More than an anthropological film? Visual anthropology and the development of intercultural dialogue], *Kul'turologicheskii zhurnal*, 2012, no. 4 (10), pp. 3–13.
- Krutkin V., Romanov P., Iarskaya-Smirnova E. *Intellektual'noye pole vizual'noi antropologii* [The intellectual field of visual anthropology], *Vizual'naia antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost'* [Visual anthropology: new takes on social reality]. Ed. by E. Iarskaya-Smirnova, P. Romanov, V. Krutkin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007, pp. 7–17.

- Lévi-Strauss C. *Strukturnaia antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow: EKSMO-Press, 2001.
- Likok R. V poiskakh oshchushcheniia prisutstviia [In search of a sense of presence], *Seans (blog)*, 16 fevralia 2007. Available at: <http://seance.ru/blog/v-poiskah-oschuscheniya-prisutstviia> (Accessed 11 August 2017).
- Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriiatiia* [The phenomenology of perception]. St. Petersburg: Iuventa, Nauka, 1999.
- Pauels L. Reprezentiruiia dvizhushchuiusia kul'turu: problemy i vozmozhnosti antropologicheskoi i sotsiologicheskoi kinos'emki [Representing moving culture: the problems and potential of sociological filming], *Vizual'naia antropologiya: nastroyka optiki* [Visual anthropology: adjusting the optics]. Ed. by E. Iarskaia-Smirnova, P. Romanov. Moscow: Variant, 2009, pp. 37–64.
- Pink S. Vizual'naia antropologiya v XXI veke [Visual anthropology in the XXI century], *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 68–78.
- Podoroga V. *Masterskaia vizual'noi antropologii. 1993–1994* [The workshop of visual anthropology. 1993–1994]. Moscow, 2000. Available at: <http://belyprize.ru/?pid=88> (Accessed 10 August 2017).
- Felonov L.B. *Montazh v nemom kino. Ch. I. (Fil'my Lium'era i Mel'esa)* [Editing a silent film (Lumière and Méliès's films)]. Moscow: VGIK, 1973, pp. 14–16.
- Flaerti R. Kak ia snimal fil'm «Nanuk s severa» [How I filmed 'Nanook of the North'], *Seans*, 2007, no. 32, pp. 72–75.
- Forum: Vizual'naia antropologiya [Forum: Visual anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 6–108.
- Fremo T. *Fil'm «Lium'ery!»* [The film 'Lumière!']. Available at: <http://filmix-online.net/publ/122-1-0-3814> (Accessed 01 August 2017).
- Shukurov Sh. Vizual'naia antropologiya: Prostranstvennoe videnie i metody izobrazheniia cheloveka [Visual anthropology: special vision and methods of human imaging], *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2006* [The works produced by the Department of Historical and Philological Research, Russian Academy of Sciences. 2006]. Moscow: Nauka, 2007. Available at: <http://www.intelros.ru/> (Accessed 19 August 2017).
- Eko U. *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The absent structure. Introduction to semiotics]. St. Petersburg: Symposium, 2006.
- Balikci A. Anthropology, Film and the Arctic Peoples, *Anthropology Today*, April 1989, Vol. 5, no. 2, pp. 95–101.
- Bateson G. *Naven, a Survey of Problems Suggested by a Composite Picture of Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View*. Cambridge. 1936. (2nd ed., Stanford, Calif., 1958).
- Chiozzi P. (ed.) *Teaching of Visual Anthropology*. Firenze: Editrice Il Sedicesimo, 1989.
- Collier J. Jr. *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1967.
- Crawford P.I. Film as discourse: the invention of anthropological realities, *Film as Ethnography*. Peter Ian Crawford & David Turton (eds.). Manchester and New York: Manchester University Press, 1992.
- Grimshaw A. *The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Anthropology*. Cambridge University Press, 2000.
- Henley P. *The Adventure of the Real: Jean Rouch and the Craft of Ethnographic Cinema*. University of Chicago Press, 2010.
- Hockings P., MacDougall D., Jhala J., Storaas F., Marazzi A. & El Guindi F. Discussion, *Visual Anthropology*, 2017, no. 30 (1), pp. 75–103.
- Jacknis I. Margaret Mead and Gregory Bateson in Bali: Their Use of Photography and Film, *Cultural Anthropology*, 1988, Vol. 3, no. 2 (May, 1988), pp. 160–177. Available at: <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp>. (Accessed 19 August 2017).

- MacDougall D. Beyond Observational Cinema, *Principles of Visual Anthropology*. Paul Hockings (ed.). Den Haag, Paris: Mouton. 1975, pp. 109–124.
- Meyers R.; Rothman W.; Warren C. (eds.) *Looking with Robert Gardner*. State University of New York Press, 2016.
- Ruby J. *The Anthropology of Visual Communication at Temple University. 1967 to 2004. A Personal View*. Available at: <http://astro.temple.edu/~ruby/vatu/index.htm> (Accessed 10 August 2017).
- Ruby J., Chalfen R. The Teaching of Visual Anthropology at Temple, *The Society for the Anthropology of Visual Communication Newsletter*, 1974, Vol. 5, no. 3, pp. 5–7. Available at: <http://astro.temple.edu/~ruby/ruby/rubychalfen.html> (Accessed 05 August 2017).
- Pink S. *Doing Visual Ethnography: Images, Media, and Representation in Research*. London: SAGE Publications Ltd., 2013.

ВИЗУАЛИЗИРУЯ СИТУАТИВНОСТЬ. РОЛЬ ЗРИТЕЛЯ / ЧИТАТЕЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЗНАНИЯ

Бьорн Арнстен, Лисбет Холтедаль

Аннотация. Статья основана на материалах полевых исследований в Северном Камеруне, в которых в качестве исследовательского инструмента использовалась камера. Авторы обращаются к проблеме производства антропологического знания. На конкретных примерах (материалы съемки) они доказывают необходимость изучения действий всех трех акторов, участвующих в антропологических репрезентациях: исследователя, информанта, реципиента (читатель, зритель). Особенное внимание уделяется влиянию на репрезентацию знаний представлений самих исследователей и их информантов о воображаемой, предполагаемой или действительной аудитории / читателе.

Ключевые слова: антропологическое описание, репрезентация, межкультурная коммуникация, этнографическое кино, реципиент

Третий человек

Методологические дискуссии в антропологии нередко разворачивались вокруг роли исследователя. Предпринимались попытки понять, каким образом антрополог может изучать поведенческие практики своих информантов и овладевать их системой интерпретаций. Также немало внимания уделялось проблеме адекватного описания того, что происходит в поле. На протяжении длительного времени некой данностью были вера в существование абсолютных истин и представление о том, что соответствующая научная подготовка позволит антропологу выявлять эти истины в поле социальных отношений, а также «адекватно» их репрезентировать. Однако постепенно и это стали подвергать сомнению, и многие антропологи сегодня задумываются о следствиях своей ситуативности в качестве исследователей. На наш взгляд, подходы при рассмотрении вопроса о ситуативности антропологического знания до сих пор были слишком ограниченными.

Многие исследователи (Riesman 1977; Jackson 1977, 1989; Stoller 1989) рефлексировали и писали о своем собственном положении, своих собственных переговорах, роли своего собственного поведения в производстве того, что мы называем антропологическими репрезентациями и знанием. Мы полагаем, что антропологу необходимо расширить границы своей перспективы и включить в нее роль реципиента. Под реципиентом мы подразумеваем человека, который осваивает знание,

произведенное антропологами совместно с информантами (третий человек). Им может быть читатель, зритель или слушатель. Вместо того, чтобы быть лишь воображаемым, реципиент может играть важную роль в производстве антропологически обоснованных описаний и знания. Описание всегда занимало центральное место в антропологическом исследовании, а описание подразумевает читателя. Это означает, что оно будет воспринято и им. Таким образом, задача создания антропологического знания предполагает распределение, распространение знания об обществе, предполагает «понимание». Несмотря на это, ситуативность реципиента не была удостоена столь значительного внимания в рамках дискуссий о ситуативности, как было в случае с другими участниками антропологического исследования – информантом и исследователем.

В этой статье мы беремся утверждать, что для развития исследовательских стратегий и методологий необходимо изучать действия всех трех акторов, находящихся в поле производства знания: «Исследователь, те, кто находятся в фокусе исследования, и «читатель» описания – все они присутствуют в наших описаниях» (Altern, Hultedahl 1995). Далее мы хотим проиллюстрировать и конкретизировать зачастую забытый, но тем не менее значимый вклад читателя, воображаемого или действительного, в антропологические тексты и знание.

В социокультурном исследовании встречаются разные переживания действительности, и такие встречи (encounters) не всегда отличны от прочего социального опыта. Здесь необходимо – посредством постоянных переговоров – попытаться создать общее поле коммуникации и общее определение действительности. В этом процессе восприятие тремя акторами друг друга необязательно меняется, но зачастую появляются новые взгляды, расширяются горизонты, меняются отношения и позиции. Эти переговоры, являющиеся объектом тщательного анализа, дают нам ценный источник понимания того, как создается и распространяется антропологическое знание, а также открывают важные аспекты ситуативности описаний.

Примеры, приведенные в этой статье, взяты из нашего антропологического исследования в Северном Камеруне, в котором в качестве исследовательского инструмента использовалась камера. Мы снимали то, чем занимались наши информанты, их взаимоотношения, а также наши собственные переговоры и отношения с ними. Тем самым мы надеемся продемонстрировать, насколько велико влияние нашего представления и представления наших информантов о воображаемой, предполагаемой или действительной аудитории / читателе на ход этих переговоров и, таким образом, на само знание.

На конференции «Challenging Situatedness – Gender, Culture and the Production of Knowledge» («Бросая вызов ситуативности – пол, культу-

ра и производство знания»)), где мы представили данную статью, показ отрывков отснятого материала составил центральную часть нашей презентации. То, что можно понять при их непосредственном просмотре, невозможно заменить текстовыми описаниями и ссылками. Просмотр дал аудитории возможность буквально увидеть и услышать присутствие других партнеров по исследовательскому процессу.

Переговоры внутри и вне поля

Наше внимание к реципиенту связано, главным образом, с интересом к теме влияния научно-исследовательского знания на общество, которой мы занимались на протяжении многих лет. Наша работа над фильмом и попытки создавать и распространять знание, используя фильм в качестве инструмента, оказались очень продуктивными для ее изучения. Анализируя ситуативность знания и сосредотачивая внимание на человеке, который должен «получить» это «знание», необходимо понимать, какие позиции этот получатель может занимать. Когда антропологи находятся в поле, взаимодействуя с местными «информантами», т.е. своими партнерами по исследованию, у них есть представления о том, какова их целевая аудитория. Они видят себя в качестве тех, кто обрабатывает материал для дальнейшего его распространения, а целевые группы, которым этот материал предназначается, имеют свои качества и интересы. Мы считаем, что предположения антропологов относительно ожиданий их будущей аудитории связаны с тем, как они осуществляют наблюдение и ведут себя в поле. Их партнеры по исследованию в свою очередь также имеют в виду собственные целевые группы: прежде всего они – аудитория друг для друга в поле общественных отношений. К тому же они осознают наличие других аудиторий и целевых групп, с которыми более или менее знакомы, к примеру, будущих читателей антропологических книг или зрителей антропологических фильмов.

Если встать на позиции Гоффмана (Goffman 1969), можно сказать, что исследователь и его / ее партнеры по исследованию пытаются фреймировать свое собственное участие в социальных процессах способами, соответствующими ожиданиям этих других воображаемых акторов, которые, так сказать, тоже присутствуют на сцене.

Процесс съемки: «Рыба приходит с дождем»

Для иллюстрации роли аудитории в конструировании общественно-научного знания обратимся к опыту создания фильма Бьорна Арнстена «The Fish Come with the Rain» («Рыба приходит с дождем»). В центре нашего внимания – отношения между разными актерами, участвующи-

ми в процессе съемки – теми, кто находится в объективе и за объективом камеры и реципиентами. Во-первых, кратко обозначим контекст и общий масштаб работы.

Одно из наиболее крупных рыбных хозяйств на африканском континенте расположено на озере Чад в Центральной Африке. С начала 1960-х гг. люди из разных стран Центральной и Западной Африки стали приезжать сюда для работы на стремительно развивающемся рыбном промысле, что привело к образованию многоэтнических и многонациональных общин. Сегодня рыба с озера Чад продается на рынках многих стран региона; для ее добычи используются высокоэффективные технологии большой мощности. Наряду с периодической затяжной засухой это стало фактором сокращения рыбных ресурсов.

В 1999 г. Бьорн приступил к полевой работе на местных рыбных хозяйствах, поселившись в Джиламе (Djilam) – рыбном квартале небольшого города Блангуа вблизи озера Чад. Фильм был снят в середине его девятимесячного пребывания в регионе. Сосредоточившись на работе рыбаков, Бьорн задался целью показать, как они, имея разное этническое и национальное происхождение, сосуществуют и как они справляются с постоянно меняющейся природной средой.

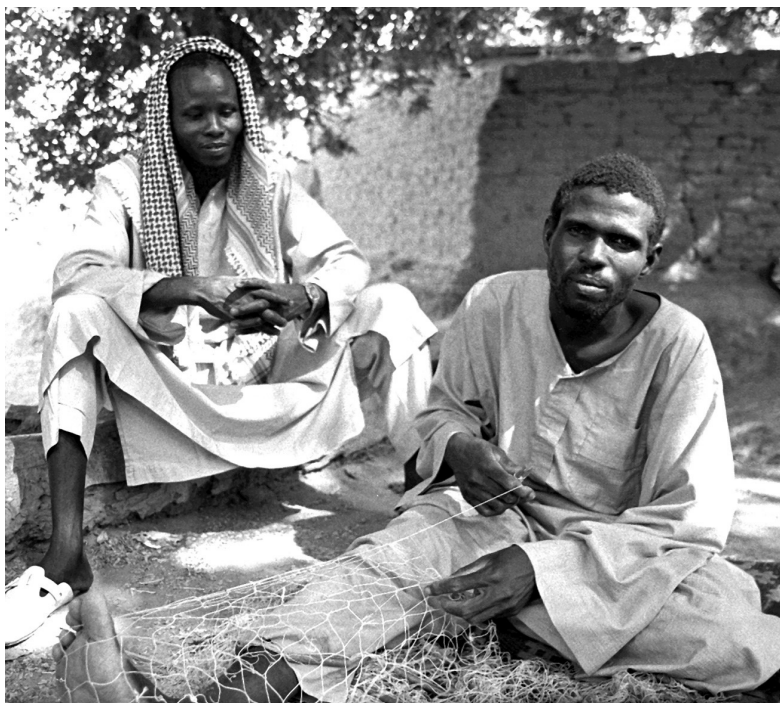

Фото 1. Два рыбака, камерунец Котоко Абалхадж и сенегалец Фулбе Ибрагим Сеиду, чинят свои сети рядом с местной мечетью

Видеосъемка дала Бьорну понимание того, каким образом изучаемые им люди были вовлечены в процесс, в то время как он выступал здесь в качестве исследователя. Они изучали его и его перспективу, пытались понять, как он собирается действовать. Выводы, которые они делали, определяли то, как они выстраивали свои отношения с ним. Для осмысления этого полевого опыта оказались полезными философская герменевтика Гадамера (Gadamer 1989) и его концепция «слияния горизонтов». Первоначально Гадамер развивал свою методологию как средство постижения смысла текстов, но она оказалась уместной и для изучения отношений между людьми. Герменевтика стремится преодолеть разрыв между знакомым миром, в котором мы пребываем, и незнакомыми смыслами, которые сопротивляются ассимиляции в горизонтах нашего мира. В момент встречи людей, готовых принять инаковость горизонтов друг друга и открытых по отношению друг к другу, им дается возможность выйти за пределы своих исходных горизонтов. Это подразумевает, во-первых, что позиция исследователя не является привилегированной по отношению к тем людям, с которыми он сотрудничает в поле. Мы лишь более системно проводим наши изыскания. Второе следствие состоит в том, что приближение к горизонтам другого – это вопрос чувствительности, мотивации и воображения участников. Благодаря этому, нечто иное, нечто, чего прежде не существовало, может возникнуть. Несмотря на труднодостижимость, гадамеровское «слияние горизонтов» представляет интерес как перспектива, к которой важно стремиться. Оно может породить сознание того, как знание создается в переговорах, и освободить нас от идеи о том, что описания антропологов как зеркало отражают «точку зрения местных». Результат таких встреч в поле – расширение горизонтов, вовлекающее (всех) разных акторов соответственно.

В начале Бьорн снимал работу четырех рыбаков, работавших совместно: сенегальца, малийца и двух камерунцев. Это вызвало разговоры в квартале о последствиях съемок. Бьорн последовательно развивал те идеи, которые считал актуальными для фильма; местные же со своей стороны пытались понять его замысел. Для того чтобы убедиться, что у него есть материал для создания внятного нарратива, в последний день съемок он пригласил этих рыбаков прийти и обозначить свое видение того, что составляет центральные характеристики рыболовного промысла. Их рассказ показался Бьорну интересным. Эта тема волновала их самих и других рыбаков квартала, и они постоянно обсуждали ее. И все же то, что они рассказали, было обусловлено присутствием Бьорна и тем, как они его воспринимали. Кажется, таково общение всех людей: когда мы представляем свои доводы, мы хотим, чтобы они нашли ответный отклик у наших собеседников.

В Блангуа при осуществлении рыболовного промысла имеют значение религиозные верования. Однако рыбаки хотели донести до Бьорна

свою позицию, поэтому они не упоминали о своих предположениях, что нехватка рыбы явилась наказанием Аллаха за их греховную жизнь, а подчеркивали вместо этого значение новых, эффективных рыболовных снастей. Вероятно, то, что они знали о Бьорне, подсказывало им, что он с трудом бы принял «теорию наказания» в качестве объяснения. Несмотря на то, что Бьорн все больше принимал в расчет религиозные аспекты, а рыбаки осознавали то влияние, что Бьорн оказывал на них и, вероятно, уже меньше были ему подвержены, мы видим, что слияния горизонтов здесь не произошло. Тем не менее и рыбаки, и Бьорн вышли за пределы своих исходных горизонтов в ходе переговоров. И этот выход как раз и имеет значение.

Концепция расширяющихся горизонтов также уместна для понимания того, что происходит, когда фильм / текст встречаются с аудиторией / читателем, но прежде рассмотрим, каким образом представления об аудитории / читателе влияют на взаимодействия в поле.

Зачем строить Замки в Африке?

В рамках исследовательского проекта Лисбет под названием “A castle in Africa” («Замок в Африке»), посвященного промышленнику-мусульманину Аль Хаджи Мустафе (Al Hajji Mustapha), съемки продолжались в Северном Камеруне в течение семи лет. Отснятый материал ляжет в основу документального фильма о его повседневной жизни на протяжении всего этого времени. Фильм будет использован для обмена мнениями и аналитическими заключениями между Лисбет, главным героем и его ближайшими партнерами с целью создания книги, предназначенной для более широкой читательской аудитории.

Для того чтобы проиллюстрировать роль читателя / аудитории, опишем небольшую выдержку из материала проекта. В ней Аль Хаджи Мустафа из Нгаундере находится на мебельной фабрике за пределами Милана вместе со своим архитектором Петером – сербом по национальности, проживающим в Париже. Петеру поручено заниматься не только строительством замка промышленника, которое продолжается уже семь лет, но и интерьером: оформлением, меблированием и др. Предпочтения Аль Хаджи, что удовлетворяет его вкусу, а что нет, является предметом постоянных переговоров между ним и Петером, в ходе которых то и дело вспыхивают открытые конфликты.

В этой части материала Аль Хаджи Мустафа упоминает стычку со своим архитектором накануне визита в Fiera del Milano; так, он говорит Петеру: «Помнишь эти диваны, что тебе не понравились? Как ты их назвал? Простоватые? Так вот, они мне очень нравятся!» При этом Аль Хаджи указывает на белые диваны, которые Петеру кажутся «скучными», но которые сам он хочет непременно приобрести. Аль Хаджи го-

ворит: «Видишь ли, людям в Нгаундере (родной город Аль Хаджи) нравится мебель, которую ты называешь «простоватой»; она массивная, с позолотой, позолоченной кожаной обивкой и декором в стиле Людовика XV или Людовика XVI. Этот стиль кружит им голову!». Аль Хаджи демонстрирует на своей собственной голове энтузиазм своих земляков. «Когда люди входят в мой дом, они хотят видеть именно такую мебель! Золото и тому подобное. Вот, что люди понимают и ценят». Указывая на белые диваны в минималистическом стиле, Аль Хаджи говорит: «Этот тип мебели, что так тебе нравится – мои люди подумают, что я купил ее на местном рынке! Думаю, мы разместим эти белые диваны, которые ты так любишь, на втором этаже!».

Фото 2. Аль Хаджи Мустафа и его сторонники
прибывают на выставку мебели в Милане

В следующем отрывке Аль Хаджи пытается донести до своего архитектора и наблюдателя / зрителя, почему он не может «следовать» распоряжениям архитектора. Последний говорит Аль Хаджи: «Ты должен развиваться, чтобы стать цивилизованным!» При этом Петер смотрит прямо в объектив камеры; его лицо выражает глубокое разочарование в этом человеке, у которого, по его мнению, отсутствует вкус. Затем Аль Хаджи произносит слова, адресованные тому миру, что он себе вооб-

ражает по другую сторону камеры, с просьбой к Петеру надеть гандуру (большую мужскую рубашу, которую носят фулани), чтобы земляки Аль Хаджи увидели в архитекторе «цивилизованного» человека – цивилизованного с точки зрения общества фулани.

Фото 3. Кадр из фильма. Текст титров: «На верхнем этаже ты можешь делать все, что тебе вздумается, но на входе...»

Фото 4. Кадр из фильма. Текст титров: «...времен Людовика XVI и XV, что кружит нам голову»

На лице Петера, обращенном к камере – выражение отвращения; он говорит, что, раз, Аль Хаджи передвигается на Мерседесе, а не на лошади, значит, он выразил стремление вестернизироваться, т.е. стать цивилизованным.

Оба героя / партнера по исследованию, как кажется, в полной мере осознают присутствие не только Лисбет, но и камеры. Поведение и переговоры Аль Хаджи и Петера не слишком отличаются от того, как они себя ведут в повседневной жизни, когда камеры поблизости нет. Тем не менее на видео оба, как представляется, понимают, что целый мир «где-то там» получает доступ к их конфликту. Они постоянно обсуждают вопросы ценностей и отношения власти. Но здесь их поведение, выражение лиц и т.д. обнаруживают разное понимание собственной борьбы, своих, разных взаимосвязей с будущей аудиторией; таким образом, мы получаем представление о значимых различиях в их восприятии самих себя. Камера также «подталкивает» эти различия. Мы видим, что для них обоих она становится инструментом в борьбе за влияние. Аль Хаджи желает продемонстрировать уважение к местному населению Нгаундере (как одной из нескольких своих будущих аудиторий) и объясняет не только Петеру, но и воображаемой белой аудитории, почему это необходимо. Это выражается в языке его тела и в его взгляде, устремленном прямо на Лисбет и в объектив ее камеры.

Петер, однако, не ставит под сомнение собственное положение и превосходство и систематически пытается захватить внимание будущей аудитории, посылая взгляды в сторону Лисбет и камеры, выражающие его мнение о том, насколько смешон, примитивен и нецивилизован Аль Хаджи. Он думает, что воображаемый зритель разделяет эту точку зрения. Петер не видит здесь проблемы легитимации; еще меньше он признает возможность культурных различий. Аль Хаджи со своей стороны, как и в случае с партнерами Бьорна по исследованию, не доверяет Лисбет права быть посредником между ним и зрителем, полагая, что отношение к нему может быть предвзятым. Он стремится избежать подобной стигмы и преодолеть культурные различия, которые видит между Нгаундере и «миром».

Аль Хаджи и представления рыбаков о реципиенте

Из рассмотренных выше видеоматериалов с мебельной фабрики становится очевидной ошибочность предположения о том, что те, кому предстоит предстать перед аудиторией, не обращаются к ней напрямую, поскольку якобы не осознают последствий того, что происходит во время съемки. Такое предположение вскоре и вовсе будет неуместно в свете глобализации средств массовой информации. Богатые промышленники и известные архитекторы – не единственные, кто предполагает

наличие потенциальной аудитории вне социального контекста здесь и сейчас, в котором их снимают на камеру. Как можно увидеть из материала, отснятого на озере Чад, реципиент, точнее, представления о нем, также являются частью того, что происходит во время съемок.

Рыбаки в фильме рассуждают о том, что их увидят люди на разных континентах. Однажды, когда они передвигали ловушки для рыбы, между Абалхаджем и Ибрагимом развернулась дискуссия о возможных последствиях того, что Бьорн их снимал. Абалхадж сказал: «Ибрагим, ты станешь знаменитым на земле белых людей!», на что Ибрагим ответил: «Если только это, то нет проблем». Как видно, показ фильма западной аудитории сам по себе не представляется Ибрагиму проблематичным.

Фото 5. Кадр из фильма. Текст титров: «Если только это, то нет проблем»

Он думает, что проблема может возникнуть, если фильм покажут в его регионе, в Блангуа, где его все знают.

Дискуссия продолжается. Абалхадж немного размышляет над возможностью стать известным среди белых людей и говорит: «На Западе скажут, что это – голова черного человека». Ибрагим отвечает: «Да, это может быть проблемой!» Мы видим, что после некоторого спора со своим товарищем Абалхаджем Ибрагим признает, что проблемы могут возникнуть также от того, что белые люди посмотрят на него с неким

предубеждением, поскольку они не воспринимают чернокожих как своих собратьев.

Фото 6. Кадр из фильма. Текст титров:
«Они скажут, что это – голова черного человека»

Очевидно, что рыбаки предполагают наличие некой аудитории. Мы не утверждаем при этом, что рыбаки постоянно действуют в соответствии с некой стратегией, согласно своему пониманию ситуации, но лишь указываем, что они осознают присутствие потенциального зрителя. Будучи исследователями, мы также привносим в полевую работу и съемку свое понимание реципиента и того, что мы считаем актуальным знанием. После возвращения Бьорна в Норвегию, на этапе монтажа и сбора материала, это понимание стало особенно важным. В одном из фрагментов фильма видно, что рыбаки осознают утрату контроля со своей стороны. В то время как остальные участники дискуссии, как кажется, доверяют Бьорну в том, что он адекватно представит снятые на пленку ситуации, Умар Санда (Oumar Sanda) немного встревожен. Как он отмечает в разговоре с другими рыбаками: «Он собирается уехать и составить фильм так, как вы себе и не представляете», «Только задумайтесь на минуту о фильмах – есть те, кто что-то добавляет», «А каково в действительности то, что мы видим в фильмах?».

Производство фильмов заставило рыбаков задуматься над тем, как они создаются, и осознать, что многое происходит после съемок. Во

время съемок они в определенной мере могли контролировать ситуацию, но после них все становится иначе. Люди, гораздо лучше знакомые с процессом и с телевидением, зачастую не имеют этого понимания. Несмотря на то, что Умар приобрел опыт в результате просмотра других фильмов, его беспокойство не лишено оснований, ведь очевидно, в чьих руках сосредоточен контроль над фильмом на финальном этапе его производства. Как отмечает Талал Ассад (Talal Assad), в ситуации контакта между академическими играми британского среднего класса и образом жизни в племенном Судане последний находится в более уязвимом положении (Assad 1986: 159). То же самое характерно и для ситуации создания этнографического фильма. Социализировавшись в этих академических играх, мы, как исследователи, привносим их с собой в поле, и когда создается описание происходившего там, на нас начинают оказывать влияние представления академических кругов о том, что составляет актуальное знание.

Фото 7. Кадр из фильма. Текст титров:
«А каково в действительности то, что мы видим в фильмах?»

Когда Лисбет участвует в социальной ситуации на мебельной фабрике, она не является нейтральным актором. Ее исследовательский интерес направлен на открытие и понимание микропроцессов и аспектов отношений макроуровня между Севером и Югом. Относительно непринужденное общение Аль Хаджи и Петера с воображаемыми

аудиториями «по ту сторону камеры» она считает важным для понимания конфликтов между ними, а также их компромиссов. Присутствие камеры активизирует их устремления, что выгодно Лисбет. Петер думает, что Лисбет предполагает наличие одной, белой аудитории. Он, не колеблясь, выражает ощущение своего превосходства над Аль Хаджи. Аль Хаджи в свою очередь обращается к двум аудиториям – местной африканской и западной. Он стремится продемонстрировать уважение и дать белой аудитории новое знание, делая то, что часто и ошибочно называется антропологами «переводом» (Assad 1986).

Фото 8. Кадр из фильма. Текст титров:
«– Но что, если мне это не нравится?
– Тебе нужно расти над собой...»

Поскольку Лисбет желает создать фильм, а не только книгу, ей постоянно приходится думать о том, что она считает качеством сцен и эпизодов применительно к будущему фильму, которое привлечет внимание людей и будет способствовать пониманию взаимоотношений черных и белых людей, социальных трансформаций в среде местных мусульман и т.д. Знание, которое производит Лисбет с Аль Хаджи и Петером, также становится частью переговоров с ее воображаемой аудиторией через ее собственное поведение как исследователя. Она открыто обсуждает свою роль посредника между Аль Хаджи, Петером и своими студентами-антропологами, а также другими аудиториями. Она не может не думать в категориях «это очень хороший фрагмент», она взвешивает и фреймирует, что произошло, кто оказался в объективе камеры, соотнося это с тем, что обычной воображаемой аудитории понравится или не понравится (Holtedahl 1995).

Нет сомнения в том, что западные академические стандарты и наше восприятие зрителя оказывают на нас влияние, но существует также и возможность того, что наши предзаданные понятия изменятся в ходе взаимодействия в поле. Это, в значительной мере, будет зависеть от нашей способности проявить чувствительность, эмпатию и воображение, о чем мы говорили выше.

Определить, кто есть реципиент

Существует знаковая взаимосвязь между снятыми на пленку социальными ситуациями и фрагментами фильма. На пленке многое кажется похожим на то, как оно есть в «действительности». Это означает, что с помощью фильма реципиент получает прямой, непосредственный доступ к данному полевому контексту. В комнате киномонтажа можно поменять многое, и все же зрители обладают определенным контролем над тем, какое мнение у них складывается. Сформулировать свое суждение – это в определенной степени вопрос опыта зрителя. Опытный зритель, например, просматривая видеоряд, способен считывать многое из того, что происходит как в кадре, так и за его пределами. Это вопрос прочтения, вопрос способности зрителя извлекать информацию, которая обусловлена не только его личностью, но и взглядом на мир, имеющимся у него в конкретный момент времени. Как уже упоминалось выше, герменевтика Гадамера изначально развивалась как инструмент для постижения смысла текстов. Согласно Гадамеру (1989), встреча читателя и текста – это встреча двух разных горизонтов, и понимание возникает где-то между ними.

Зрительская аудитория принимает активное участие в создании смысла фильма. В этом взаимодействии рождается новое значение, прежде не существовавшее. Это процесс, имеющий мало общего с «наполнением бутылок водой». Для того чтобы поделиться своим знанием с другими, мы сначала должны определиться, с какой аудиторией мы хотим установить связь, какова ее система смысловых и ценностных координат. Затем появляется возможность определить средства, которые помогут нам донести знание, созданное в поле. Удивительно, но до сих пор вопрос о том, как разные аудитории понимают этнографические фильмы, был глубоко исследован лишь в единицах случаев. Исследование Мартинеза о том, как американские студенты воспринимают этнографические фильмы, показало, что намерения создателя фильма очень редко удается реализовать. Одна из причин этого, по мнению исследователя, заключается в том, что «<...> большинство этнографических фильмов предполагают образ зрителя, а не конструируют его. Привилегированный зритель антропологических фильмов «обладает» информационными и теоретическими ресурсами для того,

чтобы компетентно интерпретировать фильм, т.е. для того, чтобы вывести и переработать антропологическую его значимость, что затем становится стандартной мерой оценки мнений других зрителей» (Martinez 1996: 74).

Зрителя необходимо конструировать, но, по всей видимости, общение с аудиториями западных антропологов – это проблематичный, непростой процесс. Если полевой исследователь по прошествии месяцев в поле затрудняется «оставить» или расширить свой исходный горизонт, не менее сложной эта задача является и для западного зрителя из академической среды. Вопрос, преуспеет ли фильм в том, чтобы вывести зрителя за пределы его исходного горизонта, необходимо изучать. Организовать это движение непросто. Согласно Талал Ассаду (1986), ожидания академической аудитории состоят в том, что она будет читать об ином образе жизни и при этом обращаться с текстом в соответствии с установленными правилами, а отнюдь не учиться проживать этот новый образ жизни. Существует и риск обоснования предрассудков, когда зритель после просмотра фильма еще больше укрепляется в своем исходном горизонте.

Зрители

После возвращения Бьорна в Тромсе фильм был смонтирован за два месяца. Возможно, в наши дни было бы более уместно сказать, что его главной целевой аудиторией были жители Блангуа. Но размышляя над тем, что произошло, мы видим, что это не так. Выбор места исследования, помимо прочего, был обусловлен тем обстоятельством, что фильм должен был составить часть материала для защиты Бьорном степени PhD. Таким образом, главной его аудиторией было западное академическое сообщество. Главная идея, на которой мы сосредоточились (показать, как местные, антрополог и будущий зритель участвуют в создании знания), считается преимущественно западной академической аудиторией. И в то же время Бьорн намеревался вернуться в регион и снять фильм уже для рыбацкого населения Блангуа, что также повлияло на то, как фильм создавался в процессе монтажа.

Следовательно, фильм был снят для разных аудиторий. Комментарии, которые впоследствии были получены от зрителей, помогли лучше понять и продолжить процесс исследования. В одном из отзывов западной исследовательской аудитории на фильм говорилось, что он изображает идиллическую картину жизни выбранного африканского общества. Бьорну задавали такие вопросы, как: «Где же конфликты? Это Ваше представление об этом обществе?» В определенной мере эти комментарии вполне уместны, ведь фильм снимался о людях с разным происхождением и опытом, которые, тем не менее, находят возмож-

ность сотрудничать друг с другом. Одним из ответов на это было: разумеется, в этом обществе есть конфликты, но семейные проблемы и частные конфликты, которые имеют место быть здесь, не составляют предмет фильма. Кроме того, фильм снимали тогда, когда природные ресурсы в регионе изобиловали, поэтому проблемы, связанные с ними, не были на переднем плане жизни людей. Соответствующий ответ на эти вопросы мог быть и такой: это тоже Африка. Заявление о том, что фильм дает идиллическое представление об Африке, может быть связано с представлением людей об Африке как о месте, где есть только проблемы и голод. Несмотря на различия, следующий комментарий вполне созвучен с предыдущим: «Кажется, они немного худые. Им хватает еды?» Бьорн получил эти вопросы, когда показывал фильм в Йовике, рыбацкой деревушке в северной Норвегии, где он вел полевую работу для своей магистерской диссертации.

Когда фильм показывали в Университете Нгаундере (University of Ngaoundéré) в Камеруне, мнения зрителей разделились. Некоторые из присутствовавших студентов сказали, что фильм ничего им не дал. Возможно, они рассчитывали услышать комментарии за кадром в духе: «Сейчас мы находимся здесь; сейчас мы видим это; а это так, потому что». Для них просмотр фильма подобен прогулке до местного рынка. Фильм не охватывал темы, которые их волновали, такие как отношения власти, этническая принадлежность и др. Саибу Исса (Saibou Issa), молодой исследователь Университета Нгаундере со степенью PhD по истории, который также был в зале, основываясь на своем знании региона, высказал комментарий другого рода. Согласно его анализу сцены фильма были помещены в более широкий контекст, в котором интересующей его темой были возможности мирного сосуществования и сотрудничества между разными этническими группами. Саибу Исса обладает тем, что Мартинез и называет «информационные и теоретические ресурсы для того, чтобы компетентно интерпретировать фильм» (1996: 74), и потому сумел использовать фрагменты фильма в качестве опорного материала для своей оценки.

Эти примеры обратной связи зрителей иллюстрируют то, что мы называем в антропологии «дилеммой реципиента». Каждый раз, когда мы раскрываем зрительскую перспективу, мы находим актора с его/ее системой координат. Разные аудитории извлекают разные смыслы из того, что они видят. Общеизвестная концепция культурного перевода несколько неадекватна, когда мы рассматриваем, что непосредственно происходит внутри этого процесса. То, к чему мы как антропологи стремимся в деле распространения антропологического знания, это расширение набора метафор реципиента, которое зависит от его/ее эмоционального вовлечения.

Антропологов часто критикуют за увлекательность их фильмов, которую, пожалуй, стоит рассматривать как элемент, необходимый для

смещения исходного горизонта реципиента, а также как силу фильма как средства выражения. Именно тогда, когда нам удастся тронуть аудиторию, заставить ее сопереживать людям, появляющимся на экране, она узнает что-то новое. Дать аудитории возможность вступить в контакт с реальными людьми из плоти и крови, с их приятными и не очень приятными чертами, их радостями, дилеммами и сомнениями, с их сложной индивидуальностью, свойственной всем людям, – вот, к чему мы стремимся.

Информант в качестве реципиента – фильм как инструмент расширения прав и возможностей

В основе того, кому предназначаются наши тексты-описания, лежит выбор этического и политического характера. Адресуя их западному академическому сообществу, мы в лучшем случае способствуем развитию более нюансированного знания в его рамках, но это необязательно означает, что мы улучшаем положение наших партнеров, когда они ущемлены в правах. Стремление показать фильмы в Блангуа и Нгаундере определяет и то, как эти фильмы монтируются. Порой во время монтажа возникает чувство, что главные герои фильма стоят прямо у нас за спиной.

Когда Бьорн показывал фильм жителям квартала Джилам в Блангуа, люди старшего возраста сказали, что им понравилось то, что он сосредоточил свое внимание на их работе. По их словам, фильм был посвящен не какой-то чепухе, а чему-то важному. В этих словах нашли отражение их опасения за молодые поколения, умы которых оказались зараженными новыми идеями извне, когда значимые вопросы жизни обесцениваются, а молодые люди слишком легко относятся ко всему. Старшее же поколение хотело бы, чтобы молодежь занималась работой и уважала свою религию. В целом местные жители выразили положительное отношение к фильму. Однако некоторым не хватило тех фрагментов, где они сами были в центре внимания. Мы, в свою очередь, так же отреагировали бы, если бы приняли участие в съемках, а потом, при просмотре фильма, не увидели бы кадров с нашим участием, потому что те не укладывались в общую концепцию.

Демонстрация фильма Бьорна привела, например, к обсуждению того, как организовано пользование рыбными ресурсами в регионе. Лисбет также извлекла богатый опыт из отзывов местного населения о ее фильмах, которые вызвали к жизни новые, продуктивные подходы к разрешению местных конфликтов (Holtedahl 1995). Наши работы – это возможность углубить диалог с местным населением Блангуа и Нгаундере. Использование только письменных текстов затруднило бы решение этой задачи. В этом отношении фильм как инструмент имеет огромный потенциал.

Преодолевая границы

В своем эссе «Transcultural Cinema» («Транскультурное кино») Дэвид МакДугалл (David MacDougall 1998) утверждает, что этнографическое кино не просто пересекает границы, оно преодолевает их, ставя под вопрос само их существование. Реальность культурных различий не является ни неизменной, ни абсолютной. В фильме общие характеристики с легкостью идут рука об руку с различиями.

В этом и заключается наш последний тезис. Когда Бьорн показывал фильм в Йовике, где он вел полевую работу для своей магистерской диссертации, кто-то из аудитории сказал, что в образе жизни рыбаков квартала Джилам он видит схожие черты с тем, как живут рыбаки в Уллсфьордене (Ullsfjorden). Это высказывание можно рассматривать как противопоставление фразе «Кажется, они немного худые». Когда же норвежские фермеры и рыбаки вместо огромных материальных различий видят общее в том, с какими трудностями сталкиваются они и население в Джиламе, значит, вероятно, Бьорну удалось не только привлечь их внимание, но и добиться их готовности переосмыслить свои собственные представления о знании и жизни других людей. Очевидно, что просмотр видеоописания жизни джиламских рыбаков дал возможность этому жителю северной Норвегии выйти за пределы своего исходного горизонта.

Видеоматериалы Лисбет из фильма «Замок в Африке» и материалы фильма Бьорна «Рыба приходит с дождем» составят основу для будущих письменных текстов, и, как мы попытались показать, они уже явились работой, созданной под влиянием зрительской аудитории. Следующий шаг – анализ и подготовка письменной публикации – вновь будет сделан с учетом воображаемого читателя. Таким образом, искусство антропологии включает в себя усилия, направленные на то, чтобы привлечь реципиентов и партнеров, читателей и зрителей, чтобы увлечь их материалом, поскольку это и влияет на утверждение знания. В этом смысле ситуативность читателя письменного текста так же важна, как и ситуативность зрителя, просматривающего антропологический фильм. Возможно, «третьего человека» сложно увидеть, но это не исключает ни его присутствия, ни его значимости.

Примечания

Статья является переводом с английского языка. Оригинальный вариант см. в книге: Challenging Situation. Gender, Cultural and the Production of Knowledge. Engelstad, Ericka & Siri Gerrard (eds.). Delft, Eburon. 2005. P. 67–83 – Прим. ред. специальной темы.

Литература

Altern I., Holtedahl L. Kunnskap om oss og andre // Norsk antropologisk tidsskrift. 1995. № 6 (1). P. 4–22.

- Assad T. The Concept of Cultural Translation in British Social Anthropology // *Writing Culture: the poetics and politics of ethnography* / Eds. by J. Clifford, George E. Marcus. Berkeley: University of California, 1986.
- Gadamer H.G. *Truth and Method*. London: Shedd & Ward, 1989.
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. London: Penguin, 1969.
- Holtedahl L. Historiene om Sultan Issa Maigari // *Norsk antropologisk tidsskrift*. 1995. № 6 (1). P. 92–104.
- Jackson M. *The Kuranko: Dimensions of Social Reality in a West African Society*. London: C. Hurst, 1977.
- Jackson M. *Paths toward a Clearing*. Bloomington ; Indianapolis: Indiana University Press, 1989.
- MacDougall D. *Transcultural Cinema*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1998.
- Martinez W. Deconstructing the 'Viewer': From Ethnography of the Visual to Critique of the Occult // *The Construction of the Viewer: Media Ethnography and the Anthropology of Audiences. Proceedings from NAFA 3* / Eds. by Peter I. Crawford, Sigurjon Baldur Hafsteinsson. Høytberg: Intervention Press, 1996.
- Riesman P. *Freedom in Fulani Social Life: An Introspective Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- Stoller P. *The Taste of Ethnographic Things*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989.

Перевод с английского языка Е.М. Карагеоргий

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2017 г.

Bjørn Arntsen and Lisbet Holtedahl

VISUALISING SITUATEDNESS. THE ROLE OF THE AUDIENCE / READER IN KNOWLEDGE PRODUCTION

Abstract. The article is based on field research conducted in Northern Cameroon with the use of a camera as a research tool. The authors investigate the problem of producing anthropological knowledge. Based on specific examples (survey materials), they prove the need to study the actions of all three actors participating in anthropological representations - the researcher, the informant, and the recipient (reader, viewer). Particular attention is paid to how the views of the researchers themselves and their informants about the imaginary, presumed or actual audience (reader) influence the representation of knowledge.

Keywords: anthropological description, representation, cross-cultural communication, ethnographic cinema, recipient

DOI: 10.17223/2312461X/17/3

References

- Altern, Inger, Lisbet Holtedahl. Kunnskap om oss og andre, *Norsk antropologisk tidsskrift*., 1995, no. 6 (1), pp. 4-22.
- Assad, Talal. The Concept of Cultural Translation in British Social Anthropology, in: *Clifford, James and George E. Marcus (eds.), Writing Culture: the poetics and politics of ethnography*. Berkeley: University of California, 1986.
- Gadamer, Hans G. *Truth and Method*. London: Shedd & Ward, 1989.
- Goffman, Erving. *The Presentation of Self in Everyday Life*. London: Penguin, 1969.
- Holtedahl, Lisbet. Historiene om Sultan Issa Maigari, *Norsk antropologisk tidsskrift*, 1995, no. 6 (1), pp. 92–104.

- Jackson, Michael. *The Kuranko: Dimensions of Social Reality in a West African Society*. London: C. Hurst, 1977.
- Jackson, Michael. *Paths toward a Clearing*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1989.
- MacDougall, David. *Transcultural Cinema*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1998.
- Martinez, Wilton. Deconstructing the 'Viewer': From Ethnography of the Visual to Critique of the Occult, in: Crawford, Peter I. and Sigurjon Baldur Hafsteinsson (eds.), *The Construction of the Viewer: Media Ethnography and the Anthropology of Audiences*. Proceedings from NAFA 3, Høysberg: Intervention Press, 1996.
- Riesman, Paul. *Freedom in Fulani Social Life: An Introspective Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- Stoller, Paul. *The Taste of Ethnographic Things*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989.

«ВКЛЮЧЕННОЕ» ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КИНО: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ И КИНОПРОИЗВОДСТВЕ

Мартин Грубер

Аннотация. Рассматривается метод создания включенного этнографического кино (Participatory Ethnographic Filmmaking), разработанный автором в ходе полевых исследований в Намибии, Ботсване и Анголе. Метод предполагает коллективное со-творчество с людьми, не имевшими ранее опыта съемки, в ходе специальных обучающих семинаров. Участники семинаров конструируют форму и содержание фильма, а также способствуют их практическому воплощению. В статье показано, как можно создавать подобные фильмы в самых разных условиях. Производство включенного этнографического кино дает участникам этого процесса возможность сформировать собственный имидж в СМИ и генерирует новые формы коллективного знания.

Ключевые слова: визуальная антропология, этнографический фильм, включенное кино, совместное кинопроизводство, совместные исследования, аудиовизуальная этнография, коллективное знание

Введение

Элементы коллективного участия стали модными в кино, в исследованиях и проектах развития во всем мире. Сегодня практически невозможно реализовать какой-либо крупный проект, не вовлекая в него тех, кто, как считается, в наибольшей степени подвергается его воздействию. Смысл заключается в том, чтобы участники исследования, которые нередко маргинализируются, могли влиять на решения, затрагивающие их жизнь. В антропологии, с возникновением полемики по вопросам власти репрезентации, сотрудничество с объектами исследования представляется этнографам не только эффективным способом снимать фильмы о людях, которых они изучают, но и, возможно, способом сделать эти фильмы лучше. Включенное кинопроизводство (participatory filmmaking) также стало важной составляющей в таких сферах, как сотрудничество в области развития, градостроительство, работа с молодежью и научные исследования. Однако, по большому счету, в то время как положительные эффекты «соучастия» или «сотрудничества» считаются само собой разумеющимися, практическая работа и лежащие в ее основе намерения и методы, так же, как и результаты, часто остаются неясными. В данной статье я рассматриваю

метод включенного этнографического кино (Participatory Ethnographic Filmmaking), который я разработал в процессе создания фильмов в сотрудничестве с пользователями природных ресурсов в бассейне реки Окаванго в Намибии, Ботсване и Анголе. Создание кино объединило мой антропологический взгляд с многочисленными местными представлениями в совместном процессе генерации знаний. В начале статьи я дам обзор контекста, в котором был разработан кинематографический подход, а затем рассмотрю три параллельные области, которые способствовали его формированию, а именно антропологическое кино, индигенные медиа и включенное видео (BV). Далее, в относительно хронологическом порядке, будет рассказано о процессе съемки трех фильмов в Намибии, Ботсване и Анголе. В конце статьи будет дана оценка данного метода и его эпистемологических возможностей.

Предыстория

Я начал экспериментировать с элементами включенного кино еще во время работы над фильмом «Виза-Вету – наш лес» («Wiza Wetu – Our Forest») в 2007 г. Нацеленный на местную аудиторию, этот фильм пропагандировал рациональное природопользование в регионе Каванго в Северной Намибии (Pröpper & Gruber 2007). В соответствии со своим опытом в области визуальной антропологии мы со вторым режиссером, Майклом Проппером (Michael Pröpper), сделали этот фильм в жанре наблюдательного кино (observational filmmaking), сочетая реконструкции и интервью. Мы подключили к работе двух намибийских ассистентов, полагая, что их вклад придаст фильму большую значимость в глазах местного населения. Более того, в течение всего процесса съемок мы тесно сотрудничали с представителями местного сообщества. Два года спустя мы, вместе с моим руководителем Уте Шмиделем (Ute Schmiedel), провели семинар по созданию кино, основанный на идеях и методах, зародившихся в ходе включенных съемок (Braden 1998; Lunch & Lunch 2006). Семинар был организован в рамках международного обучающего проекта для научных сотрудников из Южной Африки и Намибии. В итоге появился фильм «Навести мосты» («Bridging the Gap»), полностью придуманный и снятый участниками семинара и рассказывающий о каждом дне работы над проектом (Schmiedel et al. 2009).

По всей видимости, сочетание методов этнографического кино и включенного видео, оказалось полезным. Во-первых, получившиеся фильмы пользовались чрезвычайной популярностью среди местных жителей, так как были основаны на их родном языке, представлениях и нарративах. Во-вторых, они привлекли внимание широкой аудитории и в других странах, не только в тех, о которых они были сняты, став тем самым некой формой межкультурного посредничества (Ginsburg 1995).

В-третьих, участие в проекте «местных заинтересованных сторон» отвечало требованиям спонсоров международных исследований и проектов по развитию.

Я усовершенствовал этот подход во время работы над своей докторской диссертацией в рамках международного исследовательского проекта по изучению рационального природопользования и изменения климата в Анголе, Намибии и Ботсване (Gruber 2015). Более ста ученых в области социологии и естествознания, взяв за основу междисциплинарный подход, трудились над исследовательским проектом «Будущее Окаванго»¹. Направленный на изучение сложных и взаимосвязанных проблем окружающей среды проект намеревался выйти за дисциплинарные рамки и совершенствовать ключевые методы и перспективы деятельности. Междисциплинарное исследование по определению является коллективной работой и подразумевает сотрудничество не только с другими исследователями, но, что еще более важно, с внешними заинтересованными лицами (Wickson et al. 2006; Russell et al. 2008).

Таким образом, основной целью создания моих фильмов было вовлечение в процесс местных участников с использованием их знаний в работе над проектом, благодаря чему в будущем их интересы могли бы быть приняты во внимание. Еще одной задачей было повысить уровень информированности и донести опасения людей до более широкой аудитории как в соответствующих странах, так и за их пределами.

Методологическая база

Методологическую базу исследования составили три пересекающиеся области: этнографическое кино, индигенные медиа и включенное видео. Далее я рассмотрю данные аспекты в отношении своей собственной практики.

Включенное наблюдение стало основным методом работы антропологии еще со времен вынужденного пребывания Бронислава Малиновского на Тробрианских островах во время Первой мировой войны. Исследователь принимает участие в ежедневной жизни своих «информантов», обычно в ходе тесных взаимодействий с ними во время длительной полевой работы. Такой концепт соучастия воспринимается и как важная составляющая этнографической съемки, основанной на наблюдении и предназначенной представить полевой опыт (MacDougall 1995; Grimshaw 2001; Henley 2004). В то же время более активное вовлечение участников исследования в процесс создания фильма также имеет богатую традицию в истории этнографического кино, и можно с уверенностью говорить о подобном участии как об отличительной или даже основополагающей характеристике данного жанра (Durlington 2009: 197). Обе эти концепции участия – участие автора фильма в жизни сво-

их героев и участие героя в создании фильма – можно проследить на протяжении всей истории антропологического кино.

Фильм Роберта Дж. Флаэрти (Robert J. Flaherty) (1922) «Нанук с Севера» («Nanook of the North»), снятый в 1920–1921 гг., был основан на «интенсивном и длительном взаимодействии с людьми и ландшафтом, в котором они жили», что было «сродни этнографической полевой работе» (Grimshaw 2001:48). Однако, вдохновленный собственным восхождением людьми, живущими в тяжелых условиях, Флаэрти был заинтересован не столько в изображении реальности начала 1920-х гг., сколько в представлении романтической и идеалистической версии жизни своих героев до контакта с Западом. Поэтому фильм содержит много постановок и реконструкций, к примеру «традиционного» быта. Несмотря на то что такой подход позднее был подвержен критике как искажающий реальность и назван «антропологией спасения», он требовал активного и творческого вовлечения героев в процесс. Джей Руби (Jay Ruby) (2000: 8–91) цитирует обширные пассажи из записей Флаэрти, чтобы продемонстрировать, как эти реконструкции зарождались при содействии самих героев, а не только под его руководством. Для воссоздания подобных сцен активное участие героев фильма являлось одновременно и обязательным условием, и следствием.

Жан Руш (Jean Rouch), французский режиссер и антрополог, развил идеи Флаэрти и фактически вовлек своих героев в процесс создания кино. Руш не верил ни в объективную научную правду, ни в кинокамеру как пассивное записывающее устройство. Для него присутствие кинокамеры создавало ситуации, которые он хотел задокументировать как кинематографическую правду – «синема верите» (*cinéma vérité*). Он придерживался принципов «антропологии дара», основанных на взаимном обмене со своими героями (Rouch 2003: 43; Henley 2009: 310). Частью этих обоюдных отношений был регулярный совместный просмотр текущего съемочного материала и предварительный монтаж, чтобы обсудить отснятое и продумать предстоящую съемку. Более того, Руш возвращался, чтобы показать законченный фильм и обсудить его с местным сообществом.

Таким образом, Жан Руш предложил более радикальную перемену в политике репрезентации посредством «камеры, которая может полностью перейти в руки тех, кто до настоящего момента всегда находился перед объективом. И тогда антропологи больше не будут контролировать исключительное право на наблюдение; их культуру и их самих будут наблюдать и записывать» (Rouch 2003: 43).

Несмотря на эти футуристические взгляды и новаторский рефлексивный подход, Жан Руш всегда жестко контролировал процесс создания фильма и никогда в буквальном смысле слова не передавал свою камеру в руки своих героев. Позднее он подтвердил эту позицию, отри-

чая видеотехнологии с их «демократизирующими эффектами», как он выразился в моем интервью с ним в 2001 г. (Gruber 2006)². Однако я хочу обратить внимание на другой ключевой момент работы Руша, который особенно важен для создания моего собственного кино, а именно взаимодействие с героями в течение съемки, описанное им таким образом: «Создатель фильма фабрикует эту реальность как режиссер, импровизируя сцены, свои движения или время съемки, субъективный выбор, единственный ключ к которому – личное вдохновение. И, без сомнения, шедевр получается, когда вдохновение наблюдателя звучит в унисон с вдохновением сообщества, за которым он наблюдает...» (Rouch 2003: 185).

Визуальный антрополог Пол Хэнли (Paul Henley) подчеркивает, что «наличие факторов риска и случая, которые потребовались бы создателю фильма, чтобы симпровизировать вдохновенный отклик», было центральным элементом режиссуры Руша (Henley 2009: 255). Эта «вдохновенная игра» (Henley 2009), безусловно, была самым интересным и инновационным в ранних этнофикшн фильмах Руша³. Во время своих антропологических полевых исследований трудовой миграции в Западной Африке Рушу казалось «невозможным передать способами традиционного документального кино все, через что проходили мигранты» (Henley 2009: 73). Поэтому он попросил своих героев сыграть значимые ситуации из их повседневной жизни, в итоге в 1967 г. на свет появились два полнометражных фильма: «Ягуар» (снятый в 1954–1955 гг.) и «Я – Негр» (1959). Включая в себя элементы как игрового, так и документального кино, эти фильмы сочетают «тщательно исследованную и проанализированную этнографию» с художественной формой (Stoller 1992: 143). Руш снимал свои этнофикшн фильмы, в основном следуя принципам документального кино, «без сценария и с минимальной режиссурой, в первую очередь полагаясь на то, что герои сами зададут направление развития сюжета» (Henley 2009: 259; Sjöberg 2009: 236). После согласования с героями содержания определенных сцен Руш снимал их без режиссуры и какого-либо дальнейшего вмешательства. Как правило, они снимали сцены, следуя за сюжетной линией, и старались снимать только по одному действию в одном ракурсе за раз (Jørgensen 2007: 63). Такой стиль документации давал свободу интуиции, игре, шансу и риску, что, по мнению Руша, было чрезвычайно важно.

Роль фильмов этнофикшн, как формы этнографического исследования, была тщательно проработана Йоханнесом Шёбергом (Johannes Sjöberg) (Sjöberg 2008, 2009) на базе своих собственных фильмов. Отправной точкой Шёберга был принцип «проективной импровизации» Питера Лоизоса (Peter Loizos), или «использование импровизации и фантазии в рамках проективных методов» (Loizos 1993: 46). Это подра-

зумевают, что фильмы этнофикшн основываются на пережитых событиях из жизни героев, отображенных посредством импровизированной игры. Йоханнес Шёберг разделял изобразительную и выразительную функции игры (Sjöberg 2009: 6).

Экспрессивные импровизации дают героям возможность раскрыть свои чувства, мечты и фантазии. Анонимность, которую предоставляют им вымышленные персонажи, позволяет героям выразить свои эмоции, выявить тайные и сокровенные переживания, чего было бы сложно добиться иным способом. Описательные импровизации, с другой стороны, служат для демонстрации определенных видов деятельности, что может быть особенно полезным, если другие кинематографические подходы не в состоянии раскрыть сложную для отображения тему, как в случае с нелегальной и социально неприемлемой деятельностью. Однако они применяются не только из необходимости, «так как не существует другого способа это выразить... [а потому, что] этнофикшн является более удачным способом рассказать об этом с этнографической точки зрения» (Sjöberg 2009: 8; *эмфаза, как в оригинале*). Антропологическое знание генерируется процессом создания кино, равно как и в традиционном этнографическом кинематографе: «В отличие от современной документальной драмы, где большая часть исследований проводится перед съемкой и раскрывается в сценарии, исследования в этнофикшн Руша продолжались в течение съемок... Проектная импровизация, таким образом, находится в самом центре исследовательского процесса создания этнофикшн, поскольку герои, импровизируя, не только реконструируют события, но, фактически, выводят на поверхность нечто подсознательное, представляющие этнографическую ценность» (7).

Вдохновленный работой Жана Руша, я применил реконструкцию и импровизированную игру при создании своих фильмов. Основанные на коллективном опыте, представлениях, мечтах и фантазиях, так же как и на местных нарративах и журналистских штампах из СМИ, они были чрезвычайно популярны у героев и местного населения. Я убежден, что использование элемента вымышленности не только произвело эффект на героев, но также изменило отношения между ними и создателями фильма: они скорее стали полноценными игроками все той же (Рушевской) игры, чем попали в жесткие иерархические отношения между наблюдателем и теми, за кем наблюдают, что характерно для более традиционного документального кино.

Идея «передать камеру в руки участников исследования» (Rouch 2003), «предоставление создателей кино в распоряжение объектам своего исследования» (MacDougall 1995) и другие формы «включенного кино» (Elder 1995) были чрезвычайно популярны в этнографическом кино в начале 1970-х гг. Тем не менее никто из режиссеров, по сути, не

отказался от своего авторства и не уступил практические аспекты создания кино своим героям⁴. Эти противоречия исчезли несколько лет спустя, в конце 1980-х, когда представители коренного населения по всему миру стали создавать свои собственные фильмы, телевизионные программы и другие формы медиа, обычно при поддержке антропологов. В тот же период власть антропологической репрезентации и, в особенности, этнографического фильма была поставлена под сомнение и в данной области, и вне ее (Writing Culture 1986; Nichols 1991; Weinberger 1994). Дискуссии об индигенных медиа (Ginsburg 1991) и их отношении к этнографическому кино стали довольно значимыми в антропологии. В то время как одни ученые относились к индигенным медиа как к неаутентичным, считая их потенциально опасными для соответствующих местных сообществ (Weiner 1997), другие были уверены в том, что применение видеотехнологий коренным населением стало важным шагом в их борьбе за самоопределение и открыло новое поле для исследования и деятельности (Michaels 1986; Ginsburg 1991; Turner 1991; Aufderheide 1995).

Антрополог Фэй Гинзбург (Faye Ginsburg) определяет индигенные медиа скорее как исключительно работу «коренных народов, позднее колонизированных государствами... которые борются за сохранение своей идентичности, а также за право на культуру и землю, выживая, являясь внутренними колониями в окружении колонизаторов». Подобные примеры можно обнаружить в Австралии, США, Новой Зеландии, Канаде и Латинской Америке (Ginsburg et al. 2002: 25). Их усилия по заимствованию видео- и телевизионных технологий были «спровоцированы» (ее термин) такими факторами, как: растущее желание этих людей контролировать их конструируемый извне имидж, часто нежелательное внедрение кабельного телевидения и распространение относительно дешевого видеооборудования (1995: 67).

В контексте все нарастающего культурного и политического давления на коренное население Гинзбург воспринимает их деятельность в этой области как некую форму «культурного активизма» – сознательную форму «самоопределения, защиты культуры и предотвращения культурного разрушения» (Ginsburg 1995: 70).

В то время как их творчество часто создается и потребляется исключительно в пределах местных сообществ, к которым и принадлежат его создатели, оно могло бы быть сформировано и в более глобальном контексте и нацелено на более широкую, и даже международную, аудиторию.

Индигенное кино проявило себя как довольно мощная форма современной культурной объективизации. Местные медиа обнаружили возможности для разнообразного творчества в области культуры, проделав путь от небольших видео- и радиостудий до архивных веб-

сайтов, национальных телевизионных сетей и художественных фильмов (Ginsburg 2011: 238).

Фэй Гинзбург полагает, что этнографическое и индигенное кино – это дополнительные средства выражения более широкого проекта «репрезентации, посредничества и понимания культуры» (Ginsburg 1995: 65). Будучи под впечатлением от «встречных взглядов» («regards compares») Жана Руша, она предлагает сопоставить работы, выполненные в различных жанрах, чтобы более широко взглянуть на культурные и социальные феномены⁵. Хотя, возможно, авторские фильмы изначально были нацелены на решение других задач, Гинзбург, выступая за схожесть многочисленных контрастных жанров, предлагает такой подход к этнографическому и индигенному кино, который позволяет нам включить отдельные ситуации в широкий аналитический контекст (1995: 70).

Антрополог и активист Теренс Тёрнер (Terence Turner), участвовавший во внедрении видеотехнологий среди каяпо (Кауарó) в Бразильской Амазонии, был заинтересован в социальном, политическом и культурном влиянии кино на коренное население и их отношения с доминантным обществом. Тёрнер предлагает детальное описание социальной и политической динамики, вызванной введением медиопосредничества в сообщество каяпо (Turner 1991, 1992). В то время как, по мнению Тёрнера, доступ к технологиям главным образом регулировался существующими органами власти, некоторые вовлеченные в процесс пытались улучшить свое положение с помощью кинопроизводства: люди, работающие кинооператорами или инженерами видеомонтажа, совмещали престижное положение в местном сообществе с возможностью посредничества с внешним миром и, таким образом, накопили символический капитал и другие ресурсы, необходимые для политического лидерства (см. также: Flores 2009: 215). Многие каяпо, работающие с Тёрнером, смогли, таким образом, получить или укрепить свое политическое влияние, в то время как другие амбициозные молодые мужчины принимали участие в создании кино ради карьерного роста (MacDougall 1987: 56; Turner 1992: 6). «Монополизация контроля» путем создания видеоматериала препятствовала усилиям Тёрнера в предоставлении равных возможностей всей общине и усиливала многочисленные социальные конфликты (Turner 1991: 73).

В то же время кинопроизводство сыграло важную роль в развитии отношений между каяпо и доминирующим сообществом. Во время их протеста против сооружения ГЭС «Бело Монте» (Belo Monte) рядом с городом Алтамира на реке Шингу кинооператоры каяпо стали центром внимания международных журналистов. Ради достижения широкого резонанса в СМИ они стали снимать активнее во время публичных мероприятий не только для того, чтобы задокументировать свои протесты,

сты, но и для того, чтобы сделать их видимыми для публики (Turner 1992: 7). Работа Теренса Тёрнера демонстрирует, как кинопроизводство может стать инструментом политической борьбы.

Между индигенными медиа и моей работой существует несколько точек соприкосновения. Во-первых, Теренс Тёрнер напоминает нам о потенциале развития (внутреннего) конфликта с появлением посредника в виде кино в небольшом сплоченном сообществе. Важно отметить, что дискуссии вокруг доступа к такого рода проектам ни в коем случае не ограничены локальным или не-Западным контекстом, но с легкостью могут возникнуть в любой обстановке. Во-вторых, и Тёрнер, и Гинзбург делают акцент на важности фильма как формы культурного и политического активизма, который может быть мобилизован для достижения разных целей. В-третьих, в работах Гинзбурга предлагается рассматривать фильмы, которые я создаю, наряду с другой медиапродукцией (к примеру, с этнографическим кино) для понимания определенных культурных феноменов. Из этого вытекает, что они могут расцениваться как некая форма антропологического исследования. Однако в то время, как индигенные медиа нацелены на обеспечение локальным сообществам долгосрочного доступа к видеотехнологиям и, таким образом, предоставления им надежного инструмента для самовыражения, мои собственные проекты были слишком краткосрочными и проводились под моим непрерывным наблюдением. Такой метод производства относит их к области прикладной визуальной антропологии (Pink 2009)⁶.

Я включил прикладную визуальную методологию в процесс съемки фильма, что до сих пор не вызывало особого интереса у антропологов. Включенное видео – подход, призванный дать возможность представителям маргинальных групп обсуждать свои проблемы и сообщать о них посредством видео, изначально внутри собственной социальной группы, а затем и для внешней аудитории. Участники ВВ семинаров получают базовые навыки видеосъемки (а иногда и монтажа), им предлагается снять фильм на определенную коллективно согласованную тему (Braden 1998). Процесс подготовки фильма является центральным аспектом ВВ, рассматриваемым как «инструмент для облегчения взаимодействия и помощи в самовыражении» (White 2003a: 65), в то время как сами фильмы, получившиеся в итоге, часто воспринимаются как незначимые. Они, как правило, состоят из интервью или видов какой-либо деятельности, запечатленных в простом документальном стиле, но могут также включать в себя танец, драматическое представление, песни и стихи (Braden 1998: 92). Обычно ВВ используется в основном в проектах развития, но его также можно применять в ряде других контекстов, таких как академические исследования (Kindon 2003; Mistry & Berardi 2011), наращивание потенциала (Menter et al. 2006) и молодежная работа (Wang et al. 2012). Проекты ВВ по своей природе не должны

следовать заданному шаблону, а скорее адаптироваться к имеющейся ситуации.

Основы ВВ были заложены в 1960-е гг., когда ученые и политики начали обсуждать участие отдельных граждан в политических процессах в рамках понятия «гражданское общество» (Verba & Nie 1972). Исключение маргинальных групп из процессов принятия решений и вопрос о том, как они могут быть включены, сыграли важную роль в этих дискуссиях (Arnstein 2007). Все это следует рассматривать в контексте более широкого социального и политического мейнстрима того времени – борьбы за расовое и гендерное равенство. Локальные медиапроекты, в которых фильм выступал своеобразным инструментом социальных изменений, появились в разных местах в Европе и Северной Америке (Nigg & Wade 1980)⁷. Эти вопросы были связаны с требованиями освободить маргинализированных людей в так называемом «третьем мире». Одной из подобных работ, которую часто называют новаторской, является работа бразильца Пауло Фрейре (Paulo Freire) «Педагогика угнетенных» (*Pedagogy of the Oppressed*), в которой он утверждает, что развитие критического сознания дает бедным «силу» для понимания своего положения и принятия мер против бедности и угнетения (Freire 1977). Эта «сила» рассматривалась как форма радикальной социальной трансформации посредством индивидуальных и классовых действий, что привело к изменениям в законодательстве, правах на собственность и других сторонах жизни общества (Cleaver 1999: 599).

С конца 1970-х гг. эти идеи получали все большее признание среди ученых и практиков в области развития: малоимущие люди из сельской местности, которые обычно были «бенефициарами» проектов в области развития, должны иметь возможность влиять на «силы, контролирующие их жизнедеятельность» (Oakley 1991). Из-за очевидных недостатков подходов, основанных на донорах и развитии под руководством сторонних лиц, специалисты по вопросам развития и доноры все чаще начали применять методы участия, принимая во внимание цели местного населения, их приоритеты, знания и навыки планирования и выполнения их программ (Cooke & Kothari 2004). Начиная с 1980-х гг. понятие «соучастие» стало доминировать в дискурсе и практиках настолько, что превратилось в «новую ортодоксию» (Henkel & Stirrat 2004).

Сегодня, с политической точки зрения, практически невозможно реализовать какой-либо существенный проект в области исследований, разработок или планирования, который не включает элементы «вовлечения заинтересованных сторон». Вместе с тем с 1990-х гг. включенные подходы все больше подвергаются критике. Основной аргумент заключается в том, что местные знания – это не легкодоступный для аборигенов товар, как это часто представляется в научных дискуссиях, они скорее «производятся культурно, социально и политически, и... по-

стоянно переформулируются будучи мощной нормативной конструкцией» (Kothari 2004: 141).

Географ Ума Котари (2004: 144f) подчеркивает трудность раскрытия базовых отношений власти, так как они принимаются такими как есть и воспроизводятся в процессе самостоятельного наблюдения и нормализации (Foucault 1995).

Дэвид Мосс (David Mosse) отмечает, что «включение» само по себе характеризуется контролем и доминированием: «Сотрудники проекта “владеют” инструментами исследования, выбирают темы, записывают информацию, резюмируют и подводят итоги в соответствии с проектными критериями релевантности» (Mosse 2004: 19). Далее он утверждает, что приоритеты и потребности участников обычно формируются исходя из их понимания того, что проект, в котором они задействованы, способен им предложить (23).

Таким образом, включенные процессы могут легитимировать и преобразовать в жизнь решения, уже принятые агентствами по развитию или донорами. Этот аргумент поддерживается Умой Котари (2004: 148). Опираясь на мнение Эрвинга Гоффмана (Erving Goffman) (2010), она сравнивает включенные процессы с театральной постановкой: «Практик реализации программ развития... просит участников взять на себя и сыграть определенную роль, используя определенные методы и инструменты, таким образом формируя и, в некоторых случаях, ограничивая способ, с помощью которого исполнители, возможно, желали бы изобразить себя. Сцена и реквизиты для постановки могут быть чуждыми исполнителям. Предоставленные инструменты могут поставить определенные рамки, в связи с чем исполнители не в состоянии передать то, что они хотят; сцена установлена другими, они же руководят спектаклем» (Kothari 2004: 149).

Котари утверждает, что участники должны быть «хорошими актерами» и что образ тех людей, которые либо не обладают необходимыми навыками, либо не желают выступать в этих заранее определенных рамках, будет либо искажен, либо не представлен вообще. В то же время, опираясь на работу Мишеля Фуко (2010) и Энтони Гидденса (Anthony Giddens) (1984) по структуре и организации, Котари признает, что у участников «может быть достаточно власти, чтобы проложить область контроля» (2004: 150), и вообще люди способны «формировать свое собственное существование» в качестве активных деятелей (151).

Эти идеи были разработаны географом Майком Кесби (Mike Kesby) (2005), который утверждает, что деятельность, саморефлексия и «расширение прав и возможностей» не являются атрибутами отдельных лиц, а должны поддерживаться на уровне дискурса и практики. Он утверждает, что включенные семинары могут представлять собой временные социальные арены, на которых можно практиковать и прово-

дить дискурсы и деятельность, приводящие к тому, что он называет «уполномоченным агентством»: «В ходе этих семинаров стандартные рамки привилегий сочетаются с практикой и дискурсами на тему справедливости, свободы слова и сотрудничества. Участники... могут... формировать себя как рефлексивных деятелей и создавать / представлять свои мнения и опыт для себя, друг друга и посредников. Внутри этого пространства открываются возможности для людей, во-первых, распутать сложную сеть повседневной жизни... во-вторых, деконструировать нормы и конвенции; в-третьих, отразить перформативность повседневной жизни; и, наконец, отрепетировать выступления для альтернативной реальности» (Kesby 2005: 2055).

Таким образом, предположения о прямой причинно-следственной связи между включением, «расширением прав и возможностей» и устойчивым развитием выглядят устаревшими в свете критики основополагающей концепции участия и развития (Ferguson 2007). Тем не менее вышеупомянутая дискуссия предполагает, что мероприятия и обсуждения, проводимые в рамках семинаров по включенному кино, могут быть значимыми и полезными для участников в различных (хотя и ограниченных) ситуациях. Будучи снятым критически и с тщательно определенной целью ВВ предлагает широкое поле возможностей как для академических, так и для прикладных исследований. Таким образом, для создания своего включенного кино я позаимствовал и применил некоторые методы из ВВ.

Включенное этнографическое кино: контекст

В период с 2011 по 2013 г. я сделал три фильма для исследовательского проекта «The Future Okavango» (TFO) («Будущее Окаванго») в деревнях, расположенных в бассейне реки Окаванго. Они были задуманы и сняты жителями деревни во время киносеминаров, которые я организовал совместно с местными участниками проекта. Фильмы длительностью от 32 до 39 минут включают сцены наблюдения, реконструкции и интервью.

Все три фильма связаны с различными аспектами рационального использования природных ресурсов. Первый фильм, «Липару-лиету – наша жизнь» (Liparu Lyetu – Our Life) (Gruber et al. 2011), был снят в Машаре (Северная Намибия) в 2011 г. В нем рассматриваются методы и проблемы, связанные с фермерством, рыболовством и сбором дикоросов. Местом съемок второго фильма, «Тайна нашей окружающей среды» (The Secret of our Environment) (Gruber et al. 2013), стала Серонга (Северо-Западная Ботсвана). Этот фильм 2013 г. отображает различные аспекты рационального природопользования, но особое внимание в нем уделяется взаимосвязи между дикой природой и туризмом. Тре-

тый фильм «Мёд» («Honey») (Antónia et al. 2013) был снят в районе Куссек (Cusseque) в Центральной Анголе в 2014 г., он знакомит зрителя с местными практиками пчеловодства и использования меда.

Условием моей заявки на грант было создание фильмов совместно с «местными заинтересованными сторонами». В то время как проект ТФО включал в круг лиц, охваченных понятием «заинтересованные стороны», местные администрации, неправительственные организации и государственные учреждения, я решил, что самым непосредственным образом, если не сказать больше, результаты проекта затронут местных сельских жителей. Поэтому я решил делать свои фильмы исключительно с ними. Учитывая мой предыдущий опыт, я полагал, что процесс обсуждения, необходимый для создания фильма совместно с группой людей, окажется плодотворным и в конечном итоге получится продукт, с высокой степенью идентифицируемый с целевой аудиторией.

Таким образом, я решил снять по одному фильму в каждой стране с группой жителей из соответствующего места исследования. Как и в большинстве моих предыдущих проектов, моей основной целевой аудиторией должны были стать сообщества, в которых эти фильмы будут создаваться. Описанные условия сформировали рамки моего фильма, а все остальное было решено вместе с моими местными коллегами и участниками киносеминаров, которых я набирал в каждой стране. Далее я сосредоточусь на различных этапах создания включенного этнографического кино, затрагивая определенные темы, которые кажутся мне наиболее значимыми.

Местные участники

В каждой из трех стран я тесно сотрудничал с местными участниками проекта, которых нанимали и обучали для работы в качестве переводчиков и помощников научных сотрудников. Я нуждался в их переводах и знаниях собственной культуры, однако превратил эту необходимость в основной элемент своей работы. Я как можно чаще позволял им контролировать процесс: мы задумывали, организовывали и проводили каждый из семинаров вместе, но время от времени я старался отойти в сторону и позволить им сделать все самостоятельно. Однако занимаемая ими позиция внутри сообщества и то, каким образом каждый из них интерпретировал свою роль, значительно изменяли динамику процесса и сами результаты семинаров.

На первый семинар в Намибии из провинциальной столицы Рунду, расположенной примерно в 40 км от фактического места исследования, прибыли два моих сотрудника – Рафаэль Синкумба (Raphael Sinkumba) и Роберт Мукуя (Robert Mukuya). Они работали со мной над предыдущими фильмами и приобрели большой опыт в области создания кино.

В некотором смысле они тоже были аутсайдерами, и, откровенно говоря, я был им намного ближе, чем другие участники семинара. Они занимали позицию посредников между мной и жителями деревни, с которыми их объединяли язык и этническое происхождение. Во время съемок мы вместе управляли процессом и старались как можно меньше влиять на групповые решения.

Фото 1. Со-ведущий Рафаэль Синкумба в Машаре, Намибия

В Ботсване ситуация была иной. С моим коллегой Мешаком Квамо-во (Meshack Kwamovo) я встретился впервые. Он был уроженцем города Серонга, где проходил мастер-класс, и имел тесные личные и родственные связи с другими участниками. Не имея опыта в этой области, он очень хотел научиться снимать фильмы, воспринимая это как получение профессиональной квалификации, которая может оказаться полезной для его будущей карьеры. Мешак, таким образом, участвовал во всех съемках и за, и перед камерой и стал движущей силой процесса. Он был и модератором, и участником одновременно, что, я считаю, сделало фильм более живым и одновременно сумбурным. Во время третьего фильма ситуация снова поменялась. Мой соведущий Мигель Хиларио (Miguel Hilario) не был родом из деревень, в которых мы работали, и не говорил на местном языке чокве (Chokwe). Нам пришлось общаться с участниками семинара, которые воспринимали Мигеля как

аутсайдера, на франко-португальском (*linguae francae*) и умбунду (*Umbundu*). Всесторонние дискуссии на разные темы, являвшиеся ядром двух предыдущих фильмов, стали невозможны. Чтобы справиться с этой ситуацией, мы приняли на себя классическую роль антропологов, пытаясь понять, что происходит вокруг нас, наблюдая и участвуя в деятельности. В результате фильм получился более исследовательским, чем другие, и, возможно, самым визуальным. Эти примеры демонстрируют, что совместная работа с местными коллегами является важным аспектом моего подхода. Их влияние на динамику внутри группы и результаты всего проекта могут быть различными в зависимости от их личности и позиции по отношению к участникам семинара.

Создание кино как социальный ресурс

Вместе с моими коллегами я набирал от четырех до семи участников на каждый фильм. Мы были нацелены демократизировать процесс отбора для создания команды со сбалансированным составом из участников разного пола, возраста, социального происхождения и представителями разных мест в каждом регионе исследования (который часто состоял из нескольких деревень). Однако, безусловно, процесс набора усложнилось то, что мы решили предложить денежную компенсацию участникам семинара – особенно в сельской Намибии и Анголе, где важную роль в социальной и политической жизни продолжают играть так называемые «традиционные лидеры». В Намибии участники были отобраны со всеобщего согласия во время общедеревенских собраний. Однако руководил этими собраниями какой-нибудь авторитетный человек (женщина или мужчина) – влиятельный политический лидер, назначенный администрацией Южной Африки (D'Engelbronner-Kolff 2001).

В Анголе Собас (Sobas) назначал участников семинара более или менее открыто. Наша идея привлечь их во время деревенских собраний преуспела только в Ботсване, где существовали сопоставимые выборные практики, например, на временные работы, предлагаемые правительством или НПО, и где политические процессы, казалось, были более прозрачными. В то время как представители местных администраций пытались манипулировать членами своих семей и друзьями внутри наших проектов в Намибии и Анголе, мы столкнулись с обидами и слухами в Машаре (Намибия). Закончилось все тем, что один человек, который, по-видимому, чувствовал себя исключенным, тайно подговорил людей не присутствовать на нашем финальном показе в деревне и лично дискредитировал одного из участников. Производство кино определенно оказалось конкурентным ресурсом с конфликтным потенциалом, что Теренс Тёрнер предвидел в индигенных медиа (Turner 1991, 1992).

Таким образом, материальные аспекты, такие как питание, предоставляемое во время семинара, и финансовая компенсация, выплаченная участникам по завершении фильмов, безусловно, сыграли свою роль. Однако, в отличие от мнения антрополога Питера Антона Зуттля (Peter Anton Zoettl), считающего, что участники научно-исследовательских проектов «редко видят в работе антропологов и общественных активистов какую-либо прямую выгоду (для себя)» и в основном участвуют из-за «сопутствующей денежной составляющей научного исследования или гуманитарной деятельности» (Zoettl 2012: 5), мой опыт позволяет предложить гораздо более широкое понимание кинопроизводства как формы социального, культурного и политического капитала. В то время как сами участники представляли свою проектную деятельность как интересный персональный опыт и получение важной профессиональной подготовки, я уверен, что они были также заинтересованы в усилении собственной позиции в их сообществе (см.: Turner 1992).

Я полагаю, что некоторые из заинтересованных сторон любого проекта по включенному кино будут пытаться влиять на процесс отбора в соответствии с их целями, независимо от географических или культурных условий. Пока кинопроизводство дает преимущества – финансовые, политические, личностные или любые другие – возможным участникам, существует опасность возникновения конфликтов. Чтобы минимизировать этот нежелательный побочный эффект, следует применять более публичные и прозрачные процедуры отбора. Это наложило бы большую ответственность на сильных акторов, включая исследователей. Разнообразие состава съемочной группы может быть достигнуто путем применения более жесткой матрицы критериев, таких как возраст, пол и, среди прочих, социальный статус.

Обучение киносъемке и пространство семинара

Каждый семинар мы начинали с ознакомления его участников с техникой и звукозаписью, а также с различных упражнений с камерой. В преподавании я основывался на принципах наблюдательского подхода и таких методах, как взаимное обучение в парах, а также тех, которые я использовал в курсе по этнографическому кино для студентов университета в Германии. Одновременно мы с коллегами модерировали процесс генерации основной идеи фильма. Мы начали издавна, спросив участников семинара о том, что они хотели бы снять в рамках более обширной темы окружающей среды⁸. Поскольку жизнь большинства сельских жителей в значительной степени зависела от природных ресурсов, они единодушно решили сделать это центральной темой своих фильмов. Затем участники семинара выбрали различные виды дея-

тельности для изображения в фильмах, наметили героев фильмов и интервьюируемых, разработали анкеты и графики съемок. Все это происходило в течение двух-трех недель до фактической съемки. Работа с камерой и техника съемки обычно рассматриваются как самый важный аспект обучения. Однако участники расширили сферу своих интересов и приобрели разные навыки, такие как актерское мастерство, проведение интервью, сочинение и исполнение песен. Для некоторых групп было важно, чтобы разные задачи в процессе создания фильма распределялись одинаково, в других – каждый участник выбирал для себя предпочтительную роль. Хотя мы использовали примерно одинаковый подход в каждой стране, результаты поразительно различаются в зависимости от намерений участников семинара и моих коллег, а также того, как по-разному мы обсуждали этот процесс в течение каждого семинара. Одним из важных факторов была моя растущая способность «отпустить» и поэкспериментировать в игровой форме.

Фото 2. Тренинг по работе с камерой в Кюссеке (Cusseque), Ангола

Наша цель заключалась в модерировании процесса таким образом, чтобы каждый чувствовал себя его полноценным участником, представленным должным образом. Они отмечали, что насыщенные дискуссии и обсуждения сквозь призму возрастных и гендерных различий, а также социального и культурного происхождения были для них уникальным опытом, подтверждая тем самым концепцию Кесби (Kesby),

что включенные семинары – это «действие, дающее полномочия» (2005 г.). Кесби считает, что для закрепления подобного эффекта соответствующие дискурсы и практики должны включаться в повседневную жизнь, например путем создания долгосрочных и самоподдерживающихся социальных групп. Я хочу возразить: даже ограниченное по времени взаимодействие положительно влияет на ситуацию, в которой находятся участники, и их личностный рост. Далее я хочу проанализировать съемку как центральный элемент включенного кино.

Коллективная съемка

Как было отмечено ранее, участники семинара отнеслись к съемке как к наиболее важной задаче и быстро усвоили технические навыки. Следовательно, обсуждаемые здесь фильмы были почти полностью сняты сельскими жителями без предшествующего опыта съемок. Операторская техника существенно варьировалась как в целом, так и в конкретных случаях. С одной стороны, все они использовали камеру по-разному и развивали собственный стиль съемки. С другой, что еще более важно, участники семинара, мои местные коллеги и я, интерпретировали и договаривались о наших ролях по-другому в каждом из фильмов. Чтобы дать представление о различных формах сотрудничества, расскажу коротко на примере фильмов.

Первый фильм «Виза-Вету – Наша Жизнь», сделанный в Намибии, дает несколько романтическое представление о связанной с природными ресурсами деятельности, воспринимаемой как «традиционная» и «местная», такой, например, как ловля рыбы, выращивание проса и сбор диких фруктов. Участники семинара попросили соседей и друзей продемонстрировать эти занятия на камеру и засняли их. За исключением начальной сцены, сама съемочная группа осталась за кадром. Таким образом, участники семинара взяли на себя роль исследователей и документалистов, в то время как мы с моими местными коллегами следовали за ними и контролировали их работу, вмешиваясь лишь минимально. Эта перемена ролей становилась наиболее очевидной, когда съемочная группа беседовала с местными политиками и чиновниками, которые были крайне раздражены, что их снимали и интервьюировали местные жители, а не внешние эксперты.

В получившемся фильме фермеры изображаются как гордые и знающие эксперты в своей среде, в то время как представители местной элиты кажутся разобщенными и неуместными. По тому, каким образом участники семинара включили в фильм различные интервью, ревальвирующие их значимость, такое сопоставление может быть прочитано как критический анализ существующих соотношений сил.

Фильм «Секрет нашей окружающей среды», выпущенный в Ботсване в 2012 г., более откровенно политический. Хотя вначале фильм

знакомит с «традиционным» природопользованием, например с рыбным промыслом и сбором диких фруктов, основное внимание в нем сосредоточено на социальной сфере, находящейся во власти дикой природы, туризма и сельского хозяйства. Дикая природа и окружающая среда являются общинными ресурсами в Ботсване, однако международные игроки туристической индустрии забирают себе самую высокую долю дохода от них, организуя туризм в Серонге. Некоторые сельские жители получают небольшую заработную плату, работая в качестве экскурсоводов или обслуживающего персонала в одной из ближайших гостиниц, но большинство их являются фермерами, ведущими натуральное хозяйство и регулярно сталкивающимися с проблемой уничтожения их полей слонами или другими животными. Важно, что участники семинара решили не снимать «настоящих» действующих лиц, занимающихся бизнесом, – владельцев гостиниц или туроператоров, – но реконструировать значимые ситуации и разногласия посредством импровизированной актерской игры.

Фото 3. Съемки в Серонге, Ботсвана

Большая часть фильма показывает участников семинара, занимающихся своей повседневной работой (фермерство, рыбная ловля и проведение экскурсий) однако с долей самоиронии и театральности, благодаря элементу вымысленности, так же как и в этнографическом кино. В других случаях эти идеализированные саморепрезентации обретают более серьезную тональность. Так, в одной сцене участники попросили меня (выступив в роли туриста) поднять вопрос о неравенстве в дохо-

дах. После чего этот вопрос стал предметом обсуждения в импровизированной дискуссии с участием четырех участников из Ботсваны. Постановочные сцены дополнялись рядом интервью с политиками и чиновниками по тому же вопросу о неравномерном распределении доходов от природных ресурсов. Таким образом, один и тот же предмет обсуждался в двух различных режимах – вымышленном и реалистичном. Сначала я был удивлен, что участники были настолько откровенно критичны к своим политическим лидерам, в то время как другие аспекты проблемы они предпочли представить в игровой форме. Позже я понял, что в реальной манере они взаимодействовали с посторонними людьми, в то время как для обсуждения ситуации в деревне была более предпочтительна вымышленная структура.

Во время съемки именно этого фильма, по сравнению с остальными, роли и иерархии в проекте оказались наиболее пластичными. Во-первых, мой местный сорежиссер был одновременно активным членом съемочной группы. Во-вторых, участники семинара решили устроить постановочные сцены таким образом, чтобы самим попасть в кадр. Их постоянное перемещение то за, то перед камерой размыло границы между наблюдателями и наблюдаемыми. В-третьих, как упоминалось выше, участники попросили меня сыграть для них в одной из их постановок, еще больше ослабив традиционную иерархию между куратором и рядовыми участниками семинара. Это имело важные последствия для его дальнейшего развития и отношения к результатам работы. Значимость смены ролей и игры исследователей на камеру рассматривалась географом Сарой Киндон (Sara Kindon) на семинаре по ВВ, организованном ею во время своих исследований: «Подобные движения наших тел позади и перед камерой... символизируют степень дестабилизации традиционных отношений власти в исследовательских отношениях и, в особенности, претензии на неоспоримую прозрачность образа. В результате эти действия способствовали более явному признанию посредничества и ситуативности всех участников в политике производства знаний, связанных с целью проекта, а также вывели на более глубокий уровень доверия и понимания в рамках самого исследовательского партнерства» (Kindon 2003: 146).

Фильм «Мед», снятый в Анголе в 2013 г., был совершенно иным, главным образом потому, что мы с моим коллегой Мигелем Хиларио изо всех сил старались взаимодействовать с участниками нашего семинара. Мигель был родом из региона, находящегося в нескольких сотнях километров от этого места, и только недавно переехал в город поблизости отсюда. Он говорил на нгангуэла (Nganguela), умбунду и португальском, но не владел местным языком чокве. Хотя нам и удалось обсудить некоторые практические вопросы, подробные дискуссии на тему формы и содержания фильма, которые были центральным элемен-

том предыдущих семинаров, были невозможны. Когда я осознал эту проблему, в качестве дополнительного средства обмена информацией мы стали использовать рисунки. Например, участники сделали довольно тщательные зарисовки видов занятий, которые они хотели бы снять. Однако если участники предыдущих семинаров воспринимали всесторонние обсуждения как новый и обогащающий опыт, их отсутствие в Читембо (Chitembo) стало серьезным разочарованием для всех сторон.

Поэтому я попросил участников показать нам, о чем они хотели бы сделать фильм. Мы отправились в долгую прогулку по лесу, во время которой они показали нам с Мигелем улья. Было решено, что Куинтас (Quintas), один из них, бывший опытным пчеловодом, продемонстрирует для фильма процессы сооружения традиционного улья и сбора меда. Бино (Bino), второй участник, тоже разбиравшийся в пчеловодстве и знавший поэтому всю последовательность действий, оказался чрезвычайно талантливым оператором. Во время съемок двое мужчин прекрасно сработались, в результате чего появился этнографически насыщенный материал для наблюдения. В фильме показывается, как пчеловод сначала легко перемещается по лесу, собирая различные материалы, необходимые для улья, процесс строительства которого передается очень подробно: умелые руки и простые инструменты, создающие сложный образец ремесленного мастерства. Фильм представляет воплощенные в яркую форму знания и является прекрасным примером аудиовизуальной этнографии.

Примечательно, что ангольские участники также выстраивали свои отношения с исследователями не только словесно, но и посредством импровизации и игры. Так, когда снимали сцену, показывающую использование меда в приготовлении пищи, две женщины, которые этим занимались, сказали нам с Мигелем, что они хотели бы запечатлеть на камеру, как мы пробуем сделанное ими блюдо. Если группа в Ботсване еще до начала съемок попросила меня выступить в роли актера, то ангольские участники вовлекли нас в сюжет фильма непосредственно в их процессе. К нашему удивлению только во время монтажа (с переводчиком) мы узнали, что Аделина (Adelina) и Фатима (Fátima) договорились об этом заранее. Говоря (довольно покровительственно) о нас (но без нас), они настойчиво позиционировали нас как «других».

Три описанных здесь фильма иллюстрируют различные способы, с помощью которых включенная съемка может расширять и улучшать перформативное пространство, составленное семинарами (Kothari 2004; Kesby 2005). Несмотря на то что обстановка фильмов представляется неприемлемой или ограниченной для незападных людей (Faris 1992, Weiner 1997), можно видеть, что участники таких семинаров во всем мире успешно адаптировали ее для собственных целей (Turner 1992, 1995; Ginsburg 1991, 1995; Flores 2009). Мой собственный опыт пока-

зывает, что весь процесс кинопроизводства с присущими ему элементами совместного принятия решений, импровизации и актерского мастерства является собой уникальное пространство для взаимодействия и создания чего-то значимого в сотрудничестве между исследователями, участниками семинара и внешними актерами. Процесс съемки выступает центральным элементом, способствующим импровизации, игре, риску и случаю, которые Жан Руш считал необходимыми для «вдохновенной игры». Включение постановочных сюжетов создает двойственность между вымыслом и реальностью, что облегчает актерскую игру и усиливает иерархию в исследованиях и сфере кино.

Коллективный монтаж

Основная идея фильмов заключалась в том, чтобы показать разные аспекты природопользования и поговорить с людьми, интересными для участников семинара. Нас вдохновило этнографическое кино, сочетающее в себе наблюдение и беллетризацию с неформальными беседами и интервью. Поскольку ограниченные временные рамки не позволяли научить участников пользоваться монтажными программами, я монтировал вместе с упомянутыми выше коллегами, поддерживая постоянную связь с группой⁹. Мой монтаж был основан на принципах целостности и последовательности. Обычно я делал предварительный отбор из всего отснятого материала и представлял его группе.

Фото 4. Коллективный монтаж в Серонге, Ботсвана

Из видеосъемки наблюдений и реконструкций мы делали грубую нарезку, чтобы дать общее представление, как выглядят те или иные занятия; из диалогов и интервью вырезали лишние или непонятные куски. Затем встречались с группой, вместе отсматривали материал и обсуждали, какие действия, диалоги и выдержки из интервью должны быть включены в фильм, а какие можно оставить без внимания. Как правило, этот выбор основывался на согласованных решениях, в некоторых случаях мы даже организовывали голосование. Внеся изменения, мы снова встречались через несколько дней, чтобы продолжить дальше. Общий сценарий складывался уже в процессе монтажа, и нам обычно приходилось доснимать материал для заполнения пробелов, например начальные планы или финальную песню. Монтаж строился на принципах документального реализма и этнографического кино, а также определялся моим личным видением. В то же время участники семинара принимали важные для структуры фильма решения. На мой взгляд, способ, которым мы монтировали фильмы, представлял собой процесс совместного конструирования рождения смыслов.

Коллективное восприятие

Каждый семинар по созданию фильмов завершался несколькими показами, организованными участниками в своих деревнях. Отклики сообщества были в целом положительными и инициировали многочисленные дискуссии. В конце проекта, когда все фильмы были завершены, мы организовали деревенские показы всех трех фильмов в регионах исследования в Анголе, Намибии и Ботсване. Реакция аудитории однозначно свидетельствовала, что зрители сумели обнаружить параллели между собственными ситуациями и представленными в фильмах из соседних стран. По-видимому, фильмы смогли передать ощущение общей идентичности, несмотря на национальные, языковые и этнические различия. Показ фильмов в присутствии съемочной группы и главных героев предоставил новые возможности для их обсуждения (Englehart 2003; Stadler 2003). Хотелось бы заметить, что мощные импульсы от актерской игры распространялись на аудиторию и во время просмотра.

Дальнейшие перспективы

Можно рассматривать такой способ создания фильмов как форму «псевдовключенности», поскольку влияние их на исследования в целом и условия жизни людей было явно ограниченным. Однако мне хотелось бы оценить их позитивно. Прежде всего, сами участники проекта восприняли это как значимый для них опыт, а местные сообщества – как один из наиболее важных результатов исследования. Если посмотреть

шире, то эти фильмы визуализируют сельских жителей, которые иначе могли бы остаться лишь в рамках исследовательского проекта, невидимыми для широкой общественности. Эти фильмы изображают их как экспертов, знатоков своей окружающей среды, как активных и многогранных личностей. Еще более важно, что представители маргинальных сообществ в значительной степени повлияли на форму и содержание этих фильмов, играя лидирующие роли в процессе их производства. Наконец, я воспринимаю эти фильмы как форму антропологического исследования.

Фото 5. Показ фильма в Машаре, Намибия

Несмотря на множество общих черт, существует целый ряд методологических и эпистемологических различий между этнографическим фильмом и записями, сделанными режиссерами-не-антропологами. Исследовательские по своей природе этнографические фильмы «стремятся истолковать одно общество для другого» (MacDougall 1992: 96).

Подкрепленный антропологической теорией и основанный на полевых этнографических исследованиях, этот жанр обычно (но не исключительно) являет собой взгляд человека со стороны на изучаемую культуру или группу (см., например, MacDougall 1995; Ruby 2000). Индигенные фильмы и другие «тематические медиа» (Ruby 2000) – это саморепрезентации, направленные в первую очередь на членов собственного сообщества или культуры (Crawford 1995; Ginsburg 1995). Эти фильмы, как правило, являются скорее предикативными и кодифици-

рующими, чем исследовательскими, часто способствуя обсуждению культурной интичности (Ruby 2000: 196). Создание включенного этнографического кино не нацелено на предоставление возможности отдельным лицам или группам делать свои собственные фильмы, как в случае с индигенными медиа или недавней работой Дэвида Макдугалла (MacDougall et al. 2013). Описанные здесь фильмы сочетают антропологические и локальные перспективы в процессе межкультурного взаимодействия, одинаково интересного и значимого как для местной, так и для широкой аудитории. Включенное этнографическое кино может применяться во множестве разных контекстов. Передача камеры в руки представителей изучаемой культуры, что является одним из его основных принципов, полностью меняет процесс кинопроизводства и, следовательно, его результат.

Примечания

¹ Дополнительную информацию можно найти здесь: <http://future-okavango.org/> (дата обращения: 04.04.2016).

² Практики Руша многократно критиковались рядом ученых и режиссеров, увидевших в них патерналистскую, аполитичную, колонизаторскую и даже расистскую составляющую. Полный обзор критики см.: Henley 2009: 330.

³ В то время как сам Руш называл этот подход «cinéfiction», «кинофикшн», со временем он получил название «этнофикшн». Однако происхождение термина остается неизвестным (Henley 2009: 74, 441).

⁴ Известным исключением является «Проект Навахо» под руководством Сола Уорта (Sol Worth) и Джона Адэра (John Adair) (1972), которые обучили индейцев племени Навахо снимать видео на 16-миллиметровую киноплёнку. Однако они использовали эти фильмы в качестве материала для анализа, целью которого было выяснить, существует ли у представителей племени Навахо особый взгляд на мир, а также сделать более общие выводы об их мировоззрении и культуре.

⁵ Целью этих мероприятий было ознакомление с основными данными по определенной этнической группе или географической местности посредством демонстрации фильмов, снятых антропологами, съемочной группой и актерами, наряду с фильмами, созданными членами исследуемой группы. Для информации см. сайт Comité du Film Ethnographique (2016).

⁶ Прикладная визуальная антропология включает в себя разнообразные формы деятельности, связанные так тесно, что они «используют визуальную антропологическую теорию, методологию и практику для достижения прикладных неакадемических целей» (Pink 2006: 87). В то же время эти проекты потенциально могут снова обратиться к науке, внося вклад в построение теории и инновационной методологии (Pink 2009: 25).

⁷ Одним из подобных проектов, которому обычно приписывают большой вклад в развитие ВВ, является «Процесс Фого» (Fogo Process), ставший частью программы «Challenge for Change» Канадского национального управления кинематографии (NFB) (см.: Lunch & Lunch 2006; White 2003b; Frantz 2007).

⁸ В Анголе я решил попробовать другой подход, поскольку создание тематически сфокусированного фильма показалось мне более интересным с точки зрения кино. Коллега с проекта TFO, проводивший антропологическое исследование в этой местности, сказал мне, что пчелы являются здесь важным средством существования и источником прибыли. В связи с этим я спросил участников, хотели бы они снять фильм «Мёд». Они подтвердили значимость проблемы и решили сделать фильм о различных аспектах пчеловодства.

⁹ В Анголе мы наняли молодого человека, свободно владевшего чокве и португальским, для перевода и консультирования по вопросам культуры во время монтажа.

Литература

- Arnstein Sh.* A Ladder of Citizen Participation // *The City Reader*. Stout / Eds. by F. & R.T. Le Gates. New York ; London: Routledge, 2007. P. 244–255.
- Aufderheide P.* The Video in the Villages Project: Videomaking with and by Brazilian Indians // *Visual Anthropology Review*. 1995. № 11 (2). P. 83–93.
- Braden S.* Video for Development. A Casebook from Vietnam. Oxford: Oxfam, 1998.
- Cleaver F.* Paradoxes of Participation: Questioning Participatory Approaches to Development // *Journal of International Development*. 1999. № 11. P. 597–612.
- Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* / Eds. by J. Clifford, G. Marcus. University of California Press, 1986.
- Comité du Film Ethnographique.* Regards Comparés. 2016. URL: <http://comiteduflmethnographique.com/regards-compare> (accessed 15.04.2016).
- Cooke B., Kothari U.* The Case for Participation as Tyranny // *Participation: The New Tyranny?* / Eds. by B. Cooke, U. Kothari. London ; New York: Zed Books. 2004. P. XII. 207 s.
- Crawford P.I.* Nature and Advocacy in Ethnographic Film: The Case of Kayapó Imagery // *Advocacy and Indignous Filmmaking* / Eds. by H.H. Philippsen, B. Markussen. Højbjerg: Intervention Press, 1995. P. 7–22.
- D'engelbronner-kolff F.M.* A Web of Legal Cultures: Dispute Resolution Processes Amongst the Sambyu of Northern Namibia. Vrije Universiteit Amsterdam, 2001.
- Durington M.* Participatory and Applied Visual Anthropology with the Botswana San // *Visual Interventions: Applied Visual Anthropology*. Studies in Applied Anthropology / Ed. by S. Pink. Oxford: Berghahn, 2009. Vol. 4. P. 191–207.
- Elder S.* Collaborative Filmmaking: An Open Space for Making Meaning, a Moral Ground for Ethnographic Film // *Visual Anthropology Review*. 1995. № 11 (2). P. 94–101.
- Engelhart L.* Media Activism in the Screening Room: The Significance of Viewing Locations, Facilitation and Audience Dynamics in the Reception of HIV/AIDS Films in South Africa // *Visual Anthropology Review*. 2003. № 19 (1–2). P. 73–85.
- Faris J.* Anthropological Transparency: Film, Representation and Politics // *Film as Ethnography* / Eds. by P.I. Crawford, D. Turton. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 171–182.
- Ferguson J.* The Anti-Politics Machine: «Development», Depoliticization, and Bureaucratic Power in Lesotho. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.
- Flores C.* Sharing Anthropology: Collaborative Video Experiences among Maya Film-Makers in Post-War Guatemala // *Visual Interventions: Applied Visual Anthropology*. Studies in Applied Anthropology / Ed. by S. Pink. Oxford: Berghahn, 2009. Vol. 4. P. 209–223.
- Foucault M.* Discipline & Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1995.
- Foucault M.* Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Harlow: Pearson Education, 2010.
- Frantz J.* Using Participatory Video to Enrich Planning Processes // *Planning Theory & Practice*. 2007. № 8 (1). P. 103–107.
- Freire P.* Pädagogik Der Unterdrückten: Bildung Als Praxis Der Freiheit. Reinbek: Rowohlt, 1977.
- Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Ginsburg F.* The Parallax Effect: The Impact of Aboriginal Media on Ethnographic Film // *Visual Anthropology Review*. 1995. № 11 (2). P. 64–76.
- Ginsburg F.* Indigenous Media: Faustian Contract or Global Village? // *Cultural Anthropology*. 1991. № 6 (1). P. 92–112.

- Ginsburg F. Native Intelligence: A Short History of Debates on Indigenous Media and Ethnographic Film // *Made to Be Seen: Perspectives on the History of Visual Anthropology* / Eds. by J. Ruby, M. Banks. Chicago ; London: University of Chicago Press, 2011.
- Ginsburg F., Abu-lughod L., Larkin B. Introduction // *Media Worlds: Anthropology on New Terrain* / Eds. by F. Ginsburg, L. Abu-Lughod, B. Larkin. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 1–36.
- Goffman E. *Wir Alle Spielen Theater: Die Selbstdarstellung Im Alltag*. München: Piper, 2010.
- Grimshaw A. *The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Modern Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Gruber M. *Liparu Lyetu – Our Life. Participatory Ethnographic Filmmaking in Applied Contexts*. Bremen: University of Bremen, 2015.
- Henkel H., Stirrat R. Participation as Spiritual Duty, Empowerment as Secular Subjection. In *Participation: The New Tyranny?* / Eds. by B. Cooke, U. Kothari. London: Zed Books, 2004. P. 168–184.
- Henley P. Putting Film to Work: Observational Cinema as Practical Ethnography // *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography* / Eds. by S. Pink, L. Kürti, A.I. Afonso. London ; New York: Routledge, 2004. P. 109–130.
- Henley P. *The Adventure of the Real: Jean Rouch and the Craft of Ethnographic Cinema*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009.
- Jørgensen A.M. Filmmaking as Ethnographic Dialogues: Rouch's Family of «Scoundrels» in Niger // *Visual Anthropology*. 2007. № 20 (1). P. 57–73.
- Kesby M. Rethorizing Empowerment-through-Participation as a Performance in Space: Beyond Tyranny to Transformation // *Signs*. 2005. № 30 (4). P. 2037–2065.
- Kindon S. Participatory Video in Geographic Research: A Feminist Practice of Looking? // *Area*. 2003. № 35 (2).
- Kothari U. Power, Knowledge and Social Control in Participatory Development // *Participation: The New Tyranny?* / Eds. by B. Cooke, U. Kothari. London: Zed Books, 2004. P. 139–152.
- Loizos P. *Innovation in Ethnographic Film from Innocence to Self-Consciousness, 1955–1985*. Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Lunch N., Lunch C. *Insight into Participatory Video. A Handbook or the Field*. Oxford: Insightshare, 2006.
- Macdougall D. Media Friend or Media Foe? // *Visual Anthropology*. 1987. № 1 (1). P. 54–58.
- Macdougall D. Complicities of Style // *Film as Ethnography* / Eds. by P.I. Crawford, D. Turton. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 90–98.
- Macdougall D. Beyond Observational Cinema // *Principles of Visual Anthropology* / Ed. by P. Hockings. Berlin; New York de Gruyter, 1995. P. 115–133.
- Menter H., Roa M.C., Beccera O.F., Roa C., Celemin W. Using Participatory Video to Develop Youth Leadership Skills in Colombia // *Participatory Learning and Action*. 2006. № 55 (December). P. 107–114.
- Michaels E. *The Aboriginal Invention of Television in Central Australia. 1982–1986*. Australian Inst. of Aboriginal Studies. 1986.
- Mistry J., Berardi A. The Challenges and Opportunities of Participatory Video in Geographical Research: Exploring Collaboration with Indigenous Communities in the North Rupununi, Guyana // *Area*. 2011. P. 1–7.
- Mosse D. 'People's Knowledge', Participation and Patronage: Operations and Representations in Rural Development // *Participation: The New Tyranny?* / Eds. by B. Cooke, U. Kothari. London: Zed Books, 2004. P. 16–35.
- Nichols B. The Ethnographer's Tale // *Visual Anthropology Review*. 1991. № 7 (2). P. 31–47.
- Nigg H., Wade G. *Community Media: Community Communication in the United Kingdom – Video, Local T. V., Film and Photography*. Zürich: Regenbogen-Verlag, 1980.

- Oakley P.* Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development. Geneva: International Labour Office, 1991.
- Pink S.* The Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses. Routledge, 2006.
- Pink S.* Applied Visual Anthropology. Social Interventions and Visual Methodologies // Visual Interventions: Applied Visual Anthropology / Ed. by S. Pink. Oxford: Berghahn, 2009. P. 3–28.
- Rouch J.* Ciné-Ethnography. University of Minnesota Press, 2003.
- Ruby J.* Picturing Culture: Explorations of Film & Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Russell W.A., Wickson F., Carew A.L.* Transdisciplinarity: Context, Contradictions and Capacity // Futures. 2008. № 40 (5). P. 460–472.
- Sjöberg J.* Ethnofction: Drama as a Creative Research Practice in Ethnographic Film // Journal of Media Practice. 2008. № 9 (3). P. 229–242.
- Sjöberg J.* Ethnofction and Beyond: The Legacy of Projective Improvisation in Ethnographic Filmmaking. Paper Presented at the International Conference 'a Knowledge Beyond Text' at Centre Pompidou in Paris, November 2009. URL: www.comite-flm-ethno.net/colloque-jean-rouch/textes-colloque-JR/Sjoberg.pdf (accessed: 16.10.2011).
- Stadler J.* Narrative, Understanding and Identification in Steps for the Future: HIV/AIDS Documentaries // Visual Anthropology Review. 2003. № 19 (1–2). P. 86–101.
- Stoller P.* The Cinematic Griot: The Ethnography of Jean Rouch. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Turner T.* The Social Dynamics of Video Media in an Indigenous Society: The Cultural Meaning and the Personal Politics of Video-Making in Kayapo Communities // Visual Anthropology Review. 1991. № 7 (2). P. 68–76.
- Turner T.* Defiant Images: The Kayapo Appropriation of Video // Anthropology Today. 1992. № 8 (6). P. 5–16.
- Turner T.* Representation, Collaboration and Mediation in Contemporary Ethnographic and Indigenous Media // Visual Anthropology Review. 1995. № 11 (2). P. 102–106.
- Verba S., Nie N.H.* Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York: Harper, Row, 1972.
- Weinberger E.* The Camera People // Visualizing Theory. Selected Essays from V.A.R. 1990–1994 / Ed. by L. Taylor. New York; London: Routledge, 1994. P. 3–26.
- Weiner J.F.* Televisualist Anthropology: Representation, Aesthetics, Politics // Current Anthropology. 1997. № 38 (2). P. 197–235.
- White S.A.* Participatory Video: A Process That Transforms the Self and the Other // Participatory Video: Images That Transform and Empower / Ed. by S.A. White. London: Sage Publications, 2003a. P. 63–101.
- White S.A.* Participatory Video: Images That Transform and Empower. London: Sage Publications, 2003b.
- Wickson F., Carew A.L., Russell A. Wendy.* Transdisciplinary Research: Characteristics, Quandaries and Quality // Futures. 2006. № 38. P. 1046–1059.
- Worth S., Adair J.* Through Navajo Eyes: An Exploration in Film Communication and Anthropology. Bloomington, London: Indiana University Press, 1972.
- Zoetl P.A.* Images of Culture: Participatory Video, Identity and Empowerment // International Journal of Cultural Studies published online. 3 August 2012. DOI: 10.1177/1367877912452498.

Перевод с английского языка Е.В. ван Гервен

Статья поступила в редакцию 6 января 2017 г.

Gruber Martin

PARTICIPATORY ETHNOGRAPHIC FILMMAKING: TRANSCULTURAL COLLABORATION IN RESEARCH AND FILMMAKING

Abstract. This paper introduces an approach of Participatory Ethnographic Filmmaking the author developed by making films together with rural dwellers in Namibia, Botswana and Angola. Grounded in the field of ethnographic filmmaking, it aims at making anthropologically informed films together with groups of people with no previous filmmaking experience. Workshop participants shape the form and content of the film and contribute to its practical making. In this paper, the author explains how such films can be made in a wide range of different settings. Participatory Ethnographic Filmmaking gives the participants the possibility to shape their own media image and generates new forms of collaborative knowledge.

Keywords: visual anthropology, ethnographic film, participatory filmmaking, collaborative filmmaking, collaborative research, audio-visual ethnography, collaborative knowledge

DOI: 10.17223/2312461X/17/4

References

- Arnstein, Sh. A Ladder of Citizen Participation, *The City Reader*. Stout, F. & R. T. Le Gates (eds.). New York & London: Routledge. 2007, pp. 244–255.
- Aufderheide, P. The Video in the Villages Project: Videomaking with and by Brazilian Indians, *Visual Anthropology Review*, 1995, no. 11(2), pp. 83–93.
- Braden, S. *Video for Development. A Casebook from Vietnam*. Oxford: Oxfam, 1998.
- Cleaver, F. Paradoxes of Participation: Questioning Participatory Approaches to Development, *Journal of International Development*, 1999, no. 11, pp. 597–612.
- Clifford, J., Marcus, G. eds. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. University of California Press, 1986.
- Comité du Film Éthnographique. *Regards Comparés*. 2016. Available at: <http://comiteduflmethnographique.com/regards-comparés> (Accessed 15 April 2016).
- Cooke, B., Kothari, U. The Case for Participation as Tyranny, *Participation: The New Tyranny?* Cooke, B. & U. Kothari (eds.). London & New York: Zed Books, 2004, P. XII, 207 p.
- Crawford, P.I. Nature and Advocacy in Ethnographic Film: The Case of Kayapó Imagery, *Advocacy and Indigenuous Filmmaking*. Philippsen, H. H. & B. Markussen (eds.). Højbjerg: Intervention Press, 1995, pp. 7–22.
- D'engelbronner-kolff, F.M. *A Web of Legal Cultures: Dispute Resolution Processes Amongst the Sambyu of Northern Namibia*. Vrije Universiteit Amsterdam, 2001.
- Durington, M. Participatory and Applied Visual Anthropology with the Botswana San., *Visual Interventions: Applied Visual Anthropology. Studies in Applied Anthropology*, Vol. 4. Pink, S. (ed.). Oxford: Berghahn, 2009, pp. 191–207.
- Elder, S. Collaborative Filmmaking: An Open Space for Making Meaning, a Moral Ground for Ethnographic Film, *Visual Anthropology Review*, 1995, no. 11(2), pp. 94–101.
- Englehart, L. Media Activism in the Screening Room: The Significance of Viewing Locations, Facilitation and Audience Dynamics in the Reception of HIV/AIDS Films in South Africa, *Visual Anthropology Review*, 2003, no. 19 (1-2), pp. 73–85.
- Faris, J. Anthropological Transparency: Film, Representation and Politics, *Film as Ethnography*. Crawford, P. I. & D. Turton (eds.). Manchester: Manchester University Press, 1992, pp. 171–182.
- Ferguson, J. *The Anti-Politics Machine: «Development», Depoliticization, and Bureaucratic Power in Lesotho*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.

- Flores, C. Sharing Anthropology: Collaborative Video Experiences among Maya Film-Makers in Post-War Guatemala, *Visual Interventions: Applied Visual Anthropology. Studies in Applied Anthropology*, Vol. 4, Pink, S. (ed.). Oxford: Berghahn, 2009, pp. 209–223.
- Foucault, M. *Discipline & Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books. 1995.
- Foucault, M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. Harlow: Pearson Education, 2010.
- Frantz, J. Using Participatory Video to Enrich Planning Processes, *Planning Theory & Practice*, 2007, no. 8 (1), pp. 103–107.
- Freire, P. *Pädagogik Der Unterdrückten: Bildung Als Praxis Der Freiheit*. Reinbek: Rowohlt, 1977.
- Giddens, A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Ginsburg, F. Indigenous Media: Faustian Contract or Global Village?, *Cultural Anthropology*, 1991, no. 6 (1), pp. 92–112.
- Ginsburg, F. Native Intelligence: A Short History of Debates on Indigenous Media and Ethnographic Film, *Made to Be Seen: Perspectives on the History of Visual Anthropology*. Ruby, J. & M. Banks (eds.). Chicago and London: University of Chicago Press, 2011.
- Ginsburg, F. The Parallax Effect: The Impact of Aboriginal Media on Ethnographic Film, *Visual Anthropology Review*, 1995, no. 11 (2), pp. 64–76.
- Ginsburg, F., Abu-lughod, L., Larkin, B. Introduction, *Media Worlds : Anthropology on New Terrain*. Ginsburg, F., L. Abu-Lughod & B. Larkin (eds.). Berkeley: University of California Press, 2002, pp. 1–36.
- Goffman, E. *Wir Alle Spielen Theater: Die Selbstdarstellung Im Alltag*. München: Piper, 2010.
- Grimshaw, A. *The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Modern Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Gruber, M. *Liparu Lyetu - Our Life. Participatory Ethnographic Filmmaking in Applied Contexts*. Bremen: University of Bremen. 2015.
- Henkel, H., Stirrat, R. Participation as Spiritual Duty; Empowerment as Secular Subjection, *Participation: The New Tyranny?* Cooke, B. & U. Kothari (eds.). London: Zed Books, 2004, pp. 168–184.
- Henley, P. Putting Film to Work: Observational Cinema as Practical Ethnography, *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography*. Pink, S., L. Kürti & A. I. Afonso (eds.). London & New York: Routledge, 2004, pp. 109–130.
- Henley, P. *The Adventure of the Real: Jean Rouch and the Craft of Ethnographic Cinema*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009.
- Jørgensen, A.M. Filmmaking as Ethnographic Dialogues: Rouch's Family of «Scoundrels» in Niger, *Visual Anthropology*, 2007, no. 20 (1), pp. 57–73.
- Kesby, M. Retheorizing Empowerment-through-Participation as a Performance in Space: Beyond Tyranny to Transformation, *Signs*, 2005, no. 30 (4), pp. 2037–2065.
- Kindon, S. Participatory Video in Geographic Research: A Feminist Practice of Looking?, *Area*, 2003, no. 35 (2).
- Kothari, U. Power, Knowledge and Social Control in Participatory Development, *Participation: The New Tyranny?* Cooke, B. & U. Kothari (eds.). London: Zed Books, 2004, pp. 139–152.
- Loizos, P. *Innovation in Ethnographic Film from Innocence to Self-Consciousness, 1955–85*. Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Lunch, N., Lunch, C. *Insight into Participatory Video. A Handbook or the Field*. Oxford: Insightshare, 2006.
- Macdougall, D. Beyond Observational Cinema, *Principles of Visual Anthropology*. Hockings, P. (ed). Berlin & New York de Gruyter, 1995, pp. 115–133.
- Macdougall, D. Complicities of Style, *Film as Ethnography*. Crawford, P. I. & D. Turton (eds.). Manchester: Manchester University Press, 1992, pp. 90–98.

- Macdougall, D. Media Friend or Media Foe?, *Visual Anthropology*, 1987, no. 1 (1), pp. 54–58.
- Menter, H., Roa, M.C., Beccera, O.F., Roa, C., Celemin, W. Using Participatory Video to Develop Youth Leadership Skills in Colombia, *Participatory Learning and Action*, 2006, no. 55 (December), pp. 107–114.
- Michaels, E. *The Aboriginal Invention of Television in Central Australia. 1982–1986*. Australian Inst. of Aboriginal Studies, 1986.
- Mistry, J., Berardi, A. The Challenges and Opportunities of Participatory Video in Geographical Research: Exploring Collaboration with Indigenous Communities in the North Rupununi, Guyana, *Area*, 2011, pp. 1–7.
- Mosse, D. ‘People’s Knowledge’, Participation and Patronage: Operations and Representations in Rural Development, *Participation: The New Tyranny?* Cooke, B. & U. Kothari (eds). London: Zed Books, 2004, pp. 16–35.
- Nichols, B. The Ethnographer’s Tale, *Visual Anthropology Review*, 1991, no. 7(2), pp. 31–47.
- Nigg, H., Wade, G. *Community Media: Community Communication in the United Kingdom - Video, Local T. V., Film and Photography*. Zürich: Regenbogen-Verlag, 1980.
- Oakley, P. *Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development*. Geneva: International Labour Office, 1991.
- Pink, S. Applied Visual Anthropology. Social Interventions and Visual Methodologies, *Visual Interventions: Applied Visual Anthropology*. Pink, S. (ed.). Oxford: Berghahn, 2009, pp. 3–28.
- Pink, S. *The Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses*. Routledge, 2006.
- Rouch, J. *Ciné-Ethnography*. University of Minnesota Press, 2003.
- Ruby, J. *Picturing Culture: Explorations of Film & Anthropology*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Russell, W.A., Wickson, F., Carew, A.L. Transdisciplinarity: Context, Contradictions and Capacity, *Futures*, 2008, no. 40 (5), pp. 460–472.
- Sjöberg, J. *Ethnofction and Beyond: The Legacy of Projective Improvisation in Ethnographic Filmmaking*. Paper Presented at the International Conference ‘a Knowledge Beyond Text’ at Centre Pompidou in Paris, November 2009. Available at: www.comite-flm-ethno.net/colloque-jean-rouch/textes-colloque-JR/Sjoberg.pdf (Accessed 16 October 2011).
- Sjöberg, J. Ethnofction: Drama as a Creative Research Practice in Ethnographic Film, *Journal of Media Practice*, 2008, no. 9 (3), pp. 229–242.
- Stadler, J. Narrative, Understanding and Identification in Steps for the Future: HIV/AIDS Documentaries, *Visual Anthropology Review*, 2003, no. 19 (1-2), pp. 86–101.
- Stoller, P. *The Cinematic Griot: The Ethnography of Jean Rouch*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Turner, T. Defant Images: The Kayapo Appropriation of Video, *Anthropology Today*, 1992, no. 8 (6), pp. 5–16.
- Turner, T. Representation, Collaboration and Mediation in Contemporary Ethnographic and Indigenous Media, *Visual Anthropology Review*, 1995, no. 11 (2), pp. 102–106.
- Turner, T. The Social Dynamics of Video Media in an Indigenous Society: The Cultural Meaning and the Personal Politics of Video-Making in Kayapo Communities, *Visual Anthropology Review*, 1991, no. 7 (2), pp. 68–76.
- Verba, S., Nie, N.H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper, Row, 1972.
- Weinberger, E. The Camera People, *Visualizing Theory. Selected Essays from V.A.R. 1990–1994*. Taylor, L. (ed.). New York & London: Routledge, 1994, pp. 3–26.
- Weiner, J.F. Televisualist Anthropology: Representation, Aesthetics, Politics, *Current Anthropology*, 1997, no. 38 (2), pp. 197–235.

- White, S. A. Participatory Video: A Process That Transforms the Self and the Other, *Participatory Video: Images That Transform and Empower*. White, S. A. (ed.). London: Sage Publications, 2003, pp. 63–101.
- White, S. A. *Participatory Video: Images That Transform and Empower*. London: Sage Publications, 2003.
- Wickson, F., Carew, A.L., Russell, A. Wendy. Transdisciplinary Research: Characteristics, Quandaries and Quality, *Futures*, 2006, no. 38, pp. 1046–1059.
- Worth, S., Adair, J. *Through Navajo Eyes: An Exploration in Film Communication and Anthropology*. Bloomington, London: Indiana University Press, 1972.
- Zoetl, P.A. Images of Culture: Participatory Video, Identity and Empowerment, *International Journal of Cultural Studies* published online 3 August 2012: DOI: 10.1177/1367877912452498.

ПЕРЕСМАТРИВАЯ «СКАНДИНАВСКИЙ ГЛАЗ». NAFA С 1975 ПО 2015¹

Питер Ян Крофорд

Аннотация. Анализируются итоги международного фестиваля NAFA (Скандинавская Ассоциация антропологического фильма), то, каким образом происходило его становление и что он представляет собой в настоящее время.

Ключевые слова: визуальная антропология, NAFA (Скандинавская Ассоциация антропологического фильма), фестиваль

Введение

Представляя NAFA (Скандинавскую Ассоциацию антропологического фильма), к примеру, на конференциях и фестивалях, я часто называю ее самым старым в Европе, если не в мире, собственно этнографическим кинофестивалем. Строго говоря, это не совсем верно по ряду причин. Во-первых, фактически NAFA – не кинофестиваль, но, как указывает расшифровка акронима, ассоциация. С 1975 г.² существует ассоциация учреждений антропологии³, т.е. главным образом университетских кафедр и музеев, в скандинавских странах, которая охватывает Исландию, Финляндию, Швецию, Норвегию и Данию и включает более или менее политически автономные территории Сапми (Sàpmi), Ааланд (Aaland), Калааллит Нунаат (Kalaallit Nunaat) (Гренландия) и Фарерские острова.

Во-вторых, конечно, Фестиваль дей Пополи (Festival dei Popoli) в Европе со значительным включением в программу фильмов этнографического содержания, стал проводиться за несколько лет до того, как NAFA тоже начала организовывать фестивали, хотя можно сказать и то, что Festival dei Popoli в течение долгого времени не был последовательно «этнографическим», в отличие от NAFA. Если же поискать за пределами Европы, то, несомненно, кинофестиваль Маргарет Мид (Margaret Mead), организованный Тимоти Эшем (Timothy Garton Ash) в университете Южной Калифорнии в 1976 г. по случаю празднования 75-летия Мид, чтобы отметить ее пионерскую роль во внедрении фильмов в антропологические исследования во всем мире, обошел NAFA на несколько лет.

В-третьих, хотя с течением времени появлялись и другие фестивали, ни один из них не был таким, как NAFA. Изначально Международный

этнографический кинофестиваль NAFA проводился с 1979 г.⁴ почти ежегодно. Основная идея заключалась в том, чтобы фестиваль каждый раз проходил в разных местах силами местных комитетов, и, прежде всего, организатором становилось бы одно из более чем 20 учреждений-соучредителей. В этом смысле фестиваль NAFA – не фестиваль, а много разных фестивалей.

Наконец, вдобавок к его очевидным отличиям, с 2001 г. фестиваль NAFA разросся за пределы своих «скандинавских» корней, будучи много раз проведен в других европейских странах. В планах на будущее – организация фестиваля за пределами Европы. Итак, в статье анализируются итоги NAFA (хотя это не фестиваль в узком смысле слова), с фокусом на том, что собственно его составляет и определяет. К счастью, история и развитие NAFA, и шире – визуальной антропологии в скандинавских странах, были представлены в других работах⁵, и поэтому такая деятельность NAFA, как киноархив, книжная серия и информационный бюллетень, будет показана здесь лишь в той степени, в какой она играет роль в истории фестиваля NAFA.

Первые годы. Фестиваль, пытающийся встать на ноги и позволяющий встретиться антропологам и режиссерам

До первого фестиваля NAFA, проведенного в Стокгольме в 1979 г. в Национальном музее этнографии (Etnografiska Museet), основной деятельностью NAFA должно было быть создание 16-миллиметрового киноархива, с тем, чтобы сделать фильмы доступными для антропологов, преподающих на кафедрах антропологии, разрастающихся в скандинавских университетах, и для музеев, использующих этнографические фильмы на публичных мероприятиях. Прагматическая задача, инициировавшая идею организации ежегодного фестиваля, заключалась в возможности увидеть новые этнографические фильмы членам NAFA. Из числа таких фильмов ежегодное собрание, проводившееся вместе с фестивалем, выбирало картины для архива⁶. В то время надлежащий экранный формат фильмов составлял 16 мм (киноплёнка), соответственно, распространение всех фильмов среди участников собрания до встречи было весьма дорогостоящим мероприятием. Число представленных или в первые годы выбранных заранее и «приглашенных» фильмов было довольно ограничено, обычно не более 6–10⁷. Рост стоимости 16-миллиметровой пленки означал, что обычно мы могли позволить себе купить от одного до трех фильмов, в зависимости от хронометража и других моментов.

С самого начала NAFA старалась сделать возможным присутствие как можно большего числа режиссеров непосредственно на показах фильмов, но, к сожалению, эта идея часто проваливалась из-за финан-

совых обстоятельств. Кроме того, тогда существовало довольно жесткое различие между фильмом как искусством и антропологией как академической дисциплиной, приводящее организацию подобного события в уязвимое и неустойчивое действие. Например, если вы получали некоторое финансирование «киношной» части мероприятия, оно немедленно определялось как «ненаучное», что препятствовало финансированию его академической части, и наоборот. Эта проблема, кажется, до сих пор преследует этнографические кинофестивали, хотя границы между академическим миром и миром искусства соблюдаются, возможно, уже не так строго, а многолетний опыт позволяет организаторам более эффективно лавировать среди источников финансовой поддержки.

Несмотря на эти прозаические препятствия, NAFA, в некоторых случаях почти по волшебству, удалось утвердиться в качестве новаторского фестиваля, объединяющего режиссеров и других представителей киноиндустрии с социальными антропологами и прочими исследователями. С самого начала зернышко успеха, надо полагать, проросло среди кинематографистов, которые почувствовали, что они могли бы чему-то научиться у антропологов, особенно тому, как «иметь дело с людьми», и поведению в поле, тогда как антропологи, многие⁸ из которых явно выражали интерес к тому, чтобы стать режиссерами⁸, возможно, подчас некритически впитывали всю, какую могли, информацию у кинематографистов, как о практических аспектах кинопроизводства, так и относительно теоретических и концептуальных способов создания, анализа и обсуждения фильмов.

Скоро стало очевидно, что первые годы NAFA были положены почти исключительно на то, что немного позднее превратилось в модное словечко, – на нетворкинг. Один из отцов-основателей и многолетний⁹ генеральный секретарь Хеймо Лаппалайнен (Heimo Lappalainen), который при жизни обрел почти мифологический статус, был невероятным коммуникатором; налаживание связей играло основную роль в первое десятилетие (или около того) фестивалей NAFA. С помощью этого начинателя, который стал заместителем генерального секретаря, будучи еще студентом, и Кнута Экстрёма (Knut Ekström), казначея NAFA, бывшего одним из немногих антропологов, ухитрившихся также профессионально утвердиться в мире кино¹⁰, сеть распространялась вширь. В те годы были установлены личные отношения со многими режиссерами-антропологами, которых рассматривают как «пионеров», такими как Дэвид и Джудит МакДугалл (David и Judith MacDougall), Жан Руш (Jean Rouch), Асен Баликчи (Asen Balikci), Ян Данолп (Ian Dunlop), Тимоти Эш (Timothy Asch), Джордж Прелоран (Jorge Preloran), Джон Маршалл (John Marshall), Херб де Гийо (Herb di Gioia) и Гарри Кильдеа (Gary Kildea).

И все-таки один человек из кинематографической среды оказал, вероятно, более глубокое и сильное влияние, чем кто-либо еще. Колин Янг (Colin Young), который к тому времени стал директором Национальной школы кино и телевидения (NFTS) в Великобритании, не только сформировал философию так называемого наблюдательного кино (Young 1975; Grimshaw, Ravetz 2009), но совместно с Вальтером Голдшмидтом (Walter Goldschmidt) инициировал программу этнографического кино в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе в 1966 г., налаживая тем самым связи между антропологией и документальным кинопроизводством.

Став директором NFTS, он продолжал эту деятельность, добывая гранты через Фонд Ливерхалма (Leverhulme Trust), позволяющие нескольким ученым антропологам одновременно пройти обучение профессиональной режиссуре, тогда как подобных возможностей в Европе не было или было немного. Влияние Колина в первые годы было огромно именно потому, что он помогал нам налаживать контакты, представив NAFA таким людям, как Питер Уоткинс (Peter Watkins), режиссеру документальной драмы BBC «Военная игра» (1965), и Дэвиду МакДугаллу (David MacDougall), который принял участие в программе Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и стал одним из наиболее уважаемых режиссеров-антропологов в мире.

Через Колина Янга NAFA выстроила тесные отношения с Национальной школой кино и телевидения (NFTS), которые длятся много лет и благодаря которым Колин, позже вместе с Херби ди Джойа (Herb di Gioia), директором документальных фильмов, а спустя несколько лет и с Тони Бромхедом (Toni de Bromhead)¹¹, который преподавал там, подготовили студентов¹², показавших свои дипломные и другие фильмы. Обусловленное этим взаимообогащение идей, не принимая во внимание замечательные неформальные встречи (которые тоже были), вдохновило многих скандинавских антропологов включиться в этнографическое кино, которое, развиваясь, стало известно как визуальная антропология.

Однако такое воздействие шло не только из англоязычного мира. Поскольку антропологи и студенты в скандинавских странах не имели доступа к обучению режиссуре, за исключением полного погружения в четырехлетнюю программу одной из национальных киношкол¹³, эти отчаявшиеся научиться практике (и теории) создания фильмов были вынуждены искать счастья в других странах. Можно говорить о целом поколении скандинавских режиссеров-этнографов, таких как Перле Моль (Perle Møhl), Кнуд Фишер-Мøллер (Knud Fischer-Møller), Берит Мэдсен (Berit Madsen), Энн-Метт Йоргенсен (Anne-Mette Jørgensen), Дитта М. Зееберг (Ditte M. Seeberg) и Торил С. Йенссен (Toril S. Jenssen), которые продолжают заниматься этнографическим кино и визуальной антропологией и которым повезло пройти обучение на

кратких курсах киношколы студии VARAN в Париже. Кроме того VARAN, как и NFTS, но на несколько лет позже, начал участвовать в фестивалях NAFA, присылая студентов и фильмы¹⁴. VARAN действовал и проводил семинары по всему миру, особенно в так называемых странах третьего мира, равно как антропологи, опять-таки в сотрудничестве с киношколой, делали столь необходимый вклад во внедрение этнографических фильмов на далеком севере.

Юность фестивалей NAFA. Фильм, теория и развитие визуальной антропологии. 1990-е и начало 2000-х

Ранние фестивали, таким образом, были местом встречи антропологов и режиссеров, программа состояла в основном из демонстрации фильмов, сопровождаемых обсуждениями, и иногда каких-нибудь мастер-классов. Некоторые мероприятия были довольно крупными, но большая часть – небольшими и интимными, фестиваль Blidö 1983 г. на островке Стокгольмского архипелага был, возможно, архетипичным событием NAFA, на который были приглашены некоторые вдохновляющие режиссеры, в данном случае Колин Янг и Дэвид МакДугалл, чтобы научить нас, довольно несведущих антропологов, как грамотно говорить о кино.

В последующие 10–20 лет многое оказало влияние на фестивали NAFA. Во-первых, сложился новый формат мероприятия, в первый раз представленный на фестивале в Дании в Орхусском университете в 1984 г. Идея состояла в том, чтобы совместить фестиваль с другим более академическим мероприятием, типа семинара или симпозиума, часто организованного вокруг специальной темы (тогда, по более или менее очевидным причинам, это была «Гренландия и Арктика»¹⁵) и сопровождающегося кинопоказами. Это тот формат, которому NAFA более или менее следует в настоящее время. Фестивальной части «надлежало» сохраняться в качестве важного компонента по той простой причине, что фильмы, которые покупались для архива, должны были увидеть члены NAFA.

Во-вторых, и это стало ясно с годами, несмотря на прекрасные вложения, сделанные сетью наших киношкол, в наибольшей степени NFTS и VARAN, что-то было потеряно, что-то больше связывалось с «теорией» или «академией», возможно, потому что очень немногие создатели фильмов, присутствовавших на фестивалях, писали что-нибудь о своих фильмах и процессе их создания¹⁶, вкладываясь в более привычный способ иметь дело с академической теорией. К тому времени об «этнографическом кино» было написано очень мало, но это должно было измениться благодаря антропологам, все больше проявляющими заинтересованность и начинающими писать об этом, а также некоторым

киноведам, в отличие от режиссеров, демонстрирующими внимание к феномену, называемому этнографический фильм. Билл Николас (Bill Nichols), по-видимому, лучший пример последнего, почему он и был приглашен в качестве основного докладчика на новое в контексте NAFA мероприятие, проведенное в Осло в 1991 г. и названное конференцией, несмотря на то, что она включала в себя показ новых этнографических фильмов¹⁷. Прямым результатом этого, демонстрирующим что NAFA снова становится более академическим, была идея начать выпускать книжную серию NAFA. Первый выпуск, содержащий важные материалы, в том числе и Билла Николсона, и Дэвида МакДугалла, вышел несколько лет спустя¹⁸.

Наконец, в-третьих, в этот период мы начали испытывать наступление видео, которое, конечно же, должно было глубоко и по-разному повлиять на фестиваль и кинопоказы. Один из моментов относился к техническим аспектам, например кошмарная необходимость иметь дело с увесистыми бобинами 16-миллиметровых фильмов, доставка которых стоила целое состояние, сменилась другой кошмарной необходимостью искать способы демонстрации видео всевозможных форматов, которые появлялись и, как поначалу полагали многие из нас, имели абсолютно ужасное качество изображения. Однако скоро мы обнаружили, что новая технология имеет и свои преимущества, прежде всего, возможно, заключающиеся в увеличении доступности. Это означало, например, что люди и группы, которые, будучи в развивающихся странах или среди индигенного населения, не имели возможности использовать съемку в своей работе, теперь снимали интересный материал, который мы могли показывать на фестивалях NAFA. Наглядными примерами этого были фильмы, которые вылились из работы Терренса Тарнера (Terence Turner) с каяпо (Kayapó) (Crawford 1995), Винсента Карелли (Vincent Carrelli) и Доменика Гальо (Dominique Gallo), инициировавших проект «Видео в деревнях» в Бразилии (Gallois, Carrelli 1995), и обучающего тренинга Асена Баликчи (Asen Balikci) и Марка Бэджера (Mark Badger) среди коренных народов Сибири (Balikci, Badger 1995). Возрастание доступности съемки, несомненно, сыграло роль также в организации преподавания этнографического кино в университетах и подготовке так называемых программ визуальной антропологии, обучающих теории и практике создания изображений. Неожиданно мы получили большое количество фильмов, сделанных не только студентами киношкол, но и студентами таких учреждений, как Гранда-центр визуальной антропологии в Манчестере или, несколько лет спустя, нашей собственной программы визуальной антропологии в Тромсё¹⁹.

Достижение зрелости и нахождение заключительного формата? Фестиваль NAFA сегодня

В последние годы фестиваль NAFA, возможно, нашел более или менее «стандартный» формат, корни которого, как мы уже упомянули, уходят в 1980-е гг. Ежегодное мероприятие под названием (или с подзаголовком) «Международный фестиваль этнографических фильмов NAFA» продолжает проводиться каждый раз в новом месте и почти всегда сопровождается более «академическим» событием, таким как семинар, симпозиум или более крупная конференция, как правило, тематическая, в этом случае, по крайней мере, некоторая часть фильмов бывает посвящена заявленной теме, но кроме них бывают и общие кинопоказы. Организационная структура остается более или менее такой же, какой была всегда: есть местные организаторы (их все больше и больше), которые предлагают провести мероприятие у себя и по желанию вовлекающие в свою группу людей из рабочего комитета NAFA²⁰.

С начала тысячелетия было два изменения. Во-первых, как упоминалось выше, фестиваль NAFA теперь может проводиться за пределами скандинавских стран, и так было уже 6 раз. В первый раз это был Каль-яри (2001), последний – фестиваль в Варшаве (2015)²¹. Фестиваль в Тарту в 2004 г. был интересен тем, что был запущен наш «родственный» фестиваль, ежегодный фестиваль мировых культур. Это не первый случай, когда NAFA помог родиться новому фестивалю: в 2002 г. в Йоэнсуу (Финляндия) появился фестиваль Viscult.

Во-вторых, текущий отбор из постоянно растущего количества предоставляемых фильмов был систематизирован и соответствует формату, существующему с 2007 г. Отборочный комитет, состоящий из 5–6 участников NAFA (все антропологи и / или режиссеры), устроен так, что фильмы, высылаемые председателю комитета²², затем распределяются им среди других его членов. В ходе непрерывного отборочного процесса, запускаемого практически сразу по окончании очередного фестиваля, каждый фильм оценивается всеми членами комиссии, прежде чем они, если позволяет бюджет, встретятся физически для того, чтобы сделать окончательный выбор на основе сложившегося шорт-листа. Как только окончательный шорт-лист составлен, комитет приступает к формированию программы, на эту финальную стадию отбора фильмов влияет то, как фильмы сочетаются друг с другом в разных смыслах, например соответствуют ли они теме семинара или симпозиума, проводимого вместе с фестивалем.

Таким образом, мы полагаем, что в NAFA мы нашли наконец более или менее идеальный формат и способ организации нашего ежегодного фестиваля. Однако, возвращаясь к изначальной мысли, это не совсем верно, главным образом потому, что каждый год у нас новые организа-

торы, имеющие, справедливо говоря, собственные представления на этот счет. Единственная вещь, на которой мы действительно настаиваем, однако, состоит в том, что организаторы должны гарантировать определенный уровень близости и социального взаимодействия, благоприятный для получения кинематографического и интеллектуального удовольствия и посыла, так или иначе способствующего антропологическому пониманию сложного мира, который нас окружает, хотя мы, возможно, почти забываем о так называемой реальности, после сидения перед экраном в течение трех-четырех дней с утра до позднего вечера. Также нам нравится рассматривать NAFA как ассоциацию и фестиваль, который вдохновляет других делать подобные вещи в разных частях света. Поэтому мы начали активные действия за пределами скандинавских стран, и у нас есть планы в ближайшее время организовать фестиваль NAFA за пределами Европы, наиболее возможно в Камеруне или Мали²³. Пол Хенли, директор Гранада-центра в Манчестере, когда-то описал Колина Янга как «производителя режиссеров», прежде чем его самого называли «производителем режиссеров этнографических фильмов» (Flores 2009). Возможно, лучше всего можно описать NAFA как производителя производителей этнографических кинофестивалей.

Примечания

¹ Статья была впервые опубликована в: *Vallejo A., Peirano M.-P. (eds.). Film Festivals and Anthropology*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017.

² Эта статья основана на исследовании, которое я осуществил как более или менее самозванный историограф NAFA с целью написать иллюстрированную книгу по ее истории. Исследование уже выявило, что мы должны будем переписать эту историю по той простой причине что, несмотря на наличие учредительного документа 1975 г. (единственные из подписавших этот документ, кто еще здравствует, – Пер Рекдэл (Per Rekdal) и Лисбет Холтедаль (Lisbet Høltedahl) в Норвегии и Метт Бовин (Mette Bovin) – в Дании), я обнаружил другие документы, включая финансовые счета и официальную печать, доказывающие, что NAFA действовала с 1972 г.

³ Что тоже не совсем верно, так как институциональное членство было заменено индивидуальным в 1989 г., но затем повторно введено в 2016 г. наряду с индивидуальным членством.

⁴ См. в Приложении к настоящей статье детальный список фестивалей NAFA с 1979 г. Я признателен своей коллеге и сотоварищу по организации фестивалей NAFA, Дитте Мари Зееберг (Ditte Marie Seeberg) за помощь в восстановлении провалов в моей памяти при обновлении этого списка.

⁵ См. например: Lappalainen (1986), Ekström (1986, 1988) и Crawford (1993, 2007).

⁶ Уставом предусматривалось, что фильмы должны быть просмотрены всеми участниками, присутствующими на ежегодном собрании, прежде чем принималось любое решение об их приобретении.

⁷ На современном этапе цифрового видео, когда многие имеют сравнительно недорогие и доступные в других отношениях устройства для съемки, мы наблюдаем быстрое увеличение числа сделанных фильмов. Однако в первые годы NAFA это количество, 6–10 фильмов, на самом деле более и менее и составляло все, что производилось за год в целом.

⁸ С небольшим, по крайней мере поначалу, успехом в профессиональном смысле, наиболее вероятно из-за заметного отсутствия образовательных возможностей в Европе в целом и в скандинавских странах в частности.

⁹ До его слишком ранней смерти в 1994 г.

¹⁰ Кнут до мозга костей Söder, т.е. уроженец «Сауссайда» (южной стороны) Стокгольма, сделал серию из пяти полнометражных документальных фильмов о Söder, все они находятся в 16-миллиметровом архиве NAFA и в шведской базе данных Film Institute (www.sfi.se).

¹¹ Тони, который обучался также и антропологии, позже, на основе этих первых контактов опубликовал две книги (Bromhead 1996, 2014) с Intervention Press (www.intervention.dk), ставшей к тому времени издателем книжной серии NAFA.

¹² В их состав входили Грэхем Джонстон (Graham Johnston), Марк Брис (Mark Brice), Молли Динин (Molly Dineen) и два скандинавских студента NFTS: Анна Кнэттинджиус (Anna Snattingius) из Швеции и Джон Джерстэд (Jon Jerstad) из Норвегии (который позже работал с антропологом Лисбет Холтедаль – матерью-основательницей NAFA, а также много лет спустя – программы визуальной антропологии в Тромсø над фильмом «Бремя Султана» (1992), на основе антропологического исследования Лисбет).

¹³ Насколько мне известно, только одному антропологу в Дании удалось это сделать, а именно Стену Рехдеру (Sten Rehder).

¹⁴ Первыми преподавателями из VARAN, ставшими друзьями NAFA, были Жак Д'Артюн (Jacques D'Arthuys) и Пьер Бодри (Pierre Baudry), позднее поддержку оказывали два брата – Северин и Винсент Бланчет (Severin and Vincent Blanchet), последний женился на Перле Моль, датском антропологе и бывшей студентке VARAN, позднее ставшей там преподавателем, доказав тем самым, что это был двусторонний обмен. Закончилось тем, что NAFA с Хеймо Лапполайненом организовала совместный с VARAN семинар-тренинг в Лаосе в конце 1980-х гг.

¹⁵ Эта часть события курировалась Паулем Моллером (Poul B. Møller), еще одним пионером NAFA, который умер в 1995 г.

¹⁶ В этом отношении Дэвид МакДугалл, несомненно, примечательное исключение.

¹⁷ Симптоматично в данном случае, что «конференция» была организована в сотрудничестве с Норвежским институтом кинематографии, хотя главными организатором был Ян Кетил Симонсен (Jan Ketil Simonsen), антрополог и еще один ветеран NAFA.

¹⁸ На самом деле этот первый выпуск, который будет издан (Ethnographic 1992), был вторым в серии (www.intervention.dk).

¹⁹ Название которой позднее было изменено на «Визуальные исследования культуры». В настоящее время есть уже вторая программа в скандинавских странах – программа «Eye & Mind» в Орхусском университете в Дании.

²⁰ Коллектив, занимающийся регулярными делами NAFA, обычно состоит из генерального секретаря, его заместителя, казначея и представителей редакции, отвечающих за информационный бюллетень NAFA (один из очень существенных вкладов NAFA в визуальную антропологию во всем мире – предоставление исчерпывающей информации о том, что происходит), а также представителя организаторов фестиваля следующего года. С 2007 г. в этот комитет был включен также председатель ежегодного отборочного комитета.

²¹ См. Приложение со списком фестивалей NAFA.

²² В настоящее время 99% фильмов предоставляются онлайн по электронным формам.

²³ Где у нас сложилась сеть из бывших студентов визуальных антропологов.

Литература

Balikci A., Badger M. A Visual Anthropology Seminar for the native peoples of Siberia and Alaska // Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical

- Anthropology 1 / Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høeбjerg: Intervention Press, 1995. P. 39–54.
- Bromhead T. de. Looking Two Ways. Documentary Film's Relationship with Reality and Cinema. Høeбjerg: Intervention Press, 1996.
- Bromhead T. de. A film-maker's odyssey. Adventures in film and anthropology. Aarhus: Intervention Press, 2014.
- Crawford P.I. The Nordic Eye – Ethnographic Film in the Nordic Countries // The Nordic Eye, Proceedings from NAFA I / Ed. by Crawford, Peter I. Høeбjerg: Intervention Press, 1993. P. 1–24.
- Crawford P.I. Nature and Advocacy in Ethnographic Film: The Case of Kayapó Imagery' // Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1 / Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høeбjerg: Intervention Press, 1995. P. 7–22.
- Crawford P.I. From the Arctic to the Pacific: Nordic Visual Anthropology, 1975–2005 // Visual Anthropology Review. 2007. № 23 (1). P. 26–37.
- Ethnographic Film, Aesthetics and Narrative Traditions, The NAFA series II / Eds. by Peter I. Crawford, Jan K. Simonsen. Høeбjerg: Intervention Press, 1992.
- Ekström K. Visual anthropology in the Nordic countries – An overview // Antropologiska Studier. 1986. № 40 (41). P. 39–45.
- Ekström K. Visual anthropology in the Nordic countries. A look into the present, the future and the past // Visual Anthropology. 1988. № 1 (2). P. 39–45.
- Flores Carlos Y. Reflections of an Ethnographic Filmmaker-Maker: An Interview with Paul Henley, Director of the Granada Centre for Visual Anthropology, University of Manchester // American Anthropologist. 2009. № 111 (1). P. 93–108.
- Gallois Dominique T., Carrelli Vincent. Video in the Villages: The Waiāpi Experience // Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1 / Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høeбjerg: Intervention Press, 1995. P. 23–37.
- Grimshaw A., Ravetz A. Observational Cinema. Anthropology, Film, and the Exploration of Social Life. Bloomington: Indiana University Press, 2009.
- Lappalainen H. Made in Finland! // Catalogue of Festival dei Popoli 1986. Florence, 1986.
- Vallejo A., Peirano M.-P. (eds.). Film Festivals and Anthropology. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017.
- Young C. Observational Cinema // Principles of Visual Anthropology / Ed. by Paul Hockings. The Hague: Mouton Publishers, 1975. P. 65–80.

Приложение

Список ежегодных фестивалей NAFA

1979	Стокгольм, Etnografiska Museet (Музей этнографии), Швеция.
1980	Хельсинки, Arbetarinstitutet (Институт рабочих), Финляндия.
1981	Стокгольм, Etnografiska Museet (Музей этнографии), Швеция.
1982	Осло, Этнографический музей и Университет Осло, Норвегия.
1983	Блидё, Folkets Bio (local arts cinema), Швеция.
1984	Орхус, Орхусский университет, Дания.
1985	Ювискала, Финляндия.
1986	Копенгаген, Национальная киношкола, Дания.
1987	Тромсё, Университет Тромсё, Норвегия.
1988	Бископс-Арнё, Nordiska Folkhögskola, Швеция.
1989	Виборг, Hald Hovedgård, Дания.
1990*	Орхус, Орхусский университет, Дания.
1991	Осло, Норвежский институт кино, Норвегия.
1992	Хельсинки, Хельсинский университет, Финляндия.

- 1993 Рейкьявик, Исландский университет, Исландия.
 1994 Стокгольм, Etnografiska Museet (Музей этнографии), Швеция.
 1995 Копенгаген, Национальный музей, Дания.
 1996 Берген, Бергенский университет, Норвегия.
 1997 Хельсинки, Театр Орион / Хельсинский университет, Финляндия.
 1998 Осло, Этнографический музей и Университет Осло, Норвегия.
 1999 Орхус, Орхусский университет, Дания.
 2000 Тромсё, Университет Тромсё, Норвегия.
 2001 Кагляри, S'Islandula, Сардиния / Италия.
 2002 Йоенсуу, Viscult / Университет Йоенсуу, Финляндия.
 2003* Стокгольм, Etnografiska Museet (Музей этнографии), Швеция.
 2004 Тарту, Эстонский национальный музей, Эстония.
 2005 Стокгольм, Etnografiska Museet (Музей этнографии), Швеция.
 2006 Берген, Бергенский университет, Норвегия.
 2007 Трондхейм, Трондхеймский университет, Норвегия.
 2008 Исафьордур, Музей Йона Сигурдсона, Исландия.
 2009 Копер, Приморский университет, Словения.
 2010 Орхус, Орхусский университет, Дания.
 2011 Сант Эндрю, Университет Сант Эндрю, Шотландия.
 2012 Тромсё, Университет Тромсё, Норвегия.
 2013 Бильбао, Alhóndiga Bilbao / HAU Taldea (Университет страны басков), Страна басков.
 2014 Исафьордур, Университет центра западных фьордов, Исландия.
 2015 Варшава, Варшавский университет, Польша.
 2016 Берген, Бергенский университет, Норвегия.
 2017 Орхус, Орхусский университет / Moesgaard Museum, Дания.
 2018 Клуж, Румыния.

*Только внутренняя встреча членов NAFA.

Перевод с английского языка Е.С. Данилко

Статья поступила в редакцию 6 января 2017 г.

Crawford Peter I.

THE 'NORDIC EYE' REVISITED. NAFA FROM 1975 TO 2015

Abstract. The article presents a description and analysis of the international festival of NAFA (The Nordic Anthropological Film Association), although it is not a festival in the narrow sense of the word, with a focus on what the festival is about. The author looks into the history of the festival and into its present.

Keywords: visual anthropology, NAFA (Nordic Anthropological Film Association), festival

DOI: 10.17223/2312461X/17/5

References

- Balikci A., Badger M. A Visual Anthropology Seminar for the native peoples of Siberia and Alaska, *Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1*. Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høeibjerg: Intervention Press, 1995, pp. 39–54.

- Bromhead, Toni de. *Looking Two Ways. Documentary Film's Relationship with Reality and Cinema*. Høeibjerg: Intervention Press, 1996.
- Bromhead, Toni de. *A film-maker's odyssey. Adventures in film and anthropology*. Aarhus: Intervention Press, 2014.
- Crawford, Peter I. The Nordic Eye – Ethnographic Film in the Nordic Countries, *The Nordic Eye, Proceedings from NAFA I*, edited by Crawford, Peter I. Høeibjerg: Intervention Press, 1993, pp. 1–24.
- Crawford, Peter I. Nature and Advocacy in Ethnographic Film: The Case of Kayapó Imagery, *Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology I*, edited by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høeibjerg: Intervention Press, 1995, pp. 7–22.
- Crawford, Peter I. From the Arctic to the Pacific: Nordic Visual Anthropology, 1975-2005, *Visual Anthropology Review*, 2007, no. 23 (1), pp. 26–37.
- Crawford, Peter I. and Jan K. Simonsen (eds). *Ethnographic Film, Aesthetics and Narrative Traditions, The NAFA series II*. Høeibjerg: Intervention Press, 1992.
- Ekström, Knut. Visual anthropology in the Nordic countries – An overview, *Antropologiska Studier*, 1986, no. 40 (41), pp. 39–45.
- Ekström, Knut. Visual anthropology in the Nordic countries. A look into the present, the future and the past, *Visual Anthropology*, 1988, no. 1 (2), pp. 39–45.
- Flores, Carlos Y. Reflections of an Ethnographic Filmmaker-Maker: An Interview with Paul Henley, Director of the Granada Centre for Visual Anthropology, University of Manchester, *American Anthropologist*, 2009, no. 111 (1), pp. 93–108.
- Gallois, Dominique T., Vincent Carrelli. Video in the Villages: The Waiāpi Experience, *Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology I*, edited by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høeibjerg: Intervention Press, 1995, pp. 23–37.
- Grimshaw, Anna, Amanda Ravetz. *Observational Cinema. Anthropology, Film, and the Exploration of Social Life*. Bloomington: Indiana University Press, 2009.
- Lappalainen, Heimo. Made in Finland!? in: *Catalogue of Festival dei Popoli 1986*. Florence, 1986.
- Vallejo, Aida and Maria-Paz Peirano (eds.), *Film Festivals and Anthropology*, Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017.
- Young, Colin. Observational Cinema, *Principles of Visual Anthropology*. Ed. by Paul Hockings. The Hague: Mouton Publishers, 1975, pp. 65–80.

«КАЗЫМСКИЙ ПЕРЕВОРОТ»: К ИСТОРИИ ПЕРВОГО ВИЗУАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА В РОССИИ

Елена Сергеевна Данилко

Аннотация. В августе 1991 г. в Западной Сибири, в поселке Казым Ханты-Мансийского округа, известным канадским антропологом Асеном Баликси (Asen Balikci) и его американским коллегой Марком Бэджером (Mark Badger) совместно с российскими исследователями был организован полевой семинар для представителей коренных северных народов. Это был первый проект по визуальной антропологии в России. Семинар спровоцировал интерес к новому междисциплинарному направлению на стыке науки и искусства, что впоследствии способствовало постепенному формированию визуально-антропологического сообщества в нашей стране. Попытка разобраться, какова была методологическая основа семинара, а также желание восстановить событийную канву тех далеких августовских дней, понять их значение для дней сегодняшних и послужили поводом для написания настоящей статьи. Помимо опубликованных источников автором использовались материалы интервью с участниками казымского семинара.

Ключевые слова: визуальная антропология, индигенное кино, визуальная коммуникация, коренные народы Севера, поселок Казым

Введение

Летом 1991 г., как раз в дни августовского путча, в поселке Казым Ханты-Мансийского округа происходили события весьма далекие от политических проблем перестроечной России, но, можно сказать, революционные для ее научного гуманитарного сообщества. Известным канадским антропологом Асеном Баликси (Asen Balikci) и его американским коллегой Марком Бэджером (Mark Badger) совместно с российскими исследователями здесь был организован полевой семинар для представителей коренных северных народов. Это был первый проект по визуальной антропологии в России¹. Спровоцировав интерес к новому междисциплинарному направлению на стыке науки и искусства, семинар имел важные последствия для формирования визуально-антропологического сообщества в нашей стране.

Вместе с тем, ограничившись лишь краткими упоминаниями о значимости казымского мероприятия, московские участники, к сожалению, не составили его сколько-нибудь подробного описания (Александров 2003: 6–7).

Фото 1. Марк Бэдджер и Асен Баликси в Казыме. 1991 г.
Кадр из видеосъемки Е.В. Александрова

Статья же, написанная инициаторами семинара спустя несколько лет после завершения проекта и изданная на английском языке в Копенгагене, оказалась малодоступной для российского читателя (Balicki, Badger 1995). Возможно, поэтому впоследствии этот проект стали напрямую уподоблять известному исследованию Сола Уорта (Sol Worth) и Джона Адэра (John Adair) «Навахо снимают себя» (Ильбейкина 2014; Трушкина 2015)². Тогда как сами А. Баликси и М. Бэдджер писали о таком сходстве с определенной осторожностью: «В некотором роде мы не разделяли исследовательских целей Сола Уорта и Джона Адэра. Полагая, что конечным результатом станет создание этнографического видеоархива, мы фокусировались при преподавании на подготовке наших учеников к решению этих задач» (Balicki, Badger 1995: 43–44)³. То есть их подход имел, скорее, прикладную и образовательную направленность, что логически роднило его с другим известным проектом, осуществленным А. Баликси среди эскимосов-нетилик (Баликси 2002). Об этом, кстати, говорится и при описании целей казымского семинара, обозначенных следующим образом:

- краткое обучение этнографическим полевым методам, которые недавно применялись в северной части аборигенной Америки;
- обучение стандартам «наблюденческого кино» применительно как к съемке, так и к монтажу;
- производство этнографических видеосюжетов индигенными студентами на местном материале по их выбору (Balicki, Badger 1995: 39).

Вместе с тем сама идея передачи камеры в руки представителей аборигенных народов для запечатления собственной культуры, а затем

реализация различных проектов, основанных на этой идее, стали возможны уже после эксперимента С. Уорта и Д. Адэра. Поэтому не будем настаивать, что казымский семинар был совершенно с ним не связан. Именно попытка разобраться, какова его методологическая основа, а также желание восстановить событийную канву тех далеких августовских дней, понять их значение для дней сегодняшних и послужили написанию настоящей статьи. Помимо опубликованных источников мною использовались материалы интервью с участниками школы Тимофеем Алексеевичем Молдановым и Евгением Васильевичем Александровым, за которые, пользуясь случаем, мне хотелось бы выразить им благодарность.

«Эскимосы – такие же, как бостонские янки...»

Итак, каковы же были методы, «использованные в северной части аборигенной Америки» и перенесенные в Западную Сибирь? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к событиям, происходившим задолго до тревожных российских 1990-х.

Принесшая Асену Баликси международную известность серия из девяти фильмов об эскимосах-нетсилик зародилась, что интересно, за несколько лет до эксперимента Уорта–Адэра с навахо. Это была часть большого образовательного проекта, ставшего реакцией на запуск первого советского спутника в 1956 г. Событие бурно обсуждалось в американском обществе, и был поставлен вопрос о преодолении отставания США от Советского Союза в области науки и образования. Началось широкое финансирование новых программ сначала в области точных наук, а затем и гуманитарных. Последние во многом опирались на теории профессора Джерома Сеймура Брюнера (Jerome Seymour Bruner), специалиста в области когнитивной психологии из Гарварда, предлагавшего строить обучение не на стандартных учебниках, а на деятельности и самостоятельном анализе (Баликси 2001: 68).

В 1962 г. Баликси, который занимался в это время изучением эскимосов нетсилик, проживающих в районе Пелли Бей вдоль арктического побережья Канады, предложили организовать и провести съемки, необходимые для создания визуальных материалов к учебному курсу под названием «Человек: Курс изучения» (MACOS)⁴ и адаптированного для пятого класса школы.

Фильмы должны были отражать традиционную культуру эскимосов, что зачастую требовало реконструкции, при этом материал следовало представить таким образом, чтобы он был понятен школьникам без комментария и субтитров. Сверхзадачей курса являлось утверждение единства человеческой природы. «Живущие среди снега и льдов на краю мира эскимосы, – писал Баликси, – остаются такими же людьми,

как бостонские янки... Моей задачей было представить эскимосов обычными людьми, чтобы американские школьники смогли осознать их человечность и соотнести ее со своей собственной» (Баликси 2002).

Фото 2. Асен Баликси во время полевых исследований среди эскимосов нетсилик.
Кадр из фильма Рольфа Хусмана «Профессиональный иностранец»

Описанная идейная платформа сформировалась из принципов культурного релятивизма, предложенных Францем Боасом (Franz Boas). Здесь я имею в виду, прежде всего, отказ от эволюционистских концепций и переноса своих оценок на представителей других культур (Боас 1997). Она разделялась поколением его последователей и учеников. Так, слова Баликси практически совпадают с высказываниями Маргарет Мид (Margaret Mead): «Полученные знания привили в нас чувство уважения к изучаемому народу. Каждый народ состоит из полноценных человеческих существ, ведущих образ жизни сопоставимый с нашим собственным, людей, обладающих культурой, сравнимой с культурой любого другого народа» (Мид 1988: 9).

Как раз подходы Мид к этнографической съемке, сформулированные ею исходя из своего опыта, и были использованы в эскимосском проекте Баликси. Они же, соответственно, должны были во многом определять обучение участников на казымском семинаре. Если говорить коротко, эти принципы сводились к следующему:

- приоритет научного содержания над кинематографической формой;
- отказ от заранее заданного сценария;
- стремление сохранить как можно больше информации на пленке;
- включенность антрополога во все этапы создания фильма – от съемки до монтажа;

– наконец, целостный подход, в соответствии с которым «антрополог должен использовать возможности синтеза образа, в противоположность линейной структуре письменного изложения. Здесь можно рассматривать два метода целостного отображения. Первый нацелен на сбор информации о культурных чертах в различных ракурсах данной культуры. Второй предполагает предпочтение центральных элементов культуры («культурное ядро» Дж. Стюарда), располагая вторичные элементы вокруг ядра» (Баликси 2002).

Впоследствии хотя Баликси и пишет о сложностях, возникающих в ходе воплощения методологических принципов Мид на практике, которые, скорее, предназначались для полевых исследований, а не для создания законченных произведений, тем не менее, именно с их использованием связывает успешность проекта в целом (Balikci 1987: 39).

Сами съемки заняли 13 месяцев в период с 1963 по 1965 г., на их материале было сделано девять фильмов. Часть из них представляла фиксацию реально существующих аспектов жизнедеятельности эскимосов, часть – реконструкцию. Одновременно группа детских психологов Гарвардского университета занималась разработкой педагогических материалов, которые должны были сопровождать фильм (Баликси 2001: 71). К началу 1970-х гг. программа MACOS была внедрена почти в три тысячи общеобразовательных школ по всей Америке, однако уже к концу десятилетия подверглась резкой критике политиков консервативного направления, разглядевших в ней потенциал, якобы разрушительный для американского патриотизма и иудейско-христианских семейных ценностей. Постепенно образовательная программа были свернута, а институции, курировавшие ее, расформированы. Прекратилось, кстати сказать, и финансирование второй части проекта, которую Баликси реализовывал в Афганистане (73–74). Реакция коллег-антропологов также была неоднозначной, в частности, Жан Руш (Jean Rouch) писал об эскимосских съемках как о «примере, который никогда не должен повториться», имея в виду использование профессиональной съемочной группы (72–73).

Вместе с тем материалы об эскимосах были показаны разными каналами по всему миру, на их основе были сделаны циклы передач для разных зрительских аудиторий. «Мы начинали с заказа на конкретную педагогическую программу, а закончилось все серией программ самых разных форматов», – писал Баликси, объясняя такую возможность «особенностями оригинального материала», обладавшего высокой степенью «этнографичности», переданному цельно и не скованному сюжетной линией (77).

Через месяц после окончания съемок большие транспортные самолеты доставили к арктическому побережью Канады материалы для постройки современного поселка. Эскимосы перебрались в типовые дома с телевидением и телефонной связью, а их дети начали ходить в школу.

Кроме того, здесь были созданы целых четыре эскимосские телекомпании, целью которых были сохранение и возрождение культуры (80–81).

Таким образом, проект вошел в историю и стал классикой визуальной антропологии. Для самого Асена Баликси он остался не только интересным опытом, но и основанием для дальнейших экспериментов, подобных казымскому.

«Глазами навахо»

Другой интересный в контексте настоящей статьи классический проект начал разворачиваться в американском штате Аризона в июне 1966 г., т.е. одновременно с завершающими стадиями эскимосских съемок Баликси. Главная идея авторов – профессора Анненбергской школы коммуникации при Университете штата Пенсильвания Сола Уорта (Sol Worth), антрополога Джона Адэра (John Adair) и их ассистента Ричарда Чалфэна (Richard Calfen), – заключалась в том, чтобы дать в руки индейцев навахо видеокамеры, позволив им самим снимать свою культуру и презентовать ее зрителям (исследователям). В проекте участвовали восемь индейцев, из отснятых ими материалов было смонтировано семь фильмов, составивших известную серию «Навахо снимают себя» (Navajo Film Themselves 1966)⁵.

Фото 3. Сол Уорт и Джон Адэр снимают друг друга. Фото Р. Чалфэна. 1966 г.

Фильмы, снятые непрофессиональными режиссерами о самих себе, Уорт определил как «биодокументальные». Центральная идея сформировалась в процессе его университетской практики, когда он решил отступить от преподавательских канонов, предложив студентам вместо традиционного просмотра и анализа готовых кинопроизведений делать фильмы. Неопытность студентов, их незнакомство с киноязыком, которые, казалось, были препятствием для такого эксперимента, позволили им в итоге подготовить работы, в большей мере раскрывающие их собственные интересы (Gross 1980: 6–7). «Биодокументальный фильм, – писал впоследствии Уорт, – это субъективный способ показать, как человек видит объективный мир как “реальность”. Отчасти такой вид фильма соотносится с документальным кино, также как портрет с автопортретом или биография с автобиографией. Кроме того, специфический способ, которым такой фильм сделан, позволяет улавливать чувства и раскрывать ценностные установки, отношения и проблемы, находящиеся за пределами сознательного контроля автора» (Navajo Film Themselves). Соответственно, материалы, отснятые индейцами-навахо, были призваны рассказать о них на их языке, являлись частью их культуры и мировоззрения.

Теоретически такие подходы базировались на идеях этнолингвистики, связывающих структуру языка с мышлением и культурной традицией (в частности, теория Сепира–Уорфа), и психологии, по аналогии рассматривающей кинопрезентации как форму речи, обладающую грамматической и лексической структурой («фильм как язык») (Н. Хомский и др.). Развивая эти идеи, Уорт обращается к семиотике и поиску ответов на «сущностные вопросы»: «Как человек, смотрящий фильм, определяет, что он означает, как человек, делающий фильм, определяет что снимать, как снимать, и как соединить отснятое в некую последовательность таким образом, чтобы зритель увидел в фильме те смыслы, которые режиссер хотел ему донести» (Navajo Film Themselves).

Проект имел огромный успех. Фильмы были показаны на ведущих фестивалях и по телевидению, включены в фонды Музея современного искусства США и Британского киноинститута. Теоретические результаты авторы изложили в известной монографии. Подробно проанализировав отснятый материал, они выделили несколько моментов, которые, по их мнению, напрямую обуславливались культурными особенностями навахо (отсутствие крупных планов, длительные эпизоды, изображающие идущих людей, многократно повторяющиеся перескакивания с плана на план). Как раз эта часть авторской концепции впоследствии подвергалась критике антропологов за субъективизм интерпретаций. Наиболее последовательно это было сделано Сэмом Паком (Sam Pack), методично разобравшим каждый из пунктов, обосновывающих специфический «взгляд навахо» (Pack 2012)⁶.

Впрочем, Уорт изначально не был склонен преувеличивать именно этнографическую составляющую проекта, подчеркивая его принципиальную междисциплинарность. Он писал: «То, что мы делаем, никогда не будет действительно интересно этнографам, потому что цель этого – не этнография, и я не думаю, что мы получаем чисто этнографический материал» (*Navajo Film Themselves*). Понимали это и критики, которые, отметив субъективизм отдельных выводов, писали о новизне методологических приемов, не просто важных, но принципиально значимых для развития антропологии в целом и визуальной антропологии в особенности. В то время как большинство антропологов видели в фильмах и фотографиях исключительно способ документации, Уорт предлагал рассматривать их как самостоятельный феномен, отражающий паттерны культуры, систему ценностей и когнитивные процессы их производителей. Это было крайне важно для понимания визуальной коммуникации и, как писала Маргарет Мид, стало настоящим «прорывом» в коммуникации межкультурной (Gross 1980: 9). Передав камеры в руки индейцев, Уорт и Адэр сделали следующий шаг в преодолении колониального подхода в антропологии, предоставив «объектам» изучения рассказать о себе самим, шаг к освобождению от доминирования антрополога и налаживанию диалога, в котором одни получали возможность высказаться, другие – шанс увидеть мир глазами другого.

Таким образом, исследования Уорта о природе киноязыка как средстве коммуникации заложили теоретико-методологические основы, определяющие развитие визуальной антропологии и в настоящее время. В 1973 г. он стал первым президентом созданной им совместно с Джейм Руби (Jay Ruby) «Общества антропологии визуально-антропологической коммуникации» при Американской антропологической ассоциации. Понятие «биодокументальное кино», закрепившееся в научном сообществе после проекта «Навахо снимают себя», постепенно стало восприниматься как синонимичное термину «индигенное кино», применяемое к кинопроизводству представителей разных локальных культур (Lempert 2012: 23).

В Кызыме

Проекты, подобные «Навахо» и эскимосскому видеокурсу Баликси, никогда не были повторены в точности, однако и тот и другой способствовали развитию множества локальных телестудий коренных народов и внедрению видео как способа самоописания в их среду. Баликси писал о появлении и развитии трех основных видов такого рода проектов: направленные на организацию постоянно действующих аборигенных телестудий; предполагающие сотрудничество антрополога с пред-

ставителями сообщества и создание совместного фильма; наконец, нацеленные на проведение съемок самим аборигенами после некоего обучающего курса, подготовленного антропологом (Баликси 2008: 109–110). Именно этот вариант и был реализован в Казыме. Он финансировался из средств Арктической программы социальных исследований, Национального научного фонда (Канады), поддержку оказывали также Институт этнологии и антропологии РАН и Ассоциация спасения Югры. Последняя также обеспечивала логистику мероприятия и способствовала поиску участников.

В числе преподавателей и лекторов, помимо самих Асена Баликси и Марка Бэджера, представлявшего университет Аляски, были известные специалисты по культуре северных народов – финно-угровед и фольклорист Ева Шмидт (Eva Shmidt), исследовательница из Джорджтаунского университета Марджори Мандельштам Балзер (Marjorie M. Balzer), Елена Новик, представлявшая в тот период Институт этнологии и антропологии РАН, фольклорист из Софии Флорентина Бадаланова (Florentina Badalanova) и сотрудники МГУ имени М.В. Ломоносова Евгений Александров и Леонид Филимонов (Baliksi, Badger 1995: 40).

Фото 4. Марк Бэджер и Асен Баликси в Казыме. 1991 г.
Кадр из видеосъемки Е.В. Александрова

Местом проведения семинара было выбрано село Казым (современный Белоярский район) в Ханты-Мансийском автономном округе, центр сельского поселения, в состав которого также входят деревни

Нумто и Юильск, расположенные далеко друг от друга. В то время это было уже полиэтническое село, кроме хантов здесь жили русские, татары, коми-зыряне и другие народы. Здесь имелись относительно развитая инфраструктура, крупные совхозные предприятия. По мнению участника семинара Тимофея Молданова, уроженца Казыма, выбор был обусловлен тем, что «все-таки еще сохранялась языковая среда, традиционная культура. Прямо через реку – хантыйская деревня, где рыбу ловили старым способом» (Инт. 1)⁷.

Всего в семинаре участвовали 10 человек, из них шестеро хантов, два ненца и два якута. Только трое из них (ханты) вели образ жизни, близкий к традиционному, занимаясь охотой и рыбалкой, остальные были вовлечены либо в различные проекты по сохранению культурного наследия, в исследовательскую и журналистскую деятельность, либо имели отношение к профессиональному или любительскому кинопроизводству (Balikci, Badger 1995: 40). Занятия были интересны и для местных жителей, они регулярно приходили послушать лекции, посмотреть фильмы, даже пробовали снимать. Поэтому в общей сложности около 30 человек тем или иным образом оказались причастными к проекту (Инт. 1).

Занятия включали теоретическую часть с лекциями, просмотром и обсуждением фильмов и практическую – со съемками и монтажом. Все услышанное, увиденное, снятое постоянно анализировалось, обсуждалось в ходе общих дискуссий. Были прочитаны лекции, посвященные общей типологии фольклора и специфическим фольклорным жанрам, особенностям мировоззрения северных народов, их повседневной и праздничной культуре. Фильмы, подобранные для демонстрации на семинаре, также в большинстве своем были связаны с северной тематикой (эскимосская серия Баликси, съемки Бэджера на Аляске).

Особый интерес вызвал фильм «Хроники деревни Сиреники» (1990), эстонского режиссера Арво Ихо с участием Асена Баликси, снятый на Чукотке и показывающий жизнь сибирских юпик. Баликси и Бэджер писали, что мнения зрителей после просмотра разделились, одни восхищались увиденным, другие выражали тревогу по поводу постепенного исчезновения традиционной культуры, третьи считали, что в фильме присутствует антисоветская пропаганда (Balikci, Badger 1995: 46–47).

Практические занятия начались уже в первые дни, когда студентам, получившим минимальные инструкции по техническому использованию камеры, было предложено в течение нескольких часов снимать все, что они сочтут нужным. Те из них, кто имел родственников в Казыме, зафиксировали семейные разговоры, бытовые сюжеты, остальные – какие-то уличные сценки. Все первые съемки изобиловали короткими и дергаными планами, когда камера перескакивает с объекта на объект, не задерживаясь надолго ни на одном из них, студенты ак-

тивно использовали зум, приближая и отдаляя планы безо всякой необходимости, т.е. совершали типичные ошибки человека, впервые взявшего в руки камеру (44–45). Поэтому в последующем обучении использовались различные приемы, призванные «дисциплинировать съемку», например давались задания обходиться без зума, снимать только со штативом или, напротив, без него и т.д. Марк Бэдджер провел вводное занятие по техническим аспектам съемки (средние и крупные планы, панорамирование, особенности съемки движения и интервью, звук и т.д.), в основном же занятия по съемке и монтажу вели Евгений Александров и Леонид Филимонов. Приведу выдержку из интервью с Тимофеем Молдановым об усвоенных с того семинара навыках: «Я понял, что снимать, это как шить, шов делать. Если человек идет, двигается, надо самому двигаться за ним... Я сразу научился без штатива снимать, с плеча снимать, с руки. И до сих пор штативом не пользуюсь, неудобно мне. Мне кажется, мертвая картина получается, неживая» (Инт. 1).

Лекция Баликси, посвященная «наблюденческому кино», содержала основные важные инструкции для участников: обязательное проведение исследований до начала съемки, первичность содержания перед формой, недопустимость заранее заданного сценария, постановочных и игровых сцен, внимание к целостному отображению событий и к контексту (Balikci, Badger 1995: 44). Как видим, здесь повторялись те же методологические приемы, что использовались в его эскимосском проекте.

Принципиальным моментом для организаторов семинара было предоставление полной свободы выбора тем и сюжетов для видеодокументирования самим участникам, представителям аборигенных народов. Он вытекал из предположения, что их подходы к съемке будут несколько различаться от таковых, принятых в советской и западной кинематографической среде. Носители традиции предложат собственный взгляд на свою культуру, это будет взгляд изнутри, наполненный смыслами, недоступными стороннему наблюдателю. И тут, на мой взгляд, очевидная отсылка к теоретическим положениям Сола Уорта. При этом, как писали авторы проекта, «было неважно, оценят ли зрители из других регионов и стран конечный продукт. Важна была точка зрения коренных жителей, и семинар был призван поощрять их самовыражение» (Balikci, Badger 1995: 43).

При обсуждении возможных сюжетов все участники согласились с тем, что основным идеологическим посылом должно было стать возрождение традиционной культуры коренных народов, съемки призваны были отражать реальную социальную жизнь и производиться не только в Казыме, но и в отдаленных таежных стойбищах. Соответственно предложенные ими возможные сюжеты для съемки в основном концентрировались вокруг традиционной культуры (добыча пушнины, рыбо-

ловство, сбор ягод, приготовление пищи, возведение традиционных построек, религиозные обряды, история родов), важных для местного сообщества исторических событий (казымское восстание, отказ от коллективизации), а также генеральных социально-культурных изменений, угрожающих сохранению наследия (Balicki, Badger 1995: 46–47). Чтобы узнать, каким хотело бы видеть себя на экране местное население, семинарские занятия периодически переносились в сельский клуб, где также показывались и обсуждались фильмы. В результате чего список тем пополнился и более современными сюжетами (совхозные оленеводческие и рыболовецкие бригады, звероферма, клубная дискотека, детский сад, фольклорные ансамбли, местные вышивальщицы, портреты «бабушек» разной этнической принадлежности и др.) (Balicki, Badger 1995: 48–49).

Участникам было объявлено, что фильмы хорошего качества будут показаны за рубежом, в аборигенных сообществах Аляски, Северной Канады и Гренландии. По мнению Марка Бэджера, это могло бы способствовать осознанию студентами значимости стоящей перед ними задачи, когда они из простых операторов, фиксирующих повседневную жизнь, превращались в участников важного политического процесса по сохранению своей культуры (Balicki, Badger 1995: 47). Следует отметить, что с самого начала семинара Марк старался снимать все происходящие на нем дискуссии с тем, чтобы затем проанализировать этот материал и сделать фильм о самой школе. Насколько мне известно, такой фильм не был в итоге смонтирован. Существует лишь версия, подготовленная из семинарских съемок в лаборатории МГУ к юбилею Асена Баликси в 2009 г. (Инт. 2).

Первоначально предполагалось, что студенты будут сгруппированы в съемочные группы из трех человек, с тем, чтобы двое поочередно пользовались камерой, а третий вел полевой дневник. Но некоторые из них, уже имевшие кинематографический опыт, предпочитали работать либо в одиночку, либо в паре с ассистентом. Полевые дневники, несмотря на постоянные напоминания, велись нерегулярно, студенты, увлекаясь процессом съемки, исследуя возможности камеры, просто забывали это делать. Разнородность группы затрудняла инструктаж. Одних студентов больше интересовали антропологические темы лектория, других – связанные с производством фильмов (Balicki, Badger 1995: 51). И сама позитивистская методология, предложенная в свое время Маргарет Мид и взятая на вооружение Баликси сначала в эскимосском проекте, затем здесь, таила в себе противоречия. Преподаватели подчеркивали необходимость «этнографического использования камеры» для документации, приоритет содержания над формой, в то же время в ходе обсуждений отснятого материала поощрялись приемы эстетизации съемки. К тому же студенты ориентировались на образцы ки-

нопроизведений, показанных на семинаре, и сами должны были представить результат в виде законченного фильма. Все это создавало «чувство двусмысленности», как писали организаторы (52). С подобной же проблемой, как было сказано выше, пришлось столкнуться Асену Баликси и в ходе создания серии об эскимосах нетселик, когда необходимая «научность» приходила в определенное противоречие с логикой визуальных презентаций, диктуемых особенностями киноязыка.

Как было сказано выше, участники сами выбирали темы для собственных съемок. В итоговых работах были представлены видеорепортаж о казымской звероферме (рассказ о содержании животных, перемежаемый фрагментами интервью с работниками фермы) и сюжет о хантыйской рыбалке, снятый в местной рыболовецкой бригаде молодыми участниками проекта, среди которых был и Тимофей Молданов. Трое хантов, имевших отношение к Ассоциации спасения Югры, провели неделю в отдаленном таежном стойбище, фиксируя на пленку повседневный быт. Они строили планы на последующее возвращение в это место в течение календарного года с целью снять весь цикл жизни поселения. Еще один хантыйский студент выбрал для съемки поселок Халлор, где десять молодых людей пытались возродить традиционную культуру. Якутским участником Вячеславом Семёновым был смонтирован трогательный фильм-портрет о судьбе русской женщины, пережившей войну и репрессии сталинского времени (Balicki, Badger 1995: 50–51).

После окончания семинара весь съемочный материал, включая и итоговые работы, был распределен между его участниками и оказался разбросан по разным городам, равно как и оборудование проекта. Так, одна из трех видеокамер осталась в Ханты-Мансийске, другая – в Салехарде, третья – в Якутске. Все это согласовывалось с изначальными целями проекта, предполагающего создание постоянно пополняющихся новыми съемками этнографических видеоархивов на местах. Монтирование каких-то законченных тематических сюжетов и фильмов на основе будущих съемок предполагалось осуществлять в лаборатории МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством российских преподавателей семинара, поэтому монтажное оборудование отправилось в Москву (Balicki, Badger 1995: 52). Первоначально участникам еще удавалось поддерживать эту идею, однако дальность расстояний между городами и экономическая нестабильность перестроечного периода в России затрудняли их регулярную коммуникацию. Кроме того, стремительно развивающиеся новые цифровые технологии, втеснявшие громоздкие камеры с VHS-носителями, появление современных компьютерных монтажных программ привели к довольно быстрому устареванию проектной техники, уже в начале 2000-х гг. съемки в таком формате казались анахронизмом (Инт. 1, 2).

Судьбы участников проекта сложились по-разному. Один из них, Вячеслав Семёнов из Якутии, имевший кинематографический опыт еще до начала семинара, стал известным режиссером и снял несколько фильмов. Другие активно включились в научно-исследовательскую деятельность, защитили диссертации и теперь работают в вузах или музеях. Среди них, в частности, и Тимофей Молданов. Он провел многочасовую видеозапись и написал работу о медвежьих праздниках, а в настоящее время, будучи сотрудником Музея природы и человека в Ханты-Мансийске, сам организывает их проведение, хотя съемку уже оставил: «Не снимаю, сам там участвую, сам пою, мне некогда снимать» (Инт. 1). Третьи работают учителями, четвертые заняли какие-то административные должности в округе. Постепенно жизненные обстоятельства предоставляли им все меньше и меньше возможностей для последовательной съемки и обработки видеоматериалов, которые было сложно сочетать с постоянной работой. Что-то из снятого было описано и передано в архивы, но большая его часть осела в семейных коллекциях (Инт. 1, 2).

Заключение

Таким образом, основная идея организаторов семинара о создании постоянно действующих центров, занимающихся формированием видеоархива традиционных культур коренных северных народов, не была реализована в полном объеме. В чем же в таком случае заключались результаты семинара, названного мною «казымский переворот»?

Прежде всего, это был первый в России проект по визуальной антропологии. Новое направление явилось его участникам не в форме антропологических теорий и методологий из переводных статей, появившихся в тот период в изобилии, а в виде полного погружения в захватывающий процесс. Этот процесс открывал для них если не новый способ видения и описания мира – до понимания этого еще предстояло созреть, то совершенно новый вид источника, позволяющего рассказать о том, что невозможно выразить словами, замечающий незаметное. По словам неоднократно здесь цитируемого Тимофея Молданова, «камера все замечает и все записывает, ты сам не видишь, а она видит» (Инт. 1). Понятно, конечно, что не сама камера являлась неким волшебным ящиком, таящим скрытые смыслы, речь идет о методе съемки, отличающемся от привычных телевизионных форматов, о внимательном и неспешном взгляде оператора.

Помимо нового инструмента и новой методологии, которой еще следовало учиться, семинар вносил совершенно новую систему координат, открывал другой ракурс, менял местами исследователя и объект его исследований, предоставляя последнему самому рассказать о себе,

своей жизни, своей культуре. И этот посыл «рассказать о себе самим с помощью камеры» оказался востребованным и в дальнейшем. Например, камера стала неременным атрибутом различных региональных мероприятий, летних школ и лагерей, организуемых для детей в Ханты-Мансийском округе со второй половины 1990-х гг.: «Мы еще детские стойбища проводили, детей учили снимать, они сами передачи делали. В 94-е, 96-е годы. Они там снимают друг друга, ролики делают, у них там в Казыме существует фестиваль. Кто лучше снимет. Ездят по стойбищам старинным и в Казыме показывают. Это до сих пор такое организуется» (Инт. 1). Не думаю, что в последующем организаторы такого рода деятельности соотносили использование камеры напрямую с проектом Баликси, однако вынесенный когда-то в публичное пространство способ презентации традиционной культуры закрепился и стал жить уже собственной жизнью, развиваясь в самых разных направлениях и проявляясь в самых разных проектах.

Фото 5. Встреча «классиков» на Международном фестивале «Дни этнографического кино» в Любляне, 2008 г. Слева направо: Нашко Крижнар (директор фестиваля), Асен Баликси, Евгений Александров, Рольф Хусман (директор Гёттингенского международного фестиваля этнографических фильмов). Фото Е.С. Данилко

Сидя в августе 1991 г. на берегу речки Казым, как писал один из московских участников, Евгений Александров, они с его ближайшим

коллегой и соратником Леонидом Филимоновым приняли решение о создании первого в России Центра визуальной антропологии (Александров 2003: 5). Такой центр, правда, под другим официальным названием «Лаборатория видеокомпьютерной технологии», был вскоре сформирован при факультете дополнительного образования МГУ имени М.В. Ломоносова. Подробнее о его деятельности я уже писала в другой статье (Данилко 2016). Отмечу лишь, что именно вокруг этого центра стал постепенно формироваться российский круг инфицированных визуальной антропологией, своеобразной инъекцией которой стал семинар, организованный Асеном Баликси и Марком Бэдджером в поселке Казым. Здесь устраивались первые показы и читались первые лекции, здесь монтировались первые фильмы и разгорались первые жаркие споры о том, что же это такое – визуальная антропология. И, наконец, людьми из этого круга в содружестве с коллегами из других городов в 1998 г. был организован и первый в России фестиваль антропологических фильмов в Салехарде, а затем еще ряд летних школ по визуальной антропологии в Томске, Перми, Башкирии.

Как для самих организаторов, так и для приглашенных преподавателей семинар в Казыме оказался важным опытом, повлиявшим на их дальнейшие научные интересы. Так, Марджори Балзер писала, что в ходе этого семинара у нее появилась возможность собрать разнообразный полевой материал, включившись в повседневную жизнь местного сообщества: «Кроме участия в киносеминаре, у меня было время для различных домашних интервью, сбора ягод в лесу с друзьями, приготовления варенья, сбора грибов и их обработки, наблюдения за разделкой теста, посещения русской бани, обсуждения телевизионных новостей, участия в субботних дискотеках и другого разнообразного общения» (Balzer 1999). Этот материал впоследствии вошел в ее статьи и книги.

Асен Баликси через несколько лет организовал подобную школу уже в Болгарии, точнее это была серия из четырех семинаров в деревне Брезница, происходивших с 1994 по 2004 г. Образцом для первого из них, по его собственным словам, послужил учебный семинар в Западной Сибири для представителей коренных народов (Baliksi 2007: 92)⁸. Однако уже на следующем семинаре в 1995 г. Баликси намеривался «черпать вдохновение в корпоративном стиле съемки раннего Жана Руша. Мы выберем местных актеров, назначим роли, подготовим сценарий. Все это мы сделаем в традиционной этнографической обстановке с намерением преодолеть ограничения наблюдательского жанра» (96).

Последнее обстоятельство как нельзя лучше, на мой взгляд, иллюстрирует как характер самого Асена Баликси, экспериментирующего и ищущего новые стили, так и состояние визуальной антропологии, развитие которой представляет постоянный поиск своего киноязыка как специфического способа коммуникации. В этом отношении казымский

семинар, воплощавший в себе переходные процессы – от позитивистских принципов этнографической съемки Маргарет Мид к антропологии визуальной коммуникации Сола Уорта, от «наблюденческого» кино к кино «включенному», от доминирования антрополога к интересу к точке зрения аборигена, – был весьма показателен. А в контексте перестроечной России, где все эти постепенно назревавшие в западной науке переходы совершались практически в одночасье, еще и символичен.

Примечания

¹ Асен Баликси уже был знаком с российским антропологическим сообществом. В 1988 г. им была прочитана лекция для сотрудников Института этнологии и антропологии РАН. Видеосъемка этой лекции, сделанная Е.В. Александровым, хранится в архиве Центра визуальной антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Переводчиком во время лекции выступал Н. Ссорин-Чайков.

² М.И. Ильбейкина, называя проект Баликси–Бэджера «Сибирь глазами сибиряков», даже использует кальку с названия проекта Уорта–Адэра «Глазами навахо».

³ Здесь и далее перевод мой. – *Е.Д.*

⁴ MACOS – «Man: Course of Studying».

⁵ Фильмы выложены на официальном сайте проекта: <https://www.penn.museum/sites/navajofilmthemselves/> (дата обращения: 27.06.2017), здесь же размещены полевые дневники, фотографии, статьи организаторов проекта. Кроме того, подробную информацию о том, как все происходило буквально по дням, можно найти на сайте, подготовленном Ричардом Чалфэном: <https://sites.google.com/a/temple.edu/richard-chalfen-ph-d/navajo-project-1966> (дата обращения: 27.06.2017).

⁶ Например, отсутствие крупных планов в съемках двух сестер Тсоси, интерпретированных исследователями как следствие существующего в сообществе навахо запрета на пристальный взгляд, Пак объяснял более прозаически, связывая это с натянутыми отношениями между внуками и дедом, которого те снимали. Дед даже потребовал с внушек денег за съемки. Тем более, что в ситуациях, где они снимали других людей, крупные планы были (Pack 2012: 5–6).

⁷ Примечательно, что жили участники семинара в помещении местного интерната, который располагался в одном из сохранившихся зданий Культбазы, сыгравшей роковую роль в знаменитом Казымском восстании.

⁸ В семинаре в Брезнице приняли участие три помака, три болгарина и один цыган. Ими были сняты и смонтированы итоговые видеосюжеты. Фильм Асена Баликси «Мусульманские лабиринты», включающий и некоторые из этих сюжетов, был показан на II Московском международном фестивале визуальной антропологии «Камера-посредник» в 2004 г.

Литература

Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М.: Теис, 2003.

Баликси А. Антропология, фильм и народы Арктики // Материальная база сферы культуры. К 10-летию Центра визуальной антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова: Научно-информационный сборник. М.: Изд-во РГБ, 2001. Вып. 4. С. 67–84.

Баликси А. Фильмы об эскимосах нетсилик // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. С. 30–40. URL: http://rfaf.ru/rus/library/25_b342_view_pl (дата обращения: 28.06.2017).

- Баликси А. Сравнительный анализ видеосъемок, ведущихся представителями коренных народов в разных странах // *Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением*. М., 2008. С. 109–111.
- Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // *Антология исследований культуры*. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 509–518.
- Данилко Е.С. Визуальная антропология в России: анализ истории и терминов // *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 197–209.
- Ильбейкина М.И. Особенности визуально-антропологических исследований индигенных народов // *Современные проблемы науки и образования*. № 4. 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vizualno-antropologicheskikh-issledovaniy-indigennykh-narodov> (дата обращения: 28.06.2017).
- Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988.
- Трушкина Е.Ю. Антропология визуальной коммуникации: история и методология. 2015. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_14764.html (дата обращения: 28.06.2017).
- Инт. 1. Интервью с Т.А. Молдановым. 2017 г.
- Инт. 2. Интервью с Е.А. Александровым. 2017 г.
- Balikci A. The Legacy of Margaret Mead: the Case of Visual anthropology // *Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological Research*. Vienna, 1987. Vol. 8. P. 37–42.
- Balikci A., Badger M. A Visual Anthropology Seminar for the native peoples of Siberia and Alaska // *Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1* / Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Højbjerg: Intervention Press, 1995. P. 39–54.
- Balikci A. Visual Ethnography Among the Balkan Pomak // *Visual anthropology Review*. March 2007. P. 92–96.
- Balzer M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton University Press, 1999. URL: <http://press.princeton.edu/chapters/s6734.html> (дата обращения 28.06.2017).
- Gross L. Introduction: Sol Worth and the Study of Visual Communication // Worth S. *Studying Visual Communication*. University of Pennsylvania Press, 1980. P. 2–19.
- Lempert W. Telling Their Own Stories: Indigenous Film as Critical Identity Discourse // *The Applied Anthropologist*. 2012. Vol. 32, № 1. P. 23–32.
- Navajo Film Themselves // Official website of the Project. URL: <https://www.penn.museum/sites/navajofilmthemselves/inside-the-project/purpose/> (дата обращения: 28.06.2017).
- Pack S. “Uniquely Navajo?”: The Navajo Film Project Reconsidered // *Visual Ethnography*. December 2012. Vol. 1, № 2. P. 1–20.
- Worth S. *Studying Visual Communication*. University of Pennsylvania Press, 1980.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2017 г.

Danilko Elena S.

‘THE KAZYM REVOLT’: ON THE HISTORY OF THE FIRST VISUAL ANTHROPOLOGY PROJECT IN RUSSIA

Abstract. In August of 1991 in Western Siberia, the well-known Canadian anthropologist Asen Balikci and his American colleague Mark Badger together with Russian researchers organised a field seminar for representatives of indigenous peoples of the North that took place in a small village of Kazym (Khanty-Mansi Autonomous Area). This was to become the first visual anthropology project undertaken in Russia. Having sparked interest in the new interdisciplinary field at the intersection of science and art, the seminar contributed to the subsequent gradual formation of visual anthropology community in the country.

An attempt to see what constituted the methodological basis of the seminar as well as the desire to establish events of that time and understand their meaning for today were an impetus for writing this article, where apart from the published sources the author used interviews with the Kazym seminar participants.

Keywords: visual anthropology, indigenous film, visual communication, indigenous people of the North, Kazym

DOI: 10.17223/2312461X/17/6

References

- Aleksandrov E.V. *Opyt rassmotreniia teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noi antropologii* [Considering theoretical and methodological issues in visual anthropology]. Moscow: Teis, 2003.
- Baliksi A. Antropologiya, film i narody Arktiki [Anthropology, film, and the Arctic peoples], *Material'naya baza sfery kul'tury. K 10-letiiu Tsentra vizual'noi antropologii MGU im. M.V. Lomonosova. Nauchno-informatsionnyi sbornik. Vyp. 4* [The material basis for culture. Associated with the 10th anniversary since the establishment of Centre of Visual Anthropology at Lomonosov Moscow State University. A scientific-and-information collection. Issue 4]. Moscow: Izd. RGB, 2001, pp. 67–84.
- Baliksi A. Fil'my ob eskimosakh netsilik [Films about the Netsilik Eskimo], *Severnyi arkhologicheskii kongress. Doklady* [The Northern Archaeological Congress. Presentations]. Ekaterinburg–Khanty-Mansiisk: Akademkniga, 2002, pp. 30–40. Available at: http://rfaf.ru/rus/library/25_b342_view_p1 (Accessed 28 June 2017).
- Baliksi A. Sravnitel'nyi analiz videos"emok, vedushchikhsia predstaviteliami korennykh narodov v raznykh stranakh [A comparative analysis of filming as it is done by indigenous peoples in different countries], *Audiovizual'naya antropologiya. Istoriia s prodolzheniem* [Audiovisual anthropology. Stories to be continued]. Moscow, 2008, pp. 109–111.
- Boas F. Granitsy sravnitel'nogo metoda v antropologii [The limitations of the comparative method of anthropology], *Antologiya issledovaniy kul'tu-ry. Tom 1: Interpretatsii kul'tury* [Anthology of research in culture. Vol. 1: Interpretations of culture]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997, pp. 509–518.
- Danilko E.S. Vizual'naya antropologiya v Rossii: analiz istorii i terminov [Visual anthropology in Russia: analysis of history and terminology], *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii* [The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology]. Moscow: IEA RAN, 2016, pp. 197–209.
- Il'beikina M.I. Osobennosti vizual'no-antropologicheskikh issledovaniy indigennykh narodov [Visual anthropology research on indigenous peoples], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2014, no. 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vizualno-antropologicheskikh-issledovaniy-indigennykh-narodov> (Accessed 28 June 2017).
- Mid M. *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniia* [Culture and childhood. Selected writings]. Moscow: Nauka, 1988.
- Trushkina E.Iu. *Antropologiya vizual'noi kommunikatsii: istoriia i metodologiya* [The anthropology of visual communication: history and methodology]. Available at: http://e-notabene.ru/ca/article_14764.html (Accessed 28 June 2017).
- Int. 1. Interv'iu s T.A. Moldanovym. 2017 g. [Interview 1. Interview with T.A. Moldanov. 2017].
- Int. 2. Interv'iu s E.A. Aleksandrovym. 2017 g. [Interview 2. Interview with E.A. Aleksandrov. 2017].
- Baliksi A. The Legacy of Margaret Mead: the Case of Visual anthropology, *Bulletin of the Inter-national Committee on Urgent Anthropological Research*. Vienna, 1987, Vol. 8, pp. 37–42.

- Balikci A., Badger M. A Visual Anthropology Seminar for the native peoples of Siberia and Alaska, *Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1*. Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Høebjerg: Intervention Press, 1995, pp. 39–54.
- Balikci A. Visual Ethnography Among the Balkan Pomak, *Visual anthropology Review*. March 2007, pp. 92–96.
- Balzer M. *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton University Press, 1999. Available at: <http://press.princeton.edu/chapters/s6734.html> (Accessed 28 June 2017).
- Gross L. Introduction: Sol Worth and the Study of Visual Communication, *Worth S. Studying Visual Communication*. University of Pennsylvania Press, 1980, pp. 2–19.
- Lempert W. Telling Their Own Stories: Indigenous Film as Critical Identity Discourse, *The Applied Anthropologist*, 2012, Vol. 32, no. 1, pp. 23–32.
- Navajo Film Themselves*. Official website of the Project. Available at: <https://www.penn.museum/sites/navajofilmthemselves/inside-the-project/purpose/> (Accessed 28 June 2017).
- Pack S. “Uniquely Navajo?”: The Navajo Film Project Reconsidered, *Visual Ethnography*, Vol. 1, no. 2, December 2012, pp. 1–20.
- Worth S. *Studying Visual Communication*. University of Pennsylvania Press, 1980.

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/17/7

УСТЬ-ПОЛУЙ: ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В АРКТИКЕ*

Евгений Вячеславович Водясов
Андрей Васильевич Гусев
Евгения Михайловна Асочакова

Аннотация. Статья посвящена анализу свидетельств черной металлургии, обнаруженных в 2010–2015 гг. на древнем святилище Усть-Полуй (территория современного г. Салехард, Россия). Остатки производств железа на Усть-Полуе датируются III в. до н.э. – I в. н.э. и являются древнейшими свидетельствами черной металлургии в Циркумполярном поясе. Металлургические площадки были приурочены к древнему рву, на краю которого сооружались сыродутные горны. На основе толщины глиняных стенок (1,5–3 см), сохранившихся оснований объектов и морфологии шлаков сделано предположение об использовании небольших горнов высотой не более 0,5 м. Древние металлурги обладали технологиями шлаковывпуска и добавляли в шихту кости животных. Археологические и геохимические анализы доказывают, что все описываемые в статье шлаки были получены в ходе разработки одного месторождения железной руды. Другие свидетельства производства и обработки железа на рубеже эр в Арктическом регионе не обнаружены. В Скандинавии, самом крупном металлургическом центре Северной Европы, железоплавильные объекты появляются в Циркумполярном поясе лишь в Средневековье, а горны эпохи раннего железа известны значительно южнее Полярного круга. Таким образом, сегодня Усть-Полуй является самым северным местом на планете, где человек освоил производство железа в древности. Импульсом к появлению черной металлургии в Полярном регионе, возможно, послужили миграции населения с территории Восточного Урала, где металлургия железа появилась задолго до ее трансферта в Нижнее Приобье.

Ключевые слова: Усть-Полуй, Циркумполярная зона, производство железа, эпоха раннего железа

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00329 мол_а.

Введение

Древнее святилище Усть-Полуй – один из ярчайших археологических комплексов в Западной Сибири. Чрезвычайно богатый культурный слой с многочисленными находками изделий, в том числе художественных, из металла, камня, кости и дерева вкупе с прекрасной сохранностью органики создали репутацию Усть-Полую как опорному памятнику для изучения эпохи раннего железа Северной Евразии. Споры о его видовой принадлежности (поселение или святилище), а также о количестве и датировках археологических слоев до сих пор не утихают (Федорова, Гусев 2008: 175). За многие годы исследований, начиная с 1935–1936 гг., здесь сделано множество открытий, однако недавно Усть-Полуй предстал в совершенно новом свете. В 2010, 2012 и 2015 гг. экспедицией Ан.В. Гусева на разных раскопанных участках обнаружены следы производства железа. Остатки черной металлургии датируются рубежом эр и сегодня являются древнейшими и единственными во всей циркумполярной зоне (!) в эпоху раннего железа. Открытие металлургии на Усть-Полуе переворачивает наши представления о технологическом уровне древнего населения полярной Сибири. В 1935 г. профессор В. Равдоникас написал своему финскому коллеге А. Тальгренну про находки художественных изделий из кости и рога на Усть-Полуе: «Это буквально мировое открытие» (Гусев 2008). Спустя 80 лет мы можем сказать то же самое, но уже рассматривая найденные следы древнейшей черной металлургии.

Материалы 2010–2012 гг. опубликованы (Водясов, Гусев 2016). В данной статье вводятся в научный оборот новые источники по черной металлургии, обнаруженные в 2015 г. на Усть-Полуе. Цель настоящей статьи – комплексное исследование черной металлургии Усть-Полуя.

Контекст обнаружения и датировка свидетельств черной металлургии

Древнее святилище Усть-Полуй расположено на правом берегу р. Полуй, приблизительно в 2 км от ее впадения в р. Обь. Памятник находится в Заполярье на территории современного г. Салехарда (рис. 1).

Учитывая, что эта статья завершает анализ имеющихся сегодня источников по черной металлургии Усть-Полуя, имеет смысл обобщить здесь новые и уже опубликованные данные (Водясов, Гусев 2016).

В 2010–2012 гг. все найденные свидетельства производства железа были приурочены ко рву, опоясывающему территорию памятника (Водясов, Гусев 2016: рис. 2). В 2012 г. на его краю обнаружены развал сыродутного горна и скопление шлаков, большинство из которых залегало по склону рва и на его дне. Определить точное назначение горна (плавильный или кузнечный) и его конструктивные особенности, к со-

жалению, было невозможно ввиду очень плохой сохранности тепло-технического сооружения.

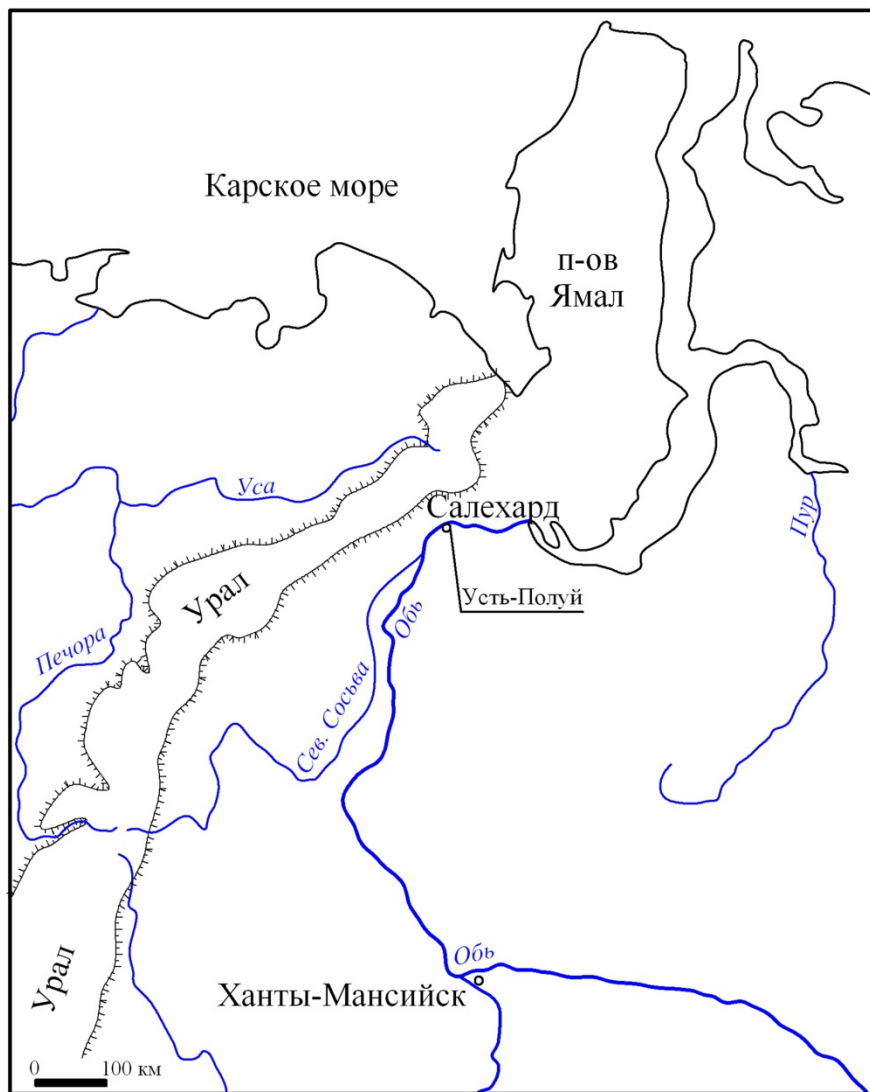

Рис. 1. Местоположение древнего святилища Усть-Полуй

Тем не менее морфология найденных в 2010–2012 гг. шлаков говорит о том, что древнее население владело железоделательными и кузнечными технологиями. Коллекция шлаков представлена как донными шлаковыми лепешками (рис. 2, 1), образовавшимися на дне железоплавильного горна, так и кузнечными шлаковыми лепешками (рис. 2, 2) и

мелкими кузнечными шлаками (рис. 2, 3), формирование которых связано с дальнейшими операциями по обработке крицы.

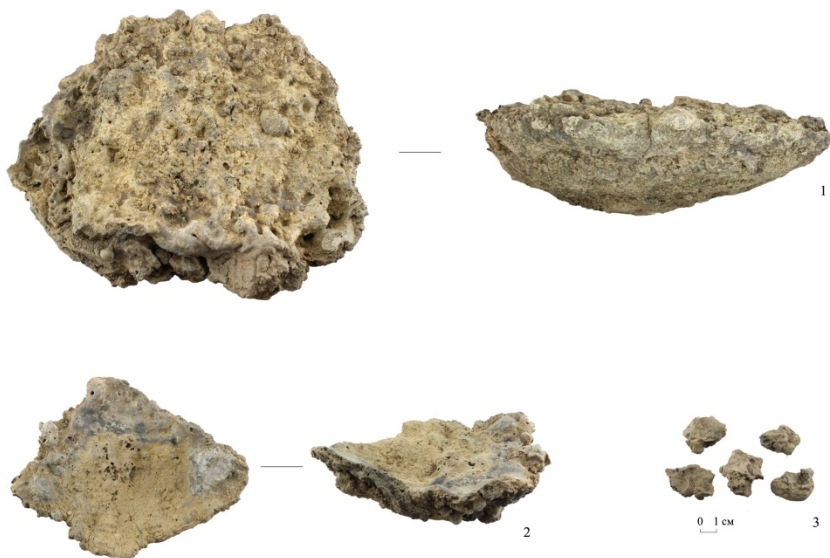

Рис. 2. Основные типы железных шлаков, найденных на Усть-Полуе в 2010–2012 гг.

Исходя из контекста обнаружения свидетельств металлургии в 2010–2012 г., мы предполагаем, что металлургическая деятельность проходила вдоль края рва. Дальнейшие процессы археологизации приводили к сползанию шлаков и остатков археометаллургических объектов по его склону. Время сооружения рва по дендрохронологии датируется семидесятыми годами до н. э. Датировка объекта черной металлургии, раскопанного в 2012 г., определена на основе радиоуглеродного метода с учетом калибровки – III в. до н. э. – I в. н. э. (Водясов, Гусев 2016: 63).

В 2015 г. было продолжено изучение территории памятника на внутренней стороне рва. В ходе раскопок исследована металлургическая площадка. Первоначально было расчищено большое скопление обожженных камней, сильно растрескавшихся от высоких температур. Размер скопления – примерно 1,4×1 м (рис. 3).

Среди камней встречались угли и мелкие кальцинированные кости. Характер объекта говорил сам за себя: при его расчистке обнаружено несколько десятков скоплений железных шлаков общим весом приблизительно 4 кг.

За все предшествующие годы раскопок на Усть-Полуе фиксировались отдельные находки шлаков, но такая концентрация встречена впервые. Шлаки залежали как в виде отдельных фракций размером в 1–3 см, так и в виде скоплений до 10–15 см в диаметре.

Рис. 3. Древнее святилище Усть-Полуй. Металлургическая площадка (раскопки 2015 г.)

Рис. 4. Древнее святилище Усть-Полуй. Железоплавильный горн (раскопки 2015 г.):
 А – основание горна; Б – канал для выпуска шлака;
 В – выпускной шлак; Г – глиняная обмазка

Металлургическая площадка включала в себя остатки железоплавильного сыродутного горна и место для кузнечных операций (см. рис. 3).

От горна сохранились основание диаметром 30–35 см, сооруженное из обломков горных пород и глины, и стенки, лежащие вокруг (см. рис. 4). Здесь же найдены фрагменты глиняной обмазки горновых стенок толщиной 1–2 см (см. рис. 4, з). Почти все обмазки ошлакованы.

Высоту горна реконструировать сложно, но, судя по объему развалившихся стенок, вряд ли он был выше 0,5 м. Интересной технологической особенностью горна являлось наличие шлаковывпускного канала диаметром около 1,5 см (см. рис. 4, б). Канал для выпуска жидкого шлака находился с западной стороны сооружения у самого основания. Непосредственно у канала расчищен монолит шлака, выпущенного из горна в жидком состоянии и застывшего здесь же (см. рис. 4, в).

Рядом с железоплавильным горном, к сожалению, не обнаружено фракций железной руды. Не найдена руда и в раскопах предыдущих лет (Водясов, Гусев 2016). Скорее всего, это связано с тем, что заготовка, обжиг и дробление руды происходили на специальных вынесенных за пределы памятника площадках. Возможно, к местам плавки железную руду доставляли уже в виде измельченного порошка.

Следующий цикл производства железа связан с кузнечными операциями. Известно, что горновая крица содержит большое количество пустот и шлаковых включений, которые необходимо удалить посредством повторного нагрева крицы уже в кузнечном горне (Pleiner 2000: 215). Вероятнее всего, нагрев и проковка крицы проходили непосредственно вблизи сыродутного горна: в 0,5 м к юго-востоку от железоплавильного объекта найдено скопление мелких расколотых шлаков размерами 1–3 см и небольших кузнечных шлаковых лепешек (рис. 5). Вероятно, для проковки крицы использовались каменные наковальни.

Здесь же обнаружено кричное железо – фрагмент крицы (рис. 5, 10), что является первой подобной находкой на Усть-Полуе. Размер фрагмента 3,6×1,8×0,8 см. В ходе проковки горячей крицы ее небольшой кусок откололся и остался в культурном слое.

Наличие в исследованном комплексе большого количества кальцинированных костей является индикатором того, что древние плавильщики использовали кости животных в качестве флюса.

Помимо отходов черной металлургии, среди камней и шлаков обнаружены следы бронзолитейного дела: мелкие сплески бронзы, небольшой фрагмент плоскодонного тигля, стенка бронзового котла. Археологические находки представлены птицевидной бронзовой отливкой, парой бусин из стекловидной пасты, двумя железными кольцами. Непосредственно рядом со шлаковывпускным каналом лежал венчик керамического сосуда (см. рис. 4).

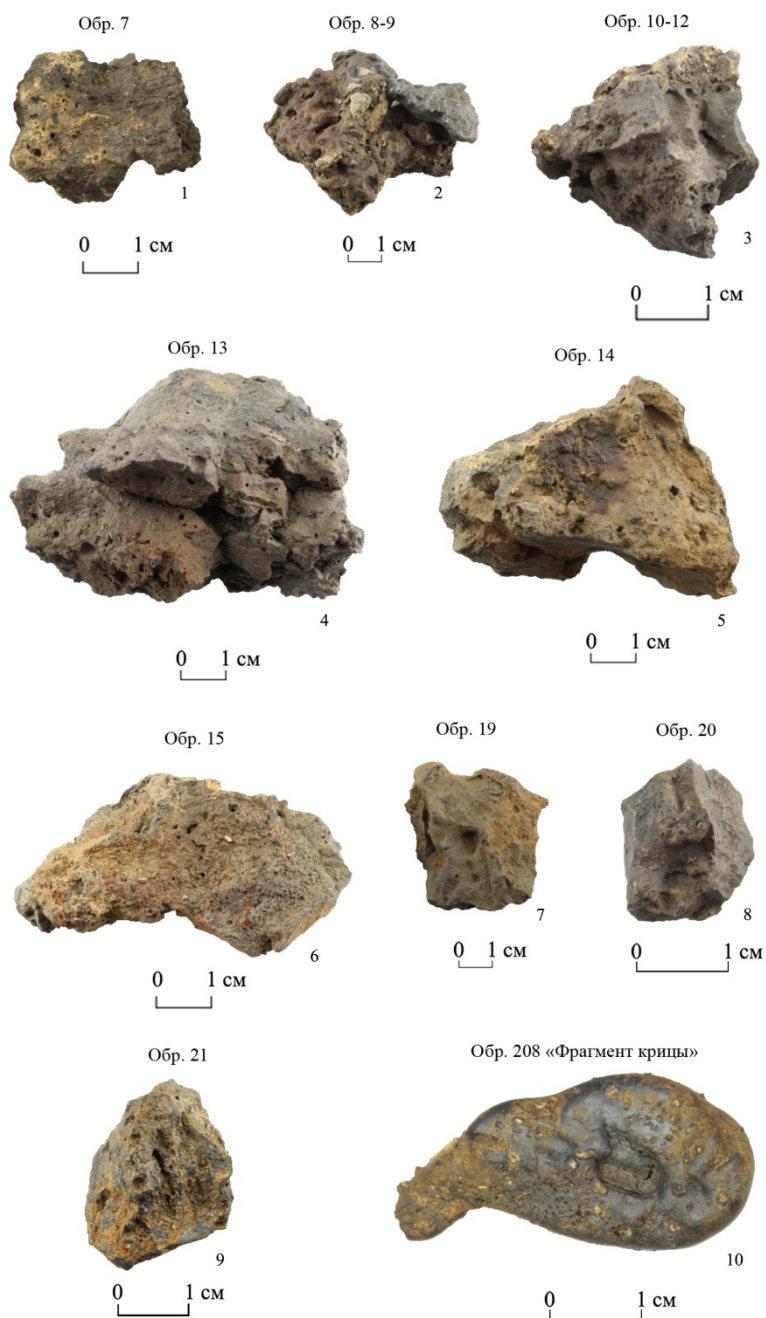

Рис. 5. Древнее святилище Усть-Полуй. Metallургическая площадка. Шлаки и фрагмент крицы (раскопки 2015 г.)

Подобная керамика встречена в большом количестве в основном комплексе Усть-Полуя (Мошинская 1965: 23, рис. 11), а также на одно-временном ему памятнике Катра-Вож. За пределами низовьев Оби она зафиксирована в Сургутском Приобье на Барсовой Горе (Чемякин 2008: 180, рис. 74) и в Томском регионе (Чиндина 1984: 249, рис. 43). По мнению двух последних авторов, подобные сосуды относятся к саровскому этапу кулайской культуры, датируются последними веками до н.э. – первыми веками н.э. Даты основного слоя Усть-Полуя с подобной керамикой определены в пределах I в. до н. э. – I в. н. э.

Обнаружение остатков бронзолитейного производства вместе с железными шлаками, возможно, указывает на многофункциональность металлургической площадки.

Для определения хронологии археометаллургического объекта взят анализ древесного угля (полевой № 766), залежавшего на одном уровне с кузнечными шлаками среди прочих остатков металлургической деятельности. Анализ выполнен в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН. Калибровка выполнена с помощью программы CalPal. С учетом калибровки исследованный комплекс датируется I в. до н. э. – I в. н. э. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Результаты радиоуглеродного датирования археометаллургического объекта

14C-age BP	1995 ± 75
Calendric Age calBP	1967 ± 87
68% range calBP	1879–2054
Calendric Age calBC	17 ± 87

Важно, что данный археометаллургический объект практически синхронен исследованному в 2012 г. горну и, скорее всего, составляет с ним единый по времени производственный комплекс на территории Усть-Полуя.

Таким образом, имеющиеся сегодня археологические источники позволяют говорить о том, что древние мастера Усть-Полуя на рубеже эр обладали технологиями как бронзолитейного, так и железоделательного и кузнечного производства. Малая концентрация железных шлаков на Усть-Полуе (всего около 7 кг) свидетельствует либо о начальном этапе проникновения новых технологий, либо об организации основных производств железа за пределами памятника. Возможно также, что шлаки могли быть найдены и предшествующими исследователями Усть-Полуя, но не атрибутированы как остатки железоделательного и кузнечного циклов: по устной информации Н.А. Алексащенко, шлаки присутствуют в составе коллекции 1935–1936 гг., хранящейся в фондах МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Идентификация этого материала пока не проводилась.

Многочисленные археологические эксперименты П. Крюю показали, что для производства железного бруска весом 0,5 кг, пригодного к дальнейшей ковке, необходимо переплавить около 8 кг руды, что даст примерно 6 кг шлака (Stew 2013). Учитывая, что на металлургической площадке, исследованной в 2015 г., найдено около 4 кг плавильных и кузнечных шлаков, древние мастера получили крицу весом чуть больше 1 кг, из которой вышло примерно 0,3 кг ковкого железа.

Несмотря на относительно немногочисленные находки шлаков, использование плавильщиками Усть-Полуя технологий шлаковывпуска маркирует достаточно высокий уровень древних производств. Горны со шлаковывпускным каналом отличаются большей производительностью в отличие от горнов, работающих без него (Наумов 2008: 102). Древние мастера знали о свойствах костей животных в качестве флюсов, которые придавали шлакам текучесть и уменьшали потери железа. Добавление флюсов, содержащих CaO, понижало также в готовом железе количество вредной серы (Pleiner 2000: 255). Важно, что металлургия железа представлена на Усть-Полуе хотя и в эпизодических масштабах, но уже в развитом виде, о чем говорят технологии шлаковывпуска и флюсования.

В больших объемах металлообрабатывающая деятельность на Усть-Полуе связана с бронзолитейным производством (Чернецов 1953: 146; Федорова, Гусев 2008: 176; Гусев, Федорова 2012).

Контекст обнаружения разных типов шлаков в пределах одного комплекса, раскопанного в 2015 г., позволяет сделать вывод, что для плавки руды и проковки крицы использовалась одна металлургическая площадка. Вероятно, здесь же могли плавить и бронзу. Возможно, на ранних стадиях черной металлургии эти процессы осуществлялись одними и теми же мастерами, хотя, из-за ограниченной информативности археологических источников, эти гипотезы доказать невозможно.

По материалам раскопок Усть-Полуя в 2006–2015 гг. известно как минимум 40 железных предметов. Помимо этого, три железных ножа с Усть-Полуя ранее опубликовала В.И. Мошинская (Мошинская 1953: табл. IX). Все металлические орудия труда Усть-Полуя выполнены из железа. Эти категории инвентаря представлены 24 ножами и 5 иглами. Очевидно, что в культуре населения, оставившего Усть-Полуй, железо полностью вытеснило бронзу из орудийной сферы на рубеже эр. При этом все предметы вооружения Усть-Полуя этого же времени продолжали изготавливаться из бронзы (кельт, кинжалы, чеканы, наконечники стрел). Исключение составляет один железный черешковый наконечник стрелы, найденный в раскопе Ан.В. Гусева в 2007 г.

Хотя здесь надо отметить, что необходимо отдельное комплексное исследование железных изделий Усть-Полуя, чтобы доказать их происхождение.

Результаты комплексного изучения железных шлаков

Для изучения вещественного состава усть-полуйских шлаков был использован комплекс минералого-петрографических и геохимических методов: исследование прозрачных шлифов, рентгенофлуоресцентный, рентгенофазовый и эмиссионный спектральный анализы, растровая электронная микроскопия, совмещенная с микрорентгеноспектральным анализатором. Исследования проведены в Центре коллективного пользования «Аналитический центр геохимии природных систем» Томского государственного университета.

Большая часть шлаков состоит из двух частей: одна часть представляет собой собственно шлак (стекловатая пористая масса), а вторая – обломки горных пород или феррита в силикатной массе. Горные породы имеют пестрый состав – от кислых гранитов, кристаллических сланцев до основных эффузивов. Это объясняется тем, что для постройки горна использовались, вероятно, обломки горных пород, собираемые в непосредственной близости на берегу р. Полуй. Стекловатая масса шлака представляет собой спекшиеся или сплавленные агрегаты зерен кварца, плагиоклазов, обломков горных пород и новообразованных силикатных минералов. Шлаки нередко сильно изменены, покрыты охрами гидроксидов железа, стекловатая часть в порах и пустотах хлоритизирована. Феррит представляет собой агрегаты железа, покрытые оксидом железа (вюстит / маггемит). В шлаках феррит темного цвета, с металловидным блеском и слабомагнитен, чаще представляет собой дендриты (скелетные кристаллы) в силикатной матрице.

Исследования шлаков рентгенофазовым анализом показал наличие фаз, которые образовались при раскристаллизации железо-силикатной фазы – оксиды (кристаллит, купрошпинель, магнезиоферрит) и силикаты (фаялит, геденбергит). Присутствие их наравне с дендритами феррита указывает на высокие температуры и быстрое охлаждение. Окончательное формирование кричного железа происходит при постепенном укрупнении зерен и дендритов феррита при плавке руд (рис. 6).

Основные и примесные элементы были определены с помощью рентгенофлуоресцентного и эмиссионного спектрального анализов (табл. 2–4).

Рентгенофлуоресцентный анализ фрагмента кричного железа, найденного в 2015 г., выполнен Ю.А. Подосеновой в Пермском научном центре УРО РАН. Количество железа в крице составляет чуть более 98%, также присутствует повышенное количество марганца и свинца (табл. 2).

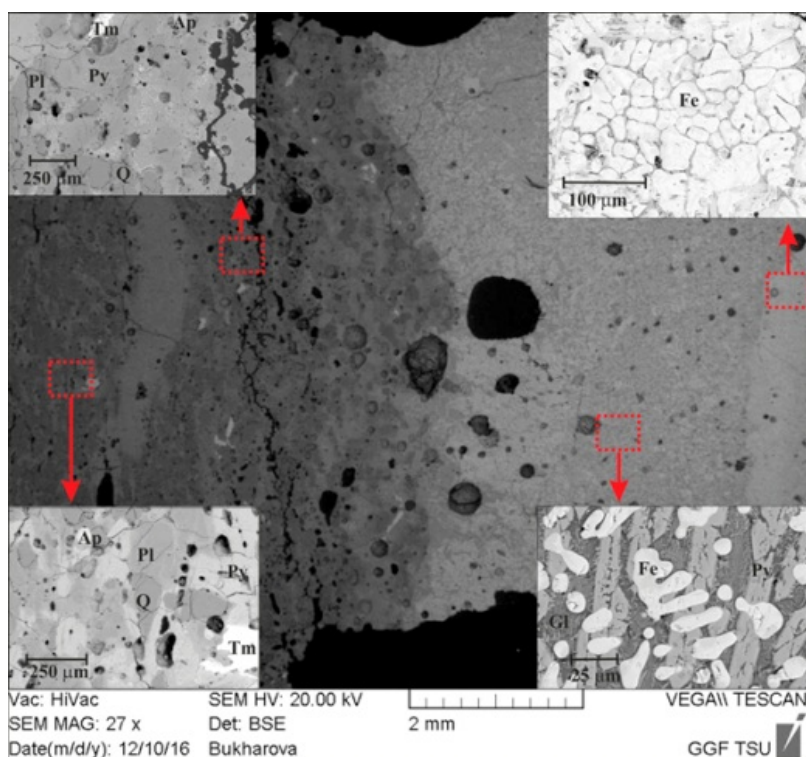

Рис. 6. Изображение BSE железного шлака (образец 10/1429):

Ap – апатит; Fe – феррит; Gl – стекло; Py – пироксен; Pl – плагиоклаз;

Tm – титаномагнетит; Q – кварц.

Аналитик: О.В. Бухарова, доцент кафедры минералогии и геохимии ГГФ ТГУ

Таблица 2

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа кричного железа, вес. %

Fe	Mn	Ni	Cu	Zn	Pb	Сумма
98,2	1,06	0,06	0,13	0,03	0,51	99,99

Поскольку шлаки представляют собой спекшиеся остатки после выплавки руды, в них содержится большое количество как основных, так и примесных компонентов. По коэффициенту основности и кремневому модулю, учитывающим содержание шлакообразующихся компонентов, шлаки являются кислыми.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа железных шлаков, вес. %

№ п/п	№ пр.	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	*FeO	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	S	Сумма
1	4/940	40,37	0,41	11,68	29,66	0,121	5,86	5,87	0,34	0,88	0,60	0,004	95,78
2	7/1527	48,06	0,55	8,86	25,86	0,311	3,11	4,49	2,23	2,13	0,79	0,006	96,38
3	9/912	33,45	0,43	7,51	40,17	0,037	3,10	4,49	1,65	1,54	1,34	>0,001	93,71
4	10/1429	26,20	0,50	7,82	36,06	0,405	3,78	9,39	2,30	2,41	6,40	>0,001	95,26
5	13/927	29,39	0,34	7,11	41,23	0,153	2,80	6,73	0,16	1,65	3,66	>0,001	93,21
6	15/931	25,50	0,30	6,66	41,93	0,144	2,37	8,75	0,15	1,80	5,62	>0,001	93,23
7	19/945	31,67	0,31	6,90	42,45	0,068	3,63	4,21	2,40	0,95	1,02	>0,001	93,61
8	20/1277	37,71	0,53	10,69	30,17	0,155	4,51	6,05	2,52	2,06	1,94	0,006	96,34
9	21/1349	29,10	0,28	5,21	49,39	0,001	2,42	3,78	0,16	0,27	0,48	0,001	91,11

Примечание. *FeO = FeO+Fe₂O₃. Анализы выполнены на энергодисперсионном рентгенофлуоресцентном анализаторе ED2000, Oxford (Великобритания). Аналитик – Е.М. Асочакова, канд. геол.-минерал. наук, инженер-исследователь ЦКП АЦПИС, доцент кафедры минералогии и геохимии ГГФ ПГУ.

Результаты количественного спектрального анализа железных шлаков, вес. %

№ п/п	№ пр.	V	Yb	Cr	Ti	Mn	Cu	Ba	Sc	Zr	Ga	Sn	Y
	П.О.	0,0005	0,00005	0,001	0,0003	0,0003	0,0003	0,020	0,0002	0,0030	0,0003	0,0002	0,0005
1	4/940	0,0030	0,00028	0,0030	0,0600	0,2810	0,0100	0,043	0,0003	0,0080	0,0012	0,0006	0,0005
2	9/912	0,0050	0,00023	0,0050	0,0800	0,0780	0,0300	0,048	0,0003	0,0040	0,0016	0,0005	0,0007
3	10/1429	0,0150	0,00022	0,0500	0,1200	0,1240	0,0080	0,020	0,0003	0,0070	0,0012	0,0004	0,0007
4	18/1682	0,0080	0,00034	0,0110	0,0800	0,4060	0,0110	0,020	0,0002	0,0085	0,0013	0,0003	0,0010
		Zn	Pb	Ag	As	Co	Ge	Sb	Bi	P	Nb	La	Ni
	П.О.	0,0030	0,0003	0,00001	0,01	0,001	0,0003	0,003	0,0003	0,08	0,001	0,003	0,0003
1	4/940	0,0200	0,0016	0,00014	–	0,0032	–	–	0,0003	0,8900	0,0015	0,003	0,0070
2	9/912	0,0770	0,0010	0,00015	0,014	0,0160	0,0005	0,003	–	0,9090	0,0020	0,005	0,0070
3	10/1429	0,0330	0,0016	0,00012	0,011	0,0100	0,0003	0,01	–	0,8400	0,0010	0,003	0,0150
4	18/1682	0,0520	0,0005	0,00015	0,011	0,0350	0,0003	–	–	0,3440	0,0015	0,003	0,0100

Примечание. П.О. – предел обнаружения, минимальная концентрация, которую можно обнаружить данным методом; – элемент не обнаружен; 1 г/т = 0,0001%. Аналитик – Е.Д. Атапова, инженер кафедры минералогии и геохимии ГГФ ПГУ.

Анализ микроэлементного состава показал, что пробы содержат элементы, значительно превышающие кларк (среднее содержание в земной коре). Большая часть этих элементов представляет собой группу железа – элементы, геохимически родственные железу: V, Cr, Co, Ni. Кроме того, отмечаются высокие содержания фосфора и бария.

Важно, что элементный состав шлаков, обнаруженных в 2015 г., полностью совпадает с составом шлаков, найденных на других участках Усть-Полуя. Это указывает на единство применяемых технологий в древности и разработку одного месторождения железной руды. Для поиска железорудных источников древней металлургии Усть-Полуя необходимы комплексные полевые исследования.

Отличительной особенностью усть-полуйских шлаков является повышенное содержание оксида кальция – 6% (табл. 3). На его количество влияет состав железной руды, топливо и флюсы (Crew 2007). Наличие в металлургическом объекте пережженных костей животных, добавляемых в шихту в качестве флюсов, объясняет такое количество кальция в древних шлаках. Для сравнения укажем, что среднее содержание CaO в археологических шлаках Обь-Иртышья составляет всего 1,2% (Зиняков 1997, табл. 3).

Рентгенофлуоресцентный анализ выявил также повышенное содержание марганца (Mn) в кричном железе (табл. 2). Марганец переходит в шлаки и железо из руды. Он увеличивает прочность изделия и предел прочности на разрыв, а также влияет на снижение в стали вредной и пагубной серы (Borovsky et al. 2012: 28).

Одним из важных элементов, оказывающих влияние на свойство железного изделия, является фосфор (P). Отметим здесь, что, подсчитывая среднее количество фосфора в усть-полуйских шлаках, найденных в 2010–2012 гг. (Водясов, Гусев 2016: 62), авторы совершили ошибку, поскольку в общую статистику включили количество фосфора как в шлаковых, так и в нешлаковых образцах (ошлакованных стенках горна). Это привело к завышенному количеству оксида фосфора – 5,9%. В действительности, по материалам 2010–2015 гг., среднее содержание P_2O_5 в шлаках Усть-Полуя составляет 2,5%. По известной формуле (Piaskowski 1965; Pleiner 2000: 265) можно подсчитать содержание фосфора в железной продукции. $P \text{ (метал)} = (0,12–0,35) \times P_2O_5 \text{ (шлак)}$. Таким образом, железо, изготовленное древними мастерами Усть-Полуя, содержало 0,3–0,8% фосфора. Такое количество характеризует изделия как высокофосфористые (Piaskowski 1988). Высокие содержания фосфора увеличивали их прочность и сопротивление коррозии (Pleiner 2000: 265). Наличие фосфора в рудах препятствовало также науглероживанию железа в ходе сыродутного процесса (Завьялов, Розанова, Терехова 2009: 62). То есть результатом плавки железных руд с высоким содержанием фосфора являлось «чистое» железо с низким содержанием углерода.

По мнению Е. Пяковского, разработавшего формулу перехода фосфора из руды в железо и шлаки, по количеству фосфора в изделии можно установить тип используемых руд. Высокофосфористые изделия (0,18–1% фосфора) изготавливались, как правило, из лимонитовых (болотных) руд (Piaskowski 1988).

Как указывает Р. Плейнер, лимонитовые руды были важнейшими рудными источниками древнейшей металлургии железа, так как они достаточно легко восстанавливались в горне и были широко распространены по всей Северной Евразии (Pleiner 2000: 88). В России лимонитовые руды часто называют «болотными рудами». В Скандинавии они именуются «озерными рудами». Болотные руды обычно содержат высокое количество фосфора (0,5–3%) и марганца (88). Указанные элементы, как показано выше, перешли в известном соотношении из руды в кричное железо и шлаки Усть-Полуя. Возможно, древние плавильщики Усть-Полуя добывали лимонитовые руды в бассейне Нижней Оби. Хотя надо отметить, что высокое содержание фосфора в шлаках могло быть также вызвано добавлением флюсов, поэтому выводы о типе используемых руд остаются преждевременными.

Причины появления древнейшей черной металлургии в Арктике

Открытие на Усть-Полуе черной металлургии пополняет немногочисленный перечень памятников эпохи раннего железа со следами железоделательного производства в Западной Сибири. Рассмотрим все известные археологические свидетельства этой эпохи в Обь-Иртышье.

В бассейне р. Обь единственным металлургическим объектом эпохи раннего железа (до открытия металлургии на Усть-Полуе) являлся сыродутный горн, найденный на Саровском городище в Нарымском Приобье и датированный I в. до н. э. – IV в. н. э. (Чиндина 1984: 105–106, 141). Автор раскопок, Л.А. Чиндина, определяет горн как сыродутный и железоплавильный, не приводя этому доказательств. Ею отмечено, что конструкцию горна установить не удалось, и сделан неожиданный вывод: «Железо варили в горшках в ямах или ставили на дно горна» (Чиндина 1984: 141). Лабораторные анализы обнаруженных шлаков не проводились, их количество, вес и морфология остаются неясными. Никаких других археометаллургических объектов эпохи раннего железа в Приобье пока не обнаружено.

В Прииртышье памятники черной металлургии рассматриваемой эпохи представлены тремя поселенческими комплексами. Все они находятся в левобережье Иртыша, на левых притоках р. Тобол: Рафайловское и Андреевское-VII городища, датированные VII–V вв. до н. э., и поселение Дуванское-II конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. (Зиняков 1997: 228–229; Бельтикова 2005: рис. 2). Рафайловское и Андреевское-VII

городища связаны с восточным ареалом иткульского металлургического очага VIII–II вв. до н. э. (Бельтикова 2005). Поселение Дуванское-II относится к саргатской культуре (Корякова 1988).

Таким образом, сегодня известно всего пять археологических памятников со следами черной металлургии эпохи раннего железа на огромных просторах Обь-Иртышья.

Открытие в Сибирском Заполярье свидетельств черной металлургии закономерно ставит вопрос о причинах и истоках ее появления. Поиски аналогичных памятников во всем Циркумполярном поясе планеты не дали результатов. В арктической зоне Скандинавии, крупнейшем металлургическом центре Северной Европы, железоделательное производство появляется только в эпоху раннего Средневековья (Stenvik 2003: 125). На Аляске, в Северной Канаде и Северо-Восточной Сибири, в широтах полярного круга, железоплавильные и кузнечные горны эпохи раннего железа также не обнаружены. Таким образом, сегодня Усть-Полуй является самым северным и единственным (!) местом в циркумполярной зоне планеты, где человек освоил производство нового металла на рубеже эр.

Появлению в столь северных широтах Евразии собственной черной металлургии, на наш взгляд, должен был способствовать внешний импульс. Известно, что рождение черной металлургии было возможно лишь в тех культурах, где имелся большой опыт по добыче и плавке медных руд, поскольку железо первоначально являлось побочным продуктом бронзолитейного производства (Pleiner 2000: 12). Однако в Северное Приобье во все эпохи бронза поступала в виде готовой продукции (вещи, лом, слитки и др.), которая шла на переплавку. К тому же в Западной Сибири медной руды нет. Таким образом, сложные технологии производства железа здесь не могли родиться независимо.

Если мы взглянем на карту (рис. 1), то увидим, что место расположения Усть-Полуя находится недалеко от Полярного Урала. Установлено, что между населением Усть-Полуя и Северного Приуралья существовали культурные контакты (Федорова, Гусев 2008; Васкул 2012). Железоделательные технологии на Урале появились на 500 лет раньше, чем на Усть-Полуе. К V–III вв. до н. э. относятся наиболее ранние свидетельства металлургии железа на Урале (Завьялов и др. 2009: 77), что связано с развитием ананьинского очага черной металлургии. С середины I тыс. до н.э. новые технологии начинают распространяться по Уральскому региону, выходя за его пределы. С III в. до н. э. железо полностью вытеснило бронзолитейное дело на Урале, оставив последнему лишь производство украшений и культовых изделий (Корякова, Кузьминых, Бельтикова 2011: 12–14). Дальнейшее развитие ананьинских железоделательных технологий продолжили носители преемственной гляденовской археологической культуры в конце I тыс. до н. э. – пер-

вой половине I тыс. н. э. К сожалению, уровень и особенности производства железа гляденовской культуры пока не установлены ввиду скудности и слабой изученности археологических источников (Завьялов и др. 2009: 86–88).

Восточные склоны Уральских гор в VIII–III вв. до н. э. населяли металлургии иткульского очага (Бельтикова 2005: Koryakova, Epimakhov 2007: 196; Корякова и др. 2011: 13). Интересно, что организацию металлургических производств на Усть-Полуе и на памятниках иткульского очага сближает ряд моментов. Во-первых, плавильщики иткульской культуры часто возводили сыродутные горны вдоль линии фортификации (Бельтикова 2005: 179; Koryakova, Epimakhov 2007: 196). Подобная ситуация характерна и для Усть-Полуя. Во-вторых, для получения железа иткульские мастера использовали сооружения для выплавки меди (Корякова и др. 2011: 13). На Усть-Полуе следы металлообработки бронзы и железа также зафиксированы на одной металлургической площадке. В-третьих, на подавляющем большинстве иткульских металлургических площадок железная руда не обнаружена (Бельтикова 2005: табл. 6). Отсутствует она и на территории Усть-Полуя.

Отличия представлены в первую очередь размерами теплотехнических сооружений. В иткульском очаге средний диаметр оснований горнов составляет около 1 м, высота – до 1 м, а толщина глинобитных стенок – до 0,2 м (Бельтикова 2005: 176–177). Усть-полуйские горны, по найденным основаниям в 2012 и 2015 гг., были значительно меньших размеров, а толщина глиняной обмазки не превышала 3 см.

Таким образом, мы предполагаем, что появление железоделательных технологий в Нижнем Приобье на рубеже эр связано с распространением уральских традиций. Никакого другого крупного металлургического центра эпохи раннего железа, располагавшегося «по соседству» с Усть-Полуем, просто не существовало. Мы также не исключаем миграции уральского населения, приведшей к сложению на Усть-Полуе «точечного» очага древней металлургии. Об этом может косвенно свидетельствовать и тот факт, что технологии производства железа на Усть-Полуе внезапно появились в готовом виде и на достаточно высоком уровне – мастера уже знали технологии шлаковывпуска и флюсования.

Заключение

Подводя итоги комплексного исследования черной металлургии Усть-Полуя, имеет смысл перечислить основные выводы и гипотезы. Во-первых, железоделательные и кузнечные технологии появились в Циркумполярном регионе Западной Сибири уже на рубеже эр. Древнее святилище Усть-Полуй является самым северным и единственным местом в арктическом регионе, где обнаружены свидетельства черной ме-

таллургии эпохи раннего железа. Во-вторых, древние плавильщики Усть-Полуя сооружали сыродутные горны из глины и каменных стенок и обладали технологиями выпуска жидкого шлака. В качестве флюсов использовались кости животных. В-третьих, геохимическая однородность разных шлаков говорит о единстве применяемых технологий и разработке одного железорудного месторождения. Такими рудными источниками могли являться лимонитовые руды Нижнего Приобья, хотя эта гипотеза требует отдельного исследования.

Наконец, в-четвертых, импульсом к появлению древнейшей металлургии в Заполярье, на наш взгляд, послужили миграции «металлоносных» культур с территории Восточного Урала, где черная металлургия была развита задолго до ее трансферта в Нижнее Приобье.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Ю.А. Подосеновой, старшему научному сотруднику Пермского научного центра УРО РАН, за выполнение рентгенофлуоресцентного анализа кричного железа, найденного на Усть-Полуе в 2015 г.

Литература

- Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.
- Васкул И.О. Культурные связи населения Европейского Северо-Востока с Зауральем и Западной Сибирью в ананьинское время // Историческая демография. Москва; Сыктывкар, 2012. № 2 (10). С. 4–8.
- Водясов Е.В., Гусев А.В. Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье (по материалам раскопок Усть-Полуя в 2010–2012 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 58–68.
- Гусев А.В. Время Усть-Полуя // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2008. Вып. 1. С. 5–14.
- Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард, 2012. 59 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири: Учеб. пособие для вузов по специальности «Археология». Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 368 с.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Материалы круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии»: Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 г. СПб., 2011. С. 10–16.

- Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. МИА СССР. М., 1953. № 35. С. 72–106.
- Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. М.: Наука, САИ ДЗ-8, 1965. 89 с.
- Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 255 с.
- Федорова Н.В., Гусев А.В. Древнее святилище Усть-Полуй: на перекрестке культурных традиций // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 175–177.
- Чемакин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА СССР. М., 1953. № 35. С. 121–178.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
- Borovský T., Kijac J., Bul'ko I. B., Domovec M., Havran J. The influence of slag composition on the distribution of manganese between slag and metal in the electric furnace // Acta Metallurgica Slovaca. 2012. Vol. 18, № 1. P. 28–33.
- Crew P. CaO enhancement in slags: the influence of fluxing or fuel ash? // Early Ironworking in Europe II conference. Plas Tan y Bwlch. 2007. P. 50–52.
- Crew P. Twenty-five years of bloomery experiments: perspectives and prospects // Accidental and Experimental Archaeometallurgy, HMS Occasional Publication № 7. London, 2013. P. 27–54.
- Koryakova L., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. New York: Cambridge University Press, 2007. 383 s.
- Piaskowski J. Correlation between the phosphorus content in iron ore or slag and that in bloomery iron // Archaeologia Polona. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1965. Vol. VIII. P. 83–103.
- Piaskowski J. Rodzaje rud stosowanych do wytopu Żelaza na ziemiach Polski w starożytności i we wczesnym średniowieczu // Surowce mineralne w pradziejach i we wczesnym średniowieczu Europy Środkowej. B. Gediga (red.) Wyd. PAN, Wrocław, 1988. P. 63–80.
- Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR, 2000. 400 p.
- Stenvik Lars F. Iron Production in Scandinavian Archaeology // Norwegian Archaeological Review, 2003. Vol. 36, № 2. P. 119–134.

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2017 г.

Vodyasov Evgeniy V., Gusev Andrey V., Asochakova Evgeniya M.

UST-POLUI: THE EARLIEST EVIDENCE OF IRON METALLURGY IN THE ARCTIC REGION*

DOI: 10.17223/2312461X/17/7

Abstract. The article reveals the ancient iron smelting sources discovered in 2010–2015 in the ancient sanctuary of Ust-Polui (on the territory of the Russian city of Salekhard). Ust-Polui's iron production artifacts that date back to the III century BC and the I century AD are the earliest evidence of iron metallurgy in the circumpolar area. The iron production sites found in Ust-Polui were associated with an ancient ditch, at the edge of which the bloomery process must have been organised. It is suggested, based on the thickness of bloomery walls (1.5–3 cm), preserved bottoms, and slag morphology, that Ust-Polui smelters used small smelting clay and stone furnaces (0.5 m high at the most). Ancient metallurgists knew the

technologies of draining liquid slag and added animal bones to a charge as a flux. Archaeological and geochemical analysis proves that all slag described in this article was produced as a result of developing the same iron ore deposit. There is no other similar evidence of iron smelting and blacksmithing found that far north at the cusp of the epochs. It was only in the Middle Ages that smelting furnaces began to appear in the circumpolar zone of Scandinavia, the largest metallurgic region of Northern Europe, and furnaces of the Early Iron Age were found much further south from the Arctic circle. Ust-Polui is probably the most northern point on Earth where iron metallurgy was developed by ancient people. Finally, the impulse to the emergence of the earliest metallurgy in the polar region, in our opinion, came from migration of smelters from the territory of East Ural, where iron metallurgy had been developed long before its transfer to the Lower Ob region.

Keywords: Ust-Polui, circumpolar zone, iron smelting, Early Iron Age

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI) under to the research project No. 16-36-00329.

References

- Bel'tikova G.V. Sreda formirovaniia i pamiatniki zaural'skogo (itkul'skogo) ochaga metallurgii [Formation of and artifacts from the Trans-Ural (Itkul'skiy) centre of metallurgy], *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia Vladimira Fedorovicha Geninga)* [The archaeology of Ural and Western Siberia (associated with the 80th anniversary since the birth of Vladimir F. Gening)]. Ekaterinburg: UrGU, 2005, pp. 162–186.
- Vaskul I.O. Kul'turnye svyazi naseleniia Evropeiskogo Severo-Vostoka s Zaural'em i Zapadnoi Sibir'iu v anan'inskoe vremia [Cultural ties between the population of the European North-East and that of the Trans-Ural region and Western Siberia in the Ananyino period], *Istoricheskaya demografiya. Nauchnyi zhurnal*. Moscow-Sykt'yvkar, 2012, no. 2 (10), pp. 4–8.
- Vodiasov E.V., Gusev A.V. Drevneishie svidetel'stva osvoeniia chelovekom zheleza v Nizhnem Priob'e (po materialam raskopok Ust'-Poluia v 2010-2012 gg.) [The most ancient evidence of iron processing in the Lower Ob region (based on materials from excavations in Ust-Polui in 2010-2012)], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016, no. 4 (35), pp. 58–68.
- Gusev A.V. Vremia Ust'-Poluia [The time of Ust-Polui], *Istoriia Iamala: vzgliad iz muzeinykh khranilishch. Vyp. 1* [The history of Yamal: a view from museum depositories. Issue 1]. Ekaterinburg: Ural'skii rabochii, 2008, pp. 5–14.
- Gusev A.V., Fedorova N.V. Drevnee sviatilishche Ust'-Polui: konstruktii, deistviia, artefakty. Itogi issledovaniia planigrafii i stratigrafii pamiatnika: 1935-2012 gg. [The ancient sanctuary of Ust-Polui: constructions, actions, and artifacts. The results of research on the planning and stratigraphy of the site: 1935-2012] Salekhard, 2012. 59 p.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii [The history of blacksmith craft in the Finno-Ugric peoples in the Volga and Ural region: toward an issue of ethno-cultural interactions]. Moscow: Znack, 2009. 264 p.
- Ziniakov N.M. Chernaia metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoi Sibiri: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spetsial'nosti "Arkheologiya" [Iron metallurgy and blacksmith craft in Western Siberia: a university textbook for the subject area 'Archaeology']. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 368 p.
- Koriakova L.N. Rannii zheleznyi vek Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri (sargatskaia kul'tura) [The Early Iron Age in the Trans-Ural region and Western Siberia (the Sargatskaya culture)]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 240 p.

- Koriakova L.N., Kuz'minykh S.V., Bel'tikova G.V. Perekhod k ispol'zovaniiu zheleza v Severnoi Evrazii [A transition to the use of iron in Northern Eurasia], *Materialy Kruglogo stola «Perekhod ot epokhi bronzы k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii»: Sankt-Peterburg, 23-24 iyunia 2011 g.* [Proceedings of a roundtable titled 'A transition from the Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia': Saint Petersburg, June 23-24, 2011]. St. Petersburg, 2011, pp. 10–16.
- Moshinskaia V.I. Material'naia kul'tura i khoziaistvo Ust'-Poluia [The material culture and economy of Ust'-Polui], *Drevniaia istoriia Nizhnego Priob'ia* [Ancient history of the Lower Ob region]. MIA SSSR, no. 35. Moscow, 1953, pp. 72–106.
- Moshinskaia V.I. *Arkheologicheskie pamiatniki severa Zapadnoi Sibiri* [Archaeological sites of the north of Western Siberia]. Moscow: Izd-vo Nauka, SAI D3-8. 1965. 89 p.
- Naumov A.N. *Chernaia metallurgii i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamiatnikakh Kulikova polia v kontse XII – tret'ei chetverti XIV vv.* [Iron metallurgy and iron processing at rural sites of Kulikovo pole in the late XII to the third quarter of the XIV centuries]. Tula: Gos. muzei-zapovednik "Kulikovo pole", 2008. 255 p.
- Fedorova N.V., Gusev A.V. Drevnee sviatilishche Ust'-Polui: na perekrestke kul'turnykh traditsii [The ancient sanctuary of Ust'-Polui: at the intersection of cultural traditions], *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale. T. II* [The works II (XVIII) of the Russian national archaeological congress in Suzdal. Vol. II]. Moscow: IARAN, 2008. pp. 175–177.
- Chemiakin Iu.P. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ia. Drevnost'* [Barsova Gora: essays on the archaeology of the Surgut Ob region. Ancient times]. Surgut-Omsk: OAO "Omskii dom pečati", 2008. 224 p.
- Chernetsov V.N. Bronza ust'-poluiskogo vremeni [Bronze in the Ust'-Polui period], *Drevniaia istoriia Nizhnego Priob'ia* [Ancient history of the Lower Ob region]. MIA SSSR, no. 35. Moscow, 1953, pp. 121–178.
- Chindina L.A. *Drevniaia istoriia Srednego Priob'ia v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1984. 256 p.
- Borovský T., Kijac J., Bul'ko I. B., Domovec M., Havran J. The influence of slag composition on the distribution of manganese between slag and metal in the electric furnace, *Acta Metallurgica Slovaca*, 2012, Vol. 18, no. 1, pp. 28–33.
- Crew P. CaO enhancement in slags: the influence of fluxing or fuel ash?, *Early Ironworking in Europe II conference, Plas Tan y Bwlch*, 2007, pp. 50–52.
- Crew P. Twenty-five years of bloomery experiments: perspectives and prospects, *Accidental and Experimental Archaeometallurgy, HMS Occasional Publication No 7*. London, 2013, pp. 27–54.
- Koryakova L., Epimakhov A.V. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. New York: Cambridge University Press, 2007. 383 p.
- Piaskowski J. Correlation between the phosphorus content in iron ore or slag and that in bloomery iron, *Archaeologia Polona*. Vol. VIII. Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1965, pp. 83–103.
- Piaskowski J. Rodzaje rud stosowanych do wytopu Żelaza na ziemiach Polski w starożytności i we wczesnym średniowieczu, *Surowce mineralne w pradziejach i we wczesnym średniowieczu Europy Środkowej. B. Gediga (red.)* Wyd. PAN, Wrocław, 1988, pp. 63–80.
- Pleiner R. *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*. Archeologický ústav AVČR, 2000. 400 p.
- Stenvik Lars F. Iron Production in Scandinavian Archaeology, *Norwegian Archaeological Review*, 2003. Vol. 36, no. 2, pp. 119–134.

КОМПЛЕКТНОСТЬ ЕЛЫКАЕВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ*

Юрий Викторович Ширин

Аннотация. Елыкаевская коллекция включает один из наиболее богатых оружейных «кладов» Западной Сибири. Она имеет сложную историю формирования, не все этапы которой объективно документированы. Мы не знаем, при каких условиях в нее были включены некоторые экспонаты, а при каких случались утраты. В публикациях, посвященных Елыкаевскому «кладу», исследователи давали противоречивую информацию о составе коллекции. Сомнения в достоверной комплектности Елыкаевской коллекции порождали дискуссии по хронологии и культурной принадлежности комплекса. Нами был составлен полный каталог Елыкаевской коллекции в фондах МАЭС ТГУ, где она хранится. Проведенное исследование позволило распознать в современном составе коллекции подмену утраченных предметов чужеродными изделиями. Все они представлены типами раннесредневековых артефактов. Они резко выделяются из основного состава предметов вооружения Елыкаевского «клада». Рассмотрены особенности изделий коллекции, которые не были отражены в ранних публикациях. С учетом представленных сведений увеличивается вероятность отнесения елыкаевского комплекса вооружения к финалу эпохи раннего железа (первая половина I тыс. н. э.). Более точная датировка этого комплекса требует специального исследования. Сохраняется вероятность того, что в коллекции есть и не явные подмены. Также в коллекцию могли быть включены предметы хронологического периода основного состава «клада», но из других комплексов. К таким предметам относятся почти все изделия культового литья. Кроме этого, удалось выявить комплекс архивных документов периода обнаружения «клада», которые помогли составить объективное представление об основном составе Елыкаевского «клада».

Ключевые слова: Западная Сибирь, Елыкаевская коллекция, оружейные «клады», культовое литье

Введение

Почти все древние культовые комплексы Западной Сибири – так называемые «клады», содержащие медное и бронзовое культовое литье, бронзовые бляхи и зеркала, украшения и предметы вооружения – были обнаружены и извлечены из земли случайно и не имеют документальной фиксации своей комплектности. Не повезло в этом отношении и коллекции, собранной в начале XX в. на Елыкаевском культовом месте.

* Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

В настоящее время она хранится в фондах МАЭС им. В.М. Флоринского ТГУ (Инв. кн. № 7, колл. № 5959).

Точное место находки Елыкаевского «клада» до сих пор не установлено. На основании отрывочных сведений можно только предполагать, что оно располагалось на гриве, примерно в двух километрах от с. Елыкаево, в Кемеровском районе Кемеровской области (по современному административному делению). В начале XX в. это село входило в Кузнецкий округ Томской губернии. Местные волостные органы власти вскоре выслали предметы в Томское губернское управление для принятия решения о выдаче вознаграждения находчику. Оттуда Елыкаевский «клад» был передан 16 января 1909 г. ректору Томского университета В.В. Сапожникову. Тот, в свою очередь, с соответствующим сопроводительным письмом передал коллекцию в Археологический музей университета – его хранителю, которым в те годы был А.В. Адрианов. В письме ректор перечислял следующие предметы: «...38 железных сабель, 17 кинжалов, 9 наконечников для пик, 61 стрелу, 10 круглых блях, одно медное кольцо, одну литую фигуру коня и несколько мелких обломков блях... предметы эти, по сообщению Губернатора, вырыты из земли 31 мая 1906 г.» (МАЭС ТГУ. Архивный отдел. Д. 12а. Л. 22). На полях документа рукой А.В. Адрианова приписано карандашом: «137 предметов¹ (железных и медных) и несколько обломков. Выяснить условия нахождения, кто именно нашел, на какой глубине, не сопровождалась ли предметы каким устройством и прочее...». К сожалению, пока не обнаружено никаких материалов, которые бы указывали на то, удалось ли А.В. Адрианову должным образом выполнить намеченное.

Обстоятельства находки скопления древностей у с. Елыкаево в дальнейшем стали еще большей загадкой, так как все сопроводительные бумаги, в том числе и письмо ректора, затерялись. Забылось даже кто² и в каком именно году обнаружил этот «клад». Во всяком случае в публикациях, упоминающих Елыкаевскую коллекцию, можно встретить самые противоречивые сведения на этот счет.

Что касается достоверности состава Елыкаевской коллекции, от чего зависит не только датировка этого комплекса, но и его историко-культурная интерпретация, то практически всеми исследователями это воспринималось как объективная данность, документированная музейными инвентарными записями. Тем самым, по сути, игнорировался важнейший этап в области внешней критики источника. Мы хотим восполнить, насколько это возможно, данный пробел.

Состав коллекции по музейным документам

Почти всю вторую половину XX в. основным источником информации о составе и численности предметов Елыкаевской коллекции оставались краткая запись в Главной инвентарной книге МАЭС ТГУ³, а

также отдельно сброшюрованная коллекционная опись с кратким описанием экспонатов и схематичными карандашными зарисовками некоторых из них, составленная не ранее 1950-х гг. В этой описи перечислено 148 номеров (таблица). Отметим, что это больше, чем указано в пометке на полях письма В.В. Сапожникова. Отличается в музейной описи и число некоторых категорий предметов.

Для того чтобы снять вопрос, почему исследователей не настораживало несовпадение списка передаваемых ректором университета предметов и имеющейся музейной описи Елыкаевской коллекции, следует указать, что письмо В.В. Сапожникова не было доступно до 1990-х гг., затерявшись среди бумаг в архивных делах МАЭС ТГУ.

Обратившись к предметам Елыкаевской коллекции, можно заметить, что на них стоит двойная маркировка. Рядом с крупными старыми лаковыми номерами черной тушью по белой эмали, а иногда и прямо на поверхность предмета, проставлены новые номера. Лучше всего старые номера заметны на длинных клинках. При этом именно на них произошла замена всех внутренних коллекционных номеров. На других предметах они при повторной маркировке были соответственно продублированы. Во всяком случае это видно на тех изделиях, где старая маркировка уцелела. Так как новые номера длинных клинков совпадают с нумерацией в нынешней коллекционной описи, наиболее вероятно, что вторичная маркировка проведена при ее составлении. Наличие первичной маркировки на предметах Елыкаевской коллекции позволяет предполагать существование и старой коллекционной описи. Ее обнаружение могло бы прояснить некоторые моменты в новой описи. Отметим, что самый большой внутренний коллекционный номер по первичной маркировке – 147.

В ныне существующей описи Елыкаевской коллекции ничего не сказано о нескольких предметах, видимо, отсутствующих на момент ее составления, – о двух наконечниках стрел (№ 42 и 92), о копье (№ 102) и кинжале (№ 125). Собственно говоря, там даже не указано, что за экспонат был маркирован тем или иным номером. Об этом можно только догадываться на основании того, что предметы в описи перечислены по категориям, отдельными группами, а отсутствующие описания находятся внутри той или иной группы. По акту от 07.03.1957 г. эти предметы и еще 3 наконечника стрелы были списаны.

Отражение в публикациях сведений о составе Елыкаевского «клада»

Весьма специфическую информацию о численности предметов в Елыкаевской коллекции дают публикации, ей посвященные. Наиболее ранней из этих работ следует признать рукопись томского археолога Р.А. Ураева, подготовленную им в 1950-х гг. и переданную для публикации в Кемеровский пединститут (ныне КемГУ), где она и хранится в

архиве МАЭЭ КемГУ (Оп. 1. Д. 523)⁴. В этой рукописи Р.А. Ураев отмечает совпадение большинства категорий изделий в составах Елыкаевского «клада» и Ишимской коллекции, поступившей в 1911 г. в Красноярский музей (Ермолаев, 1914). В качестве других аналогий были рассмотрены материалы из памятников Минусинской котловины, Алтая, Верхнего и Среднего Приобья. По мнению Р.А. Ураева, Елыкаевский «клад» представлял собой либо жертвенное место, либо остатки разрушенного погребального комплекса. Он предлагал рассматривать данный «клад» в рамках единой археологической культуры с такими памятниками Среднего Приобья, как Кулайское, Парабельское, Кривошеинское культовые места и Томский могильник. Р.А. Ураев писал, что перечисленные памятники «не только аналогичны между собой, но и составляют единую, более или менее совпадающую по своим материальным и духовным комплексам, так называемую кулайскую культуру Среднего Приобья» (Архив МАЭЭ КемГУ. Оп. 1. Д. 523. Л. 13). Взгляды Р.А. Ураева на кулайскую культуру были ошибочны в том плане, что он включал в состав перечисленных выше памятников и раннесредневековые могильники Притомья – Большекиргизский и Архиерейский, считая все эти комплексы одновременными, датируемыми (с опорой на монеты из Большекиргизского могильника) VI–VII вв.

Р.А. Ураев, ссылаясь на инвентарную книгу МАЭС ТГУ (кн. № 7, колл. № 5959), указывает, что общее число предметов в Елыкаевской коллекции 148. Судя по ряду несоответствий в рукописи данным коллекционной описи, она по какой-то причине была не доступна исследователю. В частности, Р.А. Ураев указывал иное количество некоторых категорий находок. Так, называя общее число наконечников стрел, он говорит о 66 единицах (по коллекционной описи их 61)⁵. При характеристике длинных клинков из оружейной части Елыкаевской коллекции (автор не говорит сколько их) Р.А. Ураев среди однолезвийных клинков отмечает один двулезвийный меч, в то время как в описи их отмечено 2 (в настоящее время в коллекции тоже есть 2 меча). У 4 длинных клинков он отметил кольцевое навершие черешковой рукояти (в описи их 5, как и сейчас в коллекции), а у 6 – железные перекрестья на рукоятках (в описи они указаны у 4 клинков, как и сейчас в коллекции). Категорию «кинжалы» Р.А. Ураев разделил, выделив 12 кинжалов и 2 черешковых однолезвийных ножа. Он отметил, что все кинжалы целые и хорошей сохранности, а у одного из ножей отломана половина лезвия. В описи же в числе коротких клинков перечислено 19 единиц (с учетом списанного в 1957 г.). Условно «целых» кинжалов в коллекции в настоящее время действительно 12. Еще 2 кинжала представлены обломками с черешками рукояток, а 2 – обломанными двулезвийными кончиками (связь этих пар обломков друг с другом не очевидна). Ножей в описи 2 (как и сейчас в коллекции), и у одного из них утрачен однолезвийный кончик.

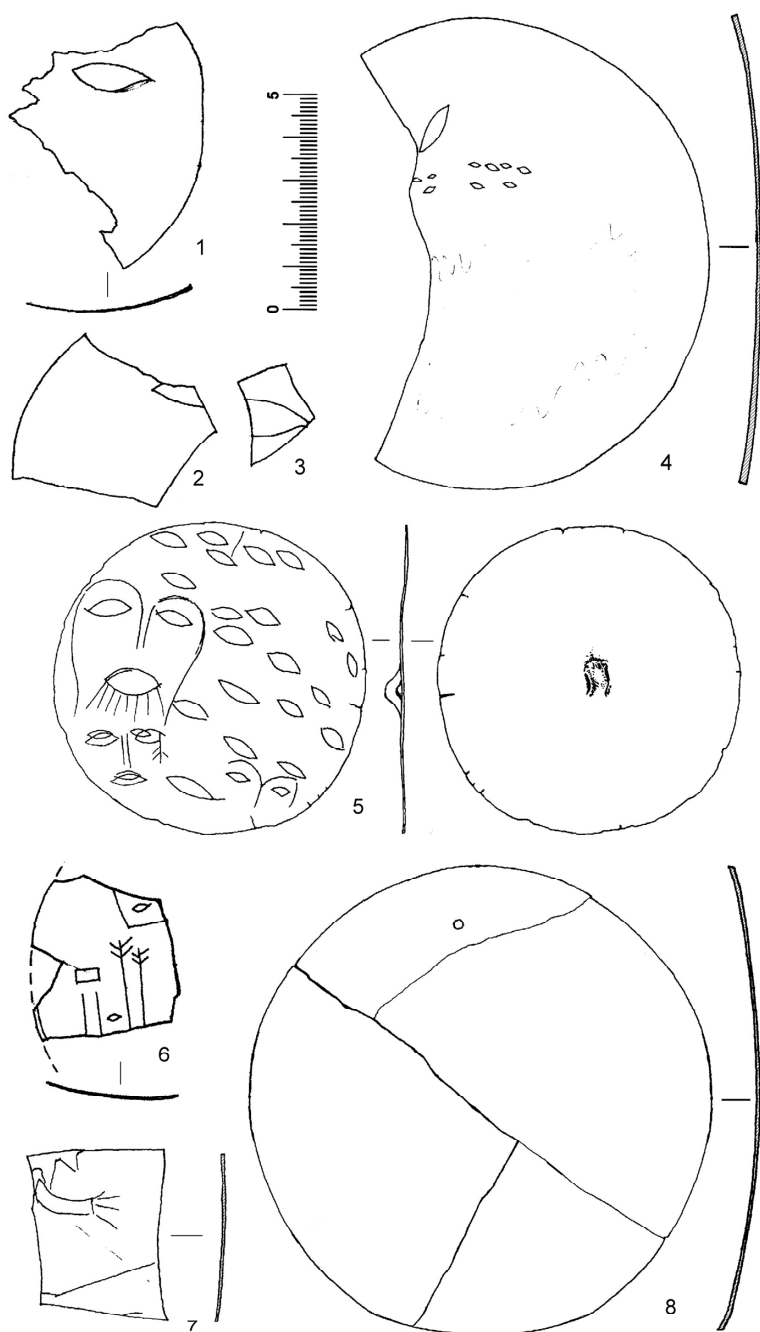

Рис. 1. Бронзовые бляхи и их обломки из Елыкаевской коллекции.
 1 – № 5959/138-1; 2 – № 5959/138-3; 3 – № 5959/138-2; 4 – № 5959/136;
 5 – № 5959/134; 6 – № 5959/138-4, 11; 7 – № 5959/138-5; 8 – без номера

Как видно, в этой категории общее число изделий также отличается от числа из списка В.В. Сапожникова. Указано Р.А. Ураевым и иное количество втульчатых наконечников копий – 5 экземпляров (в описи – 9, как и сейчас в коллекции).

Сложнее всего установить число бронзовых блях, собранных на Елыкаевском культовом месте, так как некоторые из них представлены однотипными обломками. Р.А. Ураев упоминает 4 зеркала, одно из которых собрано из осколков: 3 зеркала диаметром около 11 см (в описи есть только одно зеркало такого размера – № 136 (рис. 1, 4), у него утрачен большой фрагмент кромки), 1 зеркало поменьше (с ушком в центре; в описи и коллекции есть подобное зеркало диаметром 7,5 см (рис. 1, 5) – № 134). Кроме этого, Р.А. Ураевым выделены 7 круглых бляшек диаметром от 4,5 до 6,5 см и небольшой осколок зеркала с китайскими иероглифами (все они в наличии и отмечены в описи). Подсчет изделий осложняется тем, что некоторые бляхи (с концентрическими проточками) описываются Р.А. Ураевым без упоминания о том, что речь идет о фрагментах, более или менее крупных. Это становится понятным при знакомстве с описью и коллекцией. Обломки нескольких гладких тонких бронзовых зеркальных блях собраны в описи под № 138. Всего таких обломков 13, контуры их зарисованы и пронумерованы. В настоящее время в коллекции отсутствуют два из этих осколков – 6-й и 8-й. Есть круглая бронзовая бляха-зеркало, собранная из четырех фрагментов (рис. 1, 8), аналогичная по типу и размеру (диаметр 112 мм, в 13 мм от кромки просверлено отверстие) бляхе № 136 (рис. 1, 4), но отсутствующая в описи.

Кроме того, в описи Елыкаевской коллекции и рукописи Р.А. Ураева есть предметы, вообще не упомянутые в списке В.В. Сапожникова: 3 фрагмента бронзовой орнитоморфной фигурки с личиной на груди (рис. 2) (в описи представлены двумя номерами, как два различных изделия), профильная ажурная отливка лося (рис. 3), крупная бронзовая личина с двумя вертикальными полосами меандроидного узора на рифленом оцелье (рис. 4), фигурка стоящего на задних лапах медведя (в описи назван совой) с человеком в лапах (рис. 5).

В 1968 г. в статье В.А. Могильникова впервые были опубликованы основные категории инвентаря Елыкаевской коллекции и предложена их культурно-хронологическая атрибуция (Могильников 1968). Исследователь обратил внимание на хронологическую разнородность Елыкаевского комплекса. Он отнес Елыкаевский «клад» к «жертвенным местам», на которых случайным образом могли концентрироваться предметы разных хронологических периодов. Основная масса вещей коллекции, по его мнению, принадлежит к VII–VIII вв., меньшинство составляют «антикварные» предметы IV в. до н. э. – I в. н. э., а изделий первой половины I тыс. в составе «клада» нет (Могильников 1968: 268).

Рис. 2. Бронзовая орнитоморфная фигурка, сложенная из 3 фрагментов, представленных в Елыкаевской коллекции двумя номерами (№ 5959/139, 5959/147)

Рис. 3. Медная фигурка лося из Елыкаевской коллекции (№ 5959/141)

Рис. 4. Бронзовая личина из Елыкаевской коллекции (№ 5959/142)

Рис. 5. Бронзовая фигурка медведя из Елыкаевской коллекции (№ 5959/143)

Причисляя к выделенным в составе коллекции антикварным предметам медные фигурки кулайского типа и обосновывая этим случайность их попадания в поздний культовый комплекс, В.А. Могильников подверг критике утверждение Р.А. Ураева о включении Елыкаевскогоклада в число памятников кулайской культуры (Могильников 1968: 268).

По мнению В.А. Могильникова, стрелы Елыкаевского «клада» тюркские по происхождению и широко распространяются в VII–VIII вв. в степной полосе Сибири (Могильников 1968: 263), а аналогии рубяще-колющему оружию были им отмечены в памятниках VII–X вв. (Могильников 1968: 256). В дальнейшем большинство исследователей, упоминавших в своих работах Елыкаевские находки, поддерживали интерпретацию памятника, предложенную В.А. Могильниковым, а также и датировку (Плотников 1987: 121; Соловьев 1987; Чиндина 1991: 37, рис. 1), несмотря на известные более ранние аналогии для предметов Елыкаевского оружейного комплекса (наконечников стрел, палашей, кинжалов, копий). Ю.С. Худяков высказал предположение, что верхняя дата для елыкаевского оружия может быть поднята до IX–X вв. (Худяков 1993: 52). Вслед за В.А. Могильниковым исследователями отмечалось, что в составе Елыкаевского «клада» имеются и «антикварные» вещи, относящиеся к раннему железному веку (Мартынов 1973: 76–77, 79; 1979: табл. 52, 12–17; Плотников 1987: 125; Худяков 1993: 48).

Судя по всему, В.А. Могильников к моменту публикации Елыкаевской коллекции был знаком с ней очень поверхностно, в основном, положившись на фотографии и зарисовки. Так, он пишет, что на елыкаевских зеркальных металлических бляхах нет гравировок (Могильников 1968: 266). Но гравировки на них есть. Они есть и на целых зеркалах, а также на некоторых мелких фрагментах (см. рис. 1, 1–7). И эти рисунки сложно не заметить при личном осмотре изделий. Гравировки на бляхах из Елыкаевской коллекции вскользь упомянуты и в рукописи Р.А. Ураева. Фрагментированные обломки одного предмета, ошибочно записанные в коллекционной описи под разными номерами (№ 139, 147) (см. рис. 2), В.А. Могильников так и представил в публикации, как части двух разных фигурок (Могильников 1968: рис. 3, 8, 11). К фотографии крупного ножа им ошибочно была дана подпись: «сабля» (Могильников 1968: рис. 1, 19). Комплектность Елыкаевской коллекции В.А. Могильников вообще не рассматривал. Все категории оружия на рисунках представлены только основными типами, без указания их числа в коллекции, за исключением «мечей»: отмечено, что их 38 единиц (Могильников 1968: 263).

В статье Н.М. Зинякова, посвященной металлографическому анализу оружейной части Елыкаевской коллекции (Зиняков 1976), весьма показательно отразилась ее внутримузейная «жизнь». В середине 1970-х гг. из

числа железных предметов вооружения исследователю оказались доступно только 36 длинных клинков, 13 кинжалов (с учетом того, что Н.М. Зиняков посчитал возможным объединить 2 пары обломков в 2 кинжала) и 58 наконечников стрел. Неизменным осталось только число ножей – 2, и наконечников копий – 9 (Зиняков 1976: 106–113).

При публикации Елыкаевских материалов авторы несколько раз допускали ошибки, включая в состав коллекции инородные предметы. Так, В.А. Могильников среди предметов Елыкаевского «клада» опубликовал обломок раннесредневекового бронзового изделия из Васюганского «клада» (Могильников 1968: рис. 3, 6), А.И. Мартынов – ажурную отливку оленя (Мартынов 1973: рис. 41, 18), А.И. Соловьёв – железный меч (Соловьёв 1987: рис. 10, 8), а Н.М. Зиняков – железный кинжал (Зиняков 1988: рис. 13, ан. 910) неизвестного происхождения.

О вероятных инородных включениях

Нельзя сказать, что вопрос о достоверной комплектности Елыкаевской коллекции вообще не возникал ни в одной из публикаций, посвященных изучению «клада», или отдельных категорий изделий, его составляющих. Например, Ю.А. Плотников, который одну из своих работ полностью построил именно на обыгрывании состава Елыкаевской коллекции (Плотников 1987), удивительно сходного с иными культовыми комплексами Западной Сибири, все же осторожно предполагал, что некоторые предметы могли попасть в коллекцию уже в музей (Худяков 1993: 48).

Проблема неочевидной комплектности Елыкаевской коллекции была затронута в ходе критического разбора оснований раннесредневековой датировки, принятой для ее оружейной части (Ширин 2003: 115–121). В современном составе Елыкаевского «клада» действительно есть предметы вооружения средневековых типов: сабля № 5959/12 (рис. 6) и наконечники стрел № 5959/94 и 5959/98 (рис. 7, 3, 4). Они выделяются из основной массы оружия Елыкаевской коллекции не только типологически, но и технологией изготовления. Сабля № 5959/12 к тому же имеет слабо заметную гравированную арабскую надпись на лезвии в районе рукоятки (рис. 6, Б). Именно эти предметы могли использоваться и использовались как доказательства для завышения общей хронологии Елыкаевского «клада». Но констатация этого факта была бы не полной без указания того, что, вероятнее всего, эти бесспорно средневековые предметы чужеродны для Елыкаевской коллекции и попали в ее состав уже в фондах музея.

Как мы уже отмечали, на предметах Елыкаевской коллекции (оружие и некоторые бронзовые изделия) одним почерком, красновато-коричневой лаковой краской, при первичной маркировке проставлены общий номер коллекции (5959) и индивидуальный номер изделия.

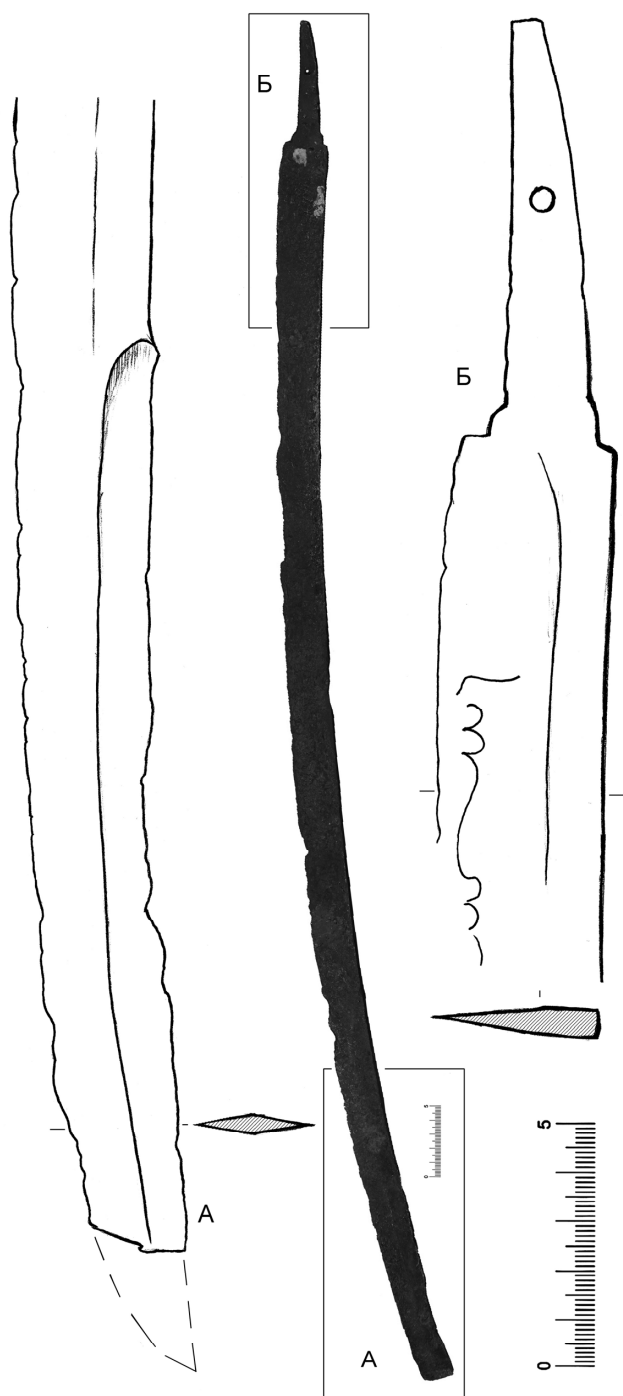

Рис. 6. Железная сабля из Елыкаевской коллекции (№ 5959/12):
А – спиленный кончик острия сабли; Б – гравированная надпись на лезвии

Нам представляется не случайным, что на всех перечисленных выше средневековых предметах нет старых лаковых номеров. Этот факт позволяет утверждать, что данные предметы были в определенное время подложены в коллекцию взамен утраченных. Такие подмены известны во многих музеях. Они могут происходить при выявленных недостатках в ходе контрольных сверок. Особенно часто это случается с теми из ранних поступлений, для которых не был своевременно проведен вторичный учет с подробным описанием каждой из коллекционных единиц. Наиболее очевидна эта подмена в Елыкаевской коллекции на примере сабли под № 12 (рис. 6). Видимо, вскоре после того, как эта чужеродная сабля была включена в состав коллекции, еще до завершения составления описи, был обнаружен подлинный клинок со старым лаковым номером (№ 5959/4). Его пришлось включить в коллекцию в конце списка, под № 148. И если превышение общего числа предметов в коллекции объективно могло быть проигнорировано за счет того, что обломки бронзовых изделий позволяли заметно варьировать эту величину, то странно, что никто не обратил внимания на то, что число длинных клинков превысило 38 единиц. Сабля, описанная под № 12, в настоящее время исключена из Елыкаевской коллекции, но все инородные стрелы пока по-прежнему в ее составе.

По списанным в 1957 г. из Елыкаевской коллекции пяти наконечникам стрел (№ 42, 56, 82, 83, 92) необходимо отметить, что почти все они сейчас имеются в наличии. Наконечники № 56, 82, 83 полностью соответствуют своему описанию, причем для № 56 в описи есть и рисунок, подтверждающий, что в коллекции находится именно этот наконечник. Для № 42 и 92 в описи Елыкаевской коллекции отсутствуют текст и изображения, позволяющие каким-либо образом идентифицировать эти наконечники стрел. Изделие под № 42 теперь в коллекции представлено трехлопастным удлинненно треугольным наконечником стрелы с круглыми просечками (рис. 7, 1).

Проблема в том, что известно фото, на котором под этим же номером запечатлен наконечник иного типа – ярусный. Сомнение в принадлежности наконечника № 42 составу Елыкаевской коллекции усиливает и то, что в месте сочленения лопастей после упора у него отсутствует осевая жилка. Этого технологического элемента, общего для всех наконечников стрел коллекции, нет и у подменных средневековых наконечников № 94 и 98 (рис. 7, 3, 4). Наконечник под № 92, о котором в акте списания сказано, что у него в лопастях были фигурные прорезы (источник информации не ясен), в коллекции по-прежнему отсутствует. Но есть другой наконечник, имеющий только вторичную маркировку с этим номером (рис. 7, 2). Здесь мы также можем предполагать инородную подмену. Списанный в 1957 г. кинжал № 125 в коллекции отсутствует. Остается вероятность, что именно он опубликован

Н.М. Зиняковым (1988: рис. 13, ан. 910), но, к сожалению, подобное изделие до сих пор не выявлено в фондах МАЭС ТГУ.

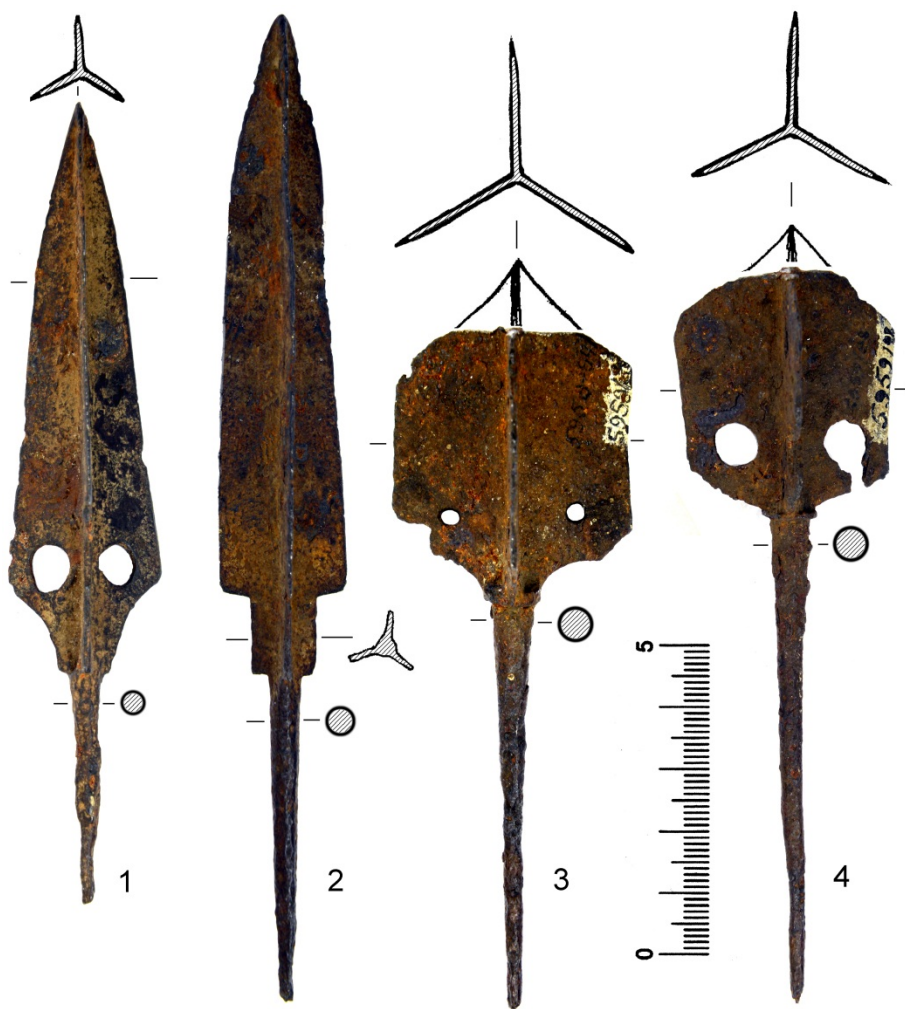

Рис. 7. Железные наконечники стрел из Елыкаевской коллекции:
1 – № 5959/42; 2 – № 5959/92; 3 – № 5959/94; 4 – № 5959/98

С «кинжалами» Елыкаевской коллекции связано еще одно трудно-объяснимое наблюдение. Повторим, что все предметы в коллекции маркировались группами. При вторичной маркировке общее число «кинжалов» 19 не изменилось. Это видно потому, что первичная маркировка сохранилась на последних предметах этой категории. Но это число больше, чем указано в письме В.В. Сапожникова (17). Самое простое объяснение, которое можно предложить, состоит в том, что до

первичной маркировки 2 кинжала сломались и каждый обломок был маркирован независимо друг от друга. И хотя такие обломки в коллекции действительно есть, мы не можем подтвердить наше предположение простым совмещением обломков. В ходе взятия образцов для металлографических исследований торцы сломов были спилены. Металлография также не может в этом помочь, так как Н.М. Зиняков, посчитав обломки соответствующими друг другу, взял спил только с одного из обломков у каждой из пар. Таким образом, пока мы можем полагаться только на то, что он был прав.

Новые источники о составе Елыкаевского «клада»

Современный состав Елыкаевской коллекции таков: 38 длинных клинков (36 однолезвийных и 2 двулезвийных), 2 ножа и 12 кинжалов, а также 4 их обломка, 61 наконечник стрел (4 из которых подменные), 9 наконечников копий, 8 бронзовых круглых блях разных типов (2 одна из которых без номера и отсутствует в коллекционной описи) собраны из кусков), 15 обломков блях и зеркал разных типов (4 обломка имеют номер, еще под одним номером объединены 11 разнотипных обломков), медное, видимо, портупейное овальное кольцо с ажурным внутренним выступом, бронзовая профильная фигурка лошади, бронзовая полая отливка в виде головы бобра, медная орнитоморфная фигурка с личиной на груди (сохранилось 3 обломка), медная ажурная профильная фигурка лося, бронзовая личина, бронзовая фронтальная фигурка медведя на задних лапах с человеком перед ним.

Совсем недавно в ГАТО найдены документы, благодаря которым история Елыкаевского «клада» немного начала проясняться. Анализируя архивные документы и пометки на них, теперь можно более полно восстановить основные этапы обретения Елыкаевской коллекции (Ожередов 2011: 78–79). Кроме того, новые документы позволяют вновь обратиться к проблеме комплектности Елыкаевской коллекции.

Несмотря на официальный характер канцелярской переписки, возникшей в 1906–1909 гг. вокруг елыкаевских древностей, ни в одном из документов нет перечня находок исчерпывающей полноты. Предметы вооружения, как основная составляющая «клада» и узнаваемые категории древностей, во всех описях выведены на первый план. Прочие находки, часть из которых была представлена обломками, перечислены сбивчиво и обобщенно. Порой разные авторы документов используют свои термины для описания находок. Иногда приходится догадываться, о чем они пишут. Так, вполне вероятно, что за словами «надо полагать, что свисток» скрывается полое «навершие» в виде головы бобра, имеющееся в составе коллекции. Остается только сожалеть, что при приеме предметов от находчика не было составлено более детальной описи,

содержащей индивидуальные размеры находок, не сделано фотографий или рисунков, позволяющих соотнести опись и предметы коллекции. Тем не менее теперь, помимо современной музейной коллекционной описи, у нас есть несколько первичных списков разной степени полноты. Соотношение численности основных категорий находок, упомянутых в этих документах, мы представили в таблице.

Состав Елыкаевской коллекции по различным источникам

Изделие	Список волостного старшины 12.06.1906	Список крестьянского начальника 28.06.1906	Список волостного заседателя 17.07.1906	Список полицейского исправника 31.08.1906	Список Н.Л. Гондагги 16.01.1909	Список В.В. Сапожникова 19.01.1909	Список Р.А. Ураева 1950-е гг.	Коллективная опись МАЭС ТГУ. Вторая половина XX в.
Длинные клинки	38	38	38	38	38	38	Есть	39
Кинжалы	17	17	17	17	17	17	14	19
Наконечники копий	9	9	9	9	9	9	5	9
Наконечники стрел	63	63	63	63	63	61	66	61
Бляхи и зеркала	10	10	10	10	10	10	11	7
Пряжка-«кольцо»	1	1	1	1	1	1	1	1
Фигурка коня	1	1			1	1	1	1
Полая голова бобра	1	1			1		1	1
Обломки блях и зеркал		Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	17
Фигурка в обломках							2 (1)	2 (1)
Лось ажурный							1	1
Личина							1	1
Медведь с человеком							1	1
Итого	140	140	138	138	140	137 (147)	148	148

Источники: ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 73; МАЭС ТГУ. Архивный отдел. Д. 12а. Л. 22; Архив МАЭЭ КемГУ. Оп. 1. Д. 523.

Как видно, заметных расхождений в числе находок нет. Наиболее полный их список, восстановленный по первичным документам таков: 38 сабель железных, 17 железных кинжалов, 9 железных наконечников для копий, 63 железных трехлопастных наконечников для стрел, 10 больших и малых круглых блях из какого-то неопределенного сплава (не менее чем на трех отмечены гравировки фигур людей и птиц), 1 медное кольцо (обложенное каким-то металлом), 1 небольшая полая бронзовая отливка, похожая на свисток, 1 литая бронзовая фигурка коня, несколько (около десятка) мелких обломков блях (ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 73. Л. 1–1 об.).

Именно в таком составе Елыкаевский «клад» был передан томским губернатором Н.Л. Гондатти ректору ТГУ В.В. Сапожникову⁶. От ректора, как видно из приведенного в начале текста сопроводительного письма, практически в той же комплектации «клад» поступил в Археологический музей ТГУ. Можно отметить только то, что наконечников стрел стало на два меньше. Их судьба нам не известна. Так же, как не известны и условия, при которых вскоре изменилось и общее число предметов в коллекции № 5959: со 137 до 147 единиц⁷.

К сожалению, так и остались неизвестны условия появления в составе коллекции 4 предметов, не упомянутых ни в одном из первичных перечней: личины, ажурного лося, медведя с человеком в лапах, орнитоморфной фигурки. Если последнее изделие, будучи фрагментированным, еще могло остаться незамеченным и быть учтенным вместе с обломками бронзовых блях, то три другие, весьма аттрактивные, непременно были бы отмечены, если бы изначально присутствовали в составе «клада».

Не исключено, что эти культовые изделия остались у находчика «клада» и были получены А.В. Адриановым в ходе разбирательств с обстоятельствами его обнаружения. Это тем более возможно, потому что они практически идентичны тем предметам, которые известны в Ишимской коллекции. Ишимская фигурка медведя словно отлита в одной форме с фигуркой из Елыкаевской коллекции (Ермолаев 1914: табл. VI, 5).

Возможно и то, что А.В. Адрианов провел дополнительное обследование места находки. Но до подтверждения такой возможности мы не можем исключать и иные обстоятельства пополнения Елыкаевской коллекции, а также чужеродность этих изделий для нее.

Заключение

Проведенный анализ комплектности Елыкаевской коллекции показывает весьма сложную историю ее формирования, не все этапы которой объективно документированы. В условиях бесконтрольных (не сопровождаемых актами внутримузейных передач) перемещений отдель-

ных экспонатов случалась утрата некоторых из них. Иногда предметы вновь обнаруживались, но иногда происходила и подмена недостатч чужеродными изделиями (рис. 6, 7). В некоторых случаях такие подмены удастся распознать, но вероятность того, что в коллекции есть не явные подмены, остается. К сожалению, очень мало шансов, что мы когда-нибудь узнаем, каким образом в составе Елыкаевской коллекции появились наиболее эффектные бронзовые культовые изделия (рис. 3–5). Многочисленные публикации этих предметов превратили их в своеобразную визитную карточку Елыкаевского культового места. Тем не менее до прояснения всех вновь выявленных обстоятельств их первоначальная роль уже не может быть прежней.

Таким образом, следует различать Елыкаевский «клад» и Елыкаевскую коллекцию, не все экспонаты которой могут отражать состав предметов, собранных на соответствующем культовом месте. Несмотря на это, Елыкаевская коллекция еще долго будет оставаться самым крупным собранием оружия для одной из наименее изученных эпох на юге Западной Сибири. Именно в этом качестве она никогда не утратит своего значения. С учетом представленных сведений увеличивается вероятность отнесения елыкаевского комплекса вооружения к финалу эпохи раннего железа (к первой половине I тыс. н. э.). Именно такая хронологическая атрибуция может быть предложена и для Елыкаевского «клада», и для типологически аналогичных ему комплексов оружия – из Ишимской коллекции, Парабельского культового места и Томского могильника (Ширин, Хаврин 2012). Развернутая аргументация этого – тема специального исследования.

Примечания

¹ На полях документа также стоит пометка чернилами – Колл. №5959/1-147. Последняя цифра – 147 (общее число предметов по коллекционной описи) – проставлена в виде исправления позже, поверх цифры 137. Когда и за счет чего произошло увеличение итоговой цифры – информации нет.

² Только недавно имя находчика стало известно: Игнатий Моисеев(ич) Шариков из Ячинской инородной управы в д. Елыкаево (ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 73. Л. 2).

³ Следует учитывать, что все доступные в настоящее время первичные музейные записи, связанные с Елыкаевской коллекцией, сделаны в разные периоды советского времени (не ранее 1940 г.).

⁴ Рукопись так и не была издана. Еще один ее вариант хранился в семейном архиве Р.А. Ураева, который недавно передан в ТОКМ.

⁵ Нельзя исключать и возможные опечатки в рукописи Р.А. Ураева. В ней есть неясные места, ошибки согласования слов в предложении, несоответствия описываемых изделий и указанного общего их числа. Осложняет работу с рукописью и утрата большинства иллюстраций, на которые есть ссылки в тексте.

⁶ Важно заметить, что по неясным причинам Елыкаевский «клад» пролежал в канцелярии Губернского управления более 2 лет. Впрочем, опираясь на выявленные новые документы, мы можем видеть, что это не сказалось на комплектности «клада».

⁷ Пометка на полях письма В.В. Сапожникова (МАЭС. Архивный отдел. Д. 12а. Л. 22).

Литература

- Ермолаев А. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск, 1914. Вып. 1. 19 с. 8 табл.
- Зиняков Н.М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1976. С. 106–114.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
- Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Новокузнец. полиграф. комбинат, 1973. Вып. 6. С. 3–89.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 263–268.
- Ожередов Ю.И. Археологические коллекции с территории Среднего Притомья в собраниях Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 76–81.
- Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–135.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Худяков Ю.С. Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина: История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. Вып. 1. С. 46–57.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника // От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены / Stratum plus. 2012. № 4. С. 239–255.

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2017 г.

Shirin Yuriy V.

THE COMPOSITION OF THE ELYKAYEVO COLLECTION*

Abstract. The Elykayevo collection comprises one of the richest weapons ‘hoards’ of Western Siberia. It has a complicated history of formation, not all of which is objectively documented. We do not know under what circumstances some of the exhibits were included or lost. In publications on the Elykayevo ‘hoard’ researchers have given contradictory information on the collection’s composition. Doubts about the completeness of the Elykayevo collection generated discussions on the chronology and cultural affiliation of the complex. We have compiled the full list of the Elykayevo collection kept in the depositories of Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia (National Research Tomsk State University). The conducted research helped identify that lost items in the modern part of the collection have been substituted by new ones, and all of the latter were early medieval artifacts that stand out noticeably against the background of the Elykayevo ‘hoard’ armaments. The article studies

features of the collection items that have not been considered in previous publications. Based on the evidence found, the Elykayevo complex is ever more likely to be dated back to the end of the Early Iron Age (the first half of the first millennium AD). More precise dating of this complex requires a special investigation. There is a high probability that there are still some latent substitutes present in the collection. The collection may also contain items dated to the chronological period of its basic composition but taken from other complexes. Such items include almost all the cult casting products. In addition, a set of archival documents dated to the period of discovery of the 'hoard' was identified; these helped create an objective picture of the basic composition of the Elykayevo collection.

Keywords: Western Siberia, Elykayevo collection, cult casting, weapons 'hoards'.

* The research was supported by The Mendeleyev Science Foundation of Tomsk State University.

DOI: 10.17223/2312461X/17/8

References

- Ermolaev A. *Ishimskaia kollektsiia: Opisanie kollektsii Krasnoiarskogo muzeia. Otdel arkheologicheskii* [The Ishim collection: a description of the Krasnoyarsk museum collection, The archaeological department]. Krasnoyarsk, 1914. Vol. 1. 19 p., 8 tables.
- Ziniakov N.M. Tekhnologiia proizvodstva zheleznykh predmetov Elykaevskoi kollektsii [Technology of production of the Elykayevo collection's iron items], *Iuzhnaia Sibir' v skifo-sarmatskuiu epokhu* [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era]. Kemerovo: Izd-vo Kem. un-ta, 1976, pp. 106–114.
- Ziniakov N.M. *Istoriia chernoi metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaia* [The history of iron metallurgy and blacksmith craft in ancient Altai]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. 276 p.
- Martynov A.I. Pamiatniki i otdel'nye nakhodki predmetov skifo-sarmatskogo vremeni v Tomsko-Eniseiskom lesostepnom raione [Some finds and items dated to the Scythian-Sarmatian era found in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region], *Izvestiia laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [Bulletin of the Laboratory for Archaeological Research]. Kemerovo: Novokuznetskii poligraf. kombinat, 1973. Vol. 6, pp. 3–89.
- Martynov A.I. *Lesostepnaia tagarskaia kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 208 p.
- Mogil'nikov V.A. Elykaevskaia kollektsiia Tomskogo universiteta [The Elykayevo collection at the Tomsk University], *Sovetskaia arkheologiia*, 1968, no. 1, pp. 263–268.
- Ozheredov Iu.I. Arkheologicheskie kollektsii s territorii Crednego Pritom'ia v sobraniiax Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeological collections from the Middle Tom River region in the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia depositories, Tomsk State University], *Muzy i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Museum and science: associated with the 35th anniversary of the Museum 'Archaeology, Ethnography, and Ecology of Siberia', Kemerovo State University]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 76–81.
- Plotnikov Iu.A. «Klady» Priob'ia kak istoricheskii istochnik ['Hoards' of the Ob River region as a historical source], *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* [Ancient population's military art in Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 120–135.
- Solov'ev A.I. *Voennoe delo korennoho naseleniia Zapadnoi Sibiri* [Indigenous population's military art in Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 193 p.
- Khudiakov Iu.S. Strely Elykaevskoi kollektsii [Arrows from the Elykayevo collection], *Kuznetskaia starina: Istoriia i pamiatniki Iuzhnoi Sibiri i Kuznetskogo kraia* [The old times of

- blacksmithing: the history of and archaeological finds in Southern Siberia and the Kuznetsk region]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 1993. Vol. 1, pp. 46–57.
- Chindina L.A. *Istoriia Srednego Priob'ia v epokhu rannego srednevekov'ia* [The history of the Middle Ob River region in the Early Middle Ages]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991. 184 p.
- Shirin Iu.V. *Verkhnee Priob'e i predgor'ia Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n.e. (pogrebal'nye pamiatniki fominskoi kul'tury)* [The Upper Ob River region and the foothills of the Kuznetsk Alatau in the beginning of the first millennium AD (burial artifacts of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 2003. 288 p.
- Shirin Iu.V., Khavrin S.V. Kompleksy vtoroi chetverti I tys. n.e. iz Tomskogo mogil'nika [The complexes of the second quarter of the first millennium AD from the Tomsk burial ground], *Ot Rimskogo Limesa do Velikoi Kitaiskoi Steny / Stratum plus*, 2012, no. 4, pp. 239–255.

УДК 572.981.7; 572.981.8
DOI: 10.17223/2312461X/17/9

К АНТРОПОЛОГИИ КОРЕННЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

Таисия Александровна Сюткина
Сергей Владимирович Васильев

Аннотация. Статья посвящена изучению морфологического типа коренных огнеземельцев; основой для изучения стали три черепа, хранящиеся в Музее естественных наук в Нью-Йорке (США). Даются полные антропологические характеристики исследуемых черепов, два из которых принадлежали женщинам и один – мужчине. В работе также представлены этнологическая и антропологическая характеристики коренного населения Огненной Земли. Обзор современной антропологической литературы, посвященной данной теме, позволяет выделить три основные гипотезы, объясняющие специфику морфологического типа фуэгинов: генетическую, адаптационную и функциональную. Сравнительный анализ с краниологическими сериями эскимосов из Гренландии и другими популяциями из рассматриваемого региона позволил авторам статьи высказать предположение о том, что формирование специфического облика фуэгинов (особенно формы и размеров носа) связано с древним палеоамериканским пластом, с одной стороны, и адаптационными процессами к холодным условиям – с другой.

Ключевые слова: коренное население Огненной Земли, краниология, адаптация, антропологический тип

Введение

Антропологический тип огнеземельцев, проживавших на территории архипелага Огненная Земля на самом юге Южной Америки до середины XX в., давно привлекает внимание физических антропологов благодаря своему морфологическому своеобразию и приспособленности к проживанию в экстремальных климатических условиях. Кроме того, периферийное положение этой территории на американском континенте подразумевает, что изучение ее коренных жителей может послужить дальнейшему исследованию вопроса о первоначальном заселении Америки.

Тема физического облика коренного населения Огненной Земли и его значения при решении общих проблем исторической антропологии, столь остро обсуждаемая в зарубежных публикациях на английском и испанском языках, давно не поднималась в отечественной антропологической литературе. Поэтому представляется актуальным осветить дискуссию зарубежных авторов, изучавших антропологические осо-

бенности огнеземельцев на материалах краниологических коллекций. Кроме того, в Музее естественной истории Нью-Йорка одним из авторов были измерены три огнеземельских черепа; результаты этих измерений приводятся в настоящей статье.

В кратком виде обзор публикаций, посвященных своеобразию антропологического типа жителей Огненной Земли в связи с вопросом заселения Америки и генетической близости индейцев популяциям с других континентов, сделан в комплексном коллективном труде «Заселение человеком Нового Света». На основе анализа большого количества источников и собственных исследований аборигенных групп Америки авторы приходят к выводу о том, что антропологический тип огнеземельцев, как и некоторых других древних и современных популяций, является реликтовым протоморфным вариантом, сохранившим тропические черты палеоамериканцев (Васильев и др. 2015: 311–315).

Этническая характеристика региона

Испанское название архипелага Огненная Земля – «Tierra del Fuego», отсюда другое название огнеземельцев – фуэгины, а также одного из южноамериканских антропологических типов, выделенных Х. Имбеллони – «фуэгиды» (Imbelloni 1938). Ту часть архипелага, которая состоит из мелких островов, занимали морские охотники и собиратели алакалуфы (вдоль чилийского берега от залива Пеньяс до островов, лежащих к западу от Исла-Гранде) и яганы (к югу от территории расселения алакалуфов и отчасти на юге Исла-Гранде). Особенности среды их обитания заключались в том, что гористая территория самих островов была к тому же покрыта густым непроходимым лесом, так что внутренние территории оставались для этих групп огнеземельцев недоступными. Большую часть времени они проводили в каноэ и на берегу, занимаясь охотой на морских млекопитающих, рыбной ловлей или береговым собирательством. Климат в данной части земного шара не отличается уютностью, во всяком случае, на взгляд европейца: годовая температура колеблется от -10 до $+10^{\circ}\text{C}$ на юге и держится вокруг отметки 7°C на севере; обильные осадки в виде дождя и снега характерны для всей этой территории (Bird 1946: 55; Cooper 1946: 81, 107).

Сухопутные охотники *она* и хауш (последние иногда рассматриваются как субгруппа внутри *она*) заселяли самый крупный остров архипелага – Исла-Гранде. На севере и востоке он представляет собой холмистые прерии, на юге и западе расположены горы. Климат примерно соответствует таковому на территории яганов: круглогодично дуют холодные и резкие ветра. Хозяйство *она* базировалось на охоте (преимущественно на гуанако, в меньшей степени – на лис и грызунов).

Границы между тремя большими группами фуэгинов не были непроницаемыми: на сопредельных территориях происходили контак-

ты, в том числе и брачные (Соорег 1946: 82). С культурной точки зрения, между морскими и сухопутными охотниками существовала большая разница, а между яганами и алакалуфами она сводилась преимущественно к языковому барьеру (Gusinde 1951: 27).

У первых европейцев, посещавших эти территории, вызывали ужас голые непропорциональные тела огнеземельцев, спутанные волосы и дикие крики, которыми они встречали прибывавшие корабли в надежде на получение подарков. Постепенно аборигены начали привыкать к новой одежде, но нелепые лохмотья, в которые она быстро превращалась, также не придавали им лоска (Gusinde 1951: 25). Чарльз Дарвин приобрел себе врагов среди защитников индейцев Огненной Земли, написав, что в жизни не видел созданий более уродливых и несчастных. Эти слова относились к морским охотникам яганам, обитавшим в самых жестких климатических условиях ближе всего к полярному кругу.

Автором наиболее подробных сведений о жителях Огненной Земли был немецкий миссионер и этнолог Мартин Гусинде, совершивший четыре путешествия к фуэгинам в 1918–1924 гг. Он описывал яганов как людей небольшого роста (приводятся средние значения роста 160 см для мужчин и 148 см для женщин) и непропорционального телосложения: ноги их казались слишком короткими по сравнению с торсом, а руки – наоборот, очень длинными с мощной развитой мускулатурой. Такая особенность сложения, вероятно, была обусловлена образом их жизни, когда большая нагрузка (по много часов в день) при гребле ложится на плечи, а ноги остаются в лодке без движения. Отмечал он и мощный слой подкожного жира, защищающий огнеземельцев от холода. Видимая грубость черт лица яганов создавалась за счет выдающегося подбородка, широких скул, «индейской складки» века, широкого прямого носа, опущенных уголков губ и общей уплощенности лица. Цвет кожи индейцев Гусинде определил как светло-смуглый, но заметил, что кожа их почти всегда покрыта копотью костров, зажигаемых в шалашах. Наконец, весьма яркой чертой внешнего вида многих яганов было отсутствие бровей, которые выщипывались по эстетическим соображениям.

Алакалуфы, ведущие сходный образ жизни, похожи на яганов и физически, хотя в среднем немного ниже ростом и, по замечанию миссионера, более пропорционально сложены. Значительно отличаются от морских охотников-собирателей сухопутные охотники она, родственные патагонцам. Все европейцы, посещавшие Исла-Гранде, отмечали их гигантский рост и красивые фигуры. Мартин Гусинде восторженно описывает величественную осанку, пронизательный взгляд, выразительные черты лица и крепкое сложение она, сравнивая их с индейцами североамериканских прерий, прежде всего, из-за крупного носа с очень высокой спинкой и уплощенным переносьем (1951: 25–29).

Антропологический тип огнеземельцев

Черепа всех трех групп огнеземельцев, по оценке Гусинде, характеризуются долихокефалией, их отличительной чертой является необычно большой вес, обусловленный утолщениями кости на большей части черепного свода. Другая важная особенность – массивные надбровные дуги, за которыми следует сужение мозговой коробки. Лицо при этом незначительно выступает вперед (1951: 22–23).

Наиболее масштабное по количеству материала краниологическое исследование населения Огненной Земли было проведено Мигелем Эрнандесем. Данные о 193 черепах, хранящихся в европейских и американских коллекциях, послужили основанием для вывода о том, что имеющиеся отличия морфологии представителей трех огнеземельских групп недостаточно существенны для того, чтобы допустить разное их происхождение. Наиболее выраженные различия между она и яганами сводятся преимущественно к более крупным размерам черепов в целом, более крупным и относительно более высоким лицам и более широким орбитам у она (Hernández 1992).

Опубликованные Эрнандесем средние данные по этим сериям были использованы нами для составления описательной краниологической характеристики жителей Огненной Земли, а также для того, чтобы оценить, насколько индивиды, представленные хранящимися в Нью-Йоркском музее естественной истории черепами, типичны для популяции в целом.

Как можно судить по данным таблицы, черепа сухопутных охотников она характеризуются крупными размерами, особенно в лицевом отделе. Продольный диаметр черепной коробки очень большой, поперечный и высотный диаметр – средние, что позволяет описать черепа как долихокраничные. Лобная кость узкая, о чем свидетельствуют малые значения наименьшей ширины лба; лобно-поперечный указатель также попадает в категорию малых, а ширина основания черепа, напротив, – очень больших значений. Лобная, теменная и затылочная хорды и дуги – средние, однако указатели изгиба костей различаются: затылочная кость изогнута очень сильно, теменные – средние, в то время как лобная – слабо. Значения ширины затылка и поперечного диаметра попадают в категорию средних. Серия однородна по признакам мозговой коробки, стандартные отклонения превышают средние лишь по трем признакам – наименьшей ширине лба, ширине затылка и лобной хорде.

Значения почти всех признаков лицевого скелета относятся к категориям больших и очень больших значений. Она были обладателями высоких и широких лиц как на среднем, так и на верхнем уровне, скуловой диаметр при этом принимает очень большое значение. Лицо

средне уплощено на верхнем уровне. Данных об уплощенности на уровне зигомаксиллярной области для серии нет. Орбиты крупные, мезоконхные; нос высокий и среднеширокий, носовой указатель свидетельствует о лепторинии. Отношение длины основания лица к длине основания черепа указывает на мезогнатию. Согласно значениям стандартных отклонений серия не является однородной по таким признакам лицевого скелета, как: верхняя высота лица, ширина и высота орбиты, высота носа, угловая и мышелковая ширина нижней челюсти, наименьшая ширина ветви и высота тела нижней челюсти.

Необходимо отметить, что уровень полового диморфизма в этой популяции крайне низкий. Коэффициенты полового диморфизма имеют значения меньше средних для всех признаков стандартной краниометрической программы, кроме ширины затылка, лобной хорды, бималлярной ширины, высоты орбиты (относятся к средним) и ширины орбиты (превышает средние величины). Таким образом, при сравнении в мировом масштабе значения большинства признаков в женской выборке попадают в более высокую категорию, чем соответствующие им признаки в мужской выборке. Это обстоятельство необходимо учитывать при проведении межгрупповых анализов с участием выборки она в случае, если не проводится разделение по полу: практика показывает, что женские черепа она часто попадают в один кластер с мужскими черепами других выборок (Hernández 1992: 93).

Женская часть серии характеризуется меньшей однородностью, что, возможно, связано с меньшей ее численностью. Женские черепа существенно различаются между собой по верхней и средней ширине лица, скуловому диаметру, полной и верхней высоте лица, высоте и толщине тела нижней челюсти, ширине ее ветви, продольному и высотному диаметрам, длине основания лица, затылочной хорде и затылочной дуге.

Результаты исследования

Изученные в Музее естественной истории г. Нью-Йорка материалы состоят из трех черепов, взятых из разных мест. Один из них, мужской, происходит из района Юзлесс-Бэй (исп. *Bahia Inútil*; см. рис. 1) и отмечен в каталоге как «Western Óna, T-d-F». Вероятно, указание на западное происхождение призвано уточнить, что речь идет о собственно она, а не хауш, проживавших на востоке Исла-Гранде, буквы «T-d-F» – это сокращение от *Tierra del Fuego*, названия архипелага. К сожалению, датировки и археологический контекст для него неизвестны.

Что касается двух других черепов, то они принадлежат женщинам пожилого или старческого возраста, происходящим из пещеры Серро-Сота в Чили (см. рис. 2, 3). Результаты радиоуглеродного датирования останков указывают на то, что им около 3 500 лет (Heureux, Lorena,

Amorosi 2010: 136). Черепа несут следы кремации: предположительно, тела умерших положили в углубление в полу пещеры, туда же поместили сухую траву и подожгли. Они были не одни в этом захоронении: всего там были найдены останки трех женщин и трех детей. Несильная обожженность черепов на быстрогорящем огне, как мы полагаем, не могла повлиять на искажение их формы и размеров. Культурная принадлежность индивидов не может быть достоверно установлена, однако обнаруженный в пещере инвентарь и само ее местоположение позволяют предполагать, что речь идет также об одной из групп сухопутных охотников (Bird, Bird, Hyslop 1988: 207–211). По этой причине представляется корректным сравнивать их морфологию именно со средними данными по бона, а не по морским охотникам-собираателям алакалуфам и яганам.

Материал был измерен по традиционной краниометрической программе, предложенной В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебецем (1964). Для определения категорий средних значений признаков, стандартных отклонений, коэффициентов вариации и коэффициентов полового диморфизма использованы данные тех же авторов.

**Средние данные (Hernández, 1992) для мужских и женских черепов бона
и индивидуальные данные для черепов
из Музея естественной истории Нью-Йорка**

Обозначение признака	Средние значения для мужчин	Стандартное отклонение	Средние значения для женщин	Стандартное отклонение	Юзлесс Бэй	99.1/780 Серро-Сота 2	99.1/781 Серро-Сота 3
1.	191,1	6,0	185,1	6,6	201	180	173
8.	142,9	4,7	140	4,7	142	130	140
17.	136,3	4,7	132,2	5,5	143	130	128
5.	103,6	3,7	101,4	5,7	111	101	96
9.	93,7	4,8	92,8	4,4	102	93	93
10.	116,1	4,6	114,1	4,2	127	113	119
11.	133,6	5,1	129,8	4,7	134	124	131
12.	111,9	5,5	107,9	4,5	115	98	108
29.	116,3	5,4	111,5	4,7	120	115	110
30.	114,4	5,8	111,8	5,9	122	109	111
31.	97	3,7	95,8	5,4	99	85	85
26.	129,3	6,3	124,9	5,8	133	124	123
27.	126,7	8,4	123,1	7,7	136	121	121
28.	120,3	6,2	118	8,1	122	105	100
45.	143,5	5,5	137,7	5,5	149	133	–
40.	101,3	3,5	98,8	5,2	110	98	–
48.	76,5	4,8	73,9	4,9	78	71	–
47.	125,9	6,3	123,6	9,0	132	–	–
43*.	101,6	3,3	97,8	4,8	116	104	103
46.	101,7	4,7	97,5	5,0	107	106	–
55.	55,8	4,0	54,1	2,8	62	55	–

Обозначение признака	Средние значения для мужчин	Стандартное отклонение	Средние значения для женщин	Стандартное отклонение	Юзлесс Бэй	99.1/780 Серро-Сота 2	99.1/781 Серро-Сота 3
54.	25,1	1,8	24,4	1,2	24	22	—
51.	44,5	2,4	42,4	1,9	47	40	38
52.	35,3	2,1	35,3	1,9	37	37	35
77.	141	—	142	—	137	143	150
$\angle \text{zm}^\circ$	—	—	—	—	128	127	—
SC.	—	—	—	—	6,5	11	11
SS.	—	—	—	—	4	3,5	2
Максиллофронтальная высота	—	—	—	—	9	9	6
50.	—	—	—	—	21	17	20
71a.	35,6	3,2	34,1	2,4	36	—	—
65.	127,3	6,6	123,2	5,4	128	—	—
66.	101,8	7,4	99,6	6,0	105	—	—
67.	—	—	—	—	47	—	—
69.	—	—	—	—	37	—	—
69 (1).	36,3	3,5	34,6	2,6	37	—	—
69 (3).	12,1	1,5	11,9	1,7	12	—	—
8:1	74,8	2,6	75,6	3,2	70,6	72,2	80,9
17:1	71,3	2,5	71,4	2,0	71,1	72,2	74,0
17:8	95,4	3,9	94,4	4,9	100,7	100,0	91,4
29:26	89,9	1,6	89,3	1,4	90,2	92,7	89,4
30:27	90,3	2,2	90,8	1,4	89,7	90,1	91,7
31:28	80,6	2,7	81,2	2,2	81,1	81,0	85,0
9:8	65,6	3,1	66,3	3,0	71,8	71,5	66,4
12:8	78,3	3,4	77,1	3,2	81,0	75,4	77,1
48:17	56,1	—	55,9	—	54,5	54,6	—
45:8	100,4	—	98,4	—	104,9	102,3	—
9:45	65,3	3,5	67,4	2,9	68,5	69,9	—
40:5	97,8	3,3	97,4	3,8	99,1	97,0	—
48:45	53,3	2,8	53,7	2,4	52,3	53,4	—
48:46	75,2	—	75,8	—	72,9	67,0	—
54:55	45,0	4,1	45,1	4,1	38,7	40,0	—
SS:SC	—	—	—	—	61,5	31,82	18,2
52:51	79,33	4,7	83,25	5,3	78,7	92,5	92,1

* В измерениях Мигеля Эрнандеса вместо верхней ширины лица (номер 43 по Мартину) используется биорбитальная ширина (номер 43(1)).

С первого взгляда видно, что мужской череп из Юзлесс-Бэй отличается очень крупными размерами даже на общем фоне мужской выборки она. Очень сильная стертость зубов, прижизненная потеря нескольких из них, следы одонтогенного остеомиелита и степень зарастания швов на черепе позволяют отнести его к границе возрастных категорий *maturus-senilis* (зрелый – старческий возраст).

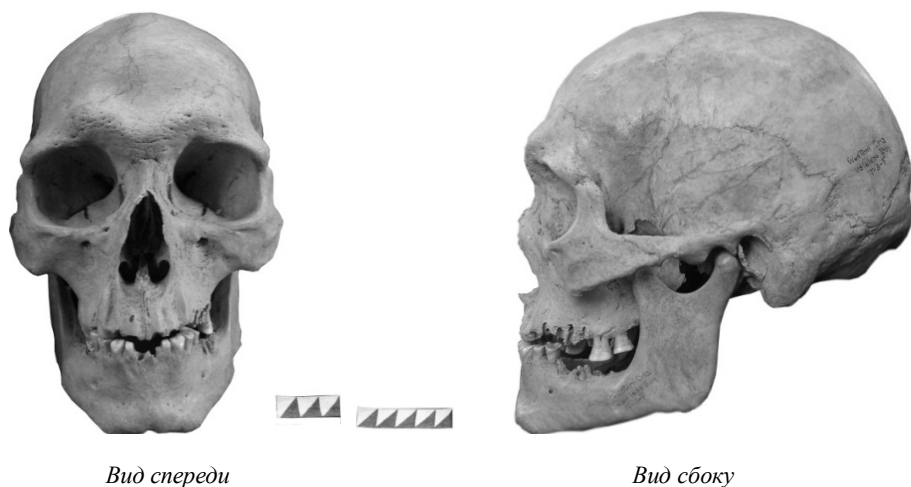

Рис. 1. Мужской череп из Юзлесс-Бэй (T-d-F)

Очень большими размерами характеризуется не только продольный, но и высотный диаметр мозговой коробки, в то время как поперечный сохраняется на уровне средних значений. Таким образом, по общим указателям череп долихокранный (рис. 1). Лобная кость, в отличие от средних показателей по серии, широкая как по абсолютному значению, так и относительно ширины мозговой коробки, указатель изгиба также большой, что говорит о слабой ее изогнутости. Теменные кости, так же, как и в целом по серии, изогнуты средне, а затылочная – слабо; ширина затылка большая. В целом пропорции мозговой коробки соответствуют средним по серии, однако абсолютные значения многих признаков очень велики.

Соответственно, значения всех ключевых признаков, определяющих абсолютные размеры лицевого скелета – верхней и средней ширины лица, скулового диаметра, верхней и полной высоты лица, – относятся к категории очень больших размеров и превосходят таковые в среднем по серии. Привлекают внимание пропорции носа: малый по ширине, по высоте он выходит за рамки категории очень больших величин. То же касается и ширины орбиты; значение высоты орбиты попадает в категорию больших. Нижняя челюсть характеризуется большими широтными размерами, большой высотой симфиза и очень большой высотой тела при средней толщине.

Форма черепной коробки сверху овоидная, надбровье массивное – оценивается баллом пять по шестибалльной шкале Брока, надбровные дуги достигают середины орбит и относятся ко второму типу. При столь массивном черепе сосцевидный отросток относительно небольшой; степень его развития может быть оценена в два балла. Нижний

край грушевидного отверстия имеет четко оформленные предносовые ямки, развитие предносовой ости значительно (четыре балла). Углы горизонтальной профилировки малые, то есть лицо хорошо профилировано. Переносье узкое и средневысокое. Затылочный бугор имеет форму клювовидного отростка, что соответствует пяти баллам по шкале Брока.

*Вид спереди**Вид сбоку*

Рис. 2. Череп 99.1/780, Cerro Sota Cave 2

Первый череп из пещеры Серро-Сота принадлежал женщине, биологический возраст которой составлял около 40–50 лет (рис. 2). Вследствие контакта с огнем череп имеет темный цвет. Он резко контрастирует с мужским черепом из Юзлесс-Бэй своими размерами, которые в большинстве случаев меньше, чем соответствующие измерения в среднем по женской выборке она. Продольный диаметр входит в категорию больших, поперечный – малых, высотный – средних величин. Соотношения основных диаметров, таким образом, близки к таковым на мужском черепе и отличаются от средних значений выборки Эрнандеса. Лобная кость по ширине средняя в мировом масштабе, что в сочетании с узкой мозговой коробкой дает лобно-поперечный указатель на уровне больших значений, в то время как в среднем его значение входит в категорию малых величин. Лобная хорда очень большая, а лобная дуга средняя, что свидетельствует об очень слабом изгибе лобной кости. Теменные кости характеризуются средними значениями этих показателей, а затылочная – очень малой хордой и малой дугой, т.е. значительно изогнута. Это в целом соответствует общей морфологии женских черепов она. Ширина затылка имеет малые размеры, в то время как ширина основания черепа, напротив, большая.

По характеристикам лицевого скелета череп близок средним значениям в серии: лицо, широкое на верхнем уровне и очень широкое – на среднем, очень большой скуловой диаметр, большая высота лица. Нос очень широкий и узкий, а орбиты широкие и очень высокие. Лицо характеризуется средней профилировкой на верхнем уровне и малой – на среднем, т.е. лицо несколько уплощено в назомаллярной области. Ширина и высота переносыя принимают большие значения, симотический указатель попадает в категорию средних размеров. Указатель выступления лица свидетельствует о мезогнатии. В целом на черепе четко прослеживается общегрупповая тенденция к очень крупному лицу при крупной в мировом масштабе мозговой коробке, долихокрании, массивности.

В вертикальной норме череп имеет пентагоноидную форму благодаря развитым теменным и лобным буграм; надпереносье и развитие надбровных дуг оцениваются в два балла, сосцевидные отростки маленькие (1 балл). Нижний край грушевидного отверстия острый (форма *anthropina*), плохая сохранность передне-носовой ости не позволяет оценить ее развитие. Затылочный бугор выступает слабо.

Второй череп из пещеры Серро-Сота (рис. 3), также со следами кремации, принадлежит женщине того же возраста, что и предыдущий, или несколько моложе – определение возраста осложняется отсутствием большей части лицевого скелета, включая верхнюю и нижнюю челюсти. Значения продольного и высотного диаметров мозговой коробки относятся к средним величинам, а поперечного – к большим, отсюда

необычные для серии óна пропорции: брахи- орто- метриокrania. Как и в целом по серии, наименьшая ширина лобная кости средняя, ширина основания черепа очень большая, лобная, теменная и затылочная хорды средние. Лобная дуга относится к категории очень малых величин, а теменная и затылочная – средних.

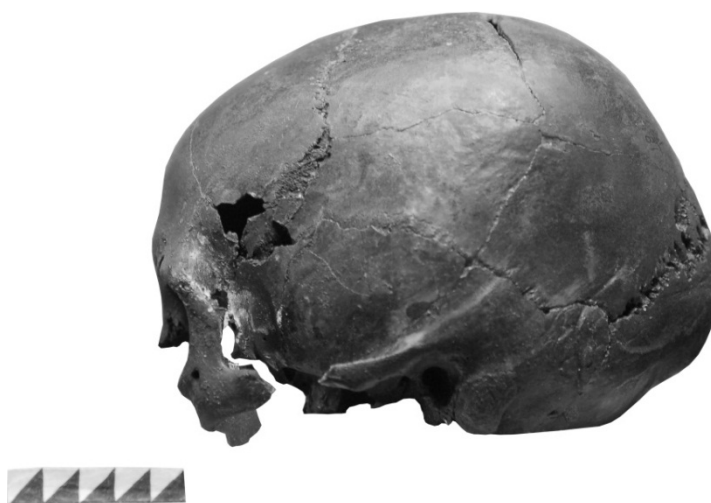
*Вид спереди**Вид сбоку*

Рис. 3. 99.1/781, Cerro Sota Cave 3

Сохранившиеся участки лицевого отдела позволяют говорить о значительной его ширине и уплощенности, по крайней мере, на верхнем уровне (значение назомаллярного угла попадает в категорию очень

больших значений). Переносье широкое и невысокое, симотический указатель имеет очень малое значение. Орбиты крупные как по ширине, так и по высоте, указатель свидетельствует о гипсиконхии.

Обсуждение особенностей морфологического типа череп аогнеземельцев

Эрнандес и его соавторы, собравшие обширный краниологический материал по фуэгинам, основной целью исследования ставили объяснение специфики строения черепа огнеземельцев по сравнению с другими монголоидными группами. Она была наглядно продемонстрирована при помощи анализа главных компонент, в который наряду с огнеземельцами были включены все монголоидные популяции из базы данных Хауэлза. Результаты анализа указывают на существование общего морфологического комплекса монголоидов, в стороне от которого оказываются огнеземельцы, арктические (эскимосы) и тихоокеанские (остров Пасхи, мориори, гуам и мокапу) группы. Специфика этих популяций может быть объяснена как автогенетическими процессами, так и локальной адаптацией (Hernández, Fox, Gracia Moro 1997).

Морфологические особенности жителей Огненной Земли сводятся к большим размерам черепа в целом, большой ширине основания черепа, крупным размерам лица по отношению к мозговой коробке, узкому и высокому носу и массивности (*robusticity*) строения черепа. Под последней, как правило, понимается сильное развитие рельефа, проявляющееся в крупных размерах надбровных дуг, затылочного бугра, сосцевидных отростков, наличии затылочных гребней; большая толщина костей (Bernal, Ivan Perez, González 2006: 749; Baab et al. 2010: 111).

Исследователи, изучающие причины своеобразия антропологического типа фуэгинов, предлагают три различных объяснения. С одной стороны, оно может быть объяснено адаптацией к суровым климатическим условиям – об этом свидетельствуют некоторые сходства черт огнеземельцев и эскимосов. С другой стороны, массивность черепа может быть вызвана реакцией на жевательные нагрузки в процессе онтогенеза. Наконец, нельзя исключать возможность сохранения в морфологическом комплексе огнеземельцев реликтовых черт первых жителей Америки – палеоамериканцев.

В работе Эрнандеса и его коллег делается вывод о том, что особенности морфологии огнеземельцев объясняются в первую очередь адаптацией к холодному климату. В их аргументации ключевая роль отводится сходству строения носа огнеземельцев и арктических групп. Действительно, тем и другим принадлежит мировое лидерство по его высоте и, наоборот, наименьшие значения его ширины, в то время как противоположная комбинация встречается у обитателей тропических ши-

рот. При помощи регрессионного анализа авторы показывают существование зависимости высоты носа от температуры в регионе проживания; в случае с шириной носа такой зависимости не выявлено. Авторы полагают, что данный случай подтверждает общую закономерность. Они признают, что высота носа связана с высотой лица (коэффициент корреляции в выборке Хауэлза равен 0,839 для мужчин и 0,876 для женщин при $p < 0,01$), и большие значения высоты носа при высоком лице у огнеземельцев могут объясняться этой зависимостью, но также указывают на то, что и большая высота лица может быть следствием изменения высоты носа в процессе адаптации к холодному климату.

На сходство в пропорциях носа огнеземельцев и эскимосов указывал В.П. Алексеев, изучивший носовой указатель у коренного населения обеих Америк и обнаруживший отчетливое зональное распределение этого признака и биполярность арктической и огнеземельской рас (Алексеев 1967: 217).

Относительное увеличение высоты носа по отношению к его ширине было также показано в подробном исследовании строения носа и морфологии средней части лица нескольких популяций из Северной Азии (Evteev et al. 2014). Авторы статьи приходят к выводу о зависимости строения носа от климатических условий, в соответствии с которым узкий и высокий нос способствует более интенсивному перемешиванию воздуха и уменьшает скорость воздушного потока, что является важным адаптивным механизмом, предотвращающим переохлаждение в условиях суровых континентальных и арктических зим – это стало очередным подтверждением правила Томсона-Бакстона.

Не менее интересна и информация о высоте переносья в связи с адаптацией к холодным условиям. Так, например, у гренландских эскимосов симотическая высота варьирует от очень малых значений до средних величин, среднее значение симотической высоты равно 2,42, т.е. находится в категории малых величин. Симотическая ширина варьирует от очень малых величин до больших, в среднем она – в категории малых величин. Указатель симотический при таком положении дел, естественно средний. По сравнению с азиатскими эскимосами носовые косточки несколько ниже и уже. Обращает на себя внимание их строение, в ряде случаев они имеют форму треугольника и подходят к носолобному шву в виде вершины треугольника, образованного обеими косточками, а иногда – только одной. В большинстве случаев носовые косточки очень длинные, узкие на всем протяжении, их латеральный край идет параллельно шву, они несколько расширяются в последней трети. Ширина переносья (дакриальная ширина) – в категории малых величин, высота переносья (дакриальная высота) – средних. По сравнению с азиатскими эскимосами высота, ширина и указатель – такие же и выше, чем у остальных народов Сибири (Васильев, Герасимова 2015).

Если сравнивать эскимосов с изученными нами черепами огнеземельцев, то они действительно схожи по высоте и ширине, а вот высота переноса несколько разнится. У фуэгинов переносе немного шире и выше, что может быть связано с палеоамериканским субстратом.

Адаптацию как главный фактор своеобразия комплекса черт огнеземельцев предлагает в качестве объяснения и группа исследователей Национального университета Ла-Платы в Аргентине (Bernal et al. 2006). В данном случае предметом исследования выступила массивность черепа как огнеземельцев, так и жителей континентальной Патагонии, в результате была обнаружена высокая корреляция между массивностью черепа, которая оценивалась при помощи двухмерной геометрической морфометрии, и широтой, на которой проживала каждая изучаемая популяция. Кроме того, они обратились к проверке двух других гипотез (жевательные нагрузки и сохранение особенностей предковой популяции) и не нашли им убедительных подтверждений. Рассмотрев два возможных варианта адаптации – увеличение массивности скелета в результате эндокринных изменений в условиях жестких климатических условий и генетическую адаптацию, авторы делают предварительный вывод о том, что второй из них является наиболее вероятным. Основанием для этого послужила меньшая массивность ранне- и среднеголоценовых огнеземельских черепов по сравнению с позднеголоценовыми – если бы речь шла об акклиматизации, тенденция к увеличению массивности прослеживалась бы на всем краниологическом материале с данной территории вне зависимости от периода.

Другой позиции придерживается Марта Мирасон Лар, также обратившаяся к сравнению морфологии огнеземельских и эскимосских черепов. Материалы ее анализа (Mirazón Lahr 1995) состоят из 52 огнеземельских и 14 патагонских черепов, хранящихся в коллекциях Лондона, Кембриджа, Вены и Флоренции, и эскимосской серии из базы данных Хауэлза ($n = 24$). Исследовательница, напротив, отмечает, что по большинству измерительных признаков носа огнеземельцы и патагонцы в целом не похожи на эскимосов, несмотря на близкие значения высоты носа у эскимосов и она. Проведенный ею дискриминантный анализ изученных серий позволил выделить большие показатели ширины лица, альвеолярного прогнатизма, ширины носовых костей, надбровья и «вывернутости» скуловых отростков у огнеземельцев / патагонцев по сравнению с эскимосами. При этом наибольшее сходство между ними Мирасон Лар находит в частоте встречаемости так называемого крышеобразного свода – особенности строения черепа, при которой свод несколько напоминает двускатную крышу за счет утолщения кости в сагиттальной плоскости. Алеш Грдличка предполагал, что оно вызвано сильным развитием височных мышц и, таким образом, тесно связано с жевательной нагрузкой (Hrdlicka 1910). Мирасон Лар согласна с такой

интерпретацией и делает вывод о том, что схожесть морфологии самых южных индейцев с самыми северными может объясняться близкими условиями жизни, в которых жевательный аппарат человека испытывает серьезные нагрузки и развивается до такой степени, что способен менять рельеф черепа даже взрослого человека. С другой стороны, она не исключает, что речь может идти не о прижизненных изменениях, а о генетически закрепленной адаптации, возникшей в условиях экстремально холодного климата.

Валерия Берналь с соавторами возражают против концепции жевательных нагрузок как фактора, определяющего массивность строения черепа фуэгинов. Сравнение этого показателя среди групп охотников-собирателей, с одной стороны, и земледельцев – с другой, показало отсутствие прямой зависимости между массивностью и типом диеты. Так, например, выборки с запада Аргентины и северо-востока Патагонии, различающиеся по типу хозяйства (земледелие в первом случае и охота-собирачество – во втором), близки по степени массивности. И наоборот, некоторые патагонские группы, которые вели сходный образ жизни и рацион которых состоял преимущественно из мяса гуанако, существенно различались по этому признаку (Bernal et al. 2006: 758). Ссылаясь на свои неопубликованные данные, они также утверждают, что патагонские популяции с самым массивным рельефом на черепе также отличаются наименьшей стертостью зубов, что свидетельствует против обусловленности массивности огнеземельских черепов жевательными нагрузками.

Если упомянутые авторы пытались оценить «общий фактор массивности» при помощи геометрической морфометрии, то другой коллектив авторов, отвечая на вопрос о влиянии типа хозяйства древнего населения на морфологию черепа, использовал функциональный подход. В рамках этой методики череп рассматривается как совокупность нескольких функциональных компонентов: мозгового, слухового, оптического, респираторного, жевательного и альвеолярного (Moss, Young 1960; Pucciarelli, Dressino, Niveiro 1990; González-José et al. 2005). Восемнадцать южноамериканских популяций, классифицированных как охотники-собиратели или земледельцы, послужили материалом для того, чтобы выяснить, как преобладание твердой или мягкой пищи, ассоциирующейся с первым или вторым типом хозяйства соответственно, сказывается на морфологии черепа в целом и жевательного компонента в частности. Признаки, отражающие степень развития жевательного аппарата, морфологически связаны с местами крепления жевательных мышц. Их всего три, но, по мнению авторов, этого достаточно для того, чтобы дифференцировать изучаемые группы по степени жевательной нагрузки, получаемой при жизни. Действительно, анализ методом главных компонент позволяет достаточно

четко выделить кластер земледельцев среди несколько более разнородных охотников-собирателей.

В целом это исследование вносит существенный вклад в понимание того, как уклад жизни древних популяций сказывался на морфологии черепа, однако оказывается не очень информативным при оценке этого влияния именно на фуэгинов. По результатам анализа главных компонент огнеземельская выборка ($n = 30$) оказалась примерно на равном расстоянии как от земледельцев, так и от охотников-собирателей. Связано это может быть с тем, что в нее вошли представители всех трех огнеземельских групп, независимо от типа хозяйства. Несмотря на то, что никто из них не занимался земледелием, разница между морской и мясной диетой могла сказаться на результатах. Во всяком случае, специальное изучение состояния зубов и маркеров стресса более 180 огнеземельских черепов, хранящихся в коллекциях южноамериканских музеев, выявило разницу в степени стертости зубов у она, с одной стороны, и у яганов с алакалуфами – с другой (Perez-Perez 1995: 101).

Анализ факторов, влияющих на массивность черепа, осложняется тем, что она может быть по-разному выражена: комплекс черт, ассоциирующихся с массивностью, не является единым и может проявляться в виде разных комбинаций признаков. Так, например, утолщение кости в области сагиттального шва, выраженный затылочный бугор и возвышение в районе брегмы могут сочетаться с грацильным строением надбровья (Vaab et al. 2010: 111). Следовательно, различные варианты массивности могут иметь разное происхождение, и глобальные закономерности требуют подробных исследований, учитывающих вариативность понятия «массивность».

С другой стороны, исследование зависимости массивности черепа от его формы, географии и климата, опубликованное в «*American Journal of Physical Anthropology*» в 2010 г. (Vaab et al. 2010), выявило высокую корреляцию между всеми признаками, ассоциирующимися с массивностью. По его результатам, общая тенденция заключается в том, что эти признаки в основном предстают комплексом, за исключением затылочного бугра, выступание которого не обнаруживает значимой корреляции с другими признаками. Авторы исследования полагают, что эти выводы говорят или о простом механизме наследования всего комплекса, или о его преимущественно функциональном происхождении – например, в результате жевательных нагрузок. В пользу последнего предположения говорит и обнаруженная связь между массивностью в целом и жевательным рельефом, который оценивался по конфигурации «жевательных краниометрических точек» методами трехмерной геометрической морфометрии (111).

Исследователи не исключают и гипотезу о том, что своеобразие морфологии фуэгинов возникло не в результате адаптации к условиям внеш-

ней среды, а является следствием сохранения у огнеземельцев черт палеоиндейцев из-за их длительной изоляции (Hernández et al. 1997: 115).

Некоторыми антропологами развивается теория заселения Америки несколькими миграционными волнами. В рамках этой теории считается, что первую волну поселенцев составили популяции, имеющие ближайших общих предков с коренным населением Австралии. Эти предки, предположительно, покинули Юго-Восточную Азию и около 50 тыс. л.н. заселили Австралию, а около 14 тыс. л.н. – Америку (см., например, Greenberg et al. 1986; Jantz, Owsley 1998). Основой для такого предположения стало расхождение в морфологии палеоамериканцев и индейцев-потомков второй волны переселенцев в Америку, пришедших из Сибири через ныне затопленный Берингийский перешеек. Подтверждение теории нескольких волн ее сторонники видят в существовании современных популяций, морфологически сближающихся скорее с палеоамериканцами, чем с другими современными индейцами. К ним относят некоторые североамериканские группы, индейцев перику с полуострова Баха-Калифорния (González-Jose et al. 2003) и огнеземельцев (González-José et al. 2005: 773, Васильев и др. 2015: 314).

Продолжая искать объяснение специфичности черт огнеземельцев и патагонцев, Марта Мирасон Лар сравнила свою выборку с некоторыми популяциями из базы данных Хауэлза, представляющими население Европы, Африки, Юго-Восточной Азии, Восточной Азии, Австралии и Арктики, а также с несколькими другими древними и современными группами (1995). Она пришла к выводу, что многие черты, характеризующие монголоидов, присутствуют и у огнеземельцев-патагонцев: широкие лица, высокие скулы, высокие орбиты и высокие, относительно узкие носы. Вместе с тем они отличаются отсутствием брахикефалии, уплощенности лица и сужения носовых костей у носолобного шва и, главное, своей массивностью. Помещение огнеземельцев-патагонцев в мировой контекст путем сравнения их с группами Хауэлза показало их близость к полинезийским популяциям.

Эти сходства, как и сходство австралийцев и тасманийцев с ранними европейскими палеолитическими находками, Мирасон Лар истолковывает не как филогенетическое родство между названными группами, а как сохранение популяциями, проживающими на периферийных территориях, черт, свойственных более древнему населению. В случае огнеземельцев и патагонцев это означает, что они являются носителями раннего монголоидного комплекса, для которого была характерна большая массивность черепа. Проживание в условиях изоляции в крайне специфических природных условиях, в свою очередь, привело к формированию новых особенностей их морфологии.

Любопытно, что об этом писал еще Гусинде, отмечавший сходство между огнеземельскими и австралийскими черепами, при этом отри-

цавший непосредственное родство между ними. Он также полагал, что специфические черты огнеземельцев появились в результате «специализированной эволюции примитивной расы, переселившейся в Америку в очень древние времена» (1951: 23).

Во всяком случае, точка зрения о том, что огнеземельцы, наряду с другими «реликтовыми» группами, сохранили черты, свойственные древнейшим переселенцам в Америку (проявляющиеся на черепках из Лапа-Вермелья в Бразилии или верхнего грота Чжоукоудянь), имеет хорошо аргументированную базу (Васильев и др. 2015: 311–315). Согласно ее сторонникам, индейцы, живущие на периферийных территориях, имея общее со всем коренным населением Америки происхождение, сохранили ряд протоморфных черт. Эти черты сближают их с населением тропических широт Старого Света и свидетельствуют о возможности заселения Америки потомками носителей древнего недифференцированного расового типа, предшествующего становлению европеоидной и монголоидной рас.

Непосредственное сравнение огнеземельцев с представителями палеоамериканской расы с целью изучения преемственности признаков, свидетельствующих о массивности, было предпринято Валерией Берналь и соавторами в уже упоминавшемся исследовании (2006). Гипотеза авторов заключалась в том, что если эти признаки являются свидетельством палеоамериканского происхождения близкого к современности населения Огненной Земли и Патагонии, то такая же массивная морфология должна быть характерна для средне- и раннеголоценовых находок из Южной Америки. Для сравнения были взяты семь раннеголоценовых черепков из Текендамы (Колумбия) и четыре среднеголоценовых из Патагонии, куда вошли и индивиды из пещеры Серро-Сота, рассматриваемые в настоящей публикации. В результате был сделан важный вывод о том, что современные черепа из Огненной Земли отличаются значительно более массивным строением черепа по сравнению с более ранними образцами, т.е. речь идет об относительно позднем морфологическом сдвиге в сторону увеличения массивности.

С другой стороны, важно понимать, что развитым рельефом не исчерпываются особенности морфологического типа огнеземельцев. Ряд черт сближает их с монголоидами в целом: невысокое переносье, высокое и широкое уплощенное лицо, высокие орбиты; близость эта подтверждается и результатами многомерных анализов (Mirazón Lahr 1995). Монголоидные черты дополняются также специфическими особенностями в виде крупных размеров черепа, развитого рельефа, узкого и высокого носа, которые могут отражать как адаптацию к уникальным экологическим условиям, так и возможное влияние палеоамериканского субстрата на становление их антропологического типа.

Заключение

Сложность трактовки результатов исследования этого материала состоит в том, что нет единого мнения по поводу природы специфических особенностей строения черепа фуэгинов. В работе был дан небольшой обзор работ, посвященных рассмотрению трех основных гипотез – адаптационной, функциональной и генетической. В результате становится очевидно, что каждый из предполагаемых факторов должен был внести свой вклад в формирование антропологического типа жителей Огненной Земли. Трудность заключается в том, чтобы в полной мере определить влияние каждого из них и иметь возможность эффективно использовать полученные данные для межгрупповых сравнений.

С точки зрения рассмотренных материалов наиболее реалистичными выглядят теории об адаптивном значении признаков, составляющих специфику огнеземельского морфологического комплекса, с одной стороны, и наличия палеоамериканского субстрата – с другой. В пользу первого говорит наличие общих характерных черт у разных групп, проживающих в экстремальных климатических условиях, а в пользу второго – сходства в строении черепа огнеземельцев, индейцев перику, австралийцев, тасманийцев и некоторых других групп, по всей видимости, унаследовавших черты общих предков. Гипотеза о жевательных нагрузках как одном из основных факторов развития рельефа и общей массивности черепов фуэгинов в свете имеющихся данных кажется недостаточно убедительной.

Перспективным для дальнейших исследований представляется подход, при котором все доступные материалы с этой территории рассматривались бы с точки зрения изменения антропологического облика во временной динамике. Не менее важным было бы изучение особенностей огнеземельцев в онтогенезе, что позволило бы уверенно судить о функциональном происхождении черт, связанных с жевательным рельефом. Исследование живого населения, к сожалению, исключается из арсенала возможных методов, так как сейчас это население представлено всего несколькими индивидами смешанного индейско-европейского происхождения – носители этого уникального антропологического типа не перенесли жестокого столкновения с европейской цивилизацией.

Литература

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. М.: Наука, 1964.
Алексеев В.П. Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы (о связи антропологии с географией) // От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки / Отв. ред. И.Р. Григулевич. М.: Наука, 1967. С. 212–220.

- Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: Опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-история, 2015.
- Васильев С.В., Герасимова М.М. Краниология гренландских эскимосов // Человек и Север. Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф. г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 18–21.
- Baab K.L., Freidline S.E., Wang S.L., Hanson T. Relationship of cranial robusticity to cranial form, geography and climate in *Homo sapiens* // American journal of physical anthropology. 2010. V. 141, № 1. P. 97–115.
- Bernal V., Perez Ivan S., Gonzalez P.N. Variation and causal factors of craniofacial robusticity in Patagonian hunter-gatherers from the late Holocene // American Journal of Human Biology. 2006. V. 18, № 6. P. 748–765.
- Bird J.B., Bird M., Hyslop J. Travels and archaeology in South Chile. Iowa City: University of Iowa Press, 1988.
- Bird J. The Alakaluf // Handbook of South American Indians. 1946. Vol. 1. P. 55–79.
- Cooper J.M. The Ona // Handbook of South American Indians. 1946. Vol. 1. P. 107–126.
- Cooper J.M. The Yahgan // Handbook of South American Indians. 1946. Vol. 1. P. 81–106.
- Evtsev A., Cardini A.L., Morozova I., O'Higgins P. Extreme climate, rather than population history, explains mid-facial morphology of northern Asians // American journal of physical anthropology. 2014. Vol. 153, № 3. P. 449–462.
- González-José R., Neves W., Lahr M.M., González S., Pucciarelli H., Martínez M.H., Correal G. Late Pleistocene/Holocene craniofacial morphology in Mesoamerican Paleoindians: implications for the peopling of the New World // American journal of physical anthropology. 2005. Vol. 128, № 4. P. 772–780.
- González-José R., González-Martín A., Hernández M., Pucciarelli H.M., Sardi M., Rosales A., Van der Molen S. Craniometric evidence for Palaeoamerican survival in Baja California // Nature. 2003. Vol. 425, № 6953. P. 62–65.
- González-José R., Ramírez-Rozzi F., Sardi M., Martínez-Abadías N., Hernández M., Pucciarelli H.M. Functional-cranial approach to the influence of economic strategy on skull morphology // American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 128, № 4. P. 757–771.
- Greenberg J.H., Turner C.G., Zegura S.L., Campbell L., Fox J.A., Laughlin W.S., Szathmari E.J.E., Weiss K.M., Woolford E. The settlement of the Americas: A comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence [and comments and reply] // Current Anthropology. 1986. Vol. 27, № 5. P. 477–497.
- Gusinde M. Los fueguinos. Santiago de Chile: Editorial Andujar, 1951.
- Hernández M. Morfología craneal de las etnias de la Tierra del Fuego: diferencias sexuales e intergrupales // Anales del Instituto de la Patagonia (Serie Ciencias Humanas). Punta Arenas: Universidad de Magallanes. 1992. T. 21, № 8. P. 81–98.
- Hernández M., Fox C.L., García-Moro C. Fuegian cranial morphology: the adaptation to a cold, harsh environment // American Journal of Physical Anthropology. 1997. Vol. 103, № 1. P. 103–117.
- Heureux L., Lorena G., Amorosi T. El entierro del sitio cerro sota (Magallanes, Chile) a más de setenta años de su excavación // Magallania. 2010. T. 38, № 2. P. 133–149.
- Hrdlicka A. Contributions to the anthropology of Central and Smith Sound Eskimo. // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York, 1910. Vol. 5. P. 177–280.
- Imbelloni J. Tabla Clasificatoria de los Indios. Regiones Biológicas y Grupos Raciales Humanos de América // Physis. 1938. № 12. P. 229–249.
- Jantz R.L., Owsley D.W. How many populations of early North Americans were there // American Journal of Physical Anthropology Supplement. 1998. Vol. 26. P. 128.

- Mirazón Lahr M. Patterns of modern human diversification: implications for Amerindian origins // *American Journal of Physical Anthropology*. 1995. Vol. 38, № S21. P. 163–198.
- Moss M.L., Young R.W. A functional approach to craniology // *American journal of physical anthropology*. 1960. Vol. 18, № 4. P. 281–292.
- Pérez-Pérez A. Patología oral, indicadores de estrés y dieta en una muestra esquelética de aborígenes de Tierra del Fuego // *Salud, enfermedad y muerte en el pasado. Consecuencias biológicas del estrés y la patología*. 1995. P. 99–106.
- Pucciarelli H.M., Dressino V., Niveiro M.H. Changes in skull components of the squirrel monkey evoked by growth and nutrition: an experimental study // *American Journal of Physical Anthropology*. 1990. Vol. 81, № 4. P. 535–543.

Статья поступила в редакцию 23 февраля 2017 г.

Syutkina Taisiya A., Vasilyev Sergey V.

TOWARD THE ANTHROPOLOGY OF ABORIGINAL POPULATION OF TIERRA DEL FUEGO

Abstract. The article focuses on the morphological type of Fueguians – aborigines of Tierra del Fuego. Three crania – two female and one male – stored at the New York Museum of Natural History provided the basis for the study, and the article presents full anthropological characteristics of these, as well as a more general ethnological and anthropological description of the local population. A review of modern literature on the topic gives three main hypotheses that account for the specificities of the Fueguian morphological complex: dissimilar ancestry, adaptation to the harsh environment, and functional response to masticatory stress. A comparison with craniological samples of the Greenland Eskimos and with some other groups from the region in question suggests that the Fueguian craniological type (especially the nose dimensions) is so specific due to the ancient Paleo-American substratum, on the one hand, and cold adaptation, on the other.

Keywords: aboriginal population of Tierra del Fuego, craniology, adaptation, anthropological type

DOI: 10.17223/2312461X/17/9

References

- Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia* [Cranimetry]. Moscow: Nauka, 1964.
- Alekseev V.P. Antropologicheskoe svoebrazie korenного naseleniia Aliaski i bipoliarnye rasy (o svyazi antropologii s geografiei) [The anthropological specificities of indigenous population of Alaska and bipolar races (on the relationship between anthropology and geography)], *Ot Aliaski do Ognennoi Zemli: Istoriia i etnografiia stran Ameriki* [From Alaska to Tierra del Fuego: the history and ethnography of the Americas]. Ed. by I.R. Grigulevich. Moscow: Nauka, 1967, pp. 212–220.
- Vasil'ev S.A., Berezkin Iu.E., Kozintsev A.G., Peiros I.I., Slobodin S.B., Tabarev A.V. *Zase-lenie chelovekom Novogo Sveta: Opyt kompleksnogo issledovaniia* [The settlement of man in the New World: an integrated study]. St. Petersburg: Nestor-istoriia, 2015.
- Vasil'ev S.V., Gerasimova M.M. *Kraniologiia grenlandskikh eskimosov* [Craniology of the Greenland Eskimos], *Chelovek i Sever. Antropologiia, arkheologiia, ekologiia. Materialy Vserossiiskoi konferentsii g. Tiumen', 6–10 apreliia 2015 g.* [Man and the North. Anthropology, archaeology, and ecology. Proceedings of the Russian national conference in Tyumen, 6–10 April, 2015]. Tiumen': Izd-vo Instituta problem osvoeniia Severa SO RAN, 2015, Vol. 3, pp. 18–21.
- Baab K.L., Freidline S.E., Wang S.L., Hanson T. Relationship of cranial robusticity to cranial form, geography and climate in *Homo sapiens*, *American journal of physical anthropology*, 2010, Vol. 141, no. 1, pp. 97–115.

- Bernal V., Perez Ivan S., Gonzalez P.N. Variation and causal factors of craniofacial robusticity in Patagonian hunter-gatherers from the late Holocene, *American Journal of Human Biology*, 2006, Vol. 18, no. 6, pp. 748–765.
- Bird J.B., Bird M., Hyslop J. *Travels and archaeology in South Chile*. Iowa City, University of Iowa Press, 1988.
- Bird J. The Alakaluf, *Handbook of South American Indians*, 1946, Vol. 1, pp. 55–79.
- Cooper J.M. The Ona, *Handbook of South American Indians*, 1946, Vol. 1, pp. 107–126.
- Cooper J.M. The Yahgan, *Handbook of South American Indians*, 1946, Vol. 1, pp. 81–106.
- Evteev A., Cardini A.L., Morozova I., O'Higgins P. Extreme climate, rather than population history, explains mid-facial morphology of northern Asians, *American journal of physical anthropology*, 2014, Vol. 153, no. 3, pp. 449–462.
- González-José R., Neves W., Lahr M.M., González S., Pucciarelli H., Martínez M.H., Correal G. Late Pleistocene/Holocene craniofacial morphology in Mesoamerican Paleoindians: implications for the peopling of the New World, *American journal of physical anthropology*, 2005, Vol. 128, no. 4, pp. 772–780.
- González-José R., González-Martín A., Hernández M., Pucciarelli H.M., Sardi M., Rosales A., Van der Molen S. Craniometric evidence for Palaeoamerican survival in Baja California, *Nature*, 2003, Vol. 425, no. 6953, pp. 62–65.
- González-José R., Ramírez-Rozzi F., Sardi M., Martínez-Abadías N., Hernández M., Pucciarelli, H.M. Functional-cranial approach to the influence of economic strategy on skull morphology, *American Journal of Physical Anthropology*, 2005, Vol. 128, no. 4, pp. 757–771.
- Greenberg J.H., Turner C.G., Zegura S.L., Campbell L., Fox J.A., Laughlin W.S., Szathmari E.J.E., Weiss K.M., Woolford E. The settlement of the Americas: A comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence [and comments and reply], *Current Anthropology*, 1986, Vol. 27, no. 5, pp. 477–497.
- Gusinde M. *Los fueguinos*. Santiago de Chile: Editorial Andujar, 1951.
- Hernández M. Morfología craneal de las etnias de la Tierra del Fuego: diferencias sexuales e intergrupales, *Anales del Instituto de la Patagonia (Serie Ciencias Humanas)*. Punta Arenas: Universidad de Magallanes, 1992, Vol. 21, no. 8, pp. 81–98.
- Hernández M., Fox C. L., García-Moro C. Fuegian cranial morphology: the adaptation to a cold, harsh environment, *American Journal of Physical Anthropology*, 1997, Vol. 103, no. 1, pp. 103–117.
- Heureux L., Lorena G., Amorosi T. El entierro del sitio cerro sota (Magallanes, Chile) a más de setenta años de su excavación, *Magallania*, 2010, Vol. 38, no. 2, pp. 133–149.
- Hrdlicka A. Contributions to the anthropology of Central and Smith Sound Eskimo, *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. New York, 1910. Vol. 5, pp. 177–280.
- Imbelloni J. Tabla Clasificatoria de los Indios. Regiones Biológicas y Grupos Raciales Humanos de América, *Physis*, 1938, no. 12, pp. 229–249.
- Jantz R.L., Owsley D.W. How many populations of early North Americans were there, *American Journal of Physical Anthropology Supplement*, 1998, Vol. 26, pp. 128.
- Mirazón Lahr M. Patterns of modern human diversification: implications for Amerindian origins, *American Journal of Physical Anthropology*, 1995, Vol. 38, no. S21, pp. 163–198.
- Moss M.L., Young R.W. A functional approach to craniology, *American journal of physical anthropology*, 1960, Vol. 18, no. 4, pp. 281–292.
- Pérez-Pérez A. Patología oral, indicadores de estrés y dieta en una muestra esquelética de aborígenes de Tierra del Fuego, *Salud, enfermedad y muerte en el pasado. Consecuencias biológicas del estrés y la patología*. 1995, pp. 99–106.
- Pucciarelli H.M., Dressino V., Niveiro M.H. Changes in skull components of the squirrel monkey evoked by growth and nutrition: an experimental study, *American Journal of Physical Anthropology*, 1990, Vol. 81, no. 4, pp. 535–543.

MISCELLANEA

УДК 94(571.51) «1914/18»
DOI: 10.17223/2312461X/17/10

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1914–1917 гг.)

Олеся Михайловна Долидович
Евгения Николаевна Старовойтова

Аннотация. Рассматривается эволюция общественных настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Исследование позволяет понять, почему быстро росло недовольство населения в аграрных регионах, расположенных в глубоком тылу, отдаленных как от линии фронта, так и от центров политической жизни страны, которые должны были обеспечить все возможные ресурсы для победы. Показано, что этот процесс в значительной степени был обусловлен реакцией людей на ухудшение социально-экономических условий жизни. Крестьяне считали, что, осуществляя мобилизацию, которая лишала их хозяйства рабочих рук, государство было обязано оказать ответную помощь в виде кредитов, смягчения налогов, разрешения на использование труда военнопленных. Отсутствие этих мер приводило к разочарованию, вызывало ощущение несправедливости власти. В городах серьезное влияние на рост раздражения и возмущения оказывали дефицит промышленных товаров и дороговизна продуктов питания. Проблемы местного населения усугублял приток беженцев и военнопленных. Снижение уровня жизни касалось прежде всего беднейших социальных групп, к которым относились семьи призванных. В годы войны их численность увеличивалась, а масштабы общественной и благотворительной поддержки сокращались. Протест солдатских семей выливался в неорганизованные стихийные выступления с проявлением насилия.

Ключевые слова: Енисейская губерния, общественные настроения, Первая мировая война, продовольственный кризис, семьи призванных, социальное недовольство

В период от начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г. настроения населения тыловых регионов Российской империи претерпели значительные изменения. Патриотический подъем сменило недовольство затяжным характером войны, действиями центральных и местных властей. Причины этого явления в таких отдаленных от линии фронта аграрных областях, как Восточная Сибирь, требуют осмысления, поскольку здесь не стояли с большой остротой рабочий и национальный вопросы, не было оккупации, значительного наплыва раненых и беженцев, ситуация с продовольствием обстояла более бла-

гополучно. В данной статье на материалах по Енисейской губернии проанализирован процесс эволюции общественных настроений городского и сельского населения, а также выявлены факторы, которые оказали на него определяющее влияние.

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные документы и периодическая печать. Первые включают донесения и рапорты сотрудников Енисейского губернского жандармского управления, сосредоточенные в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК. Ф. 827). Одной из главных задач жандармерии в период военных действий было отслеживание радикальных общественных течений, предотвращение выступлений, направленных против самодержавного режима. На основании анализа оперативных сведений с мест начальник местного жандармского корпуса или его заместитель составляли регулярные (ежеквартальные, полугодовые, годовые) отчеты, отражавшие особенности социально-экономического развития региона, общественно-политические взгляды его жителей. В них приведены весьма точные прогнозы развития губернии в краткосрочной перспективе (ближайшие два–три месяца).

Материалы периодической печати («Вестник красноярского городского общественного управления», «Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии», «Сибирская деревня») содержат сведения о масштабах инфляции, спекуляции, дефицита товаров первой необходимости и продуктов питания, восприятии населением мероприятий центральных и местных властей по преодолению кризисных экономических явлений, положении солдатских семей и системе их социальной поддержки.

В советский период рост социального недовольства накануне революционных событий 1917 г. объяснялся кризисом самодержавия, обострением противоречий между эксплуататорским и эксплуатируемыми классами, поражениями на фронте, основное внимание уделялось нелегальной деятельности ссыльных и местных отделений Российской социал-демократической рабочей партии (История Сибири... 1968). Для современной историографии характерен значительный интерес к проблеме воздействия военных конфликтов на человека и общество (Сенявская 2016). Интенсивно разрабатывается вопрос о влиянии событий Первой мировой войны на психологию, настроения современников. При изучении обострения социальных противоречий подчеркивается многослойность массового сознания, проявление в нем интересов и позиций различных социальных групп (Поршнева 2004, 2014; Борщук 2010). Отмечено широкое развитие частной и общественной благотворительности в начале войны, отразившее общий народный патристический подъем (Ульянова 2014). Пристальное внимание историков

привлекает трансформация образа императора в коллективных представлениях (Колоницкий 2010), дискредитация и делегитимизация самодержавной власти в глазах людей (см., например, Голубин 2002; Пыхалюк 2014). Степень влияния экономических факторов и качества жизни на рост общественного недовольства является предметом острых научных дискуссий (Нефедов 2011; Миронов 2012; Парамонов 2014).

Зарубежные исследователи чаще всего обращаются к изучению политической культуры населения Российской империи в годы Первой мировой и Гражданской войн, поиску истоков острых социальных конфликтов внутри общества, причин революционных потрясений 1917 г. и прихода к власти большевиков. Однако это, прежде всего, материалы Москвы и Петербурга, а также губерний европейской части страны (Figs 1989; Lih 1990; Хеймсон 1993; Raleigh 2002; Gatrell 2005; Энгл 2010).

Существенно вырос интерес к региональному историческому опыту. Авторы изучают влияние демографических, социально-экономических, культурных изменений, происходивших в годы войны, на представления людей о власти и перспективы развития страны (Назаров 2007; Семенова 2012; Сухова 2014). В течение двух последних десятилетий появляются работы, в которых предпринимаются попытки комплексного анализа развития отдельных губерний Западной и Восточной Сибири в 1914–1917 гг.: рассматриваются основные социально-экономические тенденции, ход мобилизации, благотворительность, некоторые аспекты повседневной и общественно-политической жизни (Еремин 2005; Шишкина 2006; Кротт 2011; Шиловский 2015). Аналогичных исследований, выполненных на материалах Енисейской губернии, к настоящему времени еще не появилось. В трудах краеведческой направленности сведения об интересующем нас регионе представлены лишь фрагментарно (Комарова 2007; Забытая доблесть... 2014).

Настроения и ожидания на начальном этапе военных действия

В 1914 г. Енисейская губерния, одна из самых обширных в Российской империи, была частью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Она включала Красноярский, Ачинский, Енисейский, Канский, Минусинский, Усинский пограничный округа и Туруханский край. Ее население составляло 1 119 208 человек, из них в городах (Красноярске, Канске, Ачинске, Енисейске, Минусинске) проживало 147 233 (13%), в сельской местности – 971 975 человек (87%) (Памятная книжка... 1915: 67). Это был аграрный регион с абсолютным преобладанием крестьянского населения.

Начало Первой мировой войны его жители встретили без большого воодушевления, однако по отношению к правящему режиму демонстрировали лояльность. При проведении мобилизации летом–осенью

1914 г. в 11 селах Красноярского, Ачинского и Минусинского уездов происходили разгромы винных лавок и волостных правлений. Они были вызваны недовольством новобранцев и их семей введением запрета на продажу крепких спиртных напитков. Стихийные беспорядки прекратились, как только солдат отправили на сборные пункты (Шиловский 2015: 16).

Полковник М.А. Байков, начальник Енисейского жандармского управления, в обзоре обстановки в губернии в течение второй половины 1914 г. писал, что крестьяне, хотя не совсем четко понимали причины и цели войны, но поддерживали правительство и были настроены на победу (ГАКК 1915–1916: 189). Главным вопросом, который волновал сибирскую деревню на протяжении военных действий, стала нехватка рабочих рук, вызванная мобилизациями. В 1917 г. в Енисейской губернии насчитывалось 159 273 крестьянских хозяйства, в которых числилось 477 997 мужчин (из них в трудоспособном возрасте 215 255, т.е. 45%) и 453 245 женщин (трудоспособных – 211 743, или 47 %). К этому времени было призвано на фронт 9% уроженцев губернии, т.е. 17,5% мужского населения, или 38,8% трудоспособных мужчин (Россия в мировой войне... 1925: 21).

Крестьяне также считали, что, осуществляя мобилизацию, правительство обязано оказывать им ответную поддержку: «Государство должно дать денег на заготовку семян и машин, на организацию артелей из учащихся, военнопленных и беженцев. Выдаются же многомиллионные ссуды промышленникам, значит, могут быть выданы они и сельским хозяевам» (Что будем делать... 1915: 5). Как минимум они ожидали получения рассрочки в уплате налогов и ссуд до конца военных действий.

По этой причине взимание недоимок вызывало возмущение со стороны малоимущих, особенно солдатских семей, отправивших на фронт своих кормильцев. Хотя протест не приобрел массового характера и проявился лишь в нескольких инцидентах (согласно документам губернского жандармского управления, всего за 1914–1917 гг. во время описи имущества должников в 3 случаях солдатки отказались платить недоимки из-за тяжелого материального положения, еще в 7 – члены солдатских семей агитировали односельчан против уплаты податей на сельских сходах), уголовная ответственность (штраф, арест, высылка за пределы губернии) и преследование по таким делам воспринимались в качестве свидетельства социальной несправедливости (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1–3).

Горожане демонстрировали большой патриотический энтузиазм, нежели сельские жители. Основной формой выражения их любви к отечеству стала благотворительность. Они организовывали кружечные сборы, спектакли, концерты, работали в многочисленных обществен-

ных организациях. В Красноярске и уездных городах действовали местные отделения Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Союза городов, Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам, комитеты попечения о беженцах и семьях призванных солдат, около полутора десятков дамских комитетов и др. Поскольку губернии Восточной Сибири не были включены в состав эвакуационных пунктов за дальностью расстояний, большого наплыва раненых и больных они не испытывали, особенно в начальный период войны.

При характеристике политических взглядов М.А. Байков отмечал, что военных и высших учебных заведений здесь не было, среди педагогического персонала и учащихся старших классов гимназий наибольшей популярностью пользовалась партия кадетов. Хотя рабочие железнодорожных мастерских Красноярска поддавались агитации социал-демократов и многие из них разделяли пораженческие взгляды на войну, широкой подпольной деятельности ссыльные не вели: «При налаженной агентурной сети в любой момент можно ликвидировать подпольные собрания эсеров и эсдеков» (ГАКК 1915: 3).

Переломные 1915–1916 гг.

Настроения людей претерпели значительные изменения в течение 1915 г. под влиянием дефицита и роста цен. Недостаток товаров, не производившихся в регионе (сахар, мануфактура, галантерея и другие изделия обрабатывающих отраслей промышленности), а также многих предметов первой необходимости (соль, спички, мука, дрова и др.) был вызван расстройством железнодорожного транспорта, падением курса рубля, спекуляцией. Длительное отсутствие привычных и необходимых в быту вещей вызывало чувство раздражения: «Мы, жители деревни, кажется, скоро превратимся в первобытных людей, хотя наши требования как-то притупились от времени и мы не чувствуем уже той тяжести, которую чувствуют городские жители. Здесь нет уже давно сахара, мыла, обуви, не бывает керосина, спичек, а сальную свечку можно достать только по знакомству <...> А жить все-таки тяжело!» (Деревня приспособляется... 1915: 18).

Местная пресса отмечала, что еще в начале 1915 г. рост цен на продукты питания был умеренным. Однако осенью был собран плохой урожай из-за засухи, от которой особенно пострадали южные степные и лесостепные районы губернии. Крестьяне начали придерживать хлеб для собственного потребления, с тревогой думали о будущей весне из-за нехватки семян. Оптовые торговцы и перекупщики сократили объемы хлебной торговли на городских рынках, так как выжидали резкого повышения цен к весне 1916 г. Значительная часть зерновых скупалась в качестве сырья для самогонварения. Из-за правительственной анти-

алкогольной кампании стоимость самогона в военный период выросла в пять раз по сравнению с ценой прежнего казенного вина. Самовольное винокурение в некоторых уездах губернии принимало чудовищные размеры, повальное пьянство влекло за собой застой и упадок в хозяйствах (ГАКК 1915–1916: 189).

Муниципальные власти вводили систему таксировки цен, создавали продовольственные комиссии при городских управах, которые делали оптовые закупки продуктов питания и продавали их населению по сниженным ценам, поддерживали потребительскую кооперацию. Однако бюджеты городов были ограничены, поэтому эти меры не имели системного характера, не охватывали территорию уездов. Развитие продовольственного кризиса заставляло горожан нервничать. По мере того как пустели хлебные магазины (запасы), обеспокоенность людей росла: «Мы рискуем очутиться в совершенно безвыходном положении. Из полосы дорогих цен мы можем перейти на положение полного отсутствия хлеба» (Продовольственные перспективы... 1915: 17).

К мероприятиям городов по борьбе с дороговизной современники относились скептически, отмечали незаинтересованность гласных в скорейшем решении продовольственных трудностей, поскольку их состав носил сословный характер. В качестве частных лиц они занимались торговлей и преследовали собственную выгоду, тогда как обязанности сотрудников продовольственных комиссий предполагали защиту интересов представителей малоимущих групп населения: «Мы должны еще раз вспомнить, что главной силой в наших городских управлениях везде являются торговцы и промышленники. Конечно, они не враги сами себе и не могут сильно бороться сами же с собою» (Минин 1915: 43).

Жандармские офицеры действия городских управлений также признавали безуспешными: «Продовольственная неурядица, несмотря на богатство края сырьем, растет; отсутствие же земства и организаций Земского Союза в связи с поразительной некультурностью и непривычкой к реальной работе, а не к политиканству, цензового состава городских самоуправлений, сделала то, что частые кризисы, кроме, разумеется, общего продовольственного, в городах не прекращаются, следуют один за другим, все более усиливая напряженность всеобщего недовольства» (ГАКК 1917: 7–7 об.).

Множественно усилилась спекуляция. Спекулятивный характер торговли в Восточной Сибири сложился еще в довоенный период и был обусловлен аграрным характером экономики, архаичными формами товарообмена, неразвитостью транспортной инфраструктуры. Осенью на ярмарках и базарах перекупщики забирали у крестьян произведенную продукцию (хлеб, мясо, дрова, сено и т.д.) оптом, и в течение года продавали ее горожанам в розницу с высокой наценкой. Во время войны спекуляция была обусловлена, в первую очередь, слабым развитием обрабатывающей промышленности в регионе, нарушением товарооб-

мена между городом и деревней. К тому же сибирские губернии оказались в неблагоприятном положении в отношении транспорта. Закупленные ими товары в европейской части России и на восточных рынках (в Маньчжурии и Монголии) не могли быть доставлены из-за нехватки вагонов на железной дороге.

Горожане и периодическая печать обрушили на местное купечество обвинения в беззастенчивом «рвачестве» (Корреспонденция...1915: 29). Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев осенью 1915 г. выпустил постановление, запрещающее всякого рода соглашения между торгующими с целью повышения цен. Виновным в нарушении грозило тюремное заключение на срок до трёх месяцев или денежный штраф до 3 000 рублей. Но подобные меры оказывались малоэффективными из-за того, что коммерсанты просто их игнорировали, а в условиях военного времени местные власти не располагали возможностью расследовать и доказывать подобные случаи.

В январе 1916 г. Красноярское купеческое общество представило енисейскому губернатору Я.Г. Гололобову «Объяснительную записку по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки». Ее авторы не отрицали широкого развития спекуляции, но считали ее причиной общую экономическую конъюнктуру. Сибирские купцы закупали продукцию обрабатывающих отраслей промышленности у производителей европейской части страны, которые с началом войны стремительно подняли цены. В результате коммерсанты были вынуждены брать кредиты на торговые операции под огромные проценты у банков. Из-за дефицита средств они приобретали только небольшие партии, на провинциальных рынках больше не было крупного опта. Купцы также аргументированно доказывали низкую эффективность системы таксирования цен и показывали тот вред, который она наносила торговле.

Записка была опубликована отдельной брошюрой и распространялась с целью информирования населения и пресечения слухов о необоснованном повышении цен: «В настоящее время можно нередко слышать весьма резкие упреки, бросаемые частными лицами и даже – что более всего кажется странным – печатью, по адресу торговцев. Не уяснив себе настоящего положения рынка, многие, всосав с молоком матери какое-то органическое презрение к торговле, из ложно понимаемого дендизма, с легким сердцем и спокойной совестью, где бы ни пришлось, обвиняют в неимоверном вздорожании товаров исключительно торговцев. Поистине, у нас в России всегда оказывается виноватым «стрелочник» (Объяснительная записка... 1916: 4).

Спрос на продукты питания в городах непрерывно увеличивался из-за того, что прибывали беженцы и военнопленные. К концу 1916 г. в

Енисейскую губернию прибыло 12 299 беженцев (белорусы, латыши, литовцы, поляки, евреи) (Дворецкая, Жулаева, Луцаева 2016: 1362). Они селились вблизи железнодорожных станций, рассчитывая на скорое возвращение домой. Основная часть из них предпочла остаться в Красноярске, Канске и Ачинске, и лишь незначительное число направлялось в сельскую местность. К тому же организация помощи беженцам была возложена на городские муниципалитеты. Комитеты помощи беженцам, созданные при городских управах, оплачивали продовольствие, проживание в бараках, лечение, выдавали пособия, используя субсидии государственного казначейства и благотворительные средства. Однако из-за падения уровня жизни местного населения его филантропическая активность также быстро снижалась, и к концу войны «беженческий вопрос потерял всякую остроту и интерес к нему со стороны всех слоев общества» (ГАКК 1917: 7).

В начале 1917 г. в регионе было сосредоточено 21 750 военнопленных (австрийцы, немцы, румыны, венгры, словаки, итальянцы) (Комарова 2007: 47). Лагеря для них располагались близ тех же городов. В них же администрация и пленные офицеры делали продовольственные закупки, что вызывало недовольство горожан, поскольку способствовало росту цен на местных рынках. «Безделье» пленных вызывало чувство негодования крестьян, которые ожидали указа о привлечении их к обязательным работам. Однако использование труда военнопленных в сельском хозяйстве началось лишь с середины 1915 г., при этом весной 1916 г. их начали вывозить из сибирских губерний в европейскую часть страны. Это решение глубоко разочаровало сельчан. К тому же они были осведомлены о том, что с русскими солдатами в Германии и Австро-Венгрии обращались крайне жестоко, поэтому беглых военнопленных чаще всего задерживали именно крестьяне, а при задержании старались избить или покалечить (ГАКК 1915: 3).

Недовольство семей мобилизованных

Падение уровня жизни коснулось прежде всего беднейших слоев населения, поскольку расходы на питание составляли значительную часть их бюджета. Высокие риски бедности были характерны для семей мобилизованных солдат, поскольку они превратились в неполные многодетные семьи с большой иждивенческой нагрузкой. Согласно закону 25 июня 1912 г. им полагалось государственное пособие, однако инфляция быстро снижала покупательную способность денег и обесценивала значение выплат. Помощь тем категориям нуждающихся, о которых ничего не было сказано в законе (например, гражданским женам и незаконнорожденным детям) оказывали органы местного самоуправления. В городах они получали

не только казенное пособие, но и ежемесячные выплаты в таком же объеме от попечительств, созданных при муниципалитетах. Благотворительные организации помогали с оплатой жилья, отопления, детской одежды, медикаментов. Расходы городов быстро росли, как и численность семей мобилизованных, поэтому в 1916 – начале 1917 г. происходило сокращение выплат. Урезание пайка воспринималось крайне негативно, разъяснения властей на этот счет воспринимались враждебно и с насмешками.

Наладить эффективную систему помощи семьям призванных в сельской местности не удалось, хотя в целом относились к ним с сочувствием. В условиях господства натурального хозяйства сибирская деревня была бедна деньгами, благотворительные мероприятия осуществлялись редко. Деятельность волостных попечительств фактически сводилась лишь к выдаче казенного пособия. Уже в 1915 г. на сходах сельчане отказывали солдаткам в трудовой помощи по обработке запашки, ссылаясь на то, что в их хозяйствах не хватало рабочих рук (Помогите солдаткам! 1915: 2).

В январе 1916 г. в очередном донесении губернатору М.А. Байков высказывал предположение о том, что возможны проявления недовольства городских малоимущих, главным образом солдаток. И действительно, в течение 1916–1917 гг. в городах Енисейской губернии произошло несколько стихийных выступлений, активными участницами которых были жены солдат. В Минусинске 11 марта 1916 г., накануне празднования Пасхи, солдатки группами врываются в торговые лавки и требовали бесплатной раздачи товаров. Они поясняли, что в городском комитете помощи солдатским семьям не было средств, поэтому якобы городской голова дал им разрешение получить благотворительную помощь в виде подарков к празднику непосредственно у купцов. В случае отказа угрожали разгромить магазин и забрать вещи силой. Приказчики и служащие в растерянности отпускали товары (ГАКК 1916: 171).

Утром 7 мая 1916 г. начались беспорядки на Новобазарной площади Красноярска. Незначительный конфликт между продавцом и покупателем послужил поводом к погромам торговых рядов. Городовой и солдаты, оцепившие рынок, не принимали мер против грабителей, среди которых было много нижних чинов. Когда начальник Красноярского отделения Томского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр Н.И. Игнатов и унтер-офицер И.И. Сазонов начали разгонять толпу, в них летели камни и бутылки, оба получили ранения. В ходе дознания к суду было привлечено 96 человек, активное участие в избиении жандармов принимали солдатки. По мнению М.А. Байкова, в дальнейшем подобные стихийные вспышки недовольства могли принять более широкий размах из-за слабой дисциплины местного гарнизона (ГАКК 1916: 23).

В ноябре 1916 г. волнения солдаток происходили в Канске. После сокращения пособия, которое они получали от города, более трехсот женщин ворвались в здание управы. Городского голову Т.Д. Леонова они обвинили в воровстве денег, предназначенных семьям призванных, и посадили его под арест. Летом 1917 г. события (погром в управе, арест городского головы) повторились. Хотя полиции удалось навести порядок, горожане с тревогой отмечали в местной печати начало анархии и произвола (Свободная Сибирь... 1917: 4).

Не только современники событий, но и авторитетные исследователи в наши дни расценивают подобные беспорядки, прокатившиеся в годы войны, как в провинциальных, так и в крупных городах Российской империи, как свидетельства социальной нестабильности. По мнению американской исследовательницы Б. Энгл, их участниками двигали «устоявшиеся представления о справедливости, которые включали в себя и право на обеспечение, и доступность жизненно необходимых товаров даже во времена дефицита» (Энгл 2010: 153). Низкая эффективность правительственной системы поддержки семей призванных, тяжелое материальное положение обусловили широкое участие в них солдаток.

Слухи и политические ссильные

В условиях неграмотности основной массы населения, на фоне тревожных и пессимистичных ожиданий росла роль слухов и сплетен. На сельских сходах, базарах, часто во время употребления спиртных напитков обсуждались вопросы о боеспособности русской армии, будущем и перспективах страны. Зимой 1915–1916 гг. в отпусках побывало много нижних чинов действующей армии. Солдаты обсуждали политические вопросы, говорили об изменах министров, это сильно действовало на крестьян, среди которых укреплялась мысль о бессмысленности войны (ГАКК 29 декабря 1914 г. – 31 декабря 1915 г.: 1–278).

Неосторожные высказывания становились поводом для сведения личных счетов. Так, в период с декабря 1914 г. по декабрь 1915 г. жандармы Енисейской губернии проводили расследование 37 доносов по обвинению в нецензурных высказываниях против императора, распространении ложных и пораженческих слухов о событиях на фронте. В ходе расследования тщательно проверялась «политическая благонадежность» обвиняемых (происхождение, семейное положение, образ жизни, характеристики и отзывы знакомых). В результате сведения, изложенные в доносах, подтвердились лишь в 7 случаях (ГАКК 29 декабря 1914 г. – 31 декабря 1915 г.: 1–278).

По мнению многих жандармских офицеров, серьезное влияние на распространение антиправительственных слухов оказывали политиче-

ские ссылки. Так, помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления ротмистр Л.А. Оболенский писал, что ссылки устраивались на работу в кооперативы, пользовавшиеся авторитетом среди населения, для ведения агитации: «Допущение в состав правления союза кооперативов лиц сплошь с преступным прошлым привело к тому, что параллельно с правительственной властью в губернии существует не менее хорошо организованная и состоящая из идейных и опытных работников революции власть, которой подчиняется “не за страх, а за совесть” вся обширная губернская организация кооперативов, объединяющая вокруг себя не только ссылку, но и всех недовольных правительственным режимом лиц, количество каковых вообще в переживаемый момент колоссально, а в такой губернии как Енисейская, издавна населенной преступным элементом, – подавляющее» (ГАКК 1917: 5).

За деятельностью председателей и членов правлений кооперативов и ссудо-сберегательных товариществ было установлено агентурное наблюдение. По его результатам жандармское управление было вынуждено признать, что быстрое развитие потребительской кооперации обуславливалось не ростом политической сознательности населения, а исключительно экономическими трудностями военного времени (ГАКК февраль 1917: 4).

В целом степень влияния политических ссыльных на общественные настроения сибиряков не стоит преувеличивать, как это делалось в советский период. Архивные материалы и работы современных исследователей показывают, что, во-первых, ссылки не придерживались единого мнения по вопросу о войне: «Ссылка раскололась на оборонцев, пораженцев, центристов, не определившихся» (Иванов, Новиков 2014: 74); во-вторых, большинство политических расселяли в отдаленных от губернского центра сельских поселениях, где они не имели возможности заниматься нелегальной деятельностью, поскольку находились под непрерывным наблюдением жандармов, которые тщательно отслеживали их занятия, круг общения, переписку, передвижения. Значительное оживление их общественно-политической активности произошло уже после Февральской революции. По подсчетам историков, в Енисейской губернии можно было отнести к так называемому «ссылному активу» лишь 258 человек (10,6% от общей численности), которые в 1917–1918 гг. принимали участие в ликвидации старых органов власти и создании комитетов общественной безопасности (Хазиахметов 1978: 84).

Заключение

Таким образом, если в начальный период войны жители Енисейской губернии выражали поддержку и лояльное отношение к мероприятиям

центральной и местных властей, то к началу 1917 г. устойчивой чертой общественных настроений стало недовольство. Главной причиной этого было ухудшение социально-экономических условий жизни, несмотря на то что последствия войны сибиряки начали ощущать гораздо позже, чем жители европейской части страны. Дефицит, инфляция и спекуляция в наибольшей степени отражались на положении беднейших социальных групп, особенно семей мобилизованных солдат, которые и демонстрировали наиболее высокий уровень возмущения. В регионе не было открытых массовых организованных протестных выступлений, но противоречие между правительственным курсом на ведение войны до победного конца и стремлением людей скорее положить конец трудностям военного времени обусловило высокую вероятность социальных конфликтов, которые выглядели слабо мотивированными лишь внешне.

Литература

- Борищукова Е.Д.* Особенности общественного сознания российских подданных в начальный период Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 55–59.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282. Обзоры о политическом положении в Енисейской губернии. 1915 г.
- ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283 а. Политические обзоры по Красноярскому и Канскому уездам. 1917 г.
- ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Донесения полицейских о происшествиях в Енисейской губернии. 1916 г.
- ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1869. Переписка с прокурором Красноярского окружного суда по обвинению лиц в нецензурных высказываниях против царя. 29 декабря 1914 г. – 31 декабря 1915 г.
- ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 97. Документы о расходовании средств на агентурную работу. Обзор о политической обстановке в Енисейской губернии. 1915–1916 гг.
- ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 125. Вырезки из газеты «Енисейский край» о деятельности ссудосберегательных товариществ и кооперативов в Енисейской губернии. Февраль 1917 г.
- ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 524. Документы по расследованию дела о нанесении ран начальнику Красноярского отделения ротмистру Игнатову и унтер-офицеру Сазонову во время беспорядков на Новобазарной площади г. Красноярска 7 мая 1916 г.
- Голубин Р.В.* Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2002. № 1. С. 92–96.
- Дворецкая А.П., Жулаева А.С., Луцаева Г.М.* Беженцы в тылу Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии) // Былые годы. 2016. № 42. С. 1360–1367.
- Деревня* приспосабливается // Сибирская деревня. 1915. № 21. 23 ноября. С. 18–19.
- Еремин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул: БГПУ, 2005.
- Забывтая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны.* Красноярск: Поликор, 2014.
- Иванов А.А., Новиков П.А.* «Дайте мне волю – я научу вас свободу любить»: политические ссыльные в Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 1 (10). С. 69–84.

- История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма.* Л.: Наука, 1968.
- Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Комарова Т.С.* Тем, кто в забвенье брошен был судьбой... Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007.
- Корреспонденция.* Канский уезд // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. 1915. № 3. С. 29.
- Кротт И.И.* Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 103–118.
- Минин А.А.* Война, хозяйство и кооперация. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1915.
- Мионов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М.: Весь Мир, 2012.
- Назаров А.Н.* Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада) // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. История. Филология. 2007. № 41. С. 15–16.
- Нефедов С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–136.
- Объяснительная записка Красноярского Купеческого Общества по поводу недостатка некоторых продуктов на местном рынке, вздорожания товаров и тех мер, которые желательны для их нормировки.* Красноярск: Типография Епархиального Братства, 1916.
- Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год.* Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915.
- Парамонов В.Н.* Качество жизни населения России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций, 2014. С. 100–120.
- Пахалюк К.А.* Делегитимизация царской власти: идеологическое измерение (1914–1917 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 30–39.
- Помогите солдаткам!* // Сибирская деревня. 1915. 28 февраля. № 4. С. 2.
- Поршинева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004.
- Поршинева О.С.* Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2014. С. 134–140.
- Продовольственные перспективы* // Вестник красноярского городского общественного управления. 1915. № 18–19. С. 12–18.
- Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах).* М.: Издание ЦСУ, 1925.
- Свободная Сибирь.* 1917. 14 июня. № 56. С. 4.
- Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара: Издательство СНЦ РАН, 2012.
- Сенявская Е.С.* Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). С. 1–14.
- Сухова О.А.* Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций, 2014. С. 121–140.

- Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны. Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 446–468.
- Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978.
- Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15.
- Что будем делать весной? // Сибирская деревня. 1915. № 21. 23 ноября. С. 2–6.
- Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015.
- Шишкина С.Ю. Патриотизм и толерантность: к вопросу об эволюции общественных настроений в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2006. № 7. С. 191–206.
- Энгл Б. Не хлебом единым: продовольственные беспорядки в России во время Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета. История. 2010. Т. 4, № 1. С. 148–178.
- Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic History. L.: Pearson-Longman, 2005.
- Lih L.T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press, 1990.
- Raleigh D.J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Статья поступила в редакцию 31 августа 2016 г.

Dolidovich Olesya M., Starovoytova Evgeniya N.

THE EVOLUTION OF PUBLIC SENTIMENT IN THE YENISEI PROVINCE (1914–1917)

Abstract. The article looks into the evolution of public sentiment in the Yenisei province during the First World War. The research undertaken helps understand why the population's discontent grew rapidly in rural provinces that were far away both from the frontline and from the country's political centers and were supposed to provide all possible resources for victory. The authors show that that was largely due to the deteriorating socio-economic and living conditions. Peasants believed that the mobilisation carried out by the state depriving their households of manpower was to be compensated for through loans, reduced taxes, and the allowed use of prisoners of war as working force. The non-introduction of these measures led to disappointment with political authorities and fuelled the sense of social injustice among the population. The lack of manufactured goods and the high cost of food in cities only added to the growing irritation and resentment. The influx of refugees and prisoners of war, in turn, exacerbated the local people's socio-economic problems. The decline in living standards affected, first and foremost, the poorest groups, including families of the mobilised. In the course of the war, the number of such people increased whereas public and charitable support was reduced. This resulted in unorganised and spontaneous acts of violence as a sign of protest on the part of soldiers' families.

Keywords: Yenisei province, public sentiment, World War I, food crisis, families of the mobilised, social discontent

References

- Borshchukova E.D. Osobennosti obshchestvennogo soznaniia rossiiskikh poddannyykh v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voyny [Public sentiment among Russian citizens in the initial period of the First World War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*. 2010, no. 4, pp. 55–59.
- GAKK (Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia) [State Archives of the Krasnoyarsk region]. F. 827, in. 1, c. 282.
- GAKK, F. 827, in. 1, c. 283 a.
- GAKK, F. 827, in. 1, c. 1478.
- GAKK, F. 827, in. 1, c. 1869.
- GAKK, F. 827, in. 2, c. 97.
- GAKK, F. 827, in. 3, c. 125.
- GAKK, F. 832, in. 1, c. 524.
- Golubin R.V. Transformatsiia obshchestvennykh nastroyenii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The transformation of public attitudes in Russia during the First World War], *Otechestvennaia istoriya*. 2002, no. 1, pp. 92–96.
- Dvoret'skaya A.P., Zhulaeva A.S., Lushchayeva G.M. Bezhyentsy v tylu Pervoi mirovoi voyny (na primere Eniseiskoi gubernii) [Refugees away from the World War I frontlines (the case of the Yenisei province)], *Bylye Gody*. 2016, no. 42, pp. 1360–1367.
- Derevnia prisposoblivaetsia [Rural areas adapt to a new life], *Sibirskaya derevnia*. 1915, no. 21, pp. 18–19.
- Eremin I.A. *Tomskaya guberniia kak tylovoi raion Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1918 gg.)* [The Tomsk province as one of Russia's supporting regions during the First World War (1914–1918)]. Barnaul: BGPU, 2005.
- Zabytaia doblest': Eniseiskaya guberniia v gody Pervoi mirovoi voyny* [Forgotten valour: the Yenisei province during the First World War]. Krasnoyarsk: OOO "Izdatel'stvo Polikor", 2014.
- Ivanov A.A., Novikov P.A. "Daite mne voliu – ia nauchu vas svobodu liubit": politicheskie ssyl'nye v Sibiri v 1914–1917 gg. ['Just let me do it and I will teach you to love freedom': political exiles in Siberia in 1914–1917] // *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2014, no. 1 (10), pp. 69–84.
- Istoriia Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei (v 5 tomakh). Tom 3. Sibir' v epokhu kapitalizma* [The history of Siberia from ancient times to the present day (in 5 volumes). Volume 3. Siberia in the era of capitalism]. Leningrad: Nauka. 1968.
- Kolonitskii B.I. «Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny ['Tragic erotica': the Imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Komarova T.S. *Tem, kto v zabven'e broshen byl sud'boi... Eniseiskaya guberniia v gody Pervoi mirovoi voyny* [For those who were destined to fade in oblivion... the Yenisei province during the First World War]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo "Sibirskii pechatnyi dvor", 2007.
- Korrespondentsiia. Kanskii uезд [Correspondence. The Kanskii area]. *Vestnik Prieniseiskogo kraia pomoshchi bol'nym i ranenym voynam, postradavshim ot voyny, bezhyentsam i vyselel'sam i promyshlennosti po snaryazheniiu armii*. 1915, no. 3, pp. 29.
- Krott I.I. Sel'skoe khoziaistvo Zapadnoi Sibiri. 1914–1917 gg. [Agriculture in the Western Siberia. 1914–1917], *Voprosy istorii*. 2011, no. 11, pp. 103–118.
- Minin A.A. Voina, khoziaistvo i kooperatsiia [War, economy, and cooperation]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1915.
- Mironov B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [The population's well-being and revolutions in Imperial Russia: from the XVIII to the early XX centuries]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2012.

- Nazarov A.N. Pervaia mirovaia voina v massovom soznanii rossiiskogo naseleniia (na materialakh Severo-Zapada) [The First World War in the mass consciousness of the Russian population (based on materials from the North-West region)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia. Filologiya*. 2007, no. 41, pp. 15–16.
- Nefedov S.A. Uroven' zhizni naseleniia v dorevoliutsionnoi Rossii [Standards of living in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*. 2011, no. 5, pp. 127–136.
- Ob'iasnitel'naia zapiska Krasnoiarskogo Kupecheskogo Obshchestva po povodu nedostatka nekotorykh produktov na mestnom rynke, vzdorozhaniia tovarov i tekhnicheskikh mer, kotorye zhe-latel'ny dlia ikh normirovki [The explanatory note from the Krasnoyarsk Merchant Society on the lack of some products in the local market, the increased cost of goods, and the regulatory measures needed]. Krasnoiarsk: Tipografiia Eparkhial'nogo Bratstva, 1916.
- Pamyatnaia knizhka Eniseiskoi gubernii na 1915 god [The reference book of the Yenisei province for the year 1915]. Krasnoiarsk. Eniseiskaia gubernskaia el.-tipografiya, 1915.
- Paramonov V.N. Kachestvo zhizni naseleniia Rossii v 1914–1917 gg. [The quality of life in Russia in 1914–1917]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya* [Russia and the First World War: economic issues, the public mood, and international relations]. Moscow: In-t rosl. istorii Ros. akad. nauk; Nauch. sovet Ros. akad. nauk po istorii sotsial'nykh reform, dvizhenii i revoliutsii, 2014, pp. 100–120.
- Pakhalyuk K.A. Delegitimizatsiya tsarskoi vlasti: ideologicheskoe izmerenie (1914–1917 gg.) [Delegitimation of the tsar's power: an ideological dimension (1914–1917)]. *Pervaia mirovaia voina, Versal'skaia sistema i sovremennost'* [The First World War, the Versailles system, and the present]. St. Petersburg: SPbGU. 2014, pp. 30–39.
- Pomogite soldatkam! [Help the soldiers!] *Sibirskaia derevnia*. 1915, no. 4, p. 2.
- Porshneva O.S. *Krest'iane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny* [Peasants, workers, and soldiers in Russia before and during the First World War]. Moscow: ROSSPEN, 2004.
- Porshneva O.S. Evoliutsiia obshchestvennykh nastroyenii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–nachalo 1917 gg.) [The evolution of public sentiment in Russia during the First World War (from 1914 to early 1917)]. *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.* [Russia in the First World War, 1914–1918]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. 2014, pp. 134–140.
- Prodovol'stvennye perspektivy [Food prospects]. *Vestnik krasnoiarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniia*. 1915, no. 8–19, pp. 12–18.
- Rossiya v mirovoi voine 1914–1918 goda: (v tsifrakh)* [Russia in World War I of 1914–1918: (in figures)]. Moscow: Izdanie TsSU. 1925.
- Svobodnaia Sibir'*. 1917, no. 56, p. 4.
- Semenova E.Yu. *Mirovozzrenie gorodskogo naseleniia Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–nachalo 1918 gg.): sotsial'nyi, ekonomicheskii, politicheskii aspekty* [The worldview of the urban population in the the Volga region during the First World War (from 1914 to early 1918.): Social, economic, and political aspects]. Samara: ANO «Izdatel'stvo SNTs RAN». 2012.
- Seniavskaya E.S. Voennaia antropologiya: opyt stanovleniia i razvitiia novoi nauchnoi otrasli [Military anthropology: the formation and development of new scientific sectors]. *Vestnik Minskogo universiteta*. 2016, no. 1–2 (14), pp. 1–14.
- Sukhova O.A. Pervaia mirovaia voina kak vyzov russkoi mental'nosti: massovyie nastroyeniia v provintsii v 1914–1917 gg. [The First World War as a challenge to Russian mentality: the moods of the masses in provinces in 1914–1917]. *Rossiya i Pervaia mirovaia voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniia, mezhdunarodnye otnosheniia* [Russia and the First World War: economic issues, the public mood, and international relations]. Moscow: In-t rosl. istorii Ros. akad. nauk; Nauch. sovet Ros. akad. nauk po istorii sotsial'nykh reform, dvizhenii i revoliutsii, 2014, pp. 121–140.

- Ul'yanova G.N. *Filantropicheskaiia aktivnost' obshchestva* [The society's philanthropic activity]. *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voiny. Ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia and the First World War. The economy, social processes, and political crisis]. Moscow: Izdatel'stvo «Politicheskaiia entsiklopediia». 2014, pp. 446–468.
- Khaziakhmetov E.Sh. *Sibirskaiia politicheskaiia ssylka 1905–1917 gg.* [The Siberian political exile of 1905–1917]. Tomsk: Izd-vo Toms. un-ta, 1978.
- Haimson L. Ob istokakh revoliutsii [On the origins of revolution]. *Otechestvennaia istoriia*. 1993, no. 6, pp. 3–15.
- Chto budem delat' vesnoi? [What will we be doing in spring?], *Sibirskaiia derevnia*. 1915, no. 21, pp. 2–6.
- Shilovskii M.V. *Pervaia mirovaia voina 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf, 2015.
- Shishkina S.Yu. Patriotizm i tolerantnost': k voprosu ob evoliutsii obshchestvennykh nastroyenii v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Zaural'ia) [Patriotism and tolerance: on the evolution of public sentiment during the First World War (based on materials from the Trans-Ural region)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia «Istoriia i filologiiia»*. 2006, no. 7, pp. 191–206.
- Engel B. Ne khlebom edinyim: prodovol'stvennye besporyadki v Rossii vo vremia Pervoi mirovoi voiny [Not by bread alone: food riots in Russia during World War I]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. 2010, no. 1, Vol. 4, pp. 148–178.
- Figes O. *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Gatrell P. *Russia's First World War: a Social and Economic History*. L.: Pearson-Longman. 2005.
- Lih L.T. *Bread and Authority in Russia, 1914–1921*. Los-Angeles. Oxford: University of California Press, 1990.
- Raleigh D.J. *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

МЕТАМОРФОЗЫ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ: ОТ СИГИТОВЫХ К ЭЛЬСТОН-БИРОНАМ*

Наталья Борисовна Граматчикова
Инна Олеговна Эльстон-Бирон

Аннотация. Статья посвящена изучению семейной истории, способов ее межпоколенческой трансмиссии и трансформации. Особое внимание уделяется функциональности автобиографических нарративов в отношении формирования и закрепления желаемой идентичности. Исследование строится на материале глубоких интервью с представителями двух поколений семьи потомственных семиреченских казаков (1930, 1955, 1963 г.р.), автобиографий, воспоминаний, фотодокументов и артефактов. Рассматриваются способы говорения о семейной истории старшего и среднего поколений; фиксируется трансформирование механизмов межпоколенческой трансляции семейного знания и традиций. На материале интервью и анализа изготавливаемых главой семейства «фамильных» артефактов показано, как во время кризиса государственной идеологии для среднего поколения семьи история рода оказывается стержневым средством обретения новой идентичности. Культивирование личной ответственности выражается через построение своеобразной «авторской генеалогии», укореняющей род Сигитовых в событиях XVIII–XIX вв., а также через солидаризацию с репрессированными членами семьи. Если события далекого прошлого выполнены по лекалам апокрифических семейных преданий аристократических родов, то в XX в. жертвам репрессий приписывается статус активного сопротивления системе, что возвращает им желанный статус актора / субъекта исторического процесса. Образ семейной истории, сложившийся у главы семьи, поддерживается семейным окружением и транслируется, прежде всего, через игровые практики, находит выражение в изготовлении артефактов и институализируется через смену фамилий сыновей (Эльстон-Бироны).

Ключевые слова: семейная история, память, (пост)советский дискурс, генеалогия, фотоархив, конструирование истории, повествовательные стратегии, life-story, артефакты

Краткая биографическая справка информантов

Сигитова (Глотова) Мария Антоновна (далее – М.А.), родилась в 1930 г. в с. Сазановка Киргизской ССР (с 1942 г. с. Ананьево) в многодетной семье. Дед и отец были раскулачены и сосланы (в 1936 и 1940 гг.), однако смогли вернуться. В 1941 г. М.А. переехала жить к

* Статья подготовлена в рамках работ по гранту РГНФ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

деду в с. Кутургу, где закончила 8 классов. Обучение продолжила в Пржевальском педучилище (1947–1950 гг.). Летом 1952 г. вышла замуж за односельчанина – Николая Степановича Сигитова (1929 г.р.), с ним побывала в Румынии и в г. Львове, где в 1955 г. родился сын Владимир. В том же году муж ушел со службы и семья вернулась на Иссык-Куль. В 1970 г. родился второй сын Николай (ныне проживает с семьей в Киргизии). Всю жизнь, до 1986 г., М.А. работала учителем младших классов в разных населенных пунктах вокруг Иссык-Куля, а также в г. Небит-Даг Туркменской ССР. После смерти мужа переехала в Россию (2010 г.), где проживает с семьей старшего сына Владимира.

Сигитов Владимир Николаевич (далее – В.Н.), 1955 г.р. После школы год учился в сельскохозяйственном институте в Бишкеке. Затем, не поступив в пограничное училище в Алма-Ате, пошел в армию (1973–1975 гг.). После армии поступил в Ташкентский геолого-разведочный техникум, который закончил с красным дипломом (1975–1978 гг.). После распределения работал в Тюмени. В 1978 г. поступил в лесотехнический институт г. Свердловска (заочное отделение лесоинженерного факультета). Первый брак длился два года (1978–1980), второй – четыре (1980–1984), из которых три В.Н. провел в тюрьме (по обвинению в спекуляции). В 1985 г. В.Н. работал в поселке геологов, где встретил нынешнюю жену. В этом браке родились сыновья Александр (1986 г.р.) и Лев (1993 г.р.), взявшие в 2010 и 2011 гг. фамилию Эльстон-Бирон.

Сигитова Татьяна Геннадьевна (1963 г.р.), жена В.Н. (далее – Т.Г.). Закончила Миасский геолого-разведочный техникум (1982 г.) и по распределению приехала в г. Учкудук Узбекской ССР.

Семейная история представляет собой сложноорганизованное, способное к изменениям знание о прошлом семьи, состоящее из разнообразных, часто лишь опосредованно связанных между собой сфер, образуемых разными носителями этого знания, к каковым относятся семейные предания, личные воспоминания, фотографии, фамильные вещи, географические объекты и др. Комплексный характер этой истории очевиден: изучение генеалогий, начатое историками, первоначально было сфокусировано на аристократических родах и к середине XX в. обогатилось сотрудничеством социологов, философов, филологов, антропологов, психологов и других, изучающих культурную и автобиографическую память, устную историю и т.д. (Ткач 2007). Возделываемое междисциплинарное поле источников (авто)биографического происхождения порождает ряд проблем, в числе которых терминологическая многозначность. О невозможности (и нежелании) редуцировать разговор о смыслах автобиографического повествования до терминологических рамок одной науки писал В. Голофаст: «Здесь возникает зыбкий, может быть, нежиз-

данный или даже пугающий смысл таких слов, как жизнь, судьба, счастье, жизненный путь, событие, случай...» (Голофаст 1995).

Для подготовки материалов данной статьи основными методами были интервьюирование и текстовый анализ, дополненные работой с документами из разных источников. Поскольку главным «нервом» исследования был интерес к тому, как люди представляют себе свою семейную историю, как они ее структурируют и репрезентируют, то при анализе доступных нам текстов (устных и письменных свидетельств), мы почти неизбежно следовали тем метафорам и смыслам, которые предлагал материал, но которые требовали особой осторожности при попытках перенесения выводов на другие случаи. Тем более что входя в зону соприкосновения с семейными историями, каждый встречается и с собственным прошлым (либо с его утратой и болящей немотой памяти). Это нужно учитывать при интерпретации, но вряд ли стоит избегать (констатацией этого момента открываются многие книги известных исследователей автобиографических текстов (Козлова, Сандомирская 1996; Козлова 2000; Савкина 2001: 8; Христофорова 2010: 25), однако они не останавливаются на том влиянии, которое их собственная история оказывает на интерпретацию исследуемого). В предлагаемом нами случае персональная включенность одного из исследователей в контекст семейной истории стала своеобразным «пропуском» к различным практикам работы с семейным наследием одной семьи.

Материалом для статьи послужили несколько глубоких интервью двух старших поколений семьи Сигитовых-Эльстон-Биронов, личный опыт общения одного из авторов со всеми тремя поколениями, несколько текстов автобиографического характера, принадлежащих бабушке из первого поколения семьи, а также разнообразные артефакты семейного наследия (все материалы и фотографии публикуются с разрешения информантов и находятся в личном архиве авторов статьи). В фокусе исследования находились две взаимосвязанные проблемы:

1) как данная семья адаптировалась к многочисленным изменениям своего состава и места жительства (на счету старшего поколения – не менее 13 переездов, из них 3 союзные республики и страна соцлагеря; второе поколение пережило 19 переездов, включая вынужденное возвращение в РФ);

2) какую роль в этих адаптационных процессах играет семейная история, представляет ли она востребованный ресурс или, напротив, приравнивается к ненужному (опасному?) грузу, от которого следует избавиться для успешной адаптации на новом месте и в новом времени.

1. Бабушка из Кутурги.

Мария Антоновна Сигитова (1930 г.р.)

Пишущий автобиографию вынужденно структурирует жизнь, чаще всего опираясь при этом на выработанные эпохой клише. В тексте и в

интервью М.А. эта фокусирующая тенденция усилена и преклонным возрастом, и ситуацией вынужденного переезда, сравнимого с бегством с любимой родины после смерти мужа. Настоящее отступает перед прошлым, оставаясь в затемненной, блеклой зоне. Свои записи М.А. предваряет словами: *«Я часто ошибаюсь. Но думаю поймешь. Где не поймешь. Догадаешься. Здесь же все время темно. Солнышка нет»* (СМА_2016_т01, ч. 1 (здесь и далее орфография и пунктуация подлинника сохранена – Н.Г., И.Э.-Б.)).

Рассказ о детстве и юности в русском поселении Ананьево на берегу Иссык-Куля – центральный фрагмент и в воспоминаниях, и в интервью. М.А. оказывается свидетельницей многих исторических событий, но редко дает им собственную оценку, хотя «большая история» регулярно и властно вторгается в жизнь ее семьи: в 1940 г. забирают отца, кормильца многодетной семьи: *«Он не смог уплатить налог. Тогда страшные налоги были, и он не смог вовремя уплатить налог»* (СМА_2016_и01). За четыре года до этого в ссылку отправился дед, лишившись имущества, похоронив умершего голодной смертью сына. К счастью, тому и другому удалось вернуться домой. Подростающих старших сестер М.А. страна забирала для своих неотложных нужд: двое отправились на строительство железной дороги; одна – на фабрику по изготовлению веревок, откуда она пыталась бежать, не выдержав тяжести труда, но была поймана и отправлена в тюрьму. В постоянном насилии со стороны государства по отношению к своей семье М.А. не видит ничего странного – такова была жизнь в стране, им выпала не худшая доля: близкие хотя и пострадали, но в большинстве своем остались живы.

«Господи, хоть бы сейчас вернулось это детство с неводом!»

Жизнь на Иссык-Куле видится М.А. утраченным раем: прекрасный климат, богатая природа, земля *«как пух, до того хорошая»*, в горном ущелье, чудная вода (*«Водичка там, ой-ей, Ина! какая там вода! Не напьешься!...»*), необыкновенно вкусные фрукты (*«Ой, какие у нас груши! Губы слипаются! Сладкие-сладкие!»*), любимые занятия (*«И я так любила эту рыбалку, что вот до сих пор думаю: Господи, хоть бы сейчас вернулось это детство (смеется) с неводом!»* (СМА_2016_и01)) – все это создает эстетически яркий образ утраченной малой родины.

Подобное, типичное для пожилого возраста, отношение ко времени собственной молодости, интенсифицируется у М.А. тем, что распад СССР и смерть мужа (*«Так что страсть была эта перестройка. Всё перевернуло. А так бы мы так и жили там. Мы б сюда не поехали»; «Как умер мой Степаныч, всё пошло прахом»* (СМА_2016_и01)) стали реальными рубежами, отделившими ее прежнюю жизнь от нынешней,

яркое прошлое – от бесцветного настоящего. Фактически взгляд М.А. на собственную жизнь – это взгляд уже из «киного мира», не случайно актуальным персонажем ее домашних бесед становится Ангел (*«И он ко мне приходит, Ангел. И всё мне всегда во сне подсказывает, что будет, как будет. Вот это я верю. Да»* (СМА_2016_и01). Учитывая настоятельную потребность М.А. в установлении близкородственных отношений, можно представить, насколько велика замкнутость ее нынешнего мира, хотя в нем присутствуют семьи сына и обоих внуков.

Семья Глотовых, с. Сазановка, довоенное фото

Рассказ М.А. наполнен описанием крестьянского быта тех лет; из двух стратегий, выделяемых исследователями мемуарных текстов, (нарративной и дескриптивной (Чвырь 2015: 48)), ей, безусловно, ближе вторая. Все ее воспоминания отличаются достоверной глубиной: она с легкостью уточняет и дополняет их, подробно описывая изготовление пряжи из конопли, способы приготовления любимых в семье

блюд (кулага, вареники с клубникой, квас), сельские гуляния на Троицу. Однако для следующих поколений субъективно-правдивый ее рассказ периодически оказывается в ином интерпретационном контексте. Так, например, М.А. характеризует своего отца как мастера на все руки, что было жизненно важно для выживания семьи: *«Жили мы, конечно, бедно очень, трудно. Семья большая. Но у нас отец был на все руки мастер... Нас одевал, обувал, как мог; Валенки всем катал сам из шерсти... [из свиной кожи] шил он нам сандали, ну от, обувь такая, как вроде, не назовешь их туфлями, сандали какие-то, ну, мы называли сандалями. Всем шил сам. А маме даже шил ботинки. Себе сапоги шил, всё шил, сам кожи выделывал»* (СМА_2016_и01). Возникающий при этом у следующих поколений образ материального достатка корректируется только довоенной фотографией многочисленного семейства, на которой запечатлены бедно одетые люди, все дети босы.

Здесь для М.А. нет противоречия, она поясняет сыну: *«Дак мы только родились, и мы ходили босиком. Летом. Зимой по хате тоже босиком»* (СМА_2016_и01). Таким образом, семейный фотоархив не столько иллюстрирует, сколько позволяет оценить относительность представлений о достатке 1930–1940-х гг. Так, вербальные и визуальные носители и трансляторы семейной памяти формируют различные, конфликтующие либо уточняющие друг друга образы.

«Преображение прошлого», происходящее в рассказах М.А., не отменяет его тяжелых сторон («ужасов»). Возникающие по ходу повествования противоречия она не замечает: какие-то события из жизни семьи она давно объяснила себе и предлагает эти объяснения слушателю. Вообще действия власти часто требуют активности от населения по «разгадыванию» своих ходов. Например, почему перед войной разрешили вернуться из ссылки деду-«кулаку», тогда как отец из ссылки был отправлен в трудовую армию: *«А отпустили, вот мы уже потом домыслили сами: чувствовалось нагнетение войны, вот, ну, с Германией, и поэтому ссыльных всех отправили по домам. Боялись, что они перейдут на сторону немцев, ссыльные»* (СМА 2016 и01). Мотив «перехода на сторону немцев» здесь не развит, но он еще возникнет в нашем повествовании.

Хромовые сапоги

Вероятно, некоторые травмирующие события не имели для М.А. развернутого нарратива. Однако есть один эпизод, вербализующий важные грани ее восприятия происходившего тогда в стране: *«И вот запомнилось мне что: когда пришли, его уже посадили, когда пришли все, милиция, начали описывать у нас всё. Скот весь описали, потом, это, и в углу стояли его сапоги хромовые. <...> Один подошел, а я как*

раз сидела, ну, мы ж все собрались, сидим вот так, прижухли, они дядьки такие здоровые, в кожанках. <...>И он эти сапоги, сволочь такая, я сидела, и меня вот так вот слезы текли, как щас вот помню, он свои старые снял, поставил, а отцовы сапоги одел и ушел» (СМА_2016_и01). Взятые сверх описи праздничные сапоги отца оказываются той значимой деталью, которая раскрывает для М.А. корыстный интерес власти в каждом конкретном случае. «Большая история» надевает разные одежды, однако свою заинтересованность в чужом добре она скрыть не в силах: это не отрефлексировано М.А., но подтверждено всем ее жизненным опытом. Она не задается вопросом, почему раскулачивали, а лишь рассказывает, кого это коснулось: «А раскулачивали кого? <...> И богатых кулачили, и таких вот, как наши были, середнячки. Вот за что дедушку раскулачили? Ну, за то, что он, у него дом хороший был, по тем временам, конечно, скота много было, детей же много, кормить надо чем-то ж» (СМА_2016_и01).

«Большая история» существует на периферии жизнеописания М.А.: лишь вторая, дополнительная, часть ее записей озаглавлена «Из военных лет пропустила» и включает «хрестоматийные» части: «Как мы слушали Ливитана», «Смерть Иосифа Виссарионовича Сталина» (СМА 2016 т01 ч. II л. 1), связывающие ее частную жизнь с жизнью страны. Не входит для нее в семейный исторический контекст и переименование родной Сазановки, одного из первых поселений на северном побережье Иссык-Куля (основано во второй половине XIX в.), в село Ананьево в 1942 г. в честь его уроженца Николая Яковлевича Ананьева (1912 г.р.), одного из 28 панфиловцев; а ведь такими переименованиями власть конструировала и закрепляла важнейшие для себя идеологемы.

Актуальной задачей человека при соприкосновении с «большой историей», как это видится по воспоминаниям М.А., оказывается способность предчувствовать, откуда придет опасность. Так, например, в день смерти Сталина М.А. (в то время – пионервожатая в школе), воспользовавшись плановым выходным, устраивает стирку и узнает о случившемся только от прибежавших к ней школьников. В результате стирка едва не обернулась увольнением с работы: «Ругали, стыдили, что в такой день, я была дома. Угрожали выгнать с работы. Заступился мой старый учитель Петр Антонович. Он сказал. Откуда ей было знать, что умер И.В. Сталин. У нее же нет радио. Мне влили строгий выговор. А потом только поняли, как тяжело нам жилось при Сталине» (СМА_2016_т01_ч. II_л. 2). Последняя фраза обнаруживает недостаточность персонального и семейного опыта в осмыслении происходящего: здесь М.А. находилась в русле общих социальных процессов, нуждаясь, в том числе, и в официальных оценках происходившего.

Ссылка деда и арест отца, фронтовые будни отца и всех его братьев, смерть крестного от голода, трудовая мобилизация старших сестер, репрессии в отношении односельчан Сигитовых (расстрел деда ее будущего мужа) входят в историю М.А. органической частью, становясь неприятными спутниками взросления, знаками счастливо избегнутых опасностей, «забывчивостью» выживших, но менее всего – характеристикой советского строя как такового. Детство и юность на Иссык-Куле ностальгически идеализируются тем сильнее, что вынужденный переезд на Урал кардинальным образом изменил все: *«Я потеряла дорогого, любимого мужа, спутника. <...> Я осеротела и не знала, что мне делать. И нечаянно попала на Урал. Хорошо, что у меня здесь замечательная невестка и хорошие внуки и внучки. <...> Жизнь на Урале меня быстро состарила. Я стала болеть. В Кутурге вместо 80 мне давали 70 лет. Здесь я выгляжу на все 100. Борюсь с болезнями. Стараюсь не сдаваться. Но уже плохо получается»* (СМА_2016_t02_ч. 1 л. X об.). Именно утрата малой родины и мужа видится М.А. не только событием личной судьбы, но и формой причастности к общему катастрофическому постперестроечному перелому: ее вдохновенный гимн утраченному Иссык-Кулю, *«Господом созданному раю на земле»*, венчает постепенное улучшение жизни начиная с послевоенных лет и обрывается перестройкой, принесшей «великое переселение людей» и совпавшей в ее восприятии со смертью любимого мужа в 2010 г. и бегством из Киргизии в Россию.

«Наши, кутургинские» vs переезды и болезни

Наибольшая ценность в мире М.А. – близкие родственные, человеческие связи; именно они наполняют жизнь теплом, они спасают жизнь в буквальном смысле. Выжили оставленные дедом в семьях старших сыновей его младшие дети; получила приют у двоюродной тетки бездомная после раскулачивания родительская семья М.А.; вернувшийся из ссылки и сумевший поправить хозяйство дед оказывается спасителем М.А., когда истощенный организм девочки-подростка перестал справляться с чередой пневмоний. Дядя Леня помогает освоить школьную программу, подруги оставляют заболевшую брюшным тифом М.А. в доме ее тетки, одноклассник-фронтовик отоваривает продовольственные карточки, старый учитель спасает от увольнения (тогда как «некутургинский, присланный» директор школы, напротив, едва не ломает судьбу будущего мужа М.А., дав ход доносу на организованное последним «Тайное Общество Молодежи» (СМА_2017_t01_ч. 2_с. XII)). Та же тенденция сохраняется и во взрослой жизни: сложные роды М.А. принимает ее ученик, ставший врачом, а муж, Николай Степанович, помогает страдающему гипертонией бывшему ученику М.А. Нурдину, который затем придет на помощь овдовевшей М.А.

«Кутургинские» держатся дружно и находят своих повсюду, даже в далекой Москве: *«Остановиться решили не в гостинице, чтоб деньги поэкономить, а у знакомых. А знакомые наши – кутургинские наши соседи»*. Этот «одношаговый» механизм, ориентированный на поиск «своих», сохранение и поддержание связей с ними, целиком находится в сфере традиционной культуры и подтверждает свою высокую эффективность и сохранность и в советское время. Противостоят этой общности переезды и болезни близких, оставившие в памяти М.А. яркие следы. Стрессовая ситуация активизирует память, ее нарративы о путешествиях и болезнях ярки и детализированны. Так, отдельным рассказом на две страницы становится путь в 50 км восьми студентов из общежития в Пржевальске домой, в Кутургу на перекладных. Поездки в молодости переживаются ею живо: *«Ехали 5 суток до Москвы. Мне было все интересно. Так как я нигде не была»* (СМА_2017_т01_с. IX). В эти моменты особенно помнятся одежда и вещи: оторванный во время первой поездки в метро каблук, привезенные женихом «румынки» (*«Синие такие. На каблучках, такие красивые ботиночки, опушка такая!»*) (СМА_2016_и01)) и пальто.

Главным способом адаптации М.А. на новом месте является установление отношений соседства и родства. Так происходит везде: в школе, в педучилище, на работе, за границей, где помогают даже погода (идет непривычный румынам снег) и католический священник (*«И этот Франциск по-русски песни с ними пел (смеется). Вот. Свою мантию снял, в костюме пришел. Праздновали. И так мы жили вот там дружно, очень дружно жили»*) (СМА_2016_и01)).

«Я напролом шла в жизни»: семья и дети

Позиционирование М.А. самой себя в детстве, в юности и в семейной жизни содержит ряд противоречивых моментов, вряд ли замечаемых ею самой. Утверждая собственную активность в детстве (*«Непоседа, вот везде я лезу, везде мне надо всё»*) (СМА_2016_и01)), она и сейчас считает себя волевым человеком: *«Ну, у меня тоже сильная воля была, я вот в жизни никогда, вот чтоб я раскисла... Я напролом шла в жизни»* (СМА_2016_и01). Однако эта активность слабо проявляется в ее рассказе о собственной семье, который, скорее, укладывается в рамки традиционного патриархального взгляда. Того, который сквозит в ее воспоминаниях о семье дедушки с показательной оговоркой: *«Вот они вернулись, значит, это, втроем: дедушка, Леня»* (бабушку, «третью», М.А. просто забывает назвать, присоединяя ее к мужской части семьи).

В рассказе о жизни М.А. доминируют неопределенно-личные конструкции: она часто принимала то, что предлагала жизнь / начальство / муж. *«Правда, в Кутурге я немного вела историю, учительница то ли в*

декрете была, то ли не знаю, где она была. Вот меня **заставили**, я **вела**»; «**Дали** нам там большущий дом: три спальни, зал, кухня, ванна, вода...»; «**Навязали** математику, я ж еще математику преподавала (смеется). Смех и грех!» (СМА_2016_и01). «Риторика скромности» распространяется и на семейную сферу: например, решение крестить старшего сына приписано воле знакомого из Фрунзе («Он его [сына Владимира] даже заставил нас покрестить там во Фрунзе» (СМА_2016_и01)). На фоне смены работы и места жительства, где, кажется, невозможно проявление личных желаний и воли, заявленных в детстве в качестве ведущих сторон натуры, неожиданно субъектно звучит ее желание родить второго ребенка: «И вот я там его решила... Уже мы обжились хорошо, Вовка уже взрослый был. Вот. И как-то мы уже, и я думала-думала: че один дите? И надумала еще вот (смеется) Колю родить» (СМА_2016_и01). Таким образом, «патриархатность» сознания М.А. на поверку оказывается устроенной сложно, где семейное, профессиональное и индивидуальное оказываются разведенными функционально.

Воспитание собственных детей М.А. формирует у нее нарратив наблюдения и любования, доминирующий над фиксацией педагогических усилий и оценки их результативности. «Свободное» детство сыновей М.А. – повторение ее собственного, освобожденного от непрестанных родительских усилий по обеспечению физического выживания семьи.

Коллаж: Семья Сигитовых (1962 г.) и Сигитова А.К. с сестрой в Кутурге

Итак, старшее поколение семьи (М.А.), пережившее репрессии и войну, было, тем не менее, в силу возраста, от многого защищено старшими родственниками, если те смогли избежать физического уничтожения. Это поколение хранит память о родных, хотя значительная часть нарративов, ставших легитимными лишь в последние десятилетия, сохраняет травмирующие моменты и все еще отмечена внутренней цензурой. Важную роль в их осознании происходящего играл официальный дискурс, параллельно которому существовали «бытовые» версии репрессий и гонений, подтвержденные опытом.

«Слои» совмещения традиционного, советского, патриархатного и других типов сознания обнаруживают себя в разных ситуациях, исследование которых выходит за рамки данной статьи. Отметим только, что, несмотря на теплые отношения с мужем, М.А. решительно разделяет свою и его родню, отстраняясь от глубокого погружения в прошлое мужниного рода. Было ли это вызвано «опасным грузом» – расстрелянными родственниками Сигитовых – мы утверждать не можем, равно как и судить об отношении мужа к сложной судьбе своих родных можем лишь по косвенным признакам. В рассказах М.А. не отделяет себя от «людей», видя свою судьбу не «особенной», а разделившей «ужасы» страны и попавшей под «великое переселение народов» на старости лет.

2. Поколение второе: вперед, в XVIII век

Подлинное своеобразие семейной истории придает ее трактовка нынешним главой семьи, старшим сыном М.А. – Владимиром Николаевичем Сигитовым (далее – В.Н.). Любимый родителями, до 15 лет единственный, сын прошел не очень гладкий, но вполне укладывающийся в рамки советской нормы путь взросления, включающий попытки поступить в институт, окончание техникума, службу в армии, официальный и неофициальный браки до длительного союза с нынешней женой – Татьяной Геннадьевной (далее – Т.Г.). Харизматичный, склонный к риску и лидерству, любящий жизнь во всех ее проявлениях, В.Н. не всегда «помещался» в рамки системы, что привело его в начале 1980-х гг. к тюремному сроку за спекуляцию. Выйдя из тюрьмы и потеряв работу и семью, В.Н. подошел к своему 30-летнему рубежу, приобретя богатый опыт общения с людьми, противостоящими системе, как, например, его друг – баптистский пастор Густав, тоже отбывавший срок. *«И мне там [в тюрьме] просветили: кто такой царь, и что такое Россия... И вот тут до меня дошло, что я тоже должен что-то сделать»* (СВН_2016_и01). Тюрьма стала для В.Н. «переломным событием» (Нуркова), однако «точка разрыва» для него находится как бы вне его личной биографии, а еще до его рождения. Осознав свою миссию как посильное участие в восстановлении распавшейся «связи времен», В.Н.

сосредоточил усилия на реконструкции семейной истории, которая по обеим линиям была связана с семиреченским казачеством.

На фоне «простого» повествования М.А. интервью В.Н. – своего рода естественное проявление его деятельной, склонной к театральным жестам натуры; это продуманное, хотя и не формализованное, репрезентирование себя и своего взгляда на историю рода (О. Бредникова в подобных случаях предлагает говорить о «публичной инсценировке», требующей «драматургического анализа» контекста (Бредникова 1997: 73)). Стилистическая палитра В.Н. очень разнообразна: разговорное просторечие перемежается с фрагментами литературно-обработанной речи, соседствующими с тюремным жаргоном, драматизированными вставками-диалогами из прошлого и узнаваемой краткостью семейных преданий.

Начало интервью содержит маркеры сознательного конструирования нарратива: В.Н. задает ряд дисциплинирующих его самого вопросов, напоминая нам, что дискурс конструируется и одновременно потребляется, укладываясь в ожидаемый формат: *«Лишнего не надо говорить, да?»*; *«Материться нельзя?»*; *«Вам с чего начать-то? С двадцатого колена, как исландцы?»* (СВН_2016_и01). Так, В.Н. одновременно задает эпический тон дальнейшему повествованию и втягивает слушателя в свою игру. Прагматическая цель В.Н. – очаровать и заинтриговать собеседника. Линейно-биографическая хронология не столь важна, В.Н. склонен выстраивать художественно обусловленную картину прошлого.

Начало по-литературному красочно: *«После польского восстания 1863-го года мой предок, Павел Михайлович Сигитов-Эльстон граф Бирон де Гонто фон Вартенберг, сменил гвардейскую форму Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка на казачью форму и прибыл для продолжения службы в город Верный, в крепость Верный тогда, или форт»* (СВН_2016_и01). Эффектное имя, названия полков и крепостей призваны убедить слушателя в исторической (ее синоним у В.Н. – нарративной) достоверности. В этом «вступлении к биографии рода» перемешаны реальные фамилии (Бироны, Гонто, Вартенберги) и события со слишком вольными и просто ошибочными интерпретациями¹. Характерно, что мотив самозванства возникает уже на этом этапе: известно, что Эрнст Иоганн Бирон, происходивший из мелкопоместных остзейских дворян, поменял свою фамилию **Бирен** или **Бюрен** на офранцузенную **Бирон** именно по созвучию с известной в Европе фамилией французских герцогов. В то же время названный предок, Павел Михайлович Сигитов-Эльстон, помещен В.Н. в обстоятельства реального польского восстания 1863 г., в подавлении которого действительно принимал участие Гродненский Лейб-гвардии гусарский полк, сформированный в г. Седлеце (Польша)².

Гусар Гродненского Лейб-гвардии гусарского полка (иллюстрация из книги Ю. Елец)

Второй раз к «основателям рода» В.Н. обращается, поясняя, «кто впервые назвался просто Сигитовым»: *«Просто Сигитовым... назвался в 1777 году, родился Михаил от брака Петра Бирона и княгини Юсуповой, которые еще были в браке. А он родился после развода. И ему Ни-*

колай Борисович Юсупов, отец, дал эту фамилию – Сигитов. Потому что был такой древний род татарский – Сигитов» (СВН 2016 и01). Несмотря на явную путаницу, здесь важна интенция на дальнейшее «удревление» рода: через XVIII в. к «древним татарам» Сигитовым. Погружение в историю рода Юсуповых позволяет реконструировать мотивы «отбора предков» и приоритеты В.Н.

Обаяние апокрифов

То, что звучит в интервью В.Н. как начало приключенческого исторического романа, скорее всего, было выполнено по тому же литературному лекалу. Узнаваем как минимум один из популярных авторов того времени – В. Пикуль, в романах которого история раскрывается как пространство, отзывчивое личному выбору и формируемое им же. Вероятнее всего, одним из «источников» послужил роман В. Пикуля «Слово и дело» (опубликован в 1974–1975 гг.), где упоминается происхождение и Э.И. Бирона, и Силезия, и Вартенберга, и Юсуповых (однако основной тон романа значительно отличается от романтической приподнятости повествования В.Н.). Формирование списка включенных в семейную генеалогию персонажей происходило, вероятно, подчиняясь субъективно-эстетическим критериям, оформляя желаемое в художественное целое. Однако даже поверхностные расследования озвученных В.Н. сюжетов свидетельствуют о значительной роли, которую играют мотивы самозванства и конспирации в появлении в российской истории таких фамилий, как Бирон и Эльстон. Предполагаем, что на материале «большой истории» В.Н. был очарован близким ему человеческим типажом, обнаружившимся в историческом прошлом. В таком случае, думается, речь идет, в числе прочего, о *своеобразном заявлении жизненной позиции, поданной=транслируемой через псевдо-исторический нарратив*.

Возможно, есть и дополнительные факторы, повлиявшие на выбор «родоначальников»: так, например, одно из значительных событий в жизни В.Н. – его непосредственное участие в открытии нефтяного месторождения – происходило недалеко от мест ссылки Эрнста Иоганна Бирона. Для нас важно учесть, что в качестве ядерного события семейной истории В.Н. обратился не к собственным достижениям (или даже их имитации), но предпочел позицию прямого наследника ведущих акторов разных эпох, что соответствует его артистической натуре и контрастирует с заключением автобиографии М.А.: *«В моей жизни ничего особенного не было. Жила я как и все тогда жили. Бедно, трудно»* (СМА_2016_T02_ч. 2_с. XIII).

Эта завороченность апокрифическим прошлым великих людей есть следствие / симптом обратного движения «маятника» в отношении ре-

презентации семейной истории. Десятилетиями граждане СССР были вынуждены скрывать свое «социально неблагонадежное» происхождение, вплоть до смены фамилий (особенно в период между 1917 и началом 1930-х гг.). Так, в семьях южноуральских казаков происходила смена фамилий: «...с одной стороны Галицыны, с другой стороны – Власовы. Чтобы скрыть фамилию Галицыных, в 20-е годы, когда выдали ее замуж за деда, то у деда поменяли фамилию на фамилию его матери, с Герасимова на Казачкова. <...> Когда приходили красные, то вперед выдвигали деда, так как он был бедняк из бедняков и за его спиной вроде как вот с его историей скрывались. Когда приходили белые, то вперед выдвигали бабушку и говорили, что вот они ее, значит, скрывают» (Казачество... 2010: 13).

Устная семейная история сохраняет предания о «непростом» происхождении семьи³; откуда они попадают в эго-документы, маркируясь разным уровнем достоверности. Например, Ю. Наварский, поведав о происхождении своего отца от связи бедной литовской девушки и богатого хозяина-литовца, заканчивает свою автобиографию пересказом семейной легенды: *«В далекие времена во Франции происходила борьба католиков с гугенотами (протестантами), которых возглавлял король Генрих IV Наваррский. После поражения гугенотов часть из них выслали в изгнание, подальше, в ссылку, в Литву. И будто бы до сих пор в Литве остались их потомки, носящие фамилию своего вождя. А может мы, Наварские, потомки короля Генриха IV?»* (Наварская 154).

«Характером я похож на деда Степку»

Рассказ В.Н. многослоен: эффектные фрагменты соседствуют с умолчаниями, откровения из прошлого – с выдумками, созданными под влиянием момента. Помимо романтизированного псевдоисторического нарратива о предках из Польши, в семейной истории Сигитовых есть реально сложные ситуации, о которых его мать (М.А.) лишь кратко упоминает либо умалчивает. Так, повествуя о репрессированных членах своей семьи, она упоминает и о расстреле деда своего мужа – Григория Федоровича Сигитова – в ущелье у г. Рыбачье, без уточнения времени. В.Н. о том же говорит так: *«Потом, в основном, наша родня разделилась на белых, красных, как это обычно бывает. <...> Красный, значит, у нас был Антон. У него в сельсовете висел портрет. <...> А другие предки. Гришка мой... родной прадед – Гришка. А Гришка, он дослужился до... У Врангеля в армии был, штаб-ротмистром. Потом вернулся. Он пошел не во Францию, пошел к себе домой, после революции. Вот. Но в 30-м году он был расстрелян в ущелье»* (СВН_2016_и01). У «прадеда Гришки»⁴ был сын Степан, дед В.Н., в котором он чувствует родственную душу:

«– Характером я похож на деда Степку.

– Он тоже такой был авантюрист?

– Да» (СВН_2016_и01).

В подтверждение В.Н. приводит два случая из жизни Степана Григорьевича: «Что он такого славного сделал в молодости? А! Что он заехал в клуб и разогнал баб на 8-е марта, на белом коне», и второй: «Когда он уходил на войну, он выпил всё шампанское в колхозе, которое продавалось в магазине. Говорит: я – всё, я уйду на войну. Пейте! Вот. Когда было выпито всё шампанское, так, потом он попал на войну» (СВН_2016_и01). Первое – безусловное семейное предание, в реальности романтизированного второго можно усомниться. К слову, М.А. о «трудном детстве» мужа сообщает: «Отец [Степан Григорьевич] пил. Мать Анастасия Карповна увидев его пьяным, идущим по дороге, брала детей Колю и Володю и огородами убежала к свекровке. Свекровь жила через 7 дворов. Протрезвев он приходил за ними. Пил он по праздникам. В рабочие дни работал. Был он кузнецом»; потом «...отец ушел на фронт. С фронта не вернулся. Голод, холод. Помогала свекровь» (СМА_2016_ч. 1_с. XI). Таким образом, первое и второе поколение весьма по-разному видят и оценивают личность свекра / деда Степана.

Для В.Н. истории двух репрессированных поколений по отцовской линии (родственники матери, как мы помним, выжили, попав под раскулачивание) – это тот самый «свой материал», где он полностью вступает в свои права наследника «большой истории». В его рассказах дед Степан Григорьевич продолжает «оппозиционную линию» семейной истории, уже обозначенную в фигуре расстрелянного в 1930-х гг. прадеда, Григория Федоровича Сигитова: «В 42-м году он попал в лагерь, и вот здесь начинается этот случай с СС. Вот. То есть он попал в войска СС.

– Он попал в плен там?

– Да, он попал в плен и попал в СС. С лагеря. Вот. И был... как... занимался борьбой с терроризмом в Белоруссии. Что такое борьба с терроризмом в Белоруссии? Это борьба против партизан. <...> Коссовский дворец он защищал в 44-м году. Артиллерия красная стреляла по нему, короче, летело всё... И вот в этом вот Коссовском дворце после этого самого он остался, значит, и он отступил в Румынь. Ну, румыны, как верные какому-то там договору, выдали его советской власти, и в 47-м году он был во Львове⁵ расстрелян. Есть документ» (СВН_2016_и01). Антисоветская настроенность Степана Григорьевича «выводится» В.Н. из факта уже упомянутого его эпатажного выступления, посвященного 8 Марта: «Да, он идейно был против... Это понятно, если он на 8-е марта так поступил. Вот. Это всё логично складывается. И его больше не брали ни в колхоз, никуда, и ему никуда не хотелось» (СВН_2016_и01).

Наши исследования позволили обнаружить документы (портал «Память народа»): списки осужденных Военным трибуналом 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса с января по 1 сентября 1942 г., где Сигитов С.Г. значится выбывшим 4 июля 1942 г. из рядов 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса, в то время находившегося под Москвой, и донесение послевоенного периода (1965 г.) о смерти Сигитова С.Г. 17 сентября 1942 г. «в пути следования». Из этого следует, что активное участие Степана Сигитова в войне на стороне Германии (особенно после 1942 г.) целиком относится к области семейной мифологии⁶.

Детство своего отца В.Н. склонен драматизировать в той части, которая касается государства: *«Значит, как дети врагов народа, им было запрещено учиться в школе. Вот. Им было запрещен всё этот паек, запрещено было идти в колхоз, короче, всё было запрещено»* (СВН_2016_и01). Если следовать логике воспоминаний М. А., то ее история любви с Николаем начинается как раз в старших классах, где его будущему угрожает не прошлое отца и деда, но организация им «кружка любознательных» («Тайного Общества Молодежи»). И все же В.Н. заинтересован в родительском «антисоветском» прошлом, явно преувеличивая степень их сопротивления, например, в отношении к государственным праздникам: *«Родители ходили по принуждению. На праздники, на парады. Церковные праздники справляли»* (СВН_2016_и01).

Стратегия В.Н. в отношении прадеда и особенно деда состоит в том, чтобы не утверждать их невиновность, не оправдывать обстоятельствами или эпохой, но в обратном: факт антисоветского поведения признается им и акцентируется, выбор подан как осознанный и произвольный; он солидаризируется с ними как прямой наследник. Заметим, однако, что смысл смены фамилии младшим поколением Сигитовых-Эльстонов оказывается неизбежно амбивалентен: заявленный шаг к восстановлению исторической преемственности одновременно ведет к отмежеванию от прадеда и деда, людей со сложными судьбами и характерами. По нашим наблюдениям, верность по отношению к родственникам, отвергаемым властью, – один из важнейших мотивов появления текстов по семейной истории (Граматчикова, Енина); а люди, подобно В.Н., принципиально самостоятельно занимающиеся выстраиванием «истории рода», сами выступают во многих из обозначенных О. Ткач ролей профессионального генеалога (психолога, просветителя, идеолога исторической ревизии, медиатора и др.) (Ткач 2005).

Такой радикальный поворот в отношении к репрессированным предкам обусловлен как личными качествами В.Н., так и спецификой его биографии: если биография отца, Николая Степановича, свидетельствует скорее об успешных попытках «вписаться» в строй, то В.Н. (напомним, переживший тюремное заключение) конструирует историю

как своего рода историю сопротивления, противостояния советской системе, историю субъектов исторического процесса, которые когда-то, в легендарном прошлом, составляли славу России. Для самого же В.Н. в иерархии ценностей воля как свобода и своеволие занимает ведущее место. Даже объясняя свои мотивы поступления в лесотехнический институт, он утверждает: *«Мне всегда хотелось быть помещиком, а помещики – кто? Лесники. У них лес, они могут лес воровать, продавать, на это жить. Вот, у них большие поля, мед, всё такое...»* (СВН_2016_и01). Рутинная и монотонная невыносимы для него, неслучайно он оказывается успешен в профессии геологоразведчика.

Коллаж: В.Н. Сигитов в армии и В.Н. Сигитов с верблюдом

Свое видение семейной истории, равно как и сожаление о плохой сохранности фамильных вещей (глубинную связь «авторской» генеалогии и плохой сохранности фамильных вещей, оставим за пределами данной статьи), В.Н. воплощает в изготавливаемых им артефактах. Они многочисленны и призваны «восполнить» недостающие звенья «поколенческой цепи». Часть из них, вероятнее всего, – реально принадлежащие семье вещи (награды, оружие и др.), другие явно носят авторский характер, который не скрывается, но и не афишируется В.Н., поскольку, согласно его видению развития семейного древа, эти «отростки» в скором времени привыются и станут неотличимы от аутентичных

ветвей. На данный момент список возглавляет герб Эльстонов-Биронов с описанием, медаль за Крымскую войну, орден Святого Станислава 1-й степени, орден Святого Владимира 4-й степени, медаль в честь 300-летия дома Романовых и др. Героизация образа деда нашла свое выражение в наградном кинжале Степана Григорьевича Сигитова, дарственная надпись на котором гласит: «Есаулу Степану Григорьевичу Сигитову-Эльстону в день рождения Генерал-лейт. А.Г. Шкуро 1944 г.».

Герб Эльстон-Биронов

Наградной кинжал

Можно отметить, что В.Н. рассказывает историю своего рода очень уверенно, не боясь каверзных вопросов. Относительно изготавливаемых «реликвий» его позиция такова: *«Ну, я постараюсь, чтобы мои реликвии были... чтобы мои реликвии были. Но поскольку они... Их очень трудно было сохранить, я создаю... как это сказать? Копии. Копии...»* (СВН_2016_и01). По его мнению, в этом нет ничего предосудительно-го: В.Н. верит / знает, что эти вещи существовали, но были утрачены, следовательно, заслуживают восстановления (СВН_2016_и01)⁷. Как видим, логика «восстановления исторической справедливости», озвучиваемая в конфликтах относительно принадлежности, например, храмов, вполне транслируется и на историю «малую», родовую.

***Трансляция семейной истории: игра в солдатики
«Че он плачет у тебя? В погонах – и плачет!»***

Проект В.Н. в отношении семейной истории оказывается вполне успешным на внутрисемейном уровне, что закономерно порождает вопрос: каким образом происходила трансляция этого конструируемого В.Н., образа семейной истории следующему поколению?

Действенным механизмом трансляции ценностей становится *игра*. Вообще игра как никакой другой феномен культуры всесторонне отражает человеческое бытие в мире: «Содержание нашего существования вновь обнаруживается в игре: играют в смерть, похороны, поминовение, мертвых, играют в любовь, борьбу, труд. <...> Игра охватывает и объемлет все другие феномены, представляет их в непривычном элементе воображаемого и тем самым дает человеческому бытию возможность самопредставления и самосозерцания в зеркале чистой видимости» (Финк 1988: 391–392). Игра базируется на принципиальной способности человека пребывать одновременно в двух мирах (игровом и реальном), получая удовольствие и от процесса, и от результата. Все эти свойства игры воплощаются в данной семейной истории.

Если отец В.Н., будучи способным офицером-танкистом, явно тяготел к мирным профессиям (при первой возможности – объявленной Хрущевым демобилизации – он уходит из вооруженных сил), то В.Н. (которому, по его словам, в армии «не понравилось») увлеченно рассказывает о главной игре своего школьного детства: вместе с одноклассниками он подражал жизни военных, всем были нашиты погоны, распределены звания, придуман флаг (*«На этой треноге был установлен флаг. Флаг я придумал сам. Флаг. Там был георгиевский крест, синее поле, белое поле»*). Друзья рыли окопы, устраивали учения и парады под музыку (*«У нас был патефон. И папа хранил пластинки виниловые, старые, на 72 оборота. Вот. Там был марш танкистов, марш артиллеристов. Мы сначала вот этот патефон поставим утром, построим-*

ся. Так, у нас парад. Раз, два, шагом марш. Лево-лево, пошли по плацу. Музыку выключили. Начинается учение» (СВН_2016_и01). Мужу вторит Т.Г., рассказывая о детстве сыновей: «Когда Саша родился, они, знаешь, как играли? Они с ним строили чуть ли не на всю комнату крепости, эти, солдатики везде. И он с ним вот играл в войнушки... <...>

В.Н.: Вот, и Сашу привезли – сразу погоны нашили. И дед на меня ругается...

Т.Г.: Да, у Саши шапка зимняя, даже есть фотография, и на шапке зимней – кокарда, на зимнем пальто – погоны. <...>

С.: А почему дед ругался?

В.Н.: А дед говорит: блин, че он плачет у тебя? Че он плачет? В погонах – и плачет! Ну, в погонах – и плачет! Вот так говорит мне (смеется). А я стесняюсь...» (СВН_2016_и01).

Перипетии биографии В.Н. и особенно тюремный опыт способствовали его взрослению и осознанию себя как человека, имеющего особое предназначение: «А когда я уже отсидевший пришел, я уже там наслушался. И мне там просветили: кто такой царь, и что такое Россия... И вот тут до меня дошло, что я тоже должен что-то сделать» (СВН_2016_и01), – подобная уверенность выполняла еще и реабилитационную функцию. История рода становится для В.Н. настоящей опорой, где известные ему реалии (семиреченское казачество) и военное прошлое отца, напрямую определившее обстоятельства рождения В.Н., оказываются благодатным материалом для конструирования мифа о своем роде. Лакуны, которыми полна семейная генеалогия, В.Н. заполняет историческими событиями, «интерпретированными в свою пользу». Свое представление о семейных ценностях он старается передать детям, не теряя присущей ему креативности: «Вот, видишь: кастовость! Вот я пытался всегда вот эту казаческую кастовость в семье тоже держать. Каким-то образом. Вот такие вот игры. С деревянными пулеметами» (СВН_2016_и01).

В итоге все вышеперечисленные практики приводят к институализации данного образа семейной истории и закрепляются в смене фамилий детей (Александр – в ноябре 2010 г., Лев – в марте 2011 г.) с Сигитовых на Эльстон-Биронов как знак восстановления «исторического имени», возвращения к корням. В выборе новой фамилии непосредственное участие принимали сами сыновья, при этом семья пошла на значительные по тем временам финансовые затраты, поскольку младшему даже пришлось участвовать в судебном процессе по этому поводу⁸.

«Поддерживающее окружение»

Объемность картине придает интервью Татьяны Геннадьевны, жены В.Н., поскольку и она, и жена старшего сына Александра – это женщи-

ны, пришедшие в семью Сигитовых, которые не инициировали создание семейной мифологии, но, в целом, поддерживают ее. Каковы мотивы такой поддержки, ведь Т.Г., по ее словам, за тридцать лет семейной жизни пережила переход от «стопроцентной веры» в рассказанную В.Н. версию семейной истории к трезвому пониманию, что он «приукрашает действительность»?

Для юной Т.Г. харизматичный и увлеченный В.Н. стал своеобразным культурным героем, резко расширившим мир ее представлений и знаний, смело вводящим в «большую историю» самого себя в лице своих «предков»: *«Да, я тоже в свое время, скажем так, я любила историю, но вот я знала историю в пределах школьной программы. Он рассказывал то, о чем я вообще слыхом не слыхивала, и поэтому, я говорю, это, лапши у меня на ушах висело много, глаза у меня были круглые, рот открытый. Он же, в общем-то интересно, он очень много рассказывает какого-то. И я: а-а-а! <...> Дак он мне голову и задурил!»* (СТГ_2016_и01).

И все же будет сильным упрощением представлять себе данный процесс банальной частью завоевательной матримониальной стратегии. То же интервью свидетельствует о гораздо более сложном гендерном распределении ролей в семье, которое сложилось уже с самых первых дней знакомства будущих супругов. Упомянем лишь, что застенчивая Т.Г. именно себя считает инициатором сюжета со сменой фамилии (правда, в привычном для России функционале «шеи», а не «головы» процесса):

«Т.Г.: Ну, началось всё с того, что вообще-то это я случайно в газете "Аргументы и факты" увидела вот заметочку, что, оказывается, у нас можно поменять фамилию.

В.Н.: А я это знал.

Т.Г.: Вот. И папе подсунула ее. Он ее прочитал и загорелся идеей» (СТГ_2016_и01).

Думается, Т.Г. ценит усилия мужа по «собираанию семьи», в чем бы они ни выражались, и понимает его беспокойную творческую натуру. Кроме того, она решилась на смену сыновьям фамилии еще и в силу отрицательной мотивации: *«Мне фамилия Сигитов очень не нравится, мне не нравится моя фамилия, потому что она татарская»* (СТГ_2016_и01), – «европейское» звучание фамилии Эльстон очень импонировало ей. Однако сыновья оказались активными участниками процесса: по словам родителей, фамилию выбирал старший сын и, к удивлению матери и недовольству бабушки (*«Мы учили, вот я ж по истории учила, ученикам рассказывала, кто такой Бирон. О-о-ох! Это враг! Враг из врагов! Мне не нравится (смеется)»*) (СМА_2016_и01)), в новой родовой фамилии оказалась не только привлекательная часть – Эльстон (воспринимаемая семьей как «необычная», «аристократиче-

ская», «благозвучная»), но и более спорная (Бирон), как раз и вызвавшая юридические проблемы.

Александр Эльстон-Бирон, 2015 г.

Надо сказать, что поиски родовой идентичности ведут В.Н. и дальше, придавая своеобразие религиозным практикам семьи. Например, вопреки традициям казачества он склоняется не к православию, а к ка-

толичеству, сближающему его с важными для него «польскими корнями» (М.А. сочувственно относится к этому, так как упоминавшийся уже нами католический священник входил когда-то в ее дружеское окружение); по католическому обряду же был крещен отцом младший сын Лев, что не обошлось без внутрисемейной коллизии.

Сыновья разделяют тягу В.Н. к сплочению рода и ощущение его значимости для судеб отчества: *«Слава наша в истории России»* (СВН_2016_и01). То естественное чувство «большой семьи» как постоянного круга поддержки, которое доминирует у М.А., уже отсутствовало в жизни В.Н. как данность, но оказалось в зрелом возрасте желанным идеалом объединения родных.

Став пассионарием семейной соборности, кастовости, избранности, В.Н. пытается реанимировать слабеющие родственные связи и горячо поддерживает идею первой после переезда в Россию общей встречи родственников (которая и состоялась около четырех лет назад) – любым человеческим связям непросто выдержать 19 переездов. Интересно, что активность внутрисемейных сценариев, подпитываемых культурой, так высока, что законы чеховской драматургии оказываются в ней вполне действенными. Например, конь, вошедший в семейную историю вместе с хулиганской выходкой «деда Степки», вернулся в семейный нарратив уже как участник бракосочетания сына Александра, празднующего свою свадьбу в форме, правда, не Гродненского лейб-гвардейского гусарского полка, но обер-офицера 10-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потёмкина-Таврического полка (образца 1897 г.); форма для театрализованной свадебной церемонии была выбрана по «фамильному» эстетическому критерию: недаром Александр сочетает театральное образование с работой в музее.

Заключение

Статья не исчерпывает все сюжеты, сплетающие историю разных поколений в одной семье. Однако даже на введенном нами в исследовательский круг материале видно, насколько многовекторны нарративы, закладываемые предыдущими поколениями и развиваемые последующими. «Господом созданное райское место», где жили и похоронены несколько поколений предков, оказывается покинутым на переломе эпох и не актуализировано у следующего поколения. Второе поколение, оказавшееся на по-своему сложных исторических рубежах, хотя проблемы элементарного физического выживания уже ушли с повестки дня, с одной стороны, реализует заложенную государством логику разрыва семейных связей: отказываясь от наличествующего родительского багажа, оно влечется вдаль, поддавшись соблазну первооткрывателя и

отвергая доминирующее, известное, всеобщее. С другой стороны, представители именно этого поколения зачастую демонстрируют солидарность с непопулярным, уязвимым, разрушенным, оставшимся в прошлом и в их памяти. Легкость приятия родственников «через поколение» отмечается даже при разительном недостатке информации, восполняемом мифом, легко перекрывающим разрывы рациональных логик (в этом смысле можно осторожно спрогнозировать востребованность мифологии места для поколения внуков, учитывая невероятное обаяние Иссык-Куля). Гендерное своеобразие позиции по отношению к истории рода /семьи заметно во всех поколениях, с которыми мы работали, однако мужское и женское не противопоставлено, а образует сложный рисунок взаимной мотивации, где присутствуют как положительная, так и негативная составляющие.

«Большая история» еще существует в виде заученных «в пределах школы» тезисов, однако уже не определяет ход истории внутрисемейной (случай Бирона). Вместе с «авторской генеалогией» в построении родовой и семейной идентичности активную роль играют религиозные факторы (католичество и неоязычество). Обратный ход маятника «большой истории» реализуется через микропроцессы в семьях: «восстанавливая историческую справедливость», наши современники изготавливают заново не только артефакты, но и поддерживающие их родовые словные. Оценим консолидацию семьи на основе общих ценностей, обратим внимание на важность верности по отношению к родственникам, отвергнутым государством. Подкрепляя уверенность в легитимности собственной активной позиции в историческом процессе, наследники «страшных лет России» жаждут видеть в своих предках ту же субъектность и активность. Возможную романтизацию этого исторического момента сдерживает не только неизменно верное «и это пройдет», но и трезвая оценка сложности наследства, доставшегося поколению внуков, пока с вдохновением принимающему предложенный мифологизированный семейно-исторический микс.

Примечания

¹ О роли генеалогии в формировании мифа о «прямом наследовании» благородства см.: (Бредникова 1997: 71).

² Подробнее об истории полка см., например: Елец Ю.Л. «История Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка 1824–1896 гг.» (Елец 1890–1897). Интересно замечание о том, что «нижние чины полка комплектовались из брюнетов с небольшими бородками»; это обращает внимание на сходство данного описания с портретом В.Н. Родона-чальником фамилии Эльстон в России, по-видимому, является граф Феликс Яковлевич Сумароков-Эльстон (1830–1877), внебрачный сын неизвестного высокопоставленного лица, особым императорским указом получивший фамилию кормилицы-англичанки. Часть «Сумароков» Ф.Я. Эльстон присоединил к своей фамилии Высочайшим указом вместе с титулом своего тестя графа С.П. Сумарокова. С.П. Сумароков не имел сыновей, поэтому для сохранения родовой фамилии и графского рода в 1875 г. его зятю

Ф.Н. Эльстону было разрешено именоваться графом Сумароковым-Эльстоном (Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон (24 января 1830 – 30 октября 1877) // Русский биографический словарь. СПб.; М., 1896–1918. Т. 20: Суворова – Ткачев. С. 167). Что касается Биронов-Юсуповых, то разбор всех хитросплетений погружает нас в эстетику бурных брачных историй XVIII–XIX вв., из знакомства с которой очевидно, что происхождение фамилий известнейших родов России в ряде случаев содержит неустранимые загадки, а «коррекция» фамилий объясняется династическими причинами и закрепляется указами. Кроме того, известные фамилии России хранят семейные предания, возводящие их род к легендарным предкам (например, фигура Едигея для Юсуповых). В XX в. фамилия Эльстон практически пресеклась: в базах данных «Память народа» и «Жертвы политических репрессий» («Мемориал») содержится лишь по одной учетной записи на эту фамилию.

³ Вот характерное свидетельство из воспоминаний академика УрО РАН М.В. Садовского (1948 г.р.): «В наше время было как-то не особо принято углубляться в изучение семейных корней. <...> Поэтому я очень плохо знаю свою генеалогию...» (Садовский 2014–2015: 18). Садовский имеет в виду своего деда-священника, арестованного в 1937 г. Отметим, что запрос на получение копии его следственного дела автор воспоминаний сделал лишь в 2010 г., по инициативе своего биографа (!), в результате семья узнала, что дед не умер в лагере в 1938 г., как они считали ранее, но был расстрелян в том же 1937.

⁴ Желание сделать своих предков ближе выражается у В.Н. в уменьшительных формах имен деда и прадеда (Гришка, Степка).

⁵ Львов как место, по утверждению В.Н., расстрела деда – это и место рождения самого В.Н., что усиливает момент преемственности.

⁶ Запрос датирован 1965 г. Остается догадываться, имела ли семья до этого какой-либо документ относительно судьбы Степана Григорьевича. Ясно, что такая биография затрудняла для его сына, Николая Степановича – отца В.Н. – и получение образования, и продвижение по службе; однако судьба была к нему милостива, несмотря на обозначившийся в году его юности интерес «органов» к школьному сообществу, в котором состоял Николай Степанович; предпринятые им своевременно усилия «затеряться» оказались эффективными, и «отцовское наследие» не помешало ему служить за границей.

⁷ Сожаление по поводу утраченных «семейных вещей» и желание их восстановить может быть выражено по-другому и приводить к другим результатам. Вот ответ из интервью музейного работника (1952 г.р.) на вопрос о ее семейных реликвиях: *«Я даже не знаю, у нас нет таких вещей, которые передавались бы по наследству. Ну, я от бабушки получила кружевной шарф... раньше же все приходилось выбрасывать, в 60-е года много людей переезжало в новые квартиры, а когда переезжаешь, нужно покупать все новое. Сейчас, будучи работником музея, я вспоминаю какие-то вещи, подсвечник старинный, ещё что-то и так жалко становится, что выбросили. Некоторые вещи я храню, но они ценны как память, материальной ценности они не несут. Ещё я купила себе бусы похожие на те, что были у бабушки, потому что помню эту вещь с детства»* (ФП_Музеи Екб_2016 Тарасова).

⁸ *«Лёвина смена нам в 20 тыщ обошлась, через суд (смеется)»* (СВН_2016_и01).

Источники, сокращения

СМА – Сигитова М.А. Записи, воспоминания. Расшифровки интервью.

СВН – Сигитов Владимир Николаевич. Расшифровки интервью.

СТГ – Сигитова Татьяна Геннадьевна. Расшифровки интервью.

т. – тексты (воспоминания, записки); и. – расшифровки интервью.

Литература

- Бредникова О. «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы междунар. семинара (Санкт-Петербург, 13–17 ноября 1996) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1997. Вып. 5. С. 70–74.
- Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/140/140> (дата обращения: 01.04.2017).
- Граматчикова Н.Б., Енина Л.В. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 109–129. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36605/1/qv_4_2015_06.pdf (дата обращения: 01.04.2017).
- Елец Ю.Л. История Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка 1824–1896: в 2 т. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890–1897.
- Казачество: образы культурной идентичности: сб. фольклор.-этнограф. материалов / Сост. И.А. Филиппова, Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2010. 200 с.
- Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 22–32. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/872/890/1216/003.KOZLOVA.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. 255 с.
- Наварская (Степанова) Стальда. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века. Документальная повесть. Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения: 01.04.2017).
- Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии: научно-методический журнал. 2004. № 2. Москва; Воронеж: Моск. психол.-соц. ин-т РАО, 2004. С. 77–86.
- Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.
- Садовский М.В. Годы, люди, наука и жизнь. Екатеринбург, 2014–2015. 356 с.
- Савкина И.Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
- Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 265–288.
- Ткач О. «Мы ищем – вы находите»: профессиональное поле практической генеалогии // Антропология профессий: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ, Научная книга, 2005. С. 403–432.
- Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М.: РГГУ; Объединенное гуманитар. изд-во, 2010. 432 с.
- Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 357–403.
- Чевыр Л.А. Устная традиция в письменном тексте (о книге воспоминаний Г.Ш. кызы Кармышевой) // Восток. 2015. № 1. С. 42–52.

Gramatchikova Nataliya B., Elston-Biron Inna O.

METAMORPHOSES OF FAMILY HISTORY: FROM THE SIGITOV TO THE ELSTON-BIRON*

Abstract. The article explores family history, the ways of its intergenerational transmission and transformation. Particular attention is paid to the functionality of autobiographical narratives in relation to the formation and consolidation of desired identity. The conducted study draws on in-depth interviews with representatives of two generations of the family of hereditary Semirechye Cossacks (born in 1930, 1955, and 1963), autobiographies, memoirs, photo documents, and artifacts. The ways of talking about their family history among the older and the middle generations are considered, and the transformation of mechanisms of intergenerational transfer of family knowledge and traditions is described. Through the interviews and analysis of artifacts produced by the head of the family, it is shown how during the crisis of state ideology the history of the family turns out to be the pivotal means of acquisition of a new identity for the family's middle generation. The cultivation of personal responsibility is expressed through the construction of so-called 'author genealogy' which enroots the Sigitov family in the events of the XVIII and the XIX centuries, and also through solidarity with repressed family members. If the distant past events are dealt with according to the apocryphal traditions of aristocratic families, in the XX century the victims of repressions are credited with the status of active resistance to the system, which gives them back the cherished status of an actor or subject of the historical process. The family history developed by the head of the family is supported by the family environment; it is translated, first of all, through gaming practices, is expressed in the production of artifacts, and is institutionalised through the change of the sons' family names (Elston-Biron).

Keywords: family history, memory, (post) Soviet discourse, genealogy, photo archive, construction of history, narrative strategies, life-story, artifacts

* The article is written under the grant #16-04-00118 issued by the Russian Foundation for the Humanities, titled 'At the intersection of literature and fact: languages of self-description in the periodical press of the Ural and Northern Ural regions in the XIX to the first third of the XX centuries'.

DOI: 10.17223/2312461X/17/11

References

- Brednikova O. «Semeinaia» i «kollektivnaia» pamiat' (sposoby konstruirovaniia etnicheskoi identichnosti) ['Family' or 'collective' memory (ways of constructing ethnic identity)], *Biograficheskii metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestv. Materialy mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 13–17 noiabria 1996)* [Biographical method in the study of post-Soviet societies. International seminar proceedings (Saint Petersburg, 13-17 November, 1996)]. Ed. by Voronkov V., Zdravomyslova E. St. Petersburg: TsNSI, 1997. Vol. 5, pp. 70–74.
- Golofast V.B. Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovani [The variety of biographical narratives], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1995, no. 1, pp. 71–88. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/140/140> (Accessed 1 April 2017).
- Gramatchikova N.B., Enina L.V. Kniga o liubvi i vernosti: rekonstruktsiia obraza ottsa-kommunista v vospominaniakh docheri [A book about love and fidelity: reconstructing the image of a communist father in his daughter's memoirs], *Quaestio Rossica*, 2015, no. 4, pp. 109–129. Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36605/1/q4_2015_06.pdf (Accessed 1 April 2017).
- Elets Iu.L. *Istoriia Leib-Gvardii Grodnenskogo gusarskogo polka 1824–1896 v 2-kh tomakh* [The history of Leibgarde of the Grodno hussar regiment, 1824-1896, in two volumes]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva, 1890–1897.

- Kazachestvo: obrazy kul'turnoi identichnosti: sbornik fol'klorno-etnograficheskikh materialov* [The Cossacks: facets of cultural identity: a collection of folklore and ethnographic materials]. Compiled by I.A. Filippova, T.I. Rozhkova, S.A. Moiseeva. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorskogo gos. Universiteta, 2010. 200 p.
- Kozlova N.N. Opyt sotsiologicheskogo chteniia «chelovecheskikh dokumentov», ili razmyshleniia o znachimosti metodologicheskoi refleksii [An exercise in sociological reading of 'human documents' or some thoughts on the meaning of methodological reflection], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000, no. 9, pp. 22–32. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/872/890/1216/003.KOZLOVA.pdf> (Accessed 1 April 2017).
- Kozlova N.N., Sandomirskaiia I.I. «*Ia tak khochu nazvat' kino*». «*Naivnoe pis'mo*»: opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniia [‘I want to call the film like this. ‘Naïve writing’: an exercise in linguistic-and-sociological reading’]. Moscow: Gnozis; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996. 255 s.
- Navarskaia (Stepanova) Stal'da. *Zhizn' odnoi sovetskoi sem'i v 30-e i 40-e gody 20 veka. Dokumental'naia povest'. Rodoslovnaia odnoi vetvi semeistv Navarskikh, Vaisov, Zaporozhtsev* [The life of one Soviet family in the 1930s and 1940s. A documentary story. A family tree of a part of the Navarskiye, Vaisy, and Zaporozhtsy families]. Available at: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (Accessed 1 April 2017).
- Nurkova V.V. Rol' avtobiograficheskoi pamiaty v strukture identichnosti lichnosti [The role of autobiographical memory in the structure of an individual's identity], *Mir psikhologii: nauchno-metodicheskii zhurnal*, 2004, no 2, pp. 77–86.
- Rozhdestvenskaia E.Iu. Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu [Narrative identity in an autobiographical interview], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2010, no. 30, pp. 5–26.
- Sadovskii M.V. *Gody, liudi, nauka i zhizn'* [Years, people, science, and life]. Ekaterinburg, 2014–2015. 356 p.
- Savkina I.L. «*Pishu sebia...*»: *Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [‘Writing oneself...’: Auto-documentary female texts in Russian literature of the first half of the XIX century]. Tampere, University of Tampere, 2001. 360 s.
- Tkach O. Izuchenie istorii sem'i kak strategiiia kachestvennogo issledovaniia [The study of family history as a qualitative research strategy], *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod. Kollektivnaia monografiia* [The Russian gender order: a sociological approach. A collective monograph]. Ed. by Zdravomyslova E., Temkina A. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007, pp. 265–288.
- Tkach O. «*My ishchem – vy nakhodite*»: professional'noe pole prakticheskoi genealogii [‘We search – you find’: the professional field of practical genealogy], *Antropologiya professii. Sb. nauch. st.* [The anthropology of professions. A collection of articles]. Ed. by P.V. Romanov, E.R. Iarskaia-Smirnova. Saratov: TsSPGI, izd-vo «Nauchnaia kniga», 2005, pp. 403–432.
- Khristoforova O.B. *Kolduny i zhertvy. Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and victims. The anthropology of witchcraft in today's Russia]. Moscow: RGGU, Ob"edinennoe gumanitarnoe izd-vo, 2010. 432 p.
- Fink E. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiia [The main phenomena of human life], *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii. Perevody* [The issue of man in Western philosophy. Translations]. Moscow: Progress, 1988, pp. 357–403.
- Chvyur' L.A. Ustnaia traditsiia v pis'mennom tekste (o knige vospominanii G.Sh. kyzy Karmyshevoi) [Oral tradition in written texts (on a book of G.Sh. kyzy Karmysheva's memories)], *Vostok*, 2015, no. 1, pp. 42–52.

МАСАИ ТАНЗАНИИ: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ОХРАНЯЕМОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ НГОРОНГОРО*

Марина Львовна Бутовская
Руслан Олегович Бутовский

Аннотация. Рассмотрены проблемы устойчивого развития и традиционного природопользования в условиях охраняемой природной территории Нгоронгоро на примере масаев, одного из скотоводческих народов Северной Танзании. Проводится сравнение с сегодняшними хозяйственными практиками масаев на не охраняемой территории Лолиондо, непосредственно примыкающей к Нгоронгору. Описана история конфликтов и предложены пути решения с учетом мирового и российского опыта. Показано, что при условии грамотного планирования и скоординированных действий администрации природоохранных территорий и местных племен возможно сохранение ценных местообитаний и ландшафтов.

Ключевые слова: Танзания, масаи, Нгоронгоро, Лолиондо, земельные конфликты, устойчивое развитие

Введение

В настоящее время на Земле проживают около 5 тыс. народов, ведущих племенной образ жизни и занимающихся традиционным природопользованием. Их общая численность составляет около 300 млн человек. В единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (с учетом изменений на 25 августа 2015 г.) включено 47 групп общей численностью около 270 тыс. человек, преимущественно проживающих на севере европейской части Российской Федерации, в Сибири и на Дальнем Востоке. Территории, на которых коренные народы занимались охотой, рыболовством и скотоводством и занимаются до сих пор, потенциально могут служить базой для традиционного природопользования (Транин 2010: 7). Федеральный закон РФ от 7 мая 2001 г. № 49 «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» гарантирует право на создание территорий традиционного природопользования (ТТП) и прямо указывает, что одной из целей образования ТТП является «сохранение на территориях традиционного

* Материалы для этой статьи собраны при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00223а.

природопользования биологического разнообразия» (Федеральный 2001). Целью закона является вывод территорий традиционного природопользования из гражданского оборота, в том числе из купли-продажи, наследования, дарения, аренды, что обеспечит сохранность этих земель для будущих поколений общины. Традиционное природопользование предполагает традиционные виды деятельности, в том числе оленеводство, морской зверобойный и охотничий промыслы, рыболовство, собирательство дикоросов; основу подобных этноэко-систем составляют устойчивые этнические коллективы, связанные совместным использованием земель, общим трудом и расселением на определенной территории (Крупник 1989: 8; Каганский, Родоман 1995: 2; Калущков 2000: 5).

Наиболее тесную связь с культурными ландшафтами имеют два типа охраняемых территорий: национальные парки и природные парки. Национальные парки имеют более строгий режим охраны, чем природные, являются объектами федерального значения, финансируются из федерального бюджета и включают территории, имеющие особое значение для сохранения уникальных природных объектов и представляющие историческую и эстетическую ценность. Предназначением природного парка как регионального объекта является не только охрана природы, но и использование территории в рекреационных и социокультурных целях. В природных парках разрешается развивать в большей степени хозяйственные функции, связанные с рекреацией, туризмом, учебно-просветительской деятельностью (Шульгин 2007: 152). Значительная часть национальных и природных парков имеет культурную составляющую, и их территория может рассматриваться в качестве исторических или современных культурных ландшафтов.

Сегодня в нашей стране, в местах традиционного проживания коренных народов, предпринимаются активные усилия по восстановлению традиционного природопользования в рамках природных парков (новообразованных и ранее существующих). Так, с 1990-х гг. в Ханты-Мансийском округе (ХМАО) реализуются два основных направления в природоохранной деятельности: расширение сети особо охраняемых природных территорий и формирование системы родовых земель, принадлежащих коренным жителям. В 1998 г. на территории ХМАО были образованы три природных парка, два из которых располагаются на традиционных землях хантов и представляют этнографические территории («Нумто» и «Кондинские озера»). Это, как правило, территории приоритетного традиционного природопользования (Меркушина, Новиков 1998: 30). Одним из интересных примеров целенаправленного исследования по восстановлению традиционных ландшафтов является работа, проводимая в рамках разработки стратегии развития Кенозерского национального парка. Программа восстановления местных ландшафтов практически направлена на сохранение традиционного приро-

допользования и традиционной культуры проживающего здесь старожильческого русского населения, восстановление культурного ландшафта Русского Севера (Шульгин 2007: 164).

Однако следует отметить, что в РФ реализация закона о ТТП сталкивается с рядом проблем, в основе которых лежит его недостаточная проработанность: земли коренных народов рассматривались, прежде всего, как земли для ведения традиционной хозяйственной деятельности, однако отсутствовали нормативно-правовые акты, направленные на охрану биологического разнообразия данных территорий с участием самих коренных народов. В итоге многие так называемые родовые угодья или их части различными способами ушли под промышленное освоение ресурсов недр (Транин 2010: 9).

Одним из вариантов решения проблем традиционного природопользования коренных малочисленных народов, известным в международной практике, является сочетание отдельных видов особо охраняемых природных территорий и территорий традиционного природопользования. В одних случаях, как в США и Канаде, они включены в состав национальных парков, биосферных резерватов и др., в других, как в России, коренные малочисленные народы «ожидают» нормативных актов правительства о создании территорий традиционного природопользования. В ряде многонациональных и многоконфессиональных стран (в число которых входит Россия) имеется ряд специфических проблем взаимодействия с местным коренным населением по поводу сохранения традиционного образа жизни и традиционного природопользования, а также создания особых условий при разрешении возможных конфликтов между коренными народами и природоохранными интересами государства (Indigenous and traditional people... 2000: 6).

Положительным примером такого консенсуса также можно считать парки в Северной Швеции. Речь идет о Лаппонии, территории площадью 9 400 км², которая включает четыре национальных парка и расположена в провинции Норрботтен. Здесь проживают 200–250 саамов, которые держат 30–35 тыс. голов северного оленя *Rangifer tarandus*. Саамам разрешено выпасать оленей на частных и государственных землях общей площадью 160 тыс. км² в северных горах. Права саамов защищены законом, причем действующий Акт об оленеводстве 1971 г. предоставляет им исключительные права на землю, воду, охоту и рыболовство, включая использование моторизованных средств передвижения. Однако эти права распространяются только на 2 тыс. саамов (из 17 тыс.), которые занимаются традиционным оленеводством (Indigenous and traditional people... 2000: 71).

Поиск оптимальных путей решения вопросов природопользования с учетом интересов коренных малочисленных народов – проблема мирового масштаба. Для ее решения требуется хорошее знание климатиче-

ских и экологических особенностей региона, специфики традиционного природопользования коренных народов данной территории. Не последнюю роль играет юридическое законодательство, ограничивающее или расширяющее права местного населения на природные ресурсы.

В рамках данной статьи мы рассмотрим конфликтную ситуацию, сложившуюся в двух сопредельных популяциях масаев, одного из коренных скотоводческих народов Танзании. Первая из них проживает внутри природоохранной территории Нгоронгоро, а вторая – на сопредельной территории Лолиондо. Территории сходны в климатическом отношении, однако в первом случае вопросы природопользования жестко регламентируются режимом природоохранной территории, а во втором хозяйственная деятельность определяется рамками общегосударственного земельного кодекса. Будут показаны факторы, лежащие в основе конфликта между масаями и властью, а также представлены возможные пути выхода из кризисной ситуации. Нам представляется, что результаты данного исследования позволят шире взглянуть на саму проблему устойчивого развития природоохранных территорий и практик проживания на них коренных народов.

Коренные этнические группы Танзании

В Танзании насчитывается около 130 этнических групп, которые в основном относятся к языковым группам банту (бэнуа-конголезская языковая семья), кушитам (афразийская семья), нилотам (восточно-суданская семья) и хадзане (койсанская семья). Несмотря на то что многие народы Танзании считают себя коренными, только четверем из них удалось самоорганизоваться в борьбе за права, а именно: охотникам-собираателям акие и хадзабе и скотоводам масаи и датога.

По некоторым данным, в Танзании проживают 430 тыс. масаев, 88 тыс. датогов, 1 тыс. хадзабе и 5 тыс. акие (IWGIA 2016a: 421). Несмотря на различия в образе жизни, все они ощущают привязанность к своей земле, свою идентичность, уязвимость и маргинальность. Танзания проголосовала в 2007 г. за Декларацию ООН о правах коренных народов, но до настоящего времени не признала факта существования таких народов на своей территории. Поэтому в настоящее время какая-либо конкретная национальная политика или законодательство, защищающее права коренных народов, отсутствуют. На этом фоне властями продолжают разрабатываться различные законодательные акты, стратегии, программы, которые не учитывают интересы коренных народов и их права на землю и природные ресурсы. Нехватка юридической грамотности у представителей коренных народов и тенденция к перераспределению земельных ресурсов в пользу крупных корпораций с местным и международным участием приводят к усилению социального и

политического давления как на скотоводов, так и на охотников-собирателей (426). Хадза, датоба и масаи частично проживают на территории Нгоронгоро, но в этой статье мы детально остановимся на анализе взаимоотношений лишь между масайской общиной и природоохранными структурами Нгоронгоро. Выбор масаев не случаен. Они являются наиболее многочисленной группой, проживающих в Нгоронгоро, численность масаев неуклонно растет, а вместе с ней и численность поголовий скота. Это создает реальную угрозу для природных ландшафтов (вытаптывание и деградация степных территорий, изменение видового состава экосистемы), существования диких животных, прежде всего копытных, а в отдаленной перспективе – и для самой природоохранной территории в целом. Практически все конфликты в Нгоронгоро происходят между масаями и администрацией природоохранной территории. Масаи хорошо организованы, уверены в своем праве на земельные угодья и намерены активно его отстаивать. Хадза и датоба не представляют реальной проблемы для Нгоронгоро ввиду малой численности, территориального расположения (по границам природоохранной территории), а также низкой скорости воспроизводства.

Исследования проводили в Нгоронгоро, преимущественно в районе поселка Эндолен, во время полевых выездов 2016 (январь, август) и 2017 г. (февраль, август). Основными методами работы являлись включенное наблюдение и углубленные неструктурированные интервью. Интервью проводили на суахили (Марина Бутовская) и на маа (полевой ассистент, этнический масай).

Масаи сегодня

Масаи являются одним из наиболее известных (брендовых) коренных народов Танзании. Встретить представителей этой этнической группы возможно практически во всех регионах страны, как в городах, так и в сельской местности. Они предпочитают внешне подчеркивать свою идентичность, используя традиционную одежду, украшения, прически и атрибуты (копья, палки, *асегаи*, *ориинга* и пр.). В современной Танзании бросаются в глаза отчетливая коммерциализация самого бренда «масаи» и осознанная эксплуатация его для достижения личных (групповых) коммерческих выгод, связанных с развитием этнотуризма в Восточной Африке, что иногда приводит к феномену ряженных масаев из числа представителей других этнических групп. Отношение к масаям в Танзании со стороны соседних этнических групп характеризуется выраженной полярностью – от неприятия до неприкрытой зависти.

В местах своего исконного проживания масаи продолжают вести традиционный образ жизни: повседневный быт, хозяйство, социальная организация, религиозные практики мало изменились по сравнению со

второй половиной XX в. (Coast 2001: 78, 129, 135; Tarayia 2004: 187, 200–201). Таковыми являются масайские поселения в Нгоронгоро, в частности поселок Эндолен.

Фото 1. Масайский дом в Эндолене. Фото Р.О. Бутовского, январь 2016 г.

Полигамия продолжает практиковаться, хотя среди масаев активно ведется миссионерская деятельность. Христианские священники предпочитают не затрагивать эту тему. По нашим данным (август 2016 г.), у местного *лайбона* (масайский традиционный религиозный лидер) было 64 жены и более 100 детей, ряд старейшин имели до 30 жен. Однако тенденция к снижению воспроизводства все же намечается. Мужчины более молодого возраста (30–40 лет), особенно получившие среднее образование и крестившиеся, имеют одну жену.

Фото 2. Масайская свадьба в католической миссии. Фото М.Л. Бутовской, август 2016 г.

Количество детей у женщины связано с уровнем ее образования: молодые женщины, окончившие среднюю школу, имеют меньше детей, чем их сверстницы, не посещавшие школу.

Фото 3. Масайские женщины на праздновании обрезания.
Фото М.Л. Бутовской, июнь 2017 г.

Фото 4. Мораны с девочками-подружками на праздновании обрезания.
Фото М.Л. Бутовской, июнь 2017 г.

Земельные конфликты в Северной Танзании

На сегодняшний день тенденция к снижению уровня благосостояния скотоводческих коренных народов имеет общемировой характер. Со всей очевидностью она прослеживается и в Восточной Африке, и, в частности, в Танзании. Одной из ведущих причин сложившейся ситуации следует считать отсутствие у скотоводов четкого представления о праве собственности на землю. Как правило, подавляющее большинство скотоводческих сообществ не располагает документами, подтверждающими общинное право собственности на земельные ресурсы, и в условиях возникновения земельных споров не может грамотно отстаивать свои интересы. В современных условиях это приводит к открытым конфликтам между скотоводами и более грамотными в данном отношении переселенцами-земледельцами, получающими от местных властей документы, подтверждающие официальное право собственности на конкретный земельный надел. Поскольку в земельном кадастре общинные права на данную территорию, как правило, официально не прописаны, то, следовательно, любые судебные тяжбы решаются в пользу нового владельца, а дальнейшее пребывание скотоводов на этой территории признается незаконным.

Земельные конфликты между государством и скотоводческими группами Северной Танзании также имеют давнюю историю. Колониальные власти еще в конце XIX – начале XX в. экспроприировали плодородные земли в районе г. Килиманджаро и г. Меру под агрофермы европейских поселенцев. В 1951 г. был создан Национальный парк Серенгети. Все масаи, проживавшие до этого на равнинах Серенгети, были переселены на сопредельные территории Нгоронгоро (Homewood, Rodgers 1991: 69). На протяжении многих лет большие территории, отчужденные от скотоводов на развитие сельского хозяйства и национализированные в 1970-х гг., теперь представляют зоны конфликта. Например, компания NAFCO приватизировала участок 400 тыс. га (ныне заброшенный) для выращивания канадской пшеницы, что сопровождалось выселением 40 тыс. датогов; земельные территории масаев были переданы компании PDF в Мондули, пивоварням Танзании (ферма Сукеня) и мясной компании Танзании (IWGIA 2016a: 424).

В последнее десятилетие на охраняемой природной территории Нгоронгоро и в районе Лолиондо напряженность нарастает. Государственные и частные интересы в области охраны природы, коммерческой охоты и туризма способствуют тому, что власти усиливают давление на местное население и ограничивают его право доступа к природным ресурсам. Ряд авторов указывают, что в Танзании права коренного населения на землю не признаются властями, и это вступает в конфликт с представлениями о режиме традиционного природопользова-

ния (Ngoitiko et al. 2010). Как следствие, Северная Танзания прочно заняла одно из лидирующих мест в мировом дискурсе о взаимоотношениях между коренным населением и природоохранными организациями.

В рамках этого дискурса местные общины выступают жертвами, не имеющими возможности оказывать какое-либо существенное влияние на решения, принимаемые властями в корпоративных и международных интересах (Ngoitiko et al. 2010). На сегодняшний день сельские общины используют разнообразные стратегии – от неформальных видов пассивного сопротивления до современных продвинутых форм адвокации и лоббирования избирательных компаний и законодательских инициатив.

Как показывает предшествующая история, во многих странах мира государство часто сталкивается с проблемой урегулирования противоречий, а порой и открытых конфликтов между локальными группами населения, обладающими традиционными правами общинного землепользования, и необходимостью проведения и соблюдения природоохранных мероприятий. Это, в первую очередь, касается территорий, отведенных под национальные парки и природоохранные территории, но может также затрагивать земельные угодья, граничащие с национальными парками, поскольку данные земли оказываются привлекательными для развития эксклюзивного туристического бизнеса и охоты. В этом случае на местное население оказывают давление правительственные чиновники и частные охранные фирмы с одобрения региональных властей. Такого рода попытки зафиксированы и в Северной Танзании (IWGIA 2016b: 64).

Как показывает практика, в большинстве случаев местные жители игнорировали распоряжения о выселении и ни одна община не соглашалась добровольно покинуть свою территорию. С одной стороны, выселение все же проводилось и часто сопровождалось нарушением прав человека, включая запугивание, изъятие денег и скота, разрушение домовладений. Скот преднамеренно убивали или разгоняли, а дома сжигали. В результате выселений пострадавшие люди были обездолены, причем дети и взрослые страдали от голода, ухудшалось их здоровье. Правительство часто оправдывало выселения необходимостью сохранения дикой природы и усиления контроля центральной власти над общинными землями. С другой стороны, общины утверждают, что основной причиной выселения скотоводов являются облегчение доступа к природным ресурсам и развитие высокодоходной индустрии туризма, для чего общинные земли выделяются богатым корпорациям и общественным деятелям, а местные власти невольно вовлечены в спорные сделки с землей (IWGIA 2016b: 64).

Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро

В северной Танзании значительные территории (около 30 тыс. км²) были выделены под национальные парки (НП) в природоохранных це-

лях, в том числе Серенгети 14 763 км² (основан в 1929 г., статус национального парка с 1951 г.), НП Мкомази (3 200 км², основан в 2006 г.), НП Тарангире (2,850 км², основан в 1970 г.), НП Маньяра (644 км², основан в 1957 г.), НП Аруша (137 км², основан в 1960 г.), охраняемая территория Нгоронгоро (ОТН) (8 288 км², основан в 1959 г.) (IWGIA 2016b: 65).

В результате туризм, основанный на сафари и охоте, стал важной и доходной отраслью хозяйства именно в Северной Танзании, где находятся такие всемирно известные туристические маршруты, как Серенгети, Маньяра, Тарангире и Нгоронгоро. По некоторым оценкам, доходы от посещения туристами Нгоронгоро оценивались в 100 млн долл. в год (Conde Nast Traveller 2010).

Когда в 1959 г. власти объявили о создании охраняемой природной территории Нгоронгоро, здесь проживали примерно 10 тыс. масаев со скотом, переселенных недавно из Серенгети (Neumann 2000: 124).

Поселения масаев сейчас образуют узкую полосу, которая простирается от юго-западной до северо-восточной границы территории ОТН. Данная конфигурация поселений представляет собою компромисс между выбором оптимальных пастбищных угодий и ограничениями доступа к конкретным территориям со стороны администрации (примером является запрет на выпас скота в самом кратере Нгоронгоро). На северо-западе располагаются низкотравные равнины, которые используются дикими гну как пастбища и «родильные дома». Данная территория слабо используется масаями во влажный сезон из-за опасения заразить домашний скот смертельной болезнью – злокачественной катаральной лихорадкой (Malignant Catarrhal Fever), которая переносится телятами гну. На юго-востоке находится кратер Нгоронгоро, в котором масаям не разрешено находиться, однако они нарушают данный запрет и спускаются со своими стадами к озеру Магади, так как полагают, что соленая вода является важным профилактическим средством против зоонозов. Масаи избегают селиться на юго-западе ОТН из-за частых набегов представителей племени сукума, которые угоняют у них скот (Field et al. 1997: 185).

Образование ОТН рассматривалось как уникальный долговременный эксперимент по поддержанию устойчивого сосуществования популяций диких животных и масайской общины, практикующей традиционные способы ведения скотоводства (Thompson 1997: 5). Эксперимент считался удачным на протяжении тридцати лет: численность диких животных практически не уменьшалась, а численность домашнего скота оставалась относительно стабильной, при этом специалисты отмечали его высокое качество, на душу населения приходилось в среднем по шесть голов крупного рогатого скота (Brown 1973: 74). ОТН получило статус территории мирового наследия ЮНЕСКО в 1979 г. и

считается успешным примером государственно-частного партнерства (Conde Nast Traveller 2010).

Фото 5. Взятие крови из яремной вены бычка. Фото М.Л. Бутовской, февраль 2017 г.

В начале 1990-х гг. ситуация стала катастрофически меняться. Из-за улучшения медицинской помощи, продвижения современных методов родовспоможения и охраны детского здоровья стал наблюдаться резкий рост численности масаев в Нгоронгоро. Численность крупного рогатого скота на душу населения при этом сократилась более чем в два раза; к 1999 г. она составила менее трех голов скота на человека. Для сравнения, у масаев Лолиондо в этот же период поголовье составляло 10 голов скота на человека (Lynn 2000).

В утвержденном плане управления территорией администрация ставит себе задачу сохранения окружающей среды, с соблюдением прав резидентов (в данном случае масаев) и содействием развитию туризма по схеме, известной как «многоцелевое землепользование».

В последние годы (речь идет о 2016–2017 гг.) администрация ОТН накладывает все больше ограничений на выпас скота и доступ к водным ресурсам, перемещение людей, причем право на возвращение у выселенных людей отсутствует. Разрешение земледелия на выделенных администрацией ОТН территориях в 1991 г. дало лишь кратковременный эффект улучшения уровня жизни масаев, который был полностью сведен на нет к 2000 г. вследствие роста численности самих масаев и интенсивной миграции в ОТН представителей других этнических

групп, более успешно занимающихся выращиванием сельскохозяйственных растений (Galvin et al. 2006). С 2009 г. масаеям полностью запрещено заниматься земледелием, так как было доказано, что этот вид хозяйства оказывает наиболее разрушительное воздействие на популяции диких животных (Boone et al. 2002: 147). Это правило жестко соблюдается, его нарушение влечет за собой уголовную ответственность (Conde Nast Traveller 2010). В результате уровень обеспеченности населения продуктами питания резко упал. Чтобы компенсировать (хотя бы частично) продукты земледелия, администрация ОН раз в полгода распределяет среди масаев кукурузную муку из расчета 16 кг на человека (или около 90 граммов в сутки). Процедуру распределения кукурузной муки мы наблюдали в поселке Лайтоли 17.02.2017 г. Очевидно, что такого количества муки мало для выживания, с учетом того, что *угали* (кукурузная каша) часто является практически единственным продуктом питания. Для некоторых домохозяйств это именно так, поскольку у них либо вовсе нет скота, либо его недостаточно для регулярного питания продуктами животноводства. Впрочем, в условиях интенсивного роста населения этих мер оказывается недостаточно.

Выселение масаев

Популяция масаев растет быстрыми темпами и, по официальным сводкам, достигла 87 500 человек в 2014 г. С учетом ежегодного прироста в 3,7%, на сегодняшний день в ОН может проживать около 100 тыс. человек. Эти цифры в ближайшее время будут только увеличиваться. Еще в 2007 г. Комиссией было рекомендовано сократить численность масаев примерно наполовину, с 40 до 25 тыс. человек, что позволило бы снизить антропогенную нагрузку на экосистемы и диких животных. Исходя из этих цифр, следует, что для поддержания устойчивости экосистемы ОН, до 2/3 масаев должны быть выселены за пределы Нгоронгоро.

В истории ОН известны два случая выселения: в конце 1970-х – начале 1980-х гг. несколько скотоводов были выселены из Нгоронгоро по истечению разрешенного срока пребывания; другим предположительно было заплачено за выселение (Olenasha et al. 2001). По некоторым данным, в 2008–2009 гг. 3 500 семей (прибывших на территорию после 1959 г.) были принудительно выселены из ОН, дополнительно к этому 538 семей были выселены добровольно в июле 2009 г. (IWGIA 2016a: 76).

В настоящее время (2016–2017 гг.) наблюдается рост противостояния между общиной масаев и администрацией ОН. Власти ОН рассматривают землю как государственную собственность (как и всех охраняемых территорий), тогда как масаи настаивают, что пересели-

лись на эту землю из Серенгети под давлением властей и им было обещано, что они могут располагать территорией Нгоронгоро. Некоторые масаи уверены, что эта договоренность была закреплена письменно документом, подтверждающим их право на землю, однако документ либо пропал, либо кем-то намеренно скрывается. Один из информантов (информант № 1, интервью от 9.02.2017 г.) сообщает, что ОТН оказывает давление на местные общины, стимулируя их переезд в другие районы Танзании, в частности в Лолиондо. Власти уверяют, что в Лолиондо для них зарезервировали участок земли и обеспечили эту территорию объектами социального назначения (школой и госпиталем), а также обустроили артезианские скважины для снабжения прибывающего населения водой. Однако первые же мигранты (ими оказались семьи датого, переселившиеся из Ольпиро) столкнулись с непреодолимыми трудностями. Местное племя сонжо отнеслось враждебно к переселенцам, считая эту территорию своей. Возникли конфликты и столкновения между этими группами при выпасе скота. В результате датогские семьи одна за другой стали возвращаться в Ольпиро. Информация о реальном положении дел быстро облетела датого и масаев, проживающих в Нгоронгоро, и в настоящее время предложения о переселении люди встречают массовым отказом. В поселке Эндолен 08.02.2017 г. состоялось собрание старейшин (pastoralists council), на котором единогласно было решено, что переезжать не стоит. Было также принято решение провести переговоры с руководством ОТН и особо настаивать на том, что эту землю масаям предоставили при переселении из Серенгети. Одновременно с мужским собранием, женщины масайки провели свое, на котором решили, что если старейшины не сумеют договориться с властями, то они (женщины) пойдут протестовать к главным воротам Нгоронгоро и будут выкрикивать там собственные требования. Разумеется, администрация ОТН была не в восторге от такой перспективы. Судя по имеющимся у нас данным, в самое ближайшее время должны состояться переговоры старейшин с администрацией ОТН в присутствии представителей центральных властей.

Проблема переговоров с властями осложняется очевидной юридической некомпетентностью старейшин. На наш вопрос: «Почему масаи не обратятся за консультацией и помощью в спорных вопросах к масаю с юридическим образованием?» (таковые в Танзании имеются), информант сообщил, что ни один масай-юрист не соглашается вести переговоры, поскольку, как он предполагает, их подкупают представители ОТН.

Так или иначе, проблема резкого роста численности населения, а также поголовья скота в ОТН требует конструктивного решения. Размышляя о будущих перспективах, информант сообщил: «Может, мы и готовы в настоящее время согласиться с необходимостью уменьшать размеры семьи. Нам больше не нужно столько жен и детей. Но сокра-

щение поголовья скота на семью – невыполнимая задача. Мне для нормального существования семьи из 4 человек нужно примерно 100 коров. Это позволит кормить семью и ежегодно продавать часть поголовья для покрытия разных нужд, включая образование детей. В Нгоронгоро сегодня большое количество семей не имеют скота (или владеют 1–3 коровами), тогда как немногие богатые семьи могут владеть 500–700 коровами. И власти требуют от них сократить это количество. Но если они его уменьшат, кто будет помогать бедным соседям и отдавать коров во временное пользование, чтобы поддержать их?» На наш вопрос «Почему же тогда богатые не отдают часть коров, превышающую допустимый лимит на семью, в аренду бедным соседям?», информант поясняет, что масаи сегодня изменились, богатые не готовы отдавать часть скота в аренду другим. Они им не доверяют. В этой ситуации, если администрация требует ограничить количество скота на семью, у таких людей отберут коров, а шансы на небольшое вспомоществование с их стороны бедным соседям будут сведены к минимуму.

По сообщениям другого информанта (информант № 2, интервью от 11.02.2017 г., 18.00–19.30), присутствовавшего на вышеупомянутом собрании старейшин, противостояние масаев и ОТН нарастает. На собрании был выработан план действий. Активисты должны были отправиться 13.02.2017 г. в столицу Танзании Додому и встретиться там с премьер-министром для обсуждения сложившейся ситуации. По словам этого информанта, «масаи имеют право на землю, между тем, в соответствии с законом, земля на охраняемых территориях находится в собственности государства, и масаи, следовательно, никаких прав на землю не имеют. В самом начале, когда масаев выселяли из Серенгети, власти делали это в соответствии с договором, достигнутым со старейшинами. Однако поскольку сами старейшины были безграмотными, никто из них после не мог толком сказать, в какой формулировке было подписано соглашение, и гарантировало ли оно в реальности право масаев на землю в ОТН». К сожалению, сами масаи не видят этой юридической тонкости и лишь повторяют привычные формулы о том, что это их земля по закону и договоренности. В последние десятилетия в ОТН несколько раз случались ощутимые засухи. Засухи и эпидемии негативно сказались на поголовье масайского скота, в результате многие семьи оказались не в состоянии обеспечить себя продуктами питания.

Проблема, действительно, серьезная и требует безотлагательного решения, – продолжает информант № 2, – но все дело в том, каково будет это решение. Переселение возможно, но только на добровольной основе и под правительственные гарантии. В частности, переселенцем должны быть выделено денежное пособие на обустройство в новом месте и гарантированы права собственности на предложенную землю. Кроме того, дети переселенцев должны быть обеспечены в перспективе

субсидиями на получение образования от ОТН, так как масаи должны иметь право на часть средств, полученных от туризма. В свое время официальные власти заявили во всеуслышание, что в ситуации, когда выбор должен быть сделан между благом людей и охраной дикой природы, выбор должен быть сделан в пользу людей. Но в нынешних условиях власти как-то упускают из виду этот тезис.

Вопрос о правах традиционных скотоводов стоит сегодня исключительно остро не только в Танзании, но и в Кении. К сожалению, масаи повсеместно оказываются ущемленной стороной. Их потеснили сегодня в Маньяре, Тарангире, Лолиондо (Танзания), то же самое происходит в Масаи Мара (национальный парк в Кении). Однако масаи считают, что должны иметь право на землю, и территории, традиционно используемые ими под пастбища, нельзя урезать и отдавать под распашку земледельцам-соседям. Правила традиционного скотоводства предполагают, что скот сезонно выпасается на разных участках, кроме того, часть земли должна отдыхать от выпаса в течение года и более. То, что скот не выпасается на этом участке, не означает, что он не используется и не нужен общине. Таким способом достигается восстановление ресурсов экосистемы.

В настоящее время, по подсчетам специалистов, в границах ОТН находится 160–170 тыс. голов скота, что уже превышает допустимые нормы. При этом, однако, оно не удовлетворяет потребности нынешней масайской популяции ОТН. По некоторым данным, улучшение качества жизни масаев возможно даже в этих условиях за счет более эффективной работы ветеринарной службы и получения доступа к низкотравным степям и выпаса скота в юго-восточной части ОТН. Реальную угрозу для других видов диких животных, прежде всего травоядных, составляет неконтролируемый рост численности гну (основных конкурентов скота масаев) (Boone et al. 2002).

Специалисты по природопользованию считают, что устойчивое развитие масайских общин и их сбалансированное существование в рамках природоохранных территорий возможны при условии существования традиционных способов ведения хозяйства, ориентированных на кочевой образ жизни. Создание масайских «деревень», расширение земледелия и доступности к ресурсам не только негативно сказываются на охране диких животных, но и способствуют смене традиционного уклада землепользования у самой этой этнической группы. Между тем кочевой образ жизни в меньшей степени приводит к истощению ресурсов, чем земледелие, поскольку скот часто перегоняют на новые территории в поисках пастбищ и воды. Миграции скота благоприятно сказываются на экологии региона, так как позволяют восстанавливаться съедобным видам трав. Напротив, постоянные поселения, выпас скота на одном месте, в сочетании с запретом на выжигание сухой травы, при-

водят к появлению и распространению в границах природной территории инвазийных и несъедобных для домашних и диких копытных видов растений, в частности *Eleusine jaegeri* (растение семейства Злаки, или Мятликовые) (Homewood, Rogers 1991: 139).

Вариант устойчивого развития территории ОТН и сосуществования дикой природы и масаев предлагает еще один информант (информант № 3, интервью от 12.02.2017 г., 17.30–19.30). По его мнению, следует поселить всех масаев в несколько мест по типу Эндолена, где будут расположены не только масайские бомы (так называются подворья на суахили), но и вся современная инфраструктура (госпиталь, школы, магазины и клуб). Это позволит существенно снизить нагрузку на окружающую среду на значительных участках ОТН, а выпас скота осуществлять в соответствии с масайскими традициями, чередуя места выпаса и консервируя часть пастбищ на один-два года для восстановления ресурсов. В последнем предложении мнения информантов № 2 и 3 перекликаются. «Конечно, – говорит информант № 3, – только этими мерами проблему не решить. Часть масайской популяции должна покинуть Нгоронгоро. Но переселение должно осуществляться на добровольной основе, и мигранты должны четко понимать свои выгоды от этого шага. К примеру, на это может согласиться часть молодежи, получившая среднее образование и имеющая ограниченные перспективы для реализации себя в пределах ОТН». Тот же информант справедливо указывает на наличие связи между уровнем образования и деторождением. По его мнению, популяция масаев в ближайшие 50–60 лет может сократиться, масаи постепенно перейдут к моногамии и воспроизводство будет ограничено одним-двумя детьми на семью».

Следует отметить, что интересы масайской общины и природоохранных служб со всей очевидностью не совпадают и, по-видимому, не могут совпадать, исходя из базовых целей каждой из сторон. Масаи не понимают и не желают принимать как должное необходимость защиты дикой природы. Государственные природоохранные службы отстаивают первостепенную задачу сохранения уникальной экосистемы ОТН как рефугиума, в котором живут разнообразные дикие животные. Масаи настаивают на ущемлении их прав на хозяйственную деятельность на территории ОТН, а администрация ОТН указывает на намеренное искажение реальных и замалчивание исторических фактов.

Как отмечает в своем интервью один из наших информантов, компетентно разбирающийся в ситуации (информант № 5, интервью от 22.02.2017 г., 9.00–10.00), «масаям ОТН созданы беспрецедентные по масштабам Танзании условия. Им оказывается постоянная продовольственная помощь в виде кукурузной муки и бобов, государство также берет на себя все расходы по образованию и медицинской помощи масаям, на эти нужды расходуется примерно 25% всех доходов, получен-

ных от туристической деятельности на территории ОТН. В то время как другие этнические группы, причисленные в списках IWGIA к коренным малочисленным народам (хадза, датога, акие), подобной помощи не получают. Масаи ОТН находятся в существенно лучшем положении по обеспеченности пропитанием, чем многие популяции, проживающие в других регионах Танзании, которым государство не в состоянии оказать помощь и которые должны справляться с создавшейся ситуацией самостоятельно. Масаи повсеместно сообщают о своих правах на территорию Серенгети и Нгоронгоро, однако с исторической точки зрения не являются коренным населением этих территорий. Очевидно, что исходными жителями этого региона являлись хадза и другие группы охотников-собирателей. Около 400 лет назад на эту территорию мигрировали датога, которые и сосуществовали с охотниками-собирателями несколько столетий. Лишь в XIX в. в Серенгети и Нгоронгоро стали проникать волны масайских переселенцев с севера. В силу большей многочисленности и наличия военной организации, масаям удалось полностью вытеснить датога из этой местности и существенно потеснить также охотников-собирателей».

«Исходя из этих фактов, – комментирует информант № 5, – можно ли считать именно масаев основными бенефициарами при распределении различных ресурсов на рамках ОТН? На датога, проживающих в поселении Ольпиро (также территории ОТН), и хадза, проживающих на берегу озера Эяси по соседству с датога, подобные льготы не распространяются». На мои комментарии о том, что масайские старейшины собираются добиваться приема у премьер-министра Танзании для обсуждения возникшей ситуации и отстаивания своих прав на ресурсы ОТН, информант № 5 сообщил: «Масаи не всегда говорят правду о своих действиях и научились умело манипулировать общественным сознанием. Это они всячески уклоняются от встречи, предложенной премьер-министром для урегулирования конфликта между масайской общиной и администрацией ОТН. В ответ на разъяснения со стороны администрации ОТН о резком росте плотности популяции и необходимости регуляции численности детей в семье, масайские старейшины стали стимулировать рождаемость и лишь ускорили рост населения в Нгоронгоро. В последние годы масаи не только нарушают договоренности об ограничении доступа скота в кратер, но стали активно выпасать скот в высокогорных лесах, что с природоохранной точки зрения категорически не допустимо. При этом плотность скота в этой местности неуклонно растет, несмотря ни на какие увещания со стороны природоохранных служб. Масаи также стали активно нарушать и договоренности, связанные с соблюдением традиционных норм поселения. Они стали сооружать постоянные дома современного типа. Масайские дома из глины под соломенными крышами сегодня активно замещают-

ся современными сооружениями из кирпича, кроются железом, жестью также обивают и стены таких домов для защиты от дождя. Так что облик всей территории катастрофически меняется, приближаясь к обычным сельским поселениям в других регионах Танзании. Это противоречит исходной договоренности и сводит на нет всю идею экологически сбалансированного сосуществования дикой природы и человеческих общин, практикующих традиционные способы ведения хозяйства и проживания. Кроме всего прочего, в условиях масайской общины наблюдается существенное имущественное расслоение и небольшое число семей владеет значительным поголовьем скота. В отдельных домохозяйствах число зебу превысило 3 000, а мелкого рогатого скота 500 голов. Разумеется, такие размеры стада в ОТН просто недопустимы. Однако масайские старейшины не желают соглашаться и с этим фактом».

Отвечая на вопрос о том, каким же видится выход из сложившегося положения, респондент № 5 подводит следующих итог: «Выселение масаев из ОТН – это единственно возможное решение проблемы ОТН. Полумеры с отселением части популяции приведут к новому конфликту в недалеком будущем. Масаи должны признать, что они не являются исключением и “особым народом”, наделенным исключительными правами. Они такие же граждане Танзании, как остальные 130 этнических групп этой страны. Оптимальным выглядит компактное переселение масаев ОТН в район Лолиондо, где проживает другая масайская община. Это сведет на нет возможность межэтнической напряженности, которая непременно возникнет в случае выделения масаям земель в регионе традиционного проживания других народов этносов».

Таким образом, положение продолжает ухудшаться, поскольку администрации ОТН не удастся достигнуть какой-либо договоренности для разрешения создавшейся ситуации: масайские лидеры требуют отчуждения значительной части земель ОТН под выпас и земледельческие угодья, а власти настаивают на снижении численности масаев в этом регионе и запрете на проходы скота на территорию самого кратера.

Масаи и хищники в Нгоронгоро

О традиционном ритуальном убийстве львов моранами (молодыми мужчинами-масаями) написано большое количество литературы. Охота на льва требует силы и большой смелости, поскольку осуществляется только с помощью копья. В повседневной жизни ОТН убийство хищников (львов, леопардов и гиен) масаями является преимущественно ответной мерой. Многочисленные зафиксированные факты свидетельствуют о том, что львы нападают на стада крупного рогатого скота в дневное время (Ikanda, Packer 2008: 68). Причем это происходит лишь тогда, когда коров пасут дети и подростки или один взрослый. На ста-

да, выпасаемые группой моранов, львы не нападают. Нападения леопардов и гиен происходят преимущественно в ночное время, и жертвами их становятся козы и овцы. Эти нападения очень трудно контролировать, потому что хищники неслышно проникают в подворье и бесшумно делают подкоп в крааль со скотом. Ночные хищники предпочитают нападать на отдельно стоящие небольшие бомы. Во время нашего пребывания в Эндолене произошло несколько случаев нападения хищников на скот. В январе 2016 г. гиена зарезала овцу и пыталась вытащить ее из крааля, но была застигнута хозяевами и бежала, бросив добычу; двое львов пытались напасть на стадо коров, но их нападение отбили мораны. В феврале 2017 г. гиены зарезали трех овец в боме наших знакомых, но утащить смогли лишь одну, кроме того, леопард атаковал несколько бомов поблизости от местного госпиталя и пытался задрать овец, однако был замечен: владельцы бомов смогли защитить свой скот.

Фото 6. Мальчики, недавно прошедшие обрезание. Фото М.Л. Бутовской, август 2016 г.

С 1965 по 2003 г. в ОТН зафиксировано 69 случаев убийства львов масаями, однако точные данные о том, сколько из них произошли в отместку за нападение на скот, а сколько в ритуальных целях, отсутствуют.

По данным на 2003 г., в ОТН проживало 4 львиных прайда численностью 27 особей, тогда как в самом кратере численность львов достигала 57 особей. Не только рейнджеры, но и масаи располагали этой информацией. По данным Иканда и Пакера (Ikanda, Packer 2008: 70), про-

водивших опросы в 43 бобах, за 2001–2003 гг. произошло 89 нападений хищников на скот масаев, повлекших гибель 169 голов скота (в среднем потери составили 5,38 животных в месяц). Исследования показали, что на скот нападают местные львы из ОТН, они же становятся мишенью охоты масаев (в качестве мести), тогда как львы, забредающие в ОТН из Серенгети, чаще становятся мишенью для ритуального убийства моранами (71). Первый вариант является узаконенным ответным действием населения ОТН, тогда как второй признан вне закона и совершающие это преступление мораны подлежат наказанию. Убийства львов в результате защиты домашнего скота происходят на протяжении года и не имеют региональной привязки, тогда как *ala-mayo* осуществляется преимущественно на низкотравных равнинах (местное название *Angata Kiti*) во влажный сезон и жертвами становятся львы, мигрирующие за дикими копытными из Серенгети.

По мере повышения плотности населения ОТН частота конфликтов между хищниками и масаями будет нарастать. Локальная популяция львов будет преимущественно ограничена границами самого кратера Нгоронгоро, а миграции львов из Серенгети могут учащаться в силу роста плотности их популяции в границах национального парка.

Конфликт в Лолиондо

В отличие от Нгоронгоро, Лолиондо находится за пределами границ охраняемых территорий, хотя административно относится к территории Нгоронгоро. В этом регионе истоки конфликта между местной общиной и властями восходят к 1992 г., когда правительство уступило компании Otterlo Business Corporation (ОБК) права на охоту в охотничьих угодьях компании «Охотничье хозяйство севера и юга Лолиондо». ОБК принадлежит члену королевской семьи Объединенных Арабских Эмиратов (IWGIA 2016b: 77).

Конфликт продолжается уже много лет, подпитывая недоверие между местными жителями и центральным правительством. Охотничья территория, которую компания ОБК взяла в лизинг, составляет 4 200 км², и хотя не вся она используется для охоты, примерно на 1 500 м² (на западе на границе с Серенгети и на юге на границе с ОТН) приходится много водных источников и диких животных и, таким образом, она идеально подходит для охоты. Эта территория находится на общинных землях нескольких деревень, расположенных в районе Лолиондо – неохраняемого региона Нгоронгоро. В конфликт также вовлечены две деревни района Сале. Данная территория имеет большое значение как для выживания 20 тыс. масаев, проживающих здесь, так и для выпаса и сохранения скота во время засушливых сезонов, когда сюда сгоняют скот из соседних регионов. Доход от этой деятельности

для скотоводов оценивается в 3 млн долл. США ежегодно (TNRF & Maliasili 2011). ОБК в общей сложности заплатила 150 тыс. долл. этим деревням, что, со всей очевидностью, не может возместить потери от сокращения скотоводства (IWGIA 2016b: 77).

Анализ сложившейся ситуации показывает, что права, предоставленные ОБК в счет сдачи в аренду охотничьих угодий, – это только права на добычу указанной квоты диких животных, но не права на землю. Лизинг земель не дает юридических прав на владение землей или строительство инфраструктуры, однако ОБК затребовало эксклюзивные права на землю, и центральное правительство, через окружную администрацию, попыталось пойти на уступки в этом вопросе. ОБК попыталась юридически закрепить за собой право на землю и добиться официального разрешения на выселение местных жителей из этой местности. Общины масаев, правление деревень и окружная администрация отказываются передать землю, на которой они зарегистрированы как поселения, обладающие официальными свидетельствами общинной собственности на землю.

Тем не менее, несмотря на протесты местной общины, в июле 2009 г. со спорной территории было отселено примерно 150 домовладений вместе со скотом. Собранные активистами местной общины факты противоправных действий по выселению были представлены в Парламент Танзании. Деятельность министерства природных ресурсов и туризма в районе Лолиондо была признана незаконной, для расследования сложившейся ситуации в Лолиондо была направлена правительственная комиссия. В апреле 2010 г. в Лолиондо состоялся митинг протеста, а в феврале 2011 г. – собрание, на котором окружные власти предложили общинам утвердить новый план землепользования, подготовленный Земельной комиссией. В плане предлагалось рассматривать территорию в 1 500 км² как новый вид охраняемой территории, «коридор для миграций диких животных», но план был отклонен Окружным советом. Однако уже в марте 2013 г. новый министр природных ресурсов и туризма публично заявил об отсутствии земель у скотоводов Лолиондо и решении правительства, согласно которому спорные 1 500 км² должны остаться в собственности ОБК. Такое решение вызвало волну массовых протестов. Делегации масайских женщин и старейшин отправились в Дар-эс-Салам и Додому, привлекли СМИ, повсеместно предъявляя доказательства права общин на землю. После шестимесячных протестов, в сентябре 2013 г., премьер-министр заявил, что 4 тыс. км² спорной земли навечно принадлежат масаям, и хотя старейшины попросили оформить это заявление письменно, данный документ отсутствует до настоящего времени. В ноябре 2014 г. вновь возникла угроза выселения масаев с данной территории, однако масайские общины Лолиондо оказались уже лучше организованы и сумели противостоять этим попыткам (IWGIA 2016b: 78).

Отметим также, что международные природоохранные организации также постоянно пытаются создать новые охраняемые территории на земле масаев. Эти попытки постоянно отвергаются местными общинами, поскольку управление землей в таком случае передается от деревни Департаменту охраны дикой природы с одновременным ограничением выпаса скота.

Возможно ли устойчивое развитие ОТН?

Возможны ли в данном случае достижение компромисса между коренными народами и природоохранными организациями и их плодотворное сотрудничество при условии взвешенного подхода к потребностям местного населения и сохранению природных экосистем?

В современном мире равновесное существование коренных народов и дикой природы возможно. Мы считаем справедливыми запреты администрации на нетрадиционные способы ведения хозяйства на территории Нгоронгоро: масаи не могут заниматься земледелием и выращивать какую-либо растительную продукцию. Мы считаем разумным также запрет на коммерциализацию производства и переработку мяса и молока на данной территории. Сегодня эти ограничения и жесткая позиция администрации Нгоронгоро вызывают неприкрытое недовольство самих масаев. Мало кто из них осознает, что подобные ограничения представляют собой «защитный купол», охраняющий их традиционные пастбища от захвата мигрантами-земледельцами (Бутовская 2016: 94). Представители других этнических групп постоянно стремятся въехать и поселиться в Нгоронгоро под видом наемных рабочих, технического персонала госпиталя и школ.

Но позиции ОТН и масайской общины существенно расходятся (Бутовская 2016: 93). Основы благосостояния масаев детально описаны в монографии (Buzinde et al. 2014). Эти исследователи работали в двух традиционных масайских поселениях – Эсилалей и Олтукай, расположенных в районе оз. Маньяра и подверженных воздействию процессов глобализации из-за туристической активности в данном регионе. Информанты этих исследователей называли три ведущих фактора благосостояния: дети (жены и дети в ответах мужчин), скот, наличие хороших пастбищ и природных ресурсов. Женщины также отмечали значение образования и здоровья для детей. А мужчины – наличие денег (возможности заработка). Эти поселения находятся вне зоны национального парка, и хозяйственная активность масаев здесь никак не ограничена.

Нет сомнений, что масаи ОТН придерживаются тех же жизненных ценностей, однако реализация этих приоритетов ограничена режимом природоохранной территории и несущей способностью экосистемы. Как указывалось выше, плотность масайской популяции уже в 4–5 раз превышает максимально возможную для сбалансированного сосуще-

ствования человека и диких животных на этом пространстве. По этой причине остро встает вопрос о регуляции численности масаев ОТН. Недостаточно просто отселить часть популяции за пределы ОТН, необходимы кардинальные меры по контролю рождаемости. Учитывая тот факт, что дети рассматриваются масаями в качестве главной ценности, уменьшение числа детей в семье не может достигаться насильственными методами. Повышение уровня образования может способствовать снижению воспроизводства, так что его доступность для жителей ОТН – одна из наиболее перспективных мер такого плана. Образование также является стартовой позицией для миграции из ОТН в другие районы Танзании, где возникает потребность в специалистах конкретного профиля. Этнотуризм в ОТН и развитие программ культурных бом – также является важной инициативой, позволяющей масаям получать дополнительные денежные средства от экскурсий и продажи сувениров. Эти деньги обеспечивают дополнительные возможности по поддержанию уровня жизни и образованию детей. Например, в Лолиондо местные жители проявляют инициативу по использованию общинных земель с учетом интересов природоохранных мероприятий. Администрации поселений разрешили туроператорам создавать кемпинги на их территории. В результате доходы от фотосафари в год приносят до 300 тыс. долл. местным жителям (IWGIA 2016b: 77).

Отчуждение значительной территории ОТН в пользу масайской общины, на чем настаивают местные старейшины и активисты, не является решением проблемы. Даже если решение будет принято в пользу масаев, наряду со снижением численности и разнообразия диких животных и ухудшением экологической ситуации в регионе, в ближайшем будущем с неизбежностью будет происходить экспоненциальный рост численности популяции населения (в том числе и немасайского) и, как следствие, проблема с обеспечением масаев ресурсами питания встанет с еще большей остротой. В сегодняшней ситуации регулирование численности масаев на территории является неизбежной мерой. Однако решение этого вопроса требует максимальной деликатности и надежных гарантий по обеспечению приемлемого уровня жизни для вынужденных переселенцев. Нам уже приходилось аргументировать мысль, что важным условием устойчивого развития масайской общины Нгоронгоро являются разработка и реализация целевых образовательных программ по репродуктивному здоровью населения и последовательное соблюдение политики целенаправленного регулирования рождаемости (Бутовская 2016: 94).

Устойчивое развитие в таких условиях является противоречивым: идеальное состояние недостижимо, поскольку численность популяций увеличивается, но при этом увеличивается и давление глобальной экономики (в том числе через экотуризм), что ведет к изгнанию скотоводов с их традиционных земель.

Скотоводы в настоящее время в наименьшей степени располагают возможностями для поддержания своего традиционного образа жизни, чем когда бы то ни было. По итогам семилетнего проекта по изучению племени боран в Южной Эфиопии было показано, что численность скотоводов растет быстрее, чем численность скота, в свою очередь, репродуктивность и продуктивность его снижаются в связи с ростом конкуренции за пастбища. Были сделаны выводы, что уже в настоящее время у боран отмечается дефицит пищевых калорий, вызывающий необходимость в культивировании растений, невозвратной продаже скота для покупки зерна, миграции молодежи из традиционных поселений в поисках заработка, расслоению племени по доходам и рост сегмента популяции, зависимого от случайных заработков, необходимых для выживания (Corrpsok 1994: 269).

Проблема роста плотности популяций и конкуренции за земельные ресурсы может иметь несколько решений. Одно из них – повсеместный запрет пастбищного скотоводства и создание поселений скотоводов, в которых они будут заниматься выращиванием овощей, зерновых и кормовых культур при стойловом содержании скота с интеграцией в индустриальную рыночную экономику (Steen 1994: 460). Противоположный взгляд – восстановление и охрана скотоводства через законодательное признание прав собственности на водные и пастбищные ресурсы; права на проход скота через возделываемые земли во время миграций, права на беспрепятственный проход через границы государств; уважение знаний скотоводов об управлении водными, земельными ресурсами и стадом; прекращение политики принуждения скотоводов к оседлости; установление справедливых цен на воду и, наконец, признание права самостоятельно выстраивать отношения с властью (Fratkin 1998). Промежуточный подход, который был применен в Монголии и Восточной Африке, – рост рыночной интеграции и улучшение качества скота на основе гибридных форм традиционных стратегий скотоводов, равно как и укрепление связей между земледельческими и городскими сообществами. Успех Монголии в восстановлении своей системы скотоводства был связан не только с приватизацией стада, но и с национальной политикой, гарантирующей совместное использование пастбищ, доступ к рынку, широкий доступ к ветеринарным услугам (Barton et al. 2001: 17).

Серьезной угрозой скотоводству масаев в Африке в наши дни являются захват, приватизация и огораживание пастбищных земель. Признание прав собственности на землю является необходимым условием для продолжения существования пасторализма во многих регионах мира. Управление рисками скотоводства необходимо поддержать при помощи разработки стратегий, позволяющих повысить готовность скотоводов и местных властей к таким явлениям, как засуха в Африке. Проекты, осуществленные в Кении и Монголии при поддержке Мирового

банка, например, выявили такие способы смягчения последствий засухи, как ранняя система оповещения сообщества о наступлении засухи, устройство дополнительных водных источников (колодцы, водные резервуары, создание системы микроплотин для удержания воды), использование охраняемых территорий и территорий военных учебных центров для экстренного выпаса скота (Barton et al. 2001: 30).

Обычно предполагается, что наличие охраняемых территорий (национальных и природных парков) однозначно способствует возникновению конфликта между правами и традициями проживающих на них или рядом коренных народов. На самом деле в случаях, когда коренные народы заинтересованы в охране и традиционном использовании своих земель и природных ресурсов, то, при условии соблюдения фундаментальных прав человека, конфликты между этими людьми, правами и интересами, а также целями охраняемых территорий не возникают или сглаживаются. Международный союз охраны природы и Всемирный фонд дикой природы признают, что охраняемые территории способны существовать только в случае, если они представляют ценность для нации в широком смысле слова и особенно для коренных народов; права коренных и других традиционных народов должны соблюдаться и допускается их вовлечение в со-управление ресурсами, при этом сохраняя природоохранные цели, прописанные в плане управления территории; знания и опыт коренных и других традиционных народов должны использоваться в плане управления; правительство и администрация охраняемой территории должны сочетать традиционные способы природопользования и системы контроля для целей сохранения биоразнообразия. В результате анализа были разработаны 5 основных принципов управления и 22 рекомендации по практическому вовлечению коренных народов в управление охраняемыми территориями и решению конфликтов. Также были исследованы 11 случаев сосуществования коренных народов и охраняемых территорий в разных регионах мира (Indigenous and traditional people... 2000: 10).

Вместе с тем признается, что большинство охраняемых территорий были взяты под охрану без соответствующего учета интересов проживающего там коренного населения. В результате многие программы по сохранению видов и экосистем не предусматривали вовлечения в их разработку коренного населения. В настоящее время этот просчет пытаются ликвидировать во всем мире, предпринимаются усилия для вовлечения коренного населения в проекты сохранения долговременной устойчивости охраняемых территорий. Нгоронгоро – один из первых и самых длительных экспериментов по охране природы на общинном уровне (community based conservation) (Бутовская 2016: 93).

Скотоводы не должны исключаться из системы охраны природы, как это происходит в Африке и других странах. Изгнание скотоводов из

охотничьих заказников не обязательно решает проблему неустойчивого использования территории, но в то же время может создавать трудности, поскольку они вступают в конкурентные отношения с земледельцами и другими группами скотоводов. Желательно, чтобы природоохранная политика была координирована с нуждами скотоводов, предпочтительно путем проведения регулярных встреч с администрацией охраняемых территорий и извлечения в их пользу части дохода от туризма (Mearns 2001). В случае с Нгоронгоро такой диалог действительно имеет место. Администрация природоохранной территории вкладывает значительные средства в образование и медицину, закупку ветеринарных препаратов и обеспечение доступа к водным ресурсам, в том числе и доставку воды в засушливые районы (Бутовская 2016: 93). Скотоводство представляет собой одну из важнейших форм традиционной экономики, и его сохранность в мире – это вклад в поддержание культурного многообразия. Вслед за Fratkin и Mearns (2003: 118) мы полагаем, что при условии грамотного планирования и скоординированных действий администрации природоохранных территорий и местных старейшин консенсус по успешному сохранению ценных местообитаний и ландшафтов потенциально может быть достигнут.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Комиссии по науке и технике Танзании, а также администрации природоохранной территории Нгоронгоро за разрешение на проведение данных исследований, Российскому центру науки и культуры (РЦНК) Россотрудничества РФ в Танзании за многолетнюю помощь и поддержку. Мы благодарны нашему полевому ассистенту С. Коромо и нашим майским друзьям за терпение и помощь.

Литература

- Бутовская М.Л. Масаи Нгоронгоро: парадокс законодательных ограничений хозяйственной деятельности и лучшей сохранности традиционной культуры в условиях природоохранной территории // Антропология в поисках нового языка описания: Тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 93–94.
- Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре: итоги и перспективы. Информационно-аналитический сборник. М.: Изд-во РГБ, 1995. Вып. 3. С. 2–4.
- Калуцков В.Н. Основы культурного ландшафтоведения. М.: МГУ, 2000.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов в Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
- Меркушина Т., Новиков В. Заповедных территорий должно быть больше // Югра. 1998. № 2. С. 27–31.
- Транин А.А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российского Севера (проблемы и перспективы) / Под ред. М.М. Бринчук. М.: ИГП РАН, 2010.
- Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

- Российской Федерации». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12122856> (дата обращения: 26.03.2017).
- Шульгин П.М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий российского Севера) // Мир России. 2007. № 3. С. 147–166.
- Barton D., Morton J., Hendy C. Drought contingency planning for pastoral livelihoods. Policy series 15. NRI. Univ. Greenwich, 2001.
- Boone R.B., Coughenour M.B., Galvin K.A., Ellis J.E. Addressing management questions for Ngorongoro Conservation Area, Tanzania, using the SAVANNA modelling system // African Journal of Ecology. 2002. Vol. 40. P. 138–150.
- Brown L.H. Pastoral people and conservation // Conservation for survival – Ethiopia's choice, Haile Selassie. Addis Ababa, Ethiopia, 1973. P. 67–76.
- Buzinde Ch., Kalavar J., Melubo K. Tourism and community well-being: The case of the Maasai in Tanzania // Annals of Tourism Research. 2014. Vol. 44. P. 20–35.
- Coast E. Maasai demography. Diss. University of London, University College London, 2001.
- Conde Nast Traveller. Last days of the Masai? 2010. By Joshua Hammer 14 p. URL: <http://www.cntraveler.com/stories/2010-10-19/last-days-of-the-masai> (дата обращения: 23.03.2017).
- Coppock D.L. The Borana Plateau of southern Ethiopia: synthesis of pastoral research, development and change, 1980–91 // Systems Study № 5. Addis Ababa: International Livestock Centre for Africa, 1994.
- Field C.R., Moll G., ole Sonkoi C. Livestock Development // Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania. Gland, Switzerland and Cambridge. UK: IUCN, 1997. P. 181–199.
- Fratkin E. Arid pastoralists of Northern Kenya: surviving drought and development in Africa's arid lands // Cultural survival studies in ethnicity and change. Needham Heights. Nass.: Allyn and Bacon, 1998.
- Fratkin E., Mearns R. Sustainability and pastoral livelihoods: lessons from East African Maasai and Mongolia // Human Organization. 2003. Vol. 62, № 2. P. 112–122.
- Galvin K., Thornton P., de Pinho J., Sutherland J., Boone R.B. Integrated modelling and its potential for resolving conflicts between conservation and people in the rangelands of East Africa // Human Ecology. 2006. Vol. 34, № 2. P. 155–183.
- Homewood K.M., Rodgers W.A. Maasailand Ecology: Pastoralist Development & Wildlife Conservation in Ngorongoro, Tanzania. Cambridge Studies in Applied Ecology & Resource Management. Cambridge: Cambridge University Press; Nairobi: Initiatives Publishers, 1991.
- Ikanda D., Packer C. Ritual vs retaliatory killing of lions in the Ngorongoro Conservation Area. Tanzania // Endangered Species Research. 2008. Vol. 1, № 6. P. 67–74.
- Indigenous and Traditional Peoples and Protected Areas Principles, Guidelines and Case Studies. Edited and coordinated by Javier Beltrán. Series Editor: Adrian Phillips World Commission on Protected Areas. Best Practice Protected Area Guidelines Series № 4 IUCN. The World Conservation Union. 2000.
- IWGIA. The indigenous world. A Yearbook. 2016a.
- IWGIA Report 23. Tanzanian Pastoralists Threatened: Evictions, Human Rights Violations and Loss of Livelihoods. IWGIA with PINGO's Forum, PAICODEO and UCRT. 2016b. 91 p.
- Lynn S.J. Conservation policy and local ecology: Effects on Maasai land use patterns and human welfare in northern Tanzania. M.S. thesis. Colorado State University, Colorado, 2000.
- Mearns R. Contextual factors in the management of common grazing lands: lessons from Mongolia and Northwestern China. World Bank, Washington DC, USA. URL: <http://www.internationalgrasslands.org/files/igc/publications/2001/tema29-2.pdf> (дата обращения: 23.03.2017).

- Neumann R.P. Land, justice and the politics of conservation in Tanzania // *People, Plants, and Justice: The politics of Nature Conservation* / ed. by Ch. Zerner. N.Y.: Columbia University Press, 2000. P. 117–133.
- Ngoitiko M., Sinandei M., Meitaya P., Nelson F. Pastoral activists: negotiating power imbalances in the Tanzanian Serengeti // *Community rights, conservation & contested land. The politics of natural resource governance in Africa*. London: Earthscan, 2010. P. 269–289.
- Olenasha W., Seki W., Kaisoe M. Case Study 4: Tanzania: The conflict between conventional conservation strategies and indigenous conservation systems. The Case study of Ngorongoro Conservation Area. 2001. URL: <http://www.forestpeoples.org> (дата обращения: 23.03.2017).
- Steen E. Drylands of the third world: potential for future development // *Ambio*. 1994. Vol. 23. P. 458–460.
- Tarayia G.N. The Legal Perspectives of the Maasai Culture, Customs, and Traditions // *Ariz. J. Int'l & Comp. Law*. 2004. Vol. 21. P. 183–193.
- Thompson D.M. Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania. IUCN, Gland, Switzerland, and Cambridge, UK, 1997. P. 417–440.
- TNRF & Maliasili Initiatives. Integrating pastoralist livelihoods and wildlife conservation? Options for land use and conflict resolution in Loliondo Division, Ngorongoro District. Arusha, Tanzania: Tanzania Natural Resource Forum (TNRF). 2011. URL: <http://www.maliasili.org/technicalreports> (дата обращения: 23.03.2017).

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Butovskaya Marina L., Butovskiy Ruslan O.

THE MAASAI OF TANZANIA: PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE NGORONGORO CONSERVATION AREA

Abstract. The article discusses problems of sustainable development and traditional use of natural resources by the Maasai – one of the cattle-breeding peoples of Northern Tanzania – on the territory of the Ngorongoro conservation area. The authors compare the Maasai economic practices in this area and in the adjacent non-protected area of Loliondo. The article gives a review of the history of conflicts here and of possible ways of their resolution taking into account the experience accumulated by Russia and the world. The authors show that successful conservation of valuable landscapes and habitats is possible if there are competent planning and coordinated action on the part of both conservation areas administration and local tribes.

Keywords: Tanzania, Maasai, Ngorongoro, Loliondo, land conflicts, sustainable development

DOI: 10.17223/2312461X/17/12

References

- Butovskaia M.L. Masai Ngorongoro: paradoks zakonodatel'nykh ogranichenii khoziaistvennoi deiatel'nosti i luchshei sokhrannosti traditsionnoi kul'tury v usloviakh prirodokhrannoi territorii [The Maasai of Ngorongoro: the paradox of legislative restrictions of economic activity and better preservation of traditional culture in a conservation area], *Antropologiya v poiskakh novogo iazyka opisaniia: Tezisy* [Anthropology in search of a new language of description: abstracts.]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2016, pp. 93–94.
- Kaganskii V.L., Rodoman B.B. Kul'tura v landshafte i landshaft v kul'ture [Culture in landscape and landscape in culture], *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy. Informatsionno-analiticheskii sbornik. Vyp. 3* [The science of culture: outcomes and prospects. An information-and-analytical collection. Issue 3]. Moscow: RGB, 1995, pp. 2–4.

- Kalutskov V.N. *Osnovy kul'turnogo landshaftovedeniia* [The basics of cultural landscape studies]. Moscow: MGU, 2000.
- Krupnik I.I. *Arkticheskaia etnoekologiya. Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniia morskikh okhotnikov i olenevodov v Severnoi Evrazii* [Arctic ethno-ecology. Models of traditional use of natural resources by sea hunters and reindeer herders in Northern Eurasia]. Moscow: Nauka, 1989.
- Merkushina T., Novikov V. Zapovednykh territorii dolzhno byt' bol'she [There should be more of conservation areas], *Iugra*. 1998, no. 2, pp. 27–31.
- Tranin A.A. *Territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia korennykh malochislennykh narodov rossiiskogo Severa (problemy i perspektivy)* [Territories with traditional use of natural resources by numerically small indigenous peoples of the Russian North (problems and prospects)]. Ed. by M.M. Brinchuk. Moscow: IGP RAN, 2010.
- Federal'nyi zakon ot 7 maia 2001 g. № 49-FZ «O territoriiakh traditsionnogo prirodopol'zovaniia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii»* [The federal law dated 7 May, 2001, # 49-FZ, titled 'On the territories with traditional use of natural resources by the numerically small indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation']. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/12122856> (Accessed 26 March 2017).
- Shul'gin P.M. Kontseptsiiia kul'turnogo landshafta i praktika okhrany etnograficheskogo naslediiia (na primere territorii rossiiskogo Severa) [The concept of cultural landscape and the practice of ethnographic heritage protection (the case of the Russian North)], *Mir Rossii*, 2007, no. 3, pp. 147–166.
- Barton D., Morton J., Hendy C. *Drought contingency planning for pastoral livelihoods*. Policy series 15. NRI. Univ. Greenwich, 2001.
- Boone, R.B., Coughenour, Michael B., Galvin, Kathleen A., Ellis, James E. Addressing management questions for Ngorongoro Conservation Area, Tanzania, using the SAVANNA modelling system, *African Journal of Ecology*, 2002, Vol. 40, pp. 138–150.
- Brown L.H. Pastoral people and conservation, *Conservation for survival – Ethiopia's choice, Haile Selassie*. Addis Ababa, Ethiopia. 1973, pp. 67–6.
- Buzinde, Ch., Kalavar, J. & Melubo, K. Tourism and community well-being: The case of the Maasai in Tanzania, *Annals of Tourism Research*, 2014, Vol. 44, pp. 20–35.
- Coast, E. *Maasai demography*. Diss. University of London, University College London, 2001.
- Conde Nast Traveller. *Last days of the Masai?* 2010. By Joshua Hammer. Available at: <http://www.cntraveler.com/stories/2010-10-19/last-days-of-the-masai> (Accessed 23 March 2017).
- Coppock, D.L. The Borana Plateau of southern Ethiopia: synthesis of pastoral research, development and change, 1980–1991, *Systems Study No. 5*. Addis Ababa: International Livestock Centre for Africa, 1994.
- Field, C.R., Moll, G., ole Sonkoi, C., Livestock Development, *Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania*. (Ed. D.M. Thompson). Gland, Switzerland and Cambridge, UK: IUCN, 1997, pp. 181–199.
- Fratkin E. Arid pastoralists of Northern Kenya: surviving drought and development in Africa's arid lands, *Cultural survival studies in ethnicity and change*. Needham Heights. Nass.: Allyn and Bacon, 1998.
- Fratkin E., Mearns R. Sustainability and pastoral livelihoods: lessons from East African Maasai and Mongolia, *Human Organization*, 2003, Vol. 62, no. 2, pp. 112–122.
- Galvin K., Thornton P., de Pinho J., Sutherland J., Boone R.B. Integrated modelling and its potential for resolving conflicts between conservation and people in the rangelands of East Africa, *Human Ecology*, 2006, Vol. 34, no. 2, pp. 155–183.
- Homewood K.M., Rodgers W.A. *Maasailand Ecology: Pastoralist Development & Wildlife Conservation in Ngorongoro, Tanzania*. Cambridge Studies in Applied Ecology & Resource Management. Cambridge: Cambridge University Press. Nairobi: Initiatives Publishers, 1991.

- Ikanda D., Packer C. Ritual vs. retaliatory killing of lions in the Ngorongoro Conservation Area. Tanzania, *Endangered Species Research*, 2008, Vol. 1, no. 6, pp. 67–74.
- Indigenous and Traditional Peoples and Protected Areas Principles, Guidelines and Case Studies*. Edited and coordinated by Javier Beltrán. Series Editor: Adrian Phillips World Commission on Protected Areas. Best Practice Protected Area Guidelines Series No. 4 IUCN. The World Conservation Union. 2000.
- IWGIA. *The indigenous world. A Yearbook*. 2016a.
- IWGIA Report 23. Tanzanian Pastoralists Threatened: Evictions, Human Rights Violations and Loss of Livelihoods. IWGIA with PINGO's Forum, PAICODEO and UCRT. 2016b. 91 pp.
- Lynn S.J. *Conservation policy and local ecology: Effects on Maasai land use patterns and human welfare in northern Tanzania*. M.S. thesis. Colorado State University, Colorado, 2000.
- Mearns R. *Contextual factors in the management of common grazing lands: lessons from Mongolia and Northwestern China*. World Bank, Washington DC, USA. Available at: <http://www.internationalgrasslands.org/files/igc/publications/2001/tema29-2.pdf> (Accessed 23 March 2017).
- Neumann, R.P. Land, justice and the politics of conservation in Tanzania, *People, Plants, and Justice: The politics of Nature Conservation*. Ch. Zerner ed. N.Y., Columbia University Press, 2000, pp. 117–133.
- Ngoitiko, M., M. Sinandei, P. Meitaya and F. Nelson. Pastoral activists: negotiating power imbalances in the Tanzanian Serengeti, Nelson, F. (ed.) *Community rights, conservation & contested land. The politics of natural resource governance in Africa*. London: Earthscan, 2010, pp. 269–289.
- Olenasha W., Seki W., Kaisoe M. *Case Study 4: Tanzania: The conflict between conventional conservation strategies and indigenous conservation systems. The Case study of Ngorongoro Conservation Area*. 2001. Available at: <http://www.forestpeoples.org> (Accessed 23 March 2017).
- Steen E. Drylands of the third world: potential for future development, *Ambio*, 1994, Vol. 23, pp. 458–460.
- Taraya G.N. The Legal Perspectives of the Maasai Culture, Customs, and Traditions, *Ariz. J. Int'l & Comp. Law*, 2004, Vol. 21, pp. 183–193.
- Thompson D.M. *Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania*. IUCN, Gland, Switzerland, and Cambridge, UK. 1997, pp. 417–440.
- TNRF & Maliasili Initiatives. Integrating pastoralist livelihoods and wildlife conservation? Options for land use and conflict resolution in Loliondo Division, Ngorongoro District. Arusha, Tanzania: Tanzania Natural Resource Forum (TNRF). 2011. Available at: <http://www.maliasili.org/technicalreports> (Accessed 23 March 2017).

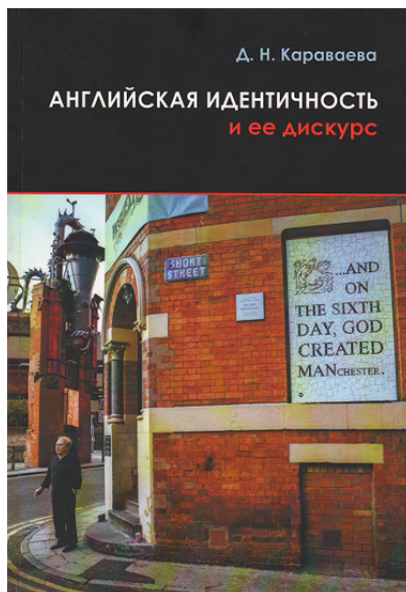
РЕЦЕНЗИИ

УДК 394+94

DOI: 10.17223/2312461X/17/13

В ПОИСКАХ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Караваева Д.Н. *Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия*. Екатеринбург: Издательство УрО РАН, 2016. 344 с. ISBN 978-5-7691-2443-3

Проведенные в Великобритании референдумы по поводу независимости Шотландии и выхода страны из Евросоюза, по сути, стали масштабной дискуссией о доминирующих идентичностях граждан Объединенного королевства. Нет нужды говорить о том, какое значение имели эти референдумы для судеб Великобритании и Европы. И в этом контексте проведенное Д.Н. Караваевой исследование оказалось чрезвычайно злободневным. Оно представляет интерес и с точки зрения сугубо академической, и с точки зрения практической политики: ее работа позволяет лучше понять итоги двух актов плебисцита, делать осторожные прогнозы относительно сохранения единства одной из «великих держав», с одной стороны, и будущего Евросоюза – с другой.

Несколько слов о заглавии труда. Автор пишет, что «задачей работы является историко-антропологическое изучение дискурса английской идентичности и вариативности ее национальных и региональных моде-

лей на материалах современной Северной Англии» (с. 16). Эта самая общая постановка исследовательской задачи вступает, как мне кажется, в известный диссонанс с названием работы. Вряд ли есть основания экстраполировать результаты антропологического исследования населения Севера Англии на английскую идентичность вообще.

Несомненным достоинством работы является то, что автор провел самостоятельное полевое исследование и удачно сочетает собственные наблюдения с богатым историографическим материалом, а также с углубленным изучением политического, публицистического и художественного дискурсов английской идентичности. Эмпирический материал был получен традиционным для нашей науки «этнографическим методом», иначе говоря, методом неформализованного интервью. Безусловно, этот метод наиболее адекватен исследовательским задачам и «историко-антропологическому» подходу работы Д.Н. Караваевой. В то же время анализ дебатов по поводу английской идентичности в научных трудах, публицистике, художественной литературе и телевизионных проектах, в текстах словарей, справочников, а также в письмах и воспоминаниях занимает в работе несопоставимо больше места, нежели материалы собственных опросов и интервью. Кроме того, последние цитируются слишком фрагментарно, что мешает целостному восприятию «культурной физиономии» респондентов, мешает услышать «голос улицы».

В заслугу Д.Н. Караваевой можно поставить и то, что она, «как всякий уважающий себя антрополог», пыталась сопровождать исследование визуальными материалами (иногда даже называя это визуальной антропологией)» (с. 9). К сожалению, значительная часть фотографий автора (они представлены в цветной вклейке) в большей степени похожи на декорации туристической экскурсии, чем на иллюстрации, дополняющие содержание антропологического исследования; визуальный ряд, как мне представляется, заметно оторван от нарратива.

Работу предваряет обстоятельный обзор трудов зарубежных и отечественных авторов, так или иначе трактующих понятие «идентичность» вообще и английскую (британскую) идентичность в частности (с. 12–50). Историографический раздел свидетельствует о широкой научной эрудиции автора, хотя и представляется мне несколько хаотичным и не совсем полным. Странно, что из поля зрения автора выпал Ф. Барт, хотя именно его взгляды и конструктивистские схемы могли бы быть очень полезны для исследования Д.Н. Караваевой, периодически «впадающей в грех» примордиализма. Не всегда удачны попытки приписать тех или иных западных авторов к тем или иным школам и парадигмам научного знания (с. 21). Взгляды философов-постмодернистов Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, испытавших сильное влияние марксизма, охарактеризованы как социальный конструктивизм.

Э. Кедури без всяких оговорок помещен в стан примордиалистов, в то время, как он полагал, что национальная идентичность производна от националистической доктрины. Р. Брубейкер, считавший, что этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы его видения, интерпретации и репрезентации, отнесен к числу неомарксистов. Э. Геллнер без всяких на то оснований обозначен как функционалист, а Э. Хобсбаум и вовсе отнесен автором одновременно к числу и конструктивистов, и марксистов.

Д.Н. Караваева добросовестно излагает различные концепции британской и / или английской идентичности, актуализированные в разные периоды истории Великобритании, обильно цитирует британских концептуалистов, предлагавших свое видение национальной или региональной идентичности на том или ином изломе истории, но, как ни странно, редко вступает в полемику и не всегда вербализует свое отношение к рассматриваемым доктринам.

Автор пишет о том, что «проведение исследования показало обоснованность выбранной методологии...» (с. 264). Но как раз методология-то в работе четко не определена. Какая именно методология была выбрана? Каким образом она была применена? Автор позиционирует свой труд как «историко-антропологическое исследование современной английской идентичности в ее национальной, этнической, региональной и локальной проекциях», понимая под этими проекциями «британскость, английскость, североанглийскость» (с. 2). Но, трактуя «английскость» как «этническую идентичность», автор не предлагает читателю своего определения базового понятия «этнос» и производных от него феноменов, не солидаризируется с каким-либо известным теоретическим осмыслением «этнуса» или аргументированным отказом от признания эпистемологической ценности оного.

Изучение феномена идентичности, как сказано в книге, «требует комплексного этнологического анализа проблем соотношения национального и интернационального, этнического и регионального» (с. 13). Но что дает основание говорить о том, что проведен именно «этнологический» анализ? Работа изобилует такими словосочетаниями, как «этнокультурные связи», «межэтнические конфликты», «соотношение этнического и регионального», «этническая идентичность» и проч. При этом читателю остается лишь догадываться о том, какой именно смысл вкладывается в эти понятия. Перечислив существующие в современной этнологии / социальной антропологии школы и направления, назвав имена самых известных теоретиков этнологического / антропологического знания, Д.Н. Караваева никак не позиционирует себя в теоретико-методологических полях дисциплины. Лишь из контекста иногда становится более или менее ясно, что автор склоняется к позитивистской трактовке «этнуса», принятой в так называемой «советской теории эт-

носа» Ю.В. Бромлея и его единомышленников. Именно это обстоятельство обусловило теоретико-методологические дефекты исследования. Что именно позволяет характеризовать «английскость», или идентичность населения Англии, как «этническую идентичность»? Какие именно специфические черты этой общности позволяют относить ее членов к «этносу»? Что отличает «этническую общность» от других типов социальных общностей? Ответов на эти вопросы в работе Д.Н. Караваевой мы не находим.

Структура монографии соответствует представлениям автора о соотношении разных уровней идентичностей жителей Объединенного Королевства. «Первая глава посвящена исследованию английскости в соотношении с британскостью... Во второй главе английскость рассматривается как этнокультурная идентичность... Третья глава посвящена исследованию английскости в ее региональном и локальном аспектах» (с. 48). В соответствии с этим декларируется, что «ключевые категории в изучении идентичности национальной – нация, национализм; этнической – этническая группа и этничность; региональной – территория, образ» (с. 20–21). Может быть, тогда, когда речь идет об английской идентичности в ее «национальной, этнической, региональной и локальной проекциях» («британскость, английскость, североанглийскость»), среднее звено (этническая проекция) и вовсе неуместно? Национальная – политическая, гражданская идентичность, это, казалось бы, очевидно и понятно. Региональная и локальная – суть различные уровни типологически единой территориальной идентичности, точнее – культурной идентичности населения определенных территорий. А вот что такое «этническая проекция» – непонятно, поскольку, повторюсь, не определено понятие «этнос». Этнические коннотации «среднего звена» непонятны, и именно этот методологический дефект делает вторую главу наиболее уязвимой для критики.

Примордиалистские коннотации при рассмотрении различных уровней идентичности, поиски пресловутой «этничности», на мой взгляд, мешают автору и в некоторых случаях нарушают стройность интерпретаций.

Теперь о центральном для данного исследования концепте «идентичность». Автор отмечает, что «идентичность не случайно становится все более значимой категорией гуманитарных наук, поскольку обозначает ключевые позиции в самоопределении человека и общества, обуславливает способность к выживанию...» (с. 12). Ничуть не умаляя значение исследований идентичности, я все-таки полагаю, что «способность к выживанию» обуславливает не идентичность, а материальное производство.

Знакомство с реалиями Северной Англии, общение с людьми, населяющими эти места, пробудили у автора желание «говорить об иден-

тичности как о множестве представлений и рассуждений, а не о четкой сущности... Возникла проблема различать пространства коммуникации» (с. 8). Меня заинтриговало такое определение феномена, ставшего предметом исследования. В социологии существуют две (дающие о себе знать в разных вариациях у разных авторов) крупные теории идентичности. Дж.Г. Мид трактует идентичность как единый образ собственной личности (self). Эта теория генетически связана с психологической теорией Э. Эриксона. В концепции П. Бергера и Т. Лукмана речь идет о диалектической взаимосвязи индивида и общества, идентификации себя и других с соответствующим набором социальных ролей. Сама постановка исследовательской задачи в работе Д.Н. Караваевой, как мне кажется, предполагает обращение к ролевой концепции идентичности. Иначе говоря, к рассмотрению самоидентификаций респондентов с гражданами Великобритании и населением отдельных ее регионов. Определение идентичности как «множества представлений и рассуждений» неоперационально и мешает автору структурировать выводы исследования.

Думается, что наибольший интерес представляет третья глава, посвященная региональной идентичности населения Северной Англии. Д.Н. Караваевой удалось зафиксировать факт несовпадения культурных и административных границ «регионов» и отдельных локусов. Как показали опросы жителей региона, идентичность северян не едина, а распадается в свою очередь на отдельные версии самоотнесений в зависимости от того, какие локальные особенности культуры являются для населения конкретного города или поселения наиболее значимыми. Это дает автору основание утверждать, что концепция гомогенного Севера является опасным упрощением, так как разнообразие Севера ставит под вопрос существование единой региональной идентичности. Автор приходит к интересному выводу о том, что «на фоне первостепенно важных локальных идентичностей, локальности вообще, такие концепции, как «английскость» и «британскость», кажутся искусственными и менее актуальными» (с. 247). Исходя из этого, в заключении Д.Н. Караваева делает вывод о том, что «североанглийскость» как некая единая концепция не существует, но при этом «региональность и региональная идентичность в Англии существуют, и они работают» (с. 278). Автор смогла зафиксировать различную интенсивность региональной идентичности англичан, что позволило ей ранжировать регионы по этому показателю и раскрыть факторы, способствующие формированию сильной региональной идентичности Северо-Востока.

Исследование Д.Н. Караваевой вносит существенный вклад в разработку фундаментальной проблемы соотношения национальной (гражданской, политической), культурной, региональной идентичностей на материалах разных стран и культурно-отличительных сообществ.

В книге представлен обширный историографический материал, репрезентирующий научный, политический и публицистический дискурсы по этой теме. Большой интерес представляют и материалы собственных полевых опросов. Думаю, весьма полезной была бы публикация (пусть даже ограниченным тиражом) полевых дневников автора. Монография Д.Н. Караваевой, несомненно, стимулирует дальнейшие антропологические исследования культурных идентичностей разных стран и разных человеческих сообществ.

В.Р. Филиппов

Рецензия поступила в редакцию 29 июня 2017 г.

Filippov Vasilii R., Institute of Africa, Russian Academy of Sciences (Moscow)

IN SEARCH FOR ENGLISH IDENTITY

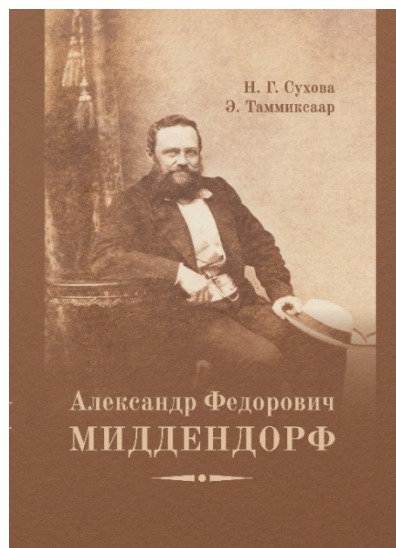
Review of Karavayeva D.N. *Angliiskaia identichnost' i ee diskurs: Britaniia – Angliia – Severnaia Angliia* [The English identity and its discourse: Britain – England – Northern England]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN, 2016. 344 p. ISBN 978-5-7691-2443-3

УДК 910.4 (092)

DOI: 10.17223/2312461X/17/14

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ XIX ВЕКА (НОВАЯ КНИГА ОБ А.Ф. МИДДЕНДОРФЕ)

Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.
*Александр Фёдорович
Миддендорф: к двухсотлетию
со дня рождения.* СПб.:
Нестор-История, 2015. 384 с.
ISBN 978-5-4469-0688-8

Жанр биографического исследования является одним из интенсивно развивающихся направлений в мировой историографии. Это объясняется, в том числе, и возрастанием интереса к изучению исторической психологии и персональной истории, и объективной необходимостью создания группового портрета политической, экономической и культурной элиты общества, который складывается из множества индивидуальных биографий (Петровская 2010: 11). В этом контексте особой спецификой обладают биографические исследования, посвященные известным представителям науки, поскольку они предполагают междисциплинарный подход и требуют от автора глубокого понимания результатов исследований того или иного ученого.

Монография Н.Г. Суховой и Э. Таммиксаара находится в русле данной историографической тенденции и посвящена детальной реконструкции биографии академика Александра Фёдоровича Миддендорфа, который внес значительный вклад в разные области отечественной науки. Выход книги приурочен к 200-летней годовщине со дня рождения ученого, она является вторым, значительно переработанным и до-

полненным изданием работы, которая вышла за 10 лет до этого (Сухова, Таммиксаар 2005). Деятельность А.Ф. Миддендорфа до недавнего времени не получала должного освещения в отечественной историографии*, поэтому рецензируемая монография заполняет имеющуюся в отечественной историографии лакуну. Исследование Н.Г. Суховой и Э. Таммиксаара опирается на широкий спектр источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Авторы изучили материалы крупнейших архивохранилищ Санкт-Петербурга и Москвы, а также государственных и частных архивов Эстонии, Швеции и Германии. Безусловной заслугой авторов стало введение в научный оборот архивных материалов на немецком языке, хранящихся в Рукописном отделе библиотеки Гиссенского университета, в Архиве прибалтийского дворянства в Марбурге и в архивах Эстонии. Архивные материалы были дополнены разнообразными опубликованными источниками – делопроизводственными документами, публикациями в периодических изданиях, мемуарами современников.

Структура монографии подчинена специфике научно-биографического жанра. Книга делится на две части, первая посвящена восстановлению фактологической канвы жизни и деятельности Миддендорфа, а вторая – анализу и оценке его научного наследия. В ходе повествования Н.Г. Сухова и Э. Таммиксаар используют проблемно-хронологический метод, который позволяет проследить отдельные важные этапы жизненного пути ученого, увязав каждый из них с соответствующими направлениями его деятельности. Существенную помощь в восприятии материала оказывают приложения, среди которых хроника основных событий жизни Миддендорфа, карты с маршрутами его путешествий, животных и растений, названных в его честь, библиография трудов ученого (с. 343–363). Книга написана живым литературным языком, что делает ее доступной для восприятия не только профессиональными историками, но и широкой аудиторией читателей.

Авторам удалось сделать целый ряд существенных уточнений фактической стороны биографии ученого. В частности, в книге представлен ранее неизученный материал о родителях Миддендорфа, ранних годах его детства и юности. Новые данные о происхождении семьи и анализ педагогических взглядов отца А.Ф. Миддендорфа позволили выявить условия, в которых происходило формирование личности будущего натуралиста (с. 13). Опираясь на новые архивные источники, Н.Г. Сухова и Э. Таммиксаар уточнили даты обучения Миддендорфа в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, частной школе, основанной его отцом, Ф.И. Миддендорфом, и на подготовительном отделении Главного педагогического института. Выбор медицинского отделения Дерптского университета для продолжения образования Миддендорфом авторы объясняют, с одной стороны, возникшей в детстве тягой к изуче-

нию природы, с другой – высоким уровнем преподавания в этом высшем учебном заведении (с. 16–17). Особое внимание в монографии уделено обстоятельствам судьбоносного для Миддендорфа знакомства с академиком К.М. Бэр, при протекции которого молодой ученый получил место адъюнкта в университете Св. Владимира в Киеве. К.М. Бэр являлся не только учителем Миддендорфа, он также оказывал ему всестороннюю поддержку, в частности, рекомендовал натуралиста для отправки в Сибирскую экспедицию, которая и принесла Миддендорфу известность.

Сибирская экспедиция Александра Фёдоровича Миддендорфа справедливо представлена авторами как центральное звено научных достижений ученого. По сохранившимся архивным материалам впервые удалось воссоздать предысторию экспедиции, показать роль Санкт-Петербургской Академии наук в ее организации. В ходе изложения событий путешествия Н.Г. Сухова и Э. Таммиксаар приводят яркие подробности, которые были почерпнуты из отчетов натуралиста, писем, воспоминаний. В духе истории повседневности воссоздаются отдельные стороны быта первопроходцев первой половины XIX в. Авторы описали многообразие трудностей, с которыми довелось столкнуться ученому в ходе экспедиции.

Успех Сибирской экспедиции обеспечил Миддендорфу по возвращении в Петербург признание в научных кругах. Отдельная глава монографии посвящена деятельности ученого в Санкт-Петербургской Академии наук, где за десять лет он прошел путь от адъюнкта до неперменного секретаря. Характеризуя деятельность Миддендорфа в главном научном учреждении страны, авторы на основе многочисленных источников создали портрет ученого-практика, который тяготился формально-организационной стороны научной работы. Именно в этом авторы увидели одну из главных причин длительной обработки Миддендорфом собранных в экспедиции богатых эмпирических данных, эта же черта ярко проявилась в период работы ученого в должности неперменного секретаря. Избрание Александра Фёдоровича на этот ключевой в Академии наук пост рассмотрено авторами книги в контексте борьбы «русской» и «немецкой» партий. Они приходят к выводу о том, что этническое происхождение Миддендорфа не являлось решающим фактором при его избрании. Материалы об участии в качестве неперменного секретаря в комиссии по разработке нового академического устава и общественных дискуссиях вокруг Академии наук позволили авторам глубже понять суть взглядов Миддендорфа на важнейшие проблемы научной жизни середины XIX в. Отставка ученого с поста неперменного секретаря в 1857 г. объясняется, прежде всего, невозможностью полноценно совмещать научную и административную деятельность в Академии наук (с. 86). Пошатнувшееся здоровье стало еще одной причиной, подтолкнувшей Миддендорфа к сокращению своей

нагрузки в Академии, а вскоре и к отказу от должности ординарного академика.

Созданный авторами образ ученого-практика гармонично дополняют разделы монографии, посвященные деятельности Миддендорфа в области сельского хозяйства. На основе данных из эстонских архивов удалось представить деятельность Миддендорфа в области молочного животноводства и коневодства, рассказать об усовершенствованиях, которые он внедрил в своем имении, а также показать, как опыт ученого в этой сфере был использован в хозяйственно-экономическом развитии всей Российской империи. Анализ общественной активности ученого на посту главы Вольного экономического общества, в Лифляндском общепольном экономическом обществе и Ландтаге Лифляндии позволил более рельефно показать систему взглядов А.Ф. Миддендорфа на политическое и экономическое положение страны.

Достоинством книги является и то, что авторам удалось представить биографический портрет Миддендорфа не изолированно, а на фоне научной жизни России второй половины XIX в. Друзьям и коллегам ученого – Л.И. Шренку, Н.А. Северцову, Г.И. Радде, Ф.Б. Шмидту – посвящены соответствующие разделы монографии. Это позволило проследить влияние взглядов ученого на представителей разных отраслей естествознания, оценить широту распространения его идей в среде ученых-натуралистов второй половины XIX в. Уточним, что характеризуя круг общения А.Ф. Миддендорфа, авторы указывают, что сын натуралиста Э.А. Миддендорф учился в Дерптском университете вместе с будущим полярным исследователем Э.В. Толлем (с. 100). Это не вполне соответствует действительности – Э.В. Толль поступил в университет в 1878 г., спустя четыре года после завершения обучения Э.А. Миддендорфа (Виттенбург 1960: 23).

Анализ научного наследия ученого и значения его исследований для развития отечественной и мировой биологии и географии выполнен авторами на высоком профессиональном уровне, с опорой на работы экспертов в соответствующих отраслях знаний. В монографии подробно охарактеризованы главные научные достижения Миддендорфа в области картографии, исследования рельефа и климатических условий Сибири, его заслуги в изучении оледенения и вечной мерзлоты, сибирской флоры и фауны. Авторами изучено влияние результатов экспедиции на решение важных геополитических задач России («Амурский вопрос»), совершенствование законодательства об охране останков древних животных («Проблема мамонта»). Впервые в историографии проанализированы роль Миддендорфа в создании карты Таймырского полуострова, его заслуги в описании «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова, вклад в этнографические исследования о жизни отдельных сибирских народов.

Рецензируемая монография, как уже отмечалось, снабжена внушительным справочным аппаратом, однако, на наш взгляд, в ней недостает полного перечня источников и литературы, которыми пользовались авторы. Эти сведения могли бы оказаться полезными для последующих исследований в смежных областях.

В целом, обобщая все сказанное, следует признать, что Н.Г. Суховой и Э. Таммиксаару удалось создать основательное и законченное исследование, актуальность и научная ценность которого не вызывают сомнений. Монография «Александр Фёдорович Миддендорф: к двухсотлетию со дня рождения» является существенным вкладом в развитие историографии российской науки.

Примечания

* Единственным обобщающим трудом об А.Ф. Миддендорфе до недавнего времени была монография Н.И. Леонова (Леонов 1967).

Литература

Петровская И.Ф. Биографика. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010.

Сухова Н.Г., Таммиксаар Э. Александр Федорович Миддендорф. 1815–1894. М.: Наука, 2005.

Леонов Н.И. Александр Федорович Миддендорф (1815–1894). М.: Наука, 1967.

Виттенбург П.В. Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

А.Ю. Скрыдлов

Рецензия поступила в редакцию 24 июля 2017 г.

Skrydlov Andrey Yu., Saint Petersburg Branch of the Institute of History of Natural Sciences and Technology, Russian Academy of Sciences

RESEARCHER OF SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE SCIENTIFIC LIFE OF THE XIX CENTURY (A NEW BOOK ABOUT ALEXANDER MIDDENDORF)

Review of Sukhova N.G., Tammiksaar E. Aleksandr Fyodorovich Middendorff: associated with the 200 anniversary since his birth. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. 384 p. ISBN 978-5-4469-0688-8

References

Petrovskaja I.F. *Biografika* [Biography studies]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom «Petropolis», 2010.

Sukhova N.G. *Tammiksaar E. Aleksandr Fedorovich Middendorff. 1815–1894* [Tammiksaar E. Aleksandr Fedorovich Middendorff. 1815–1894]. Moscow: Nauka, 2005.

Leonov N.I. *Aleksandr Fedorovich Middendorff (1815–1894)*. Moscow: Nauka, 1967.

Vittenburg P.V. *Zhizn' i nauchnaia deiatel'nost' E.V. Tollia* [The life and scientific work of E.V. Tollya]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВ Евгений Васильевич – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
E-mail: Eale@yandex.ru

АСОЧАКОВА Евгения Михайловна – кандидат геолого-минералогических наук, инженер-исследователь ЦКП «Аналитический центр геохимии природных систем», доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
E-mail: ev.asochakova@gmail.com

АРНТСЕН Бьорн – доцент, факультет социальных наук, Арктический университет Норвегии, г. Тромсё, Норвегия
E-mail: bjorn.arntsen@uit.no

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН, профессор кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор учебно-научного центра, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

БУТОВСКИЙ Руслан Олегович – доктор биологических наук, профессор, руководитель научно-методического центра «Технология», ВНИИ «Экология», г. Москва, Россия

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия
E-mail: vasborl@yandex.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГРАМАТЧИКОВА Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, сектор истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

ГРУБЕР Мартин – доктор антропологии, преподаватель и научный сотрудник, Университет Бремена, г. Бремен, Германия
E-mail: gruber@uni-bremen.de

ГУСЕВ Андрей Васильевич – научный сотрудник сектора археологии, Научный центр изучения Арктики, г. Салехард, Россия
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

ДАНИЛКО Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия
E-mail: Danja9@yandex.ru

ДОЛИДОВИЧ Олеся Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
E-mail: dolidovich@mail.ru

КРОФОРД Питер Ян – профессор, факультет антропологии, Орхусский университет, г. Орхус, Дания
E-mail: pcrawford@cas.au.dk

СКРЫДЛОВ Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: askrydlov@gmail.com

СТАРОВОЙТОВА Евгения Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия
E-mail: jane_star78@mail.ru

СЮТКИНА Таисия Александровна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия
E-mail: syuttaya@gmail.com

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия
E-mail: fvr1957@mail.ru

ХОЛТЕДАЛЬ Лисбет – заслуженный профессор, факультет социальных наук, Арктический университет Норвегии, г. Тромсё, Норвегия
E-mail: lisbet.holtedahl@uit.no

ШИРИН Юрий Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория междисциплинарных археологических исследований «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
E-mail: shirin_a@mail.ru

ЭЛЬСТОН-БИРОН Инна Олеговна – магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: Shapelya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

ALEKSANDROV Evgeniy Vasilevich – Cand.Sc. (History of Arts), Leading Research Fellow, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: Eale@yandex.ru

ARNTSEN Bjørn – Associate Professor, Department of Social Sciences, Visual Cultural Studies, Arctic University of Norway, Tromsø, Norway
E-mail: bjorn.arntsen@uit.no

ASOCHAKOVA Evgeniya Mikhailovna – Cand.Sc. (Geological and Mineralogical Sciences), Associate Professor, Researcher Engineer, Collective Use Centre ‘Analytical Centre of Geochemistry of Natural Systems’, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: ev.asochakova@gmail.com

BUTOVSKAYA Marina Lvovna – Dr.Sc. (History), Professor, Head of Cross-Cultural Psychology and Human Ethology Division, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University; Professor, Educational and Research Centre, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

BUTOVSKIY Ruslan Olegovich – Dr.Sc. (Biology), Professor, Head of Research and Methodology Centre ‘Technology’, Russian Scientific Research Institute ‘Ecology’, Moscow, Russia

CRAWFORD Peter Ian – Professor, Department of Anthropology, School of Culture and Society, Aarhus University, Aarhus, Denmark
E-mail: pcrawford@cas.au.dk

DANILKO Elena Sergeevna – Dr.Sc. (History), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: Danja9@yandex.ru

DOLIDOVICH Olesya Mikhailovna – Cand.Sc. (History), Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
E-mail: dolidovich@mail.ru

ELSTON-BIRON Inna Olegovna – Master Student, Ural Federal University n.a. B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
E-mail: Shapelya@yandex.ru

FILIPPOV Vasily Rudolfovich – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: fvr1957@mail.ru

GRAMATCHIKOVA Nataliya Borisovna – Cand.Sc. (Philology), Research Fellow, History of Literature Division, Institute of History and Archaeology (Ural Branch of Russian Academy of Sciences); Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University n.a. B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

GRUBER Martin – PhD (Anthropology), Lecturer, Researcher, Department of Anthropology and Cultural Research, University of Bremen, Bremen, Germany
E-mail: gruber@uni-bremen.de

GUSEV Andrey Vasilievich – Research Fellow, Archaeology Unit of Arctic Research Centre, Salekhard, Russia
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

HOLTEDAHN Lisbet – Professor Emerita, Department of Social Sciences, Visual Cultural Studies, Arctic University of Norway, Tromsø, Norway
E-mail: lisbet.holtedahl@uit.no

SHIRIN Yuriy Viktorovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Archaeological Research ‘Artefact’, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: shirin_a@mail.ru

SKRYDLOV Andrey Yurievich – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of History of Natural Sciences and Technology n.a. S.I. Vavilov (Saint Petersburg Branch), Saint Petersburg, Russia
E-mail: askrydlov@gmail.com

STAROVOYTOVA Evgeniya Nikolaevna – Cand.Sc. (History), Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology n.a. M.F. Reshetnyov, Krasnoyarsk, Russia
E-mail: jane_star78@mail.ru

SYUTKINA Taisiya Aleksandrovna – Junior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: syuttaya@gmail.com

VASILYEV Sergey Vladimirovich – Dr.Sc. (History), Head of Centre of Physical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: vasborl@yandex.ru

VODYASOV Evgeniy Vyacheslavovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.
для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Dieckhoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2017. № 3

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина, К.Г. Шилько
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 23.09.2017 г.
Формат 70х108¹/₁₆. Усл. печ. л. 22,3. Гарнитура Times.
Тираж 100 экз. Заказ № 2748. Цена свободная.

Дата выхода в свет 04.10.2017 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru